Продолжение «Игры Эндера», одной из величайших саг в истории научной фантастики, лауреата «Хьюго», «Небьюлы» и множества других наград.

ЭНДЕР В ИЗГНАНИИ

Орсон Скотт Кард

АЗБУКА

Эндер в изгнании
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Эндер в изгнании
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
Послесловие автора

Аннотация

Орсон Скотт Кард – один из лидеров американской фантастики и обладатель множества наград, включая несколько высших – премий «Хьюго» и «Небьюла». Цикл романов об Эндере Виггине, юноше, который изменил будущее человечества, принадлежит к лучшим произведениям писателя. «Эндер в изгнании» – непосредственное продолжение знаменитой «Игры Эндера», но написанное позже всех основных книг цикла и отвечающее на многие вопросы, которые могли возникнуть у читателей.

Эндер Виггин узнает, что не может вернуться на Землю. Теперь он не просто мальчик, победивший в Игре, которая на поверку оказалась настоящей войной, стоившей жизни многим людям и стершей с лица истории целую разумную расу. Он – спаситель человечества, герой, военный гений. Не желая становиться разменной монетой в играх политиков, Эндер выбирает звезды и отправляется в путешествие на первом из колонистских кораблей, надеясь найти ответы

на мучащие его вопросы.

Орсон Скотт Кард
Эндер в изгнании

Orson Scott Card
ENDER IN EXILE
Copyright © 2008 by Orson Scott Card
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературного агента, Barbara Bova Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© А. Мальцев, перевод, 2015
© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Бэйдону Хилтону, Джордану Хилтону и Рики Фентону. Ромео, Меркуцио и Бенволио, как и прежде, примите мое доверие и восхищение, друзья-попутчики на извилистом жизненном пути

1

Кому:
jpwiggin@gso.nc.pub, twiggin@uncg.edu
От: hgraff%educadmin@ifcom.gov

Тема: Когда Эндрю вернется домой

Уважаемые Джон Пол и Тереза Виггин!

Надеюсь, вы понимаете, что при недавней попытке Варшавского договора захватить Межзвездный флот, нашей (в Администрации образования) единственной заботой была безопасность детей. Но сейчас пора решать проблемы логистики и возвращать ребят по домам.

Уверяем вас: в ходе процедуры по передаче Эндрю от МФ американскому правительству он будет находиться под постоянным наблюдением и неусыпной охраной. Уровень охраны, которую МФ будет поддерживать после передачи, еще обсуждается.

Администрация образования прилагает все усилия к тому, чтобы гарантировать Эндрю возможность возвращения к настолько нормальному детству, насколько это возможно. Однако мне бы хотелось узнать ваше мнение по поводу того, следует ли его удерживать здесь, в изоляции, до тех пор, пока не закончатся разбирательства, касающиеся действий Администрации образования, предпринятых в ходе последней кампании. Весьма вероятно, что появятся показания, которые выставят Эндрю и его поступки в неприглядном свете, с тем чтобы через самого Эндрю и других детей опорочить Администрацию образования. Здесь, в штабе Межзвездного флота, мы имеем возможность оградить Эндрю от этой, худшей стороны расследования; на Земле сделать это будет невозможно, и вероятность того, что его призовут к даче свидетельских показаний, значительно выше.

Хайрам Графф

Тереза Виггин сидела на кровати, держа в руках

распечатку письма от Граффа. «Призовут к даче свидетельских показаний». Это значит выставят напоказ в качестве… кого — героя? Уж скорее, в качестве монстра: некоторые сенаторы уже осудили эксплуатацию детей.

— Это даст ему урок, как спасать человечество, — сказал ее муж, Джон Пол.

— Сейчас не время для колкостей.

— Тереза, будь благоразумной, — сказал Джон Пол. — Я не меньше тебя хочу, чтобы Эндер вернулся домой.

— Нет, это не так! — горячо возразила Тереза. — В тебе нет той боли, тоски, постоянного ощущения, как его не хватает.

Уже произнося эти слова, Тереза знала, что несправедлива к мужу. Она закрыла глаза и покачала головой.

К его чести, он понял и не стал спорить с ней о своих чувствах.

— Тереза, ты не сможешь вернуть те годы, которые они забрали. Он уже не тот мальчик, которого мы знали.

— Тогда нам придется узнать того мальчика, которым он стал. Здесь. В нашем доме.

— В окружении телохранителей.

— Вот это утверждение я просто отказываюсь

принимать. Да кто может захотеть причинить ему вред?

Джон Пол опустил книгу, перестав делать вид, будто ее читает.

— Тереза, ты умнейший человек из всех, кого я когда-либо знал.

— Он лишь ребенок!

— В войне с невероятно мощными силами он одержал победу.

— Он выстрелил из *одного-единственного* оружия. Которое не разрабатывал, которое применил, не ведая…

— Он вывел это оружие на позицию для стрельбы.

— Жукеров больше нет! Он герой, и ему ничто не угрожает.

— Все верно, Тереза. Он герой. И как ты представляешь его появление в средней школе? Какой из учителей восьмых классов будет готов к нему? К каким школьным бала́м будет готов он?

— На все нужно время. Но здесь, в кругу семьи…

— Да, мы очень теплая и дружная семья. Гнездышко, в котором ему будет так уютно.

— Но мы любим друг друга!

— Тереза, полковник Графф лишь пытается пре-

дупредить нас, что Эндер — не только наш сын.

— Чей же еще?

— Ты знаешь, кто хочет убить нашего сына.

— Нет, не знаю.

— Существует куча правительств, которые считают военную мощь Америки препятствием в осуществлении их целей.

— Но Эндер не собирается становиться военным, он собирается быть…

— На этой неделе он не встанет в ряды американских военных. Может быть. Тереза, он победил в войне, будучи двенадцати лет от роду. С чего ты взяла, что наше доброжелательное и демократическое правительство не призовет его в ту же секунду, когда он окажется на Земле? Или не поместит его под опеку с охраной? Может быть, они позволят нам присоединиться к нему, а может, и нет.

Тереза не стала вытирать слезы, покатившиеся по щекам.

— Итак, ты хочешь сказать, что, когда он нас покинул, мы потеряли его навсегда.

— Я говорю, что, когда твой ребенок идет на войну, обратно он уже не вернется тем, кем был. Прежним малышом. Он станет другим, если вообще сможет вернуться. Поэтому позволь задать

тебе вопрос: ты хочешь, чтобы он направился туда, где опасность для него будет максимальной, или предпочтешь, чтобы он оставался в относительной безопасности?

— Думаешь, Графф пытается вынудить нас дать согласие и дальше держать Эндера при себе, там, в космосе?

— Я думаю, его волнует, что будет с Эндером. И он дает нам понять — не говоря об этом прямо, потому что каждое его письмо может использоваться против него в суде, — что Эндер в серьезной опасности. После победы Эндера не прошло и десяти минут, как русские предприняли жестокую попытку установить контроль над МФ. Их солдаты успели расправиться с тысячами офицеров флота, прежде чем МФ смог дать отпор. А что было бы, одержи они победу? Они вернули бы Эндера домой и провели парад в его честь?

Тереза все это понимала. Знала с той минуты, как прочла письмо Граффа. Нет, еще раньше — она с ужасом осознала это, как только услышала, что война с жукерами закончена. Эндер домой не вернется.

Она почувствовала на плече руку Джона Пола и стряхнула ее. Тереза лежала, отвернувшись от мужа, и плакала, потому что знала — спор ею

проигран. И еще потому, что в этом споре она сама была на другой стороне.

— Когда он родился, мы знали, что он нам не принадлежит.

— Но на самом деле он наш…

— Если он вернется домой, его жизнь окажется в руках любого правительства, имеющего власть защитить и использовать его… Или убить. Он самый важный козырь, оставшийся с войны. Великое оружие. Это все, чем он будет. И в любом случае у такой знаменитости, как он, не может быть нормального детства. А мы… Тереза, много ли пользы будет от нас? Понимаем ли мы, чем была его жизнь в последние семь лет? Какими родителями для этого мальчика — мужчины, которым он стал, — будем мы?

— Мы будем *замечательными* родителями, — сказала она.

— Это потому, что мы идеальные родители для детей, которые все же живут с нами в одном доме?

Тереза повернулась на спину:

— Ох! Бедный Питер. Его, должно быть, убивает сама мысль о том, что Эндер может вернуться.

— Эта мысль лишает ветра его паруса.

— О, насчет этого я не уверена, — сказала Тере-

за. — Готова поспорить, Питер уже раздумывает, как обернуть себе на пользу возвращение Эндера.

— Пока не поймет, что Эндер слишком умен, чтобы его можно было использовать.

— Но Эндер ведь не имеет опыта в политике? Он же все время был с военными.

Джон Пол хихикнул.

— А, ну да. Конечно, можно подумать, среди военных меньше политиков, чем в правительстве. Но ты права, — сказал Джон Пол. — В этом смысле у Эндера есть защита. Да, есть люди, которые намерены его использовать, а он не слишком опытен в бюрократических баталиях. По-видимому, в этих делах он действительно подобен ребенку в джунглях.

— Так Питер и вправду сможет им воспользоваться?

— Меня тревожит не это. Меня тревожит, что сделает Питер, когда поймет, что *не сможет* воспользоваться им.

Тереза села и посмотрела мужу в лицо:

— Думаешь, Питер поднимет руку на Эндера?

— Питеру не обязательно поднимать *свою руку* для чего бы то ни было. Ты знаешь, как он использует Валентину.

— Лишь потому, что она позволяет ему себя использовать.

— Именно это я и имею в виду, — сказал Джон Пол.

— Эндеру не грозит опасность со стороны своей же семьи.

— Тереза, нам нужно принять решение: как будет лучше для Эндера? Как будет лучше для Питера и Валентины? Для будущего всего мира?

— Вот так вот, лежа на кровати, посреди ночи мы вдвоем решаем судьбу всего мира?

— Дорогая, мы решили судьбу мира, когда зачали малыша Эндрю.

— И при этом отлично провели время, — заметила она.

— Хорошо ли будет для Эндера вернуться домой? Сделает ли это его счастливым?

— Ты правда думаешь, что он нас забыл? — спросила Тереза. — Думаешь, Эндеру плевать, вернется ли он домой?

— Возвращение домой длится один-два дня. После этого начинается жизнь здесь. Угроза со стороны иностранных держав, обычная — а для него ненормальная — школа, постоянное вмешательство в его личную жизнь… И не забывай неутолимые амбиции и зависть со стороны Пите-

ра. Поэтому я спрашиваю еще раз: будет ли жизнь Эндера здесь счастливее, чем если бы он…

— Если бы он остался в космосе? Но какая жизнь будет у него *там*?

— Флот взял на себя обязательство: полный нейтралитет относительно всего, что происходит на Земле. Пока Эндер будет у них, вся планета — все правительства — будет знать, что для них лучше даже не пытаться идти против флота.

— Значит, отказавшись возвращаться домой, Эндер продолжит перманентно спасать мир, — заметила Тереза. — Какая насыщенная у него будет жизнь!

— Суть в том, что больше никто не сможет его использовать.

Тереза выбрала сладчайший из своих голосов:

— Так ты думаешь, нам стоит написать Граффу, что мы не хотим возвращения Эндера домой?

— Ничего такого мы не станем делать, — сказал Джон Пол. — Мы напишем, что мы будем рады встретить сына и что мы не видим необходимости в какой-либо охране.

Она не сразу поняла, почему он на первый взгляд переиначил все, что только что наговорил.

— Все письма, которые мы отправляем Граффу,

станут достоянием общественности, равно как и его письма к нам, — сказала она. — И будут такими же бессодержательными. Мы ничего не станем предпринимать и позволим всему идти своим чередом.

— Нет, дорогая, — сказал Джон Пол. — Так уж случилось, что в нашем доме живут два самых влиятельных рупора, формирующих общественное мнение.

— Джон Пол, но ведь официально мы не знаем, что́ наши детки вытворяют в Сети и как влияют на текущие события корреспонденты Питера и изощренная демагогия Валентины.

— И дети, похоже, не догадываются, что у их родителей есть мозги, — сказал Джон Пол. — Похоже, они полагают, что подброшены нам феями, а наши гены ничего не значат. И Питер, и Валентина обращаются с нами как с удобными примерами невежественного общественного мнения. А поэтому… давай подкинем им немного общественного мнения, которое подтолкнет их сделать что-то в интересах брата.

— В интересах брата, — эхом откликнулась Тереза. — А мы знаем, что в его интересах?

— Не знаем, — согласился Джон Пол. — Нам известно только то, что́, *как нам кажется*, послу-

жит его интересам. Но одно совершенно точно: мы с тобой знаем об этом уж больше, чем все наши дети.

Валентина вернулась из школы, кипя от скрытой ярости. Учителя — идиоты! Иногда ее просто сводило с ума, когда на заданный вопрос учитель пускался в терпеливые объяснения, словно она спрашивает потому, что не понимает предмет. Она не понимает, она — а не сам учитель! Но ей приходилось сидеть и выслушивать объяснение: уравнение было начертано на голографических дисплеях на компьютере у каждого, и учитель растолковывал его часть за частью.

Затем Валентина нарисовала в воздухе маленький кружок вокруг проблемного члена уравнения, некорректно прокомментированного учителем, — ключевого элемента, указывающего на то, что ответ его был неверным. Разумеется, кружок Валентины был виден не всем; эта функция была активирована лишь на терминале учителя.

Поэтому преподавателю пришлось самому нарисовать кружок вокруг этого числа и сказать: «Валентина, ты не замечаешь, даже с моим объяснением, что, игнорируя *вот этот* член, тебе не получить правильного ответа».

Он настолько очевидно себя прикрыл! Но, разумеется, очевидно это было лишь для Валентины. Для прочих учеников, которые едва могли усвоить материал (тем более поданный столь невнимательно и некомпетентно!), все выглядело так, будто именно Вэл упустила из виду отмеченный кружком элемент, несмотря на то что именно из-за него она вообще озвучила свой вопрос.

И учитель одарил ее самодовольной улыбкой, которая недвусмысленно говорила: «Тебе не победить и не унизить меня перед всем классом».

Но Валентина и не пыталась его унизить. Ей вообще было на него наплевать. Она просто хотела, чтобы предмет преподавался компетентно. То есть если — не дай бог, конечно, — кто-нибудь из класса станет инженером, чтобы построенные им мосты не обрушились, похоронив под собой людей.

Именно в этом она видела свое отличие от идиотов. Все они пыжились выглядеть умными, старались поддерживать свой социальный статус. А Валентина чихать хотела на их социальный статус; ей было важно все понимать как надо, правильно. Знать правду — в случаях, когда правду действительно можно получить.

Она ничего не ответила учителю и ничего не сказала никому из учеников. Валентина знала, что и дома ей сочувствия не видать. Питер посмеется над ней за то, что она прониклась школой настолько, что какой-то выскочка, возомнивший себя преподавателем, способен вывести Валентину из себя. Отец посмотрит на задачу, укажет на правильный ответ и вернется к работе, даже не заметив, что Вэл просит не помощи, а сочувствия.

А мать? Она грудью встанет на защиту, возможно, даже помчится в школу, чтобы решить задачу под корень — поджарить учителя, расстроившего дочь, на угольях. Она даже не услышит, что Вэл толкует не о том, как бы ей поставить на место учителя, а хочет лишь, чтобы кто-нибудь сказал: «Вот ирония! В спецшколе для одаренных детей работает учитель, не понимающий собственный предмет!» На это Вэл ответила бы: «Да, так и есть!» — и ей стало бы легче. Ей было нужно, чтобы кто-то оказался на ее стороне. Кто-то, кто понял бы. И тогда она не чувствовала бы себя так одиноко.

«Я хочу столь немногого и совсем простого, — думала Валентина. — Еда. Одежда. Уютное место для сна. И никаких идиотов!»

Но следует признать, мир без идиотов был бы

довольно-таки безлюдным местом. И если быть честной, нашлось бы в таком мире место для нее? Ведь и она сама допускает ошибки!

Например, ошибкой было позволить Питеру сделать ее Демосфеном. Он до сих пор каждый день после школы говорил ей о том, что́ писать, — словно после всех этих лет она не впитала вымышленного персонажа целиком и полностью. Валентина могла бы создавать эссе Демосфена даже во сне.

И если бы ей понадобилась помощь, все, что нужно сделать, — прислушаться к разглагольствованиям отца по вопросам мировой политики. Ведь он, казалось, эхом откликается на ура-патриотические воинственные пассажи Демосфена, хотя твердит о том, что якобы не читает его колонки.

Узнай он, что эти эссе пишет его наивная лапочка-дочка, он бы наверняка остолбенел.

Валентина ворвалась в дом и прямиком бросилась к своему компьютеру. Просмотрев последние новости, принялась за эссе, которое, как она знала, Питер захочет от нее получить: резкую обличительную речь о том, что МФ не должен был прекращать боевые действия с Варшавским договором, не потребовав сперва от России сдать все

ядерное оружие… Ведь должна же быть уплачена хоть какая-то цена за развязывание откровенно агрессивной войны? В общем, взялась за обычные для ее Демосфена словоизвержения.

«А не есть ли я, то есть Демосфен, реальный персонаж Питера? Не превратилась ли я в виртуальную личность?»

Щелк! Электронное письмо. Чем бы оно ни было, это все равно будет лучше, чем ее писанина.

Письмо было от матери. Она переправила Валентине электронное послание от полковника Граффа. Насчет того, что по возвращении домой у Эндера будет охрана.

«Думаю, ты захочешь это прочесть, — написала мать. — Ну не ЧУДЕСНО ли, что Эндер возвратится домой уже ТАК СКОРО?!»

«Не кричи, мама. Зачем ты пишешь прописными? Это же так… по-школьному». Именно так Валентина выговаривала Питеру, и не раз. Мама — такая *заводила*.

Послание от матери продолжалось в том же духе. «Подготовить для Эндера его комнату ВООБЩЕ НЕ ПОТРЕБУЕТ ВРЕМЕНИ. Теперь нет причин откладывать уборку в комнате НИ НА СЕКУНДУ… если только… как ты думаешь, может, Питер захочет РАЗДЕЛИТЬ комнату с младшим братом,

чтобы они могли НАЛАДИТЬ ОТНОШЕНИЯ и снова стать БЛИЗКИ? И, на твой взгляд, что захочет Эндер на САМЫЙ ПЕРВЫЙ обед дома?»

«Еды, мама. Поесть он захочет, и что бы ты ни выбрала, это наверняка будет „чем-то ОСОБЫМ, что заставит его почувствовать, что его ЛЮБЯТ и по нему СКУЧАЛИ“».

Как бы то ни было, мать оказалась настолько наивна, что приняла письмо Граффа за чистую монету. Вэл вернулась к первым строчкам и прочитала его целиком еще раз. Наблюдение. Охрана. Графф послал ей предупреждение, сигнал о том, чтобы она не слишком радовалась возвращению Эндера. Брат будет в опасности. Неужели мама этого не видит?

Графф спрашивал, следует ли им задержать Эндера на космической базе, пока не закончатся разбирательства. Но это займет месяцы. С чего мать взяла, что Эндер будет дома так скоро, что пора уже разбирать хлам, скопившийся в его комнате? Графф предложил ей попросить, чтобы Эндера пока *не* отправляли домой. И причина этого — опасность, которая над ним нависла.

Моментально в ее голове обрисовался весь масштаб угроз, которым подвергается Эндер. Русские посчитают Эндера оружием, которое Америка

обратит против них. То же подумают и китайцы: они решат, что Америка, вооруженная Эндером, может стать агрессивной и вновь вторгнется в китайскую зону влияния. И Россия, и Китай вздохнут с облегчением, если Эндер будет мертв. Хотя, разумеется, им пришлось бы обставить покушение так, словно его совершила какая-нибудь из террористических группировок. А это значит, что они не просто перечеркнут жизнь Эндера снайперским выстрелом, а, скорее всего, взорвут его школу.

«Нет-нет-нет, — одернула себя Вэл. — То, что такое сказал бы Демосфен, не означает, что *ты* должна так думать».

Тем не менее пробежавшие перед ее внутренним взором образы, как Эндера взрывают, или убивают выстрелом, или уничтожают каким-то другим способом… — она не могла выбросить из головы. И разве в этом не было бы определенной иронии, причем типично человеческой, — убить спасителя человечества? Что, разве в истории не было убийства Авраама Линкольна, Махатмы Ганди? Большинство людей просто не имеют ни малейшего представления о тех, кто их спасает. И тот факт, что Эндер совсем еще ребенок, не остановит убийц ни на секунду.

«Нет, он не может вернуться домой, — подумала Валентина. — Мама никогда не поймет этого, я не смогу сказать ей это, но… Даже если его не намереваются убить, какой будет его жизнь здесь? Эндер никогда не искал славы или высокого общественного статуса, и тем не менее каждый его шаг будет заснят, зафиксирован. Люди станут комментировать все, от прически („Проголосуйте! Нравится вам или вы такое терпеть не можете?“) до выбора предметов в школе („Кем станет наш герой, когда вырастет? Голосуйте, к какой карьере, по вашему мнению, должен готовиться Тот Самый Виггин!“)».

Кошмар! Это не будет возвращением домой. И семья в любом случае не смогла бы вернуть Эндера домой. Того дома, который он оставил, больше не существует. Ребенка, которого забрали из того дома, тоже больше нет. Когда Эндер появлялся здесь последний раз — еще и года не прошло, — Вэл поехала на озеро и провела с ним те памятные несколько часов, тогда ее брат выглядел… постаревшим. Он шутил временами, да, но уже тогда на его плечи легла тяжесть целого мира. Теперь этот груз снят, но полностью распрямиться Эндеру не дано — эти события оставили на нем неизгладимый след. И они разнесут его

жизнь в пух и прах.

Детство кончилось. Точка. Эндеру не суждено было вырасти в доме отца и матери. Он уже юноша — если принять во внимание возраст и гормоны — и совершенно взрослый по праву той ответственности, которая была на него возложена.

«Если школа кажется бессмысленной мне, какой она будет для Эндера?»

Уже завершая свое эссе о необходимости нейтрализации ядерного арсенала русских и взвешивая цену поражения, Валентина начала продумывать про себя план другого эссе — того, которое бы объяснило, почему Эндера Виггина не следует возвращать на Землю: потому что это сделает его мишенью для каждого психа, шпиона, папарацци или киллера. И нормальная жизнь будет для него невозможна.

Однако второе эссе Валентина не написала. Знала, что возникнет огромная проблема: Питер не допустит.

Ибо Питер уже составил свои планы. Его онлайн-персонаж, Локк, уже начал готовиться к возвращению Эндера домой. Валентине было очевидно, что по возвращении Эндера Питер намерен выйти на свет из-под псевдонима Локка и

заявить о себе… То есть преподнести миру реального человека, составившего условия перемирия между Варшавским договором и Международным флотом, — перемирия, которое до сих пор в силе. Питер намеревался получить дивиденды от славы Эндера. Эндер спас человеческую расу от нашествия жукеров, а его старший брат Питер спас мир от гражданской войны как последствия победы Эндера. Дважды герои!

Эндер возненавидит свою популярность. А Питер настолько сильно ее алчет, что постарается отхватить от славы Эндера столько, сколько получится.

«О, Питер никогда этого не признает, — думала Валентина. — Питер приведет великое множество доводов, что все это делается в интересах самого Эндера. Возможно, тех самых, которые приходят и мне на ум. И в этом случае поступлю ли я так же, как Питер? Мои возражения против возвращения Эндера домой — выдвинула ли я их лишь потому, что на самом деле не хочу его здесь видеть?»

При одной мысли об этом ее захлестнула такая волна эмоций, что она разрыдалась. Валентина хотела, чтобы Эндер вернулся. И хотя понимала, что это невозможно и полковник Графф прав, она

всем сердцем жаждала увидеть своего маленького братика, которого у нее отобрали.

«Все эти годы, проведенные с ненавистным братом… а теперь я делаю все, чтобы любимого брата держать подальше от…

От себя? Нет, мне не нужно держать его подальше от *себя*. Я ненавижу школу, ненавижу свою жизнь здесь, я ненавижу-ненавижу-ненавижу быть марионеткой в руках Питера. Так зачем мне оставаться? Почему бы мне не отправиться в космос, к Эндеру? Хотя бы ненадолго. У него нет никого ближе меня. И я единственная, кто *видел* его за последние семь лет. И раз уж он не может вернуться домой, немножко дома — я — может прийти к нему!»

Главное теперь — убедить Питера, что возвращение Эндера на Землю не в его интересах, и сделать это так, чтобы Питер не понял, что она пытается им манипулировать.

От этой мысли она почувствовала слабость: манипулировать Питером совсем не просто. Он видит все насквозь. Поэтому ей придется вести себя довольно искренне и действовать прямо… но при этом осуществить все это с настолько «незаметными» нотками смирения, серьезности, бесстрастия и… чего там еще… чтобы Питер

смог отбросить снисходительность к ее высказываниям и решить, что с самого начала сам так думал, и…

«А каков настоящий мотив моего желания свалить с планеты? Он имеет отношение к Эндеру или заключается в том, что я сама хочу освободиться?»

И то и другое. Да, обе причины. И я скажу Эндеру правду: я не стала бы жертвовать *всем* лишь ради того, чтобы быть с ним. Я бы отправилась в космос — с ним или без него, — лишь бы не оставаться здесь. Без него и с ноющей пустотой. С ним — и с болью видеть его несчастную поломанную жизнь.

Вэл взялась за письмо в адрес полковника Граффа. Мать настолько беспечна, что не скрыла адрес Граффа. Это едва ли не нарушение режима секретности. Иногда мама такая бесхитростная! Будь она офицером МФ, ее бы давным-давно разжаловали.

В этот день за ужином мать без умолку тараторила о предстоящем возвращении Эндера. Питер слушал ее вполуха, потому что она, конечно же, ни на миллиметр не заглядывала дальше своих сентиментальных кудахтаний о «потерянном мальчике, возвращающемся в

родное гнездышко». В отличие от нее, Питер понимал: возвращение Эндера будет сопряжено с серьезными сложностями. Нужно столько всего подготовить — и отнюдь не эту дурацкую спальню. Если бы потребовалось, Питер отдал бы Эндеру свою кровать, — но сейчас важно то, что на краткий промежуток времени Эндеру предстоит оказаться в фокусе внимания всей планеты, и именно в *этот момент* Локк сбросит маску и положит конец домыслам о личности «великого благодетеля человечества, который из скромности хранит инкогнито и потому лишь не может получить безусловно заслуженную им Нобелевскую премию мира за то, что положил конец последней войне в истории человечества».

Эти слова принадлежали, пожалуй, излишне сентиментальному фанату Локка — и так уж вышло, что фанат этот был главой оппозиционной партии в Великобритании. Было бы наивно даже на секунду предположить, что спонтанная попытка Варшавского договора одержать верх над МФ — «последняя война». Есть лишь один путь к тому, чтобы война стала «последней», а именно объединить Землю под эффективным, сильным, но популярным лидером.

И есть хороший способ найти этого лидера

— узреть его на видео, стоящего позади великого Эндера Виггина, возложившего длань на плечо героя, поскольку — кого это удивит? — «Дитя Войны» и «Человек Мира» являются братьями!..

А теперь какую-то чепуху понес отец. Сейчас его слова были обращены прямо к Питеру, поэтому пришлось тому нацепить маску послушного сына и воспринимать речь отца внимательно, словно это было для него важным.

— Питер, я всерьез считаю, что тебе следует заняться выбранной карьерой до того, как твой брат вернется.

— С чего вдруг? — спросил Питер.

— О, вот только не надо изображать наивность. Ты что, не понимаешь, что брат Эндера Виггина может поступить *в любой колледж*, в какой только захочет?

Отец произнес эти слова с таким видом, будто это самое умное из всего сказанного человеком, который еще не обожествлен сенатом Рима, не канонизирован Ватиканом… ну и что там еще полагается. Отцу, похоже, и в голову не могло прийти, что отличные оценки Питера и его идеальные результаты на вступительных тестах колледжей сами по себе позволят ему поступить куда угодно. Питеру не нужно примазываться к

славе брата. Но нет — в глазах отца все хорошее в жизни Питера проистекает только от Эндера. Эндер, Эндер, Эндер, Эндер — что за идиотское имя!

Но если так думает отец, значит так будут думать и остальные, — это неизбежно. По крайней мере, все те, кто недотягивает до определенного минимального уровня интеллекта.

Все, что видел Питер, — бонус публичности, который сможет ему обеспечить возвращение Эндера. Но отец напомнил ему еще кое о чем, а именно: все свершения Питера в глазах людей будут принижены лишь в силу того, что он старший брат Великого Эндера. Да, люди увидят их стоящими плечом к плечу — и станут задаваться вопросом: почему брат Эндера не был принят в Боевую школу? Питер станет выглядеть слабым, недостойным, уязвимым.

Вот он — *его* брат, заметно выше ростом, оставшийся дома и не сделавший ничего. «О, но я же написал все эти эссе Локка и положил конец конфликту с Россией, прежде чем он мог развиться в мировую войну!» Что ж, если ты такой умный, почему *ты* не помог младшему брату спасти человечество от *полного уничтожения*?

Огромные возможности с точки зрения пиара! Но одновременно — сущий кошмар.

Как можно использовать великую победу Эндера, но сделать это так, чтобы самому при этом не выглядеть прилипалой, примазавшимся к славе брата? Это будет крах, если он снимет маску, а на его лице обнаружится жалкое: «А я тоже! О, вы думаете, мой братец крут? Что же, я заставлю вас узнать, что я *тоже* спас мир. Своим — мелким, печальным и убогим — способом».

— Питер, с тобой все в порядке? — спросила Валентина.

— О, что-то не так? — спросила мама. — Дорогой, дай я на тебя взгляну.

— Я не стану раздеваться и не дам замерять температуру ректальным термометром лишь потому, что у Вэл глюки. И я выгляжу совершенно нормально.

— Как только у меня начнутся глюки, я сразу дам тебе знать, — заметила Вэл. — Уж они-то точно будут приятнее твоей физиономии, застывшей с таким выражением, словно тебя вот-вот вырвет.

— Отличная коммерческая идея, — практически на автомате откликнулся Питер. — «Выбери свою галлюцинацию!» О, постой, это уже опробовано, называется «запрещенные наркотики».

— Не фыркай презрительно на нас, убогих. Тот,

кто подсел на расчесывание своего эго, в наркотиках не нуждается.

— Дети, — сказала мать. — Неужели, когда Эндер вернется, его встретит *это*?

— Да, — в унисон ответили Вэл и Питер.

— А мне так хотелось надеяться, что он найдет вас чуть более зрелыми, — вставил свое слово отец.

Но к этому моменту Питер и Вэл заходились в смехе. Остановиться они не могли, поэтому отец выставил их из-за стола.

Питер просмотрел эссе Вэл о ядерном арсенале русских.

— Как скучно, — сказал он.

— Не думаю, — возразила Валентина. — У них есть ядерное оружие, а это удерживает другие страны от того, чтобы отвесить им оплеух, когда они того заслуживают… что бывает нередко.

— У тебя зуб на Россию?

— Зуб на Россию у Демосфена, — с показным равнодушием откликнулась Вэл.

— Хорошо, — сказал Питер. — Так пусть Демосфена не заботят ядерные арсеналы русских. Его должны волновать опасения, что Россия наложит руки на самое ценное оружие.

— На молекулярный дезинтегратор? — уди-

вилась Вэл. — Межзвездный флот никогда не подведет его к Земле на расстояние выстрела.

— Да я не про Маленького Доктора, тупица! Я имею в виду нашего брательника. Нашего юного родича, уничтожающего цивилизации.

— Не смей говорить о нем так!

Лицо Питера озарилось насмешливой ухмылкой. Но за этим фасадом прятались гнев и боль. Вэл по-прежнему могла его ранить — просто показав, насколько сильнее любит Эндера.

— Демосфен напишет эссе о том, что Америка обязана забрать Эндрю Виггина к себе, на Землю, — забрать немедленно. Никаких задержек! Наша планета — слишком неспокойное место, чтобы Америка отказалась от гения величайшего полководца в истории.

В тот же миг Валентину захлестнула волна ненависти к Питеру. Отчасти потому, что она сразу поняла: его подход сработает намного эффективнее, чем уже написанное ею эссе. Вопреки ее собственному мнению, она не настолько впитала в себя личность Демосфена. Тот стопудово призвал бы к немедленному возвращению Эндера и его назначению в американский генштаб.

И этот призыв по-своему окажется не менее дестабилизирующим, чем призыв к развер-

тыванию ядерных сил. За высказываниями Демосфена пристально следили соперники и враги Соединенных Штатов. Если он призовет к немедленному возвращению Эндера домой, они начнут предпринимать обратные действия и постараются удержать Эндера в космосе — а некоторые наверняка открыто обвинят Америку в агрессивных намерениях.

И тогда, через несколько дней или недель, настанет черед Локка выдвинуть компромиссное решение, достойное государственного мужа: оставить мальчика на космической базе флота.

Валентина точно знала причину, по которой Питер изменил мнение: все дело в глупой ремарке отца за ужином, напомнившей Питеру, что, как ни изворачивайся, он обречен навеки оставаться в тени Эндера.

Что ж, даже полный ноль в политике время от времени может выдать что-то полезное. Теперь Валентине не придется убеждать Питера в необходимости держать брата подальше от Земли. Это будет его собственной идеей, а она ни при чем.

И снова Тереза сидела на кровати и плакала. Вокруг были разбросаны распечатки статей Демосфена и Локка; она знала, что эти статьи не позволят Эндеру вернуться домой.

— Я просто не могу, — сказала она мужу. — Знаю, так нужно, понимаю так же хорошо, как и желание Граффа заставить нас это понять. Но я надеялась увидеть его снова. Правда надеялась.

Джон Пол сел рядом с ней и обнял:

— Это наше самое трудное решение в жизни.

— Труднее, чем отдать его тогда?

— И отдавать было трудно, но у нас не было выбора, — сказал Джон Пол. — Они бы в любом случае его забрали. А теперь… Знаешь, если бы мы вышли в Сеть и разместили видео, умоляя сына вернуться домой, — у нас был бы вполне реальный шанс.

— А наш малыш будет задаваться вопросом, почему мы так не сделали.

— Нет, он не станет.

— О, неужели ты думаешь, что Эндрю настолько сообразителен, что поймет, почему мы так поступаем? Почему не делаем ничего?

— А почему бы ему не понять?

— Да потому, что он нас совсем не знает, — сказала Тереза. — Он не знает, что мы думаем или чувствуем. Насколько он может судить, мы о нем просто-напросто позабыли.

— Во всей этой чертовщине хорошо одно, — заметил Джон Пол. — Нам все еще неплохо удается

манипулировать нашими гениальными детишками.

— А, ты об этом, — отмахнулась Тереза. — Детьми манипулировать легко, когда они абсолютно убеждены в твоей глупости.

— Сильнее всего меня печалит то, что Локка считают ревностным сторонником Эндера. Когда псевдоним будет раскрыт, действия его будут выглядеть так, словно он по-королевски шагнул вперед, прикрывая собой брата.

— Питер, наш мальчик, — сказала Тереза. — Ох, он просто шедевр!

— Послушай, у меня родился философский вопрос. Я все размышляю: а что, если доброта — свойство неадекватное? До тех пор, пока большинство людей будут им обладать, а общественные правила будут его всячески продвигать в качестве добродетели, *прирожденные* правители будут иметь открытое поле для действий. И именно из-за доброты Эндера здесь, в нашем доме на Земле, у нас есть Питер?

— Но ведь Питер добрый, — с горечью произнесла Тереза.

— Ах да, я забыл, — согласился Джон Пол. — Он станет править всей планетой во благо всего человечества. Принесет себя в жертву. Чистейший

альтруизм.

— Когда читаю его самодовольные эссе, меня порой тянет расцарапать ему лицо.

— Но он тоже наш сын, — сказал Джон Пол. — Такой же продукт смешения наших генов, как Эндер или Вэл. И не кто иной, как мы, втянул мальчика в это.

Тереза знала, что муж прав. Однако легче от этого не становилось.

— Но ему совсем не обязательно делать то, что он делает, с таким наслаждением, ведь так?

2

Кому: hgraff%educadmin@ifcom.gov
От: demosthenes@LastBestHopeOfEarth.pol

Тема: Вы знаете правду

Вам известно, кто решает, что писать. Не сомневаюсь, у вас даже найдутся предположения о причинах. Но в защиту своих эссе или того, как они используются другими, я не скажу ни слова.

В свое время вы использовали сестру Эндрю Виггина для того, чтобы убедить его вернуться в космос и одержать победу в войнушке, которую вы вели. Девочка неплохо справилась с заданием, да? Такая послушная, делает все, что ей скажут.

Что же, у меня есть для нее задание. Однажды вы отправили к ней брата, чтобы ему стало полегче и не так одиноко. Она снова ему потребуется – и намного больше! – но только на этот раз он не сможет к ней прилететь. На сей раз никакого до-

мика у озера.

Впрочем, не существует причины, по которой она не смогла бы полететь к нему. Зачислите ее в Межзвездный флот, назначьте ей зарплату консультанта – что угодно. Но она и ее брат – они нужны друг другу! Нужны много больше, чем жизнь на Земле.

Не стоит докапываться до ее скрытых мотивов. Помните: она умнее вас, и своего младшего брата она любит куда сильнее вас. Кроме того, не забывайте: вы порядочный человек. Вы разбираетесь в том, что правильно и хорошо. Ведь вы же всегда старались проложить путь тому, что правильно и хорошо, – или я ошибаюсь?

Прошу оказать нам обоим услугу: возьмите это письмо и сожгите его, а пепел засуньте туда, где не светит солнце.

Ваш преданный и скромный служитель – преданный и скромный служитель всех и каждого – скромный и преданный служитель правды и благородного шовинизма,

Демосфен

А как проводит время тринадцатилетний адмирал?

Никаким кораблем он командовать не будет — это было прямо заявлено Эндеру в день присвоения звания. «Звание отражает ваши достижения, — сказал ему адмирал Чамраджнагар, — но ваши обязанности будут соответствовать уровню обучения».

А чему он обучался? Играть на симуляторе в виртуальную войнушку. Теперь не осталось никого, с кем воевать, — стало быть, он… не обучился ничему!

Ах да, еще одно: он умеет вести детей в бой, до последней капли выдавливать из них усилия, сосредотачивать их таланты и умения на боевой задаче. Но пребывание детей здесь утратило цель, и они один за другим улетали домой.

Каждый из них приходил к Эндеру попрощаться.

— Скоро ты вернешься домой, — сказал ему Хань-Цзы по прозвищу Хана-Цып. — Они должны подготовиться, чтобы как следует поприветствовать героя.

Он направлялся в Тактическую школу, чтобы овладеть той малостью наук, которая оставалась ему для получения школьного аттестата.

— Так что я смогу прямиком поступить в колледж, — объяснил он.

— У пятнадцатилетних в колледже всегда все тип-топ, — ответил ему Эндер.

— Мне нужно будет постараться с учебой, — сказал Хана-Цып. — Окончить колледж, выяснить, чем заняться в жизни, а потом найти себе жену и завести семью.

— Продолжить свой жизненный цикл? — спросил Эндер.

— Мужчина без жены и детей — угроза цивилизации. Один холостяк — досадная оплошность. Десять тысяч холостяков — открытая война.

— Обожаю, когда ты демонстрируешь мне перлы из кладези китайской мудрости.

— Я китаец, поэтому мне приходится высасывать мудрость из пальца, — с ухмылкой ответил Хань-Цзы. — Эндер, приезжай ко мне! Китай — прекрасная страна. В Китае разнообразия больше, чем во всем остальном мире.

— Если смогу, приеду, — ответил Эндер.

Он не стал указывать своему бывшему взводному на тот факт, что в Китае полно людей и что смесь хорошего и плохого, сильного и слабого, храброго и трусливого обречена присутствовать примерно в той же пропорции, в какой суще-

ствует в любой стране, культуре, цивилизации… и даже в отдельной деревне, в доме, в сердце каждого человека.

— О, еще как сможешь! — заявил Хань-Цзы. — Ты привел человечество к победе, это знают все. Ты можешь делать все, что захочешь!

«Но только не лететь домой», — подумал Эндер. А вслух ответил:

— Я не знаю своих родителей.

Ему хотелось произнести эти слова шутливо, в том же тоне, с которым говорил Хана-Цып, но в эти дни все шло наперекосяк. Может, поселившаяся в душе угрюмость соответственно окрашивала все его слова — хотя сам он этого не слышал? Или дело в Хань-Цзы, который не сумел понять шутку Эндера. Может, он и остальные дети еще слишком хорошо помнят, что происходило с Эндером ближе к концу войны, когда они всерьез опасались за его рассудок. Эндер знал, что рассудок его в норме, и в определенном смысле он его как раз осваивал. Глубоко понимающий, обладающий цельной душой, безжалостно сострадательный мужчина, способный полюбить *чужих* настолько глубоко, чтобы понять… И в то же время настолько отстраненный, чтобы, воспользовавшись этим знанием, убить.

— Родители! — безрадостно сказал Хань-Цзы. — Знаешь, а мой старик сидит в тюряге. Или, может, уже вышел. Он заставил меня смухлевать на экзамене, чтобы я точно сюда попал.

— Тебе вовсе не нужно было мухлевать, — ответил Эндер. — Ты настоящий боец.

— Но моему отцу нужно было, чтобы я его послушался. Если бы я поступил сам, от этого не было бы никакой пользы. Именно так он ощущает свою значимость. Теперь я это понимаю. И планирую стать отцом получше, чем он. Я — хороший родитель!

Эндер рассмеялся и обнял его, а затем они попрощались. Но разговор ему запомнился, он понял, что Хана-Цып воспользуется полученными навыками и станет отличным отцом. И многое из того, что он усвоил в Боевой школе и здесь, в Командной школе, очевидно, послужит ему на пользу. Терпение, абсолютный самоконтроль, изучение возможностей подчиненных, что позволяет компенсировать недостатки обучения.

«А я — чему обучен я? Я — глава племени, — подумал Эндер. — Вождь. И мне всецело доверяют действовать в общих интересах. Но это доверие означает, что именно мне решать, кому жить, а кому умирать. Судья, палач, генерал, бог. Вот

чему я обучен. И обучен хорошо — я себя показал. А сейчас я просматриваю в Сети список вакансий и не могу найти ни одной подходящей мне, ни единой, которой бы я подходил. Никому не требуются племенные вожди, ни в одной деревне нет вакансии короля, ни одна из религий не ищет воина-пророка».

Официально предполагалось, что Эндеру ничего не известно о ходе слушаний по делу бывшего полковника Хайрама Граффа в военном трибунале. Считалось, что Эндер слишком юн и чересчур вовлечен в это дело лично, и потому после нескольких утомительных тестов психологи заявили: душевное состояние Эндера слишком хрупко, чтобы предъявлять ему последствия, которые повлекли за собой его действия.

Ну да, *вот сейчас* они обеспокоены!

Но ведь именно в этом и состоит суть разбирательств, ведь так? Действовали ли Графф и другие официальные лица — но преимущественно персонально Графф — должным образом, когда использовали детей, отданных на их попечение? Все было очень серьезно, и по тому, как взрослые офицеры умолкали или отворачивались, когда Эндер входил в помещение, он совершенно резонно заключил, что какие-то из его прошлых

действий повлекли скверные последствия.

Перед самым началом слушаний он пришел к Мэйзеру и выложил ему свои предположения о происходящем.

— Думаю, полковника Граффа вызвали в суд, потому что его считают ответственным за то, что я натворил. Правда, сомневаюсь, что дело в уничтожении планеты жукеров и убийстве целой разумной расы: это было сделано с всеобщего одобрения.

Мэйзер понимающе кивнул, но ничего не сказал — обычное дело, насколько Эндер его знал.

— Значит, дело в чем-то другом, — сказал Эндер. — На ум приходят только два моих поступка, за допущение которых человека можно отдать под суд. Первый — драка в Боевой школе. Парень — постарше и крупнее — зажал меня в углу душевой. Угрожал избить так, чтобы я перестал быть таким умным. С ним была его шайка. Я высмеял его трусость, чтобы вынудить драться один на один, а затем одним ударом сбил его с ног.

— Даже так, — сказал Мэйзер.

— Бонзо Мадрид. Bonito de Madrid. Думаю, он умер.

— Вот как?

— На следующий день меня выперли из Боевой

школы. И никогда о нем не говорили. Я понял так, что серьезно его изувечил. Теперь думаю, что он умер. Такого рода дела разбирают в военном трибунале, разве нет? Им нужно объяснить родителям Бонзо, почему погиб их сын.

— Интересные размышления, — сказал Мэйзер. Все эти обтекаемые фразы он ронял и когда собеседник был прав, и когда он ошибался, так что Эндер и не пытался их интерпретировать. — Это все?

— Есть правительства и политики, которым хотелось бы меня дискредитировать. Есть целое движение за то, чтобы я не возвращался на Землю. Я читаю сетевые новости. Знаю, что обо мне говорят. Я буду лишь мячиком в политическом футболе — целью для киллеров или ценным активом, которым моя страна воспользуется для завоевания всей планеты. И тому подобная чепуха. Так что я думаю — есть и те, кто намерен использовать военный трибунал над Граффом как способ опубликовать такую информацию обо мне, которая в иных обстоятельствах была бы закрыта. Информацию, которая выставит меня монстром.

— Сама мысль, что разбирательство с Граффом связано с тобой, слишком смахивает на пара-

нойю.

— И это делает еще более удобным то, что я застрял в этом долбаном бункере, — заметил Эндер.

— Ты же понимаешь, я не могу ничего тебе рассказать, — произнес Мэйзер.

— Вам и не нужно мне ничего рассказывать, — сказал Эндер. — Я думаю, что есть еще один мальчик. Много лет назад, я тогда был совсем маленький. А он — вряд ли намного старше меня. Но с ним была его банда. Его я тоже уговорил сражаться без них — лично, один на один. Так же как и Бонзо. Тогда я не умел драться, не знал, как надо. Все, что мог, — разозлиться на него изо всех сил. Причинить такую боль, чтобы он никогда не посмел снова ко мне цепляться. Чтобы его банда тоже оставила меня в покое. Мне пришлось взбеситься, чтобы они испугались моего бешенства. Так что думаю, тот случай тоже будет частью разбирательств.

— Ты настолько погружен в себя, что это даже забавно, — ты совершенно искренне видишь себя центром вселенной.

— Я вижу себя среди интересов военного трибунала, — поправил Эндер. — Это точно касается меня, иначе никто не стал бы так целенаправлен-

но скрывать от меня информацию. Отсутствие информации — само по себе информация.

— Вы, детишки, такие вумные, — сказал Мэйзер.

В голосе старика было столько сарказма, что Эндер улыбнулся.

— Стилсон тоже мертв, правда?

На самом деле это даже не прозвучало как вопрос.

— Эндер, не все из тех, с кем ты дерешься, умирают.

Но после этих слов наступило молчание, в котором Эндеру почудилось колебание. И тогда он узнал это наверняка. Каждый, с кем он дрался — *дрался по-настоящему,* — был мертв. Бонзо. Стилсон. И все жукеры — каждая королева, каждая взрослая особь, каждая личинка, каждое яйцо… как бы они там ни размножались… все!

— Знаешь, я все время о них думаю, — негромко произнес Эндер. — Думаю о том, что у них никогда не будет детей. Ведь жизнь — она в этом и заключается, так? Способность размножаться. Даже бездетные люди — их тела продолжают производить новые клетки. Продолжают размножаться. Но для Бонзо и Стилсона все кончено. Они прожили слишком недолго, чтобы размножиться. Их

линия обрезана. Я стал для них природой, хищником с окровавленной пастью. Я вынес вердикт о том, что они не нужны, не приспособлены.

Даже произнося эти слова, Эндер знал, что ведет нечестную игру. Мэйзеру было приказано не обсуждать с ним эти вопросы и, даже если Эндер все верно угадает, не *подтверждать* его догадки. Но окончание разговора будет подтверждением — подтверждением станет даже отрицание. Сейчас Эндер заставил Мэйзера заговорить, успокоить его, ответить на его откровения.

— Вам не обязательно отвечать, — сказал Эндер. — Честно, я совсем не в такой депрессии, как кажется. Знаете, я же себя не виню.

Мэйзер моргнул.

— Нет, я не психопат, — пояснил Эндер. — Я сожалею об их смерти. Я знаю, что в ответе за то, что убил Стилсона, и Бонзо, и всех жукеров во Вселенной. Но винить нужно не меня. Я не цеплялся ни к Стилсону, ни к Бонзо. Они сами пришли ко мне с угрозами. Угрожали мне так, что я поверил. Расскажите это там, в трибунале. Или проиграйте запись этого разговора — не сомневаюсь, вы его записываете. Мои намерения заключались не в том, чтобы их убить, а в том, чтобы раз и навсегда положить конец попыткам

избить меня. И единственным выходом было действовать жестоко. Сожалею, что они умерли от побоев. Если бы я мог, я бы это исправил. Но у меня не было навыков бить достаточно сильно, чтобы они больше не лезли, и в то же время так, чтобы они не умерли. Или не стали инвалидами, если дело в этом. Если у них отшибло ум или они изувечены — я сделаю для них все, что только можно… Если только их семьи не предпочтут, чтобы я держался подальше. Не хочу причинять им еще больший вред.

Но вот какая штука, Мэйзер Рэкхем: я знал, что делаю. И просто нелепо судить за это Хайрама Граффа. Что касается Стилсона, Графф понятия не имел о том, что я думал. Он не мог знать, что я сделаю. Знал один только я. И я намеренно причинил Стилсону боль — намеренно избил его как только мог. Тут нет вины Граффа. Вина лежит на Стилсоне. Если бы он оставил меня в покое… а я давал ему все шансы на то, чтобы он от меня отстал! Я умолял его оставить меня в покое. Послушай он меня, он был бы сейчас жив. Он сделал выбор. И то, что он думал, что я слабее и не смогу себя защитить… это не снимает с него вины. Он выбрал драку именно потому, что думал — обойдется без последствий. Вот только

последствия наступили.

Мэйзер кашлянул. И сказал:

— По-моему, сказано уже достаточно.

— Но что касается Бонзо, Графф пошел на ужасный риск. А что, если бы Бонзо и его дружки меня покалечили? Что, если бы я умер? Или у меня отшибло мозги? Или я просто стал бы пугливым и нерешительным? Он потерял бы оружие, которое готовил. Боб победил бы в войне и без меня, но Графф не мог этого знать. И риск был огромен. Потому что еще Графф знал: если я выйду из столкновения с Бонзо живым — победителем, — тогда я поверю в себя. В свою способность победить в любых обстоятельствах. Игра не давала мне такой веры, ведь это всего лишь игра. Бонзо показал мне: я могу одерживать победы в реальной жизни. Если пойму противника. Мэйзер, вы же это понимаете.

— Даже если все, что ты здесь наговорил, — правда…

— Возьмите видео, пусть оно будет доказательством. Или, если каким-то чудом никто наш разговор не записывает, выступите от моего имени. Пусть они — судьи трибунала — знают, что Графф действовал правильно. Я злился на него за то, что он так со мной поступил. Думаю,

я до сих пор на него зол. Но, будь я на его месте, я бы действовал так же. Все это делалось для победы в войне. Люди на войне гибнут. Ты ведешь солдат в бой, зная, что некоторым вернуться не суждено. Но Графф — он не посылал Бонзо! Бонзо добровольно вызвался на задание, которое сам себе придумал, — напасть на меня, чтобы мы все узнали: я никогда не позволю себе потерпеть поражение, никогда. Бонзо был добровольцем. Точно так же жукеры добровольно прилетели к нам, чтобы истребить человечество. Если бы они оставили нас в покое, нам не пришлось бы делать им больно. Трибунал должен это понять. Боевая школа была создана, чтобы создать меня. Именно меня весь мир *хотел создать*. Граффа нельзя винить за то, что он затачивал оружие, придавал ему нужную форму. Он мною не владел. Никто мною не владел. Бонзо нашел нож и сам же о него порезался. Именно так и надо на все это смотреть.

— Ну, ты закончил? — спросил Мэйзер.

— А что, у вас пленка на исходе?

Мэйзер поднялся и вышел из комнаты.

Вернувшись, он ни слова ни проронил об этом разговоре. Но теперь Эндеру было позволено разгуливать где угодно. От него больше ничего

не пытались скрыть. Теперь у него был доступ к тексту обвинения против Граффа.

Эндер был прав по всем пунктам.

Также Эндер понял, что Граффа не станут преследовать — тюрьма ему не грозила. Трибунал был созван лишь для того, чтобы навредить Эндеру, сделать невозможным для Америки привлечение его в качестве военачальника. Да, Эндер был героем, но теперь он официально становился довольно-таки пугающим ребенком. Военный суд навсегда закрепит этот образ в глазах публики. Люди могли бы сплотиться вокруг спасителя человечества. Но — ребенок-монстр, убивший других детей? Даже если это была самозащита, все это слишком ужасно. Политическое будущее Эндера на Земле было сведено к нулю.

Эндер отслеживал, как комментатор с псевдонимом Демосфен реагировал на новости, приходящие из зала суда. Месяц за месяцем — с того момента, как стало ясно, что Эндера не собираются немедленно отправлять на Землю, — знаменитый американский шовинист будоражил Сеть призывами «вернуть героя домой». Даже теперь, когда смерти, причиненные Эндером, свидетельствовали против Граффа в суде, Демосфен продолжал твердить, что Эндер

— «оружие, принадлежащее американскому народу».

Это практически гарантировало: ни один человек из любого другого государства не станет мириться с тем, что такое оружие попадет в руки американцев.

Поначалу Эндер решил, что Демосфен — круглый идиот, действующий топорно и необдуманно. Затем до него дошло, что высказывания Демосфена могут быть целенаправленным тормошением оппозиции, поскольку последнее, что хотелось бы Демосфену, — соперничество на американском политическом олимпе.

Нет, правда — действительно ли этот человек столь хитер? Эндер внимательно изучил его статьи — а чем еще заняться? — и разглядел в них неприкрытый намек на свое поражение. Демосфен изъяснялся красноречиво, но всегда подталкивал читателя чуть-чуть сильнее, чем нужно. Достаточно, чтобы зажечь сопротивление — и внутри Америки, и снаружи. Подспудно дискредитируя каждый свой аргумент.

Намеренно ли?

Возможно, что нет. Эндер знал историю руководителей — в особенности историю настоящего Демосфена. Красноречие отнюдь не означает

разумность или глубину анализа. Ревностные приверженцы той или иной стороны зачастую вели себя словно обреченные на провал, поскольку ожидали, что остальные узреют их правоту, если они достаточно ясно выскажутся. В результате они каждый раз раскрывали свои карты и не могли понять, почему все объединяются против них.

Эндер наблюдал, как в Сети разворачиваются споры, смотрел, как организуются команды и как «умеренные» под предводительством Локка раз за разом извлекают пользу из подстрекательств Демосфена.

И сейчас, продолжая баламутить общество в поддержку Эндера, именно Демосфен фактически наносил Эндеру наибольший вред. В глазах всех тех, кто опасался влияния Демосфена, — то есть для всего мира за границами Америки — Эндер был не героем, а монстром. Вернуть его домой, чтобы он возглавил ястребов Америки в неоимпериалистическом угаре? Позволить ему стать американским Александром Македонским, Чингисханом, Адольфом Гитлером, завоевывающим мир или заставляющим весь мир объединиться против него в жестокой войне?

По счастью, Эндер отнюдь не жаждал стано-

виться завоевателем. А потому потеря шанса на попытку им стать нисколько его не задевала.

Тем не менее ему хотелось бы получить шанс объяснить Демосфену кое-что.

Хотя… Вряд ли этот человек согласился бы остаться в комнате с героем-убийцей один на один.

Мэйзер никогда не обсуждал с Эндером сам процесс, но о Граффе они говорили.

— Хайрам Графф — законченный бюрократ, — однажды сказал Мэйзер. — Он всегда продумывает на десять ходов дальше остальных. Притом не важно, какую должность он занимает. В своих целях, чтобы обеспечить интересы — как он их понимает — человечества, он способен использовать кого угодно. И не важно, выше они его, или ниже, или вообще незнакомцы, с которыми он никогда не встречался.

— Рад, что Графф использует свои способности во благо.

— Не знаю, во благо ли, — заметил Мэйзер. — Он использует их в целях, которые считает благими. Но не уверен, насколько он хорош в том, чтобы знать — что есть благо.

— На занятиях по философии мы, по-моему, все же сошлись на том, что благо, «хорошо» — бес-

конечно рекурсивный термин: все определения в конечном счете сводятся к нему же. «Хорошо» хорошо потому, что оно лучше плохого… хотя, в сущности, причина, по которой лучше быть хорошим, чем плохим, зависит от того, как определить это самое «хорошо»… Ну и так далее.

— Надо же, чему современный флот учит своих адмиралов.

— Вы тоже адмирал, и посмотрите — кем стали вы.

— Наставником дерзкого пацаненка, спасшего человечество, но ничего не делающего руками.

— Иногда мне хочется быть дерзким, — признался Эндер. — Я об этом мечтаю — о том, чтобы восстать против власти. Но даже когда я настроен на это совсем решительно, я все равно не могу избавиться от ответственности. Люди на меня полагаются, вот что меня контролирует и удерживает.

— Значит, у тебя нет никаких амбиций, только долг? — спросил Мэйзер.

— У меня и долга-то сейчас нет. Поэтому я завидую полковнику… мистеру Граффу. Всем этим планам. Целям. Задаюсь вопросом: что он планирует для меня?

— Ты так уверен, что он что-то планирует? Пла-

нирует для тебя, я имею в виду?

— Может, и нет, — ответил Эндер. — Он потратил уйму усилий на то, чтобы заточить этот инструмент. Но теперь, когда инструмент никогда больше не потребуется, мистер Графф, пожалуй, может отложить меня в сторону и никогда обо мне не вспоминать. Пусть ржавеет.

— Может, и так, — сказал Мэйзер. — Такую возможность не следует отбрасывать. Графф, он… он совсем не сахар.

— Если только ему не нужно быть приятным.

— Если только ему не нужно казаться таким, — уточнил Мэйзер. — В его духе нацепить такую маску и обставить все так, чтобы ты сам захотел сделать то, что он от тебя хочет.

— Он так заполучил вас сюда, чтобы вы меня обучали?

— О да, — со вздохом сказал Мэйзер.

— А сейчас? — спросил Эндер. — Полетите домой? Я знаю, у вас есть семья.

— Праправнуки. И прапраправнуки. Жена уже умерла, а последний ребенок из тех, что еще жив, по словам внуков, уже в маразме. Они не слишком на то напирают, потому что смирились с тем, что их отец или дядя прожил долгую жизнь и теперь глубокий старик. Но я-то как могу с этим

смириться? Я никого из них не знаю.

— Чествованию героя по возвращении не окупить потерянных пятидесяти лет, да?

— Чествованию героя… — пробормотал Мэйзер. — Да ты хоть знаешь, что значат эти слова? Они еще не решили, судить ли меня вместе с Граффом. И думаю, вполне могут и засудить.

— Значит, если вас обвинят вместе с Граффом, вас с ним и оправдают, — сказал Эндер.

— Оправдают? — уныло откликнулся Мэйзер. — Нас не посадят в тюрьму, ничего подобного. Но нам объявят выговор. Внесут запись в личное дело. Граффа, по всей видимости, лишат звания. Тех, кто инициировал это судилище, никак нельзя выставить дураками. Они просто обязаны оказаться правыми.

Эндер вздохнул:

— Значит, вас обоих накажут за их гордость. А Графф может поплатиться и карьерой.

Мэйзер рассмеялся:

— Да ладно, это не так страшно. В моем деле была куча выговоров, еще до того, как я побил жукеров во время Второго нашествия. Мой карьерный путь просто выстлан этими выговорами и замечаниями. А Графф? Вооруженные силы никогда не были для него *карьерой*. Это лишь

средство получить влияние и власть, которые нужны для воплощения его планов. Сейчас это средство утратило актуальность, поэтому он не прочь вылететь из рядов.

Эндер кивнул и хихикнул:

— Готов спорить, так оно и есть! Наверное, Графф планирует все это как-то использовать. Те люди, которым для чего-то нужно, чтобы он вылетел… он воспользуется той виной, которую они чувствуют, в своих настоящих целях. Получит от них утешительный приз, который окажется его действительной целью.

— Ну, вряд ли они смогут наградить его медалью за то же, за что судили на трибунале, — сказал Мэйзер.

— Они отдадут ему его проект по колонизации? — спросил Эндер.

— Не знаю, не знаю — совсем не уверен, что чувство вины простирается настолько далеко, — ответил Мэйзер. — Переоборудование и переоснащение флота в колонизаторские корабли обойдется в миллиарды, и притом нет никакой гарантии, что на Земле вообще сыщутся добровольцы, согласные покинуть планету навсегда. Не говоря уже об экипажах кораблей.

— С этим огромным флотом и его экипажами

все равно надо что-то делать. Корабли должны куда-нибудь лететь. А те солдаты Межзвездного флота, которые выжили на завоеванных планетах? Думаю, Графф получит свои колонии — он не станет возвращать корабли домой, он отправит им на подмогу новых колонистов.

— Вижу, ты неплохо отточил аргументацию Граффа.

— Вы тоже, — сказал Эндер. — Держу пари, вы и сами полетите с ними.

— Я? Я слишком стар, чтобы быть колонистом.

— Вы станете пилотом, — объяснил Эндер. — Пилотом колонизаторского корабля. И снова улетите. Ведь вы уже проделали это однажды — почему не повторить еще раз? Субсветовая скорость, она выведет корабль к одной из бывших планет жукеров.

— Может быть.

— После того как вы всех потеряли, чего вам еще бояться? — спросил Эндер. — Кроме того, вы верите в то, что делает Графф. Это же всегда было у него в планах, ведь так? Распространить человечество, вывести его за пределы Солнечной системы, чтобы мы не оставались в заложниках судьбы одной-единственной планеты. Разлететься по звездным системам как можно дальше,

чтобы мы стали неубиваемы как вид. Великий проект Граффа. Вы тоже считаете, что он стоит усилий.

— На этот счет я ни слова не проронил.

— Когда его обсуждают и приводят аргументы Граффа, вы никогда не кривите лицо.

— Ну надо же, теперь ты думаешь, что способен читать по выражению моего лица. Я маори, мое лицо прочесть невозможно.

— Вы лишь наполовину маори, и я изучал вас несколько месяцев.

— Мои мысли ты читать не можешь, даже если бредишь, будто умеешь прочитать выражение моего лица.

— Колонизация — последний оставшийся космический проект, имеющий смысл.

— Со мной не говорили насчет того, чтобы я пилотировал корабль, — заметил Мэйзер. — Для пилота я староват, знаешь ли.

— Будете не пилотом, а командиром корабля.

— Если мне доверят целиться в унитаз, когда я решу помочиться, меня уже можно считать счастливчиком, — сказал Мэйзер. — Мне не доверяют, и мне предстоит идти под суд.

— Но когда суд закончится, от вас им будет не больше пользы, чем от меня. Им придется

отправить вас куда-нибудь, как можно дальше, чтобы МФ снова стал безопасным местом для бюрократов.

Мэйзер отвел взгляд и помолчал, но у Эндера возникло ощущение, что старик собирается сказать что-то важное.

— Эндер, а как насчет тебя? — наконец спросил он. — Ты бы полетел?

— В какую-нибудь колонию? — со смехом спросил Эндер. — Мне всего тринадцать. Что толку от меня в колонии? Пахать и сеять? Вы прекрасно знаете мои навыки. В колонии они бесполезны.

Мэйзер издал короткий лающий смешок:

— О как, значит, *меня* ты отправляешь, но сам не летишь?

— Я вообще никого никуда не отправляю, — заметил Эндер. — А уж себя — тем более.

— Тебе все равно придется заняться в этой жизни *чем-нибудь*.

Вот наконец оно и прозвучало — невысказанное признание того, что домой Эндеру хода нет. Что ему не суждено жить на Земле обычной жизнью.

Один за другим его товарищи получали приказ лететь домой, и каждый заходил попрощаться перед отлетом. С каждым разом прощание по-

лучалось все более неловким, потому что Эндер все сильнее от них отдалялся. Он не проводил с ними время. Если и присоединялся к разговорам, то лишь ненадолго — и никогда не отдавался им целиком.

Такое поведение не было намеренным, просто Эндера не интересовало ни то, чем они занимаются, ни то, о чем говорят. Ребята с головой ушли в учебу, их волновало возвращение на Землю. Чем они займутся по возвращении? Каково будет вновь воссоединяться с семьями после столь долгой разлуки? Сколько денег они получат при увольнении из рядов военных? Какую карьеру избрать? Как изменились их родные?

Ничто из этого не имело отношения к Эндеру. Он не мог притворяться, что у него есть будущее. И меньше всего ему хотелось говорить о том, что по-настоящему занимало его ум. Его бы просто не поняли.

Он и сам себя не понимал. Эндер сумел выбросить из головы все остальное — все то, на чем так долго концентрировался. Военная тактика? Стратегия? К этому он совершенно утратил интерес. Размышления о том, каким образом он мог бы вообще избежать столкновений с Бонзо и Стилсоном? На этот счет внутри у него бушевали

сильные чувства, но рациональных выводов сделать не получалось, поэтому он не тратил на эти рассуждения времени. Так что и эти вопросы Эндер в конце концов выбросил из головы — точно так же, как выбросил и глубокое понимание всех и каждого в его команде, в его маленькой армии блестящих вояк, которых он вел через учебную игру, на деле оказавшуюся войной.

В свое время знание и понимание этих детей были частью его работы, были ключом к его победам. Тогда он даже начал думать о них как о друзьях. Но Эндер никогда не был одним из них; их отношения были слишком неравными. Он полюбил их, чтобы узнать получше, — и узнал получше, чтобы использовать. Теперь ему незачем было их использовать, и не то чтобы он сам сделал такой выбор — просто отсутствовала цель, к которой нужно стремиться, сохраняя группу как одно целое. Как группа они не существовали. Просто стайка ребят, которые вместе совершили долгий и трудный поход, — именно такими сейчас видел их Эндер. Они собирались вернуться к цивилизации, домой, к семьям. Они разорвали нити, связывавшие их, оставив лишь воспоминания об этих узах.

Поэтому Эндер их всех выбросил из головы,

даже тех, кто еще оставался здесь. Он видел, что многих это больно ранило — тех, кто хотел стать кем-то большим, нежели просто приятелем. Он не позволял ничего менять в отношениях и никого не посвящал в свои мысли. Эндер не чурался друзей, а просто не мог объяснить то, что занимало сейчас его голову, когда его не заставляли думать о чем-то другом…

Королевы ульев.

То, что сотворили жукеры, просто не укладывалось в голове. Глупыми они не были. И все же допустили стратегическую ошибку, собрав всех своих королев… Нет, не «своих» королев — ведь они же и были королевами, королевы и были жукерами! Все они собрались на родной планете, той, где примененный Эндером Маленький Доктор мог уничтожить их всех разом и навсегда — и уничтожил.

Мэйзер объяснил, что королевы ульев, должно быть, собрались на своей планете за годы до того, как узнали, что у людей вообще есть Маленький Доктор. Из того, как Мэйзер победил их главную экспедицию в Солнечную систему, они знали, в чем их ахиллесова пята: убийство королевы улья — это уничтожение целой армии. Поэтому они отступили с передовых позиций, собрали

королев на родной планете и стали защищать эту планету всеми силами, которые у них были.

Да-да, это Эндер понимал.

Но ведь Эндер воспользовался молекулярным дезинтегратором на раннем этапе вторжения к жукерам, уничтожив группу кораблей. Королевы ульев моментально осознали возможности оружия и больше никогда не допускали слишком тесного сближения кораблей, во избежание запуска самоподдерживающейся реакции после применения Доктора.

Отсюда вопрос: узнав о существовании оружия и готовности людей его использовать, почему они остались на этой планете? Королевы не могли не знать, что человеческая флотилия на подходе. Видя, как Эндер раз за разом побеждает в боях, они обязаны были принимать во внимание вероятность поражения. Им было несложно занять места в межзвездных кораблях и разлететься подальше от родной планеты. До начала последнего сражения все они могли оказаться слишком далеко для Маленького Доктора.

И тогда людям пришлось бы гоняться за ними, уничтожая корабль за кораблем, королеву за королевой. Планеты по-прежнему оставались бы за жукерами, и на каждой из них нам пришлось

бы вести с ними кровавые битвы — а они тем временем строили бы новые корабли, отправляли против землян новые флотилии.

Но они остались. И погибли.

Быть может, они боялись? Может быть. Но Эндер так не считал. Королевы ульев рождались для войны. Рассуждения тех ученых, кто изучал анатомию и молекулярную структуру тел жукеров, оставшихся со Второго нашествия, сходились в одном: первое и главное предназначение жукеров — драться и убивать. Для того они и появлялись на свет. А это подразумевало, что они развились на планете, где такие сражения — необходимость.

Самым разумным — во всяком случае, на взгляд Эндера — было предположение о том, что на родной планете они сражались вовсе не с какими-то хищниками. Как и люди, жукеры разделались бы с опасными животными еще на ранних стадиях развития. Нет, они развились, сражаясь друг с другом. Королевы против королев, порождая огромные армии жукеров и разрабатывая для них инструменты и оружие. И каждая старалась стать доминирующей — или единственной выжившей — королевой.

Тем не менее они каким-то образом переступи-

ли через эту вражду. Прекратили друг с другом сражаться.

Произошло ли это до того, как они открыли межзвездные перелеты и колонизовали другие миры? Или то была одна особенная королева, которая сумела разработать субсветовые корабли и создать колонии, а затем воспользовалась своими технологиями, чтобы задавить остальных?

Это не имело значения. Ее же собственные дочери наверняка восставали бы против нее снова и снова, и каждое новое поколение пыталось бы уничтожить предыдущее. Собственно, именно так функционируют пчелиные ульи на Земле: королеву-соперницу неизбежно изгоняют либо уничтожают. Оставаться могут только рабочие пчелы, которые не размножаются, — ведь они не соперники, а слуги.

Чем-то это напоминает иммунную систему организма. Каждая королева улья должна удостовериться, что пища, которую выращивают ее работницы, будет питать исключительно ее отпрысков, ее партнеров и ее саму. Поэтому любой жукер — будь то королева или работница, которая попытается проникнуть на ее территорию и воспользоваться ее ресурсами, — должен быть либо изгнан, либо уничтожен.

Тем не менее они положили конец сражениям друг с другом и теперь сотрудничали.

Но если они, эти непримиримые враги, которые эволюционировали столь долго, что стали исключительно разумными, сумели заключить друг с другом мир — почему же они не смогли заключить его с нами, с людьми? Почему не могли даже попытаться с нами поговорить? Заключить какое-нибудь соглашение, вроде того, которое заключили между собой? Не поделили между нами галактику? Не стали жить сами, позволяя жить другим?

Эндер знал, что, если бы в любом из этих сражений он увидел хоть какую-то попытку наладить общение, он бы сразу понял, что это не игра; ведь у наставников не было причин симулировать попытку переговоров. Они не считали это заботой Эндера и не стали бы натаскивать его на такие ситуации. Если бы попытка наладить связь действительно была предпринята, взрослые бы наверняка тут же забрали у Эндера управление, притворились бы, что «игра» закончена, и попытались бы сами разрулить подобную ситуацию.

Но королевы ульев не пытались контактировать. Не стали использовать и обычный подход — убегать для самосохранения. Они просто си-

дели там и ждали, пока придет Эндер. А затем Эндер одержал победу единственным способом, который был в его распоряжении, — сокрушительным ударом.

Именно так Эндер всегда и сражался. Чтобы в будущем не было никаких драк. Побеждал так, чтобы гарантированно ликвидировать угрозу.

«Даже знай я, что война ведется по-настоящему, я все равно попытался бы сделать именно то, что сделал».

А потому он мысленно задавал королевам ульев — сознавая при этом, что они мертвы и не могут ответить, — один и тот же вопрос, снова и снова: почему?

Почему вы позволили мне вас убить?

Его аналитический ум выдал несколько вариантов, в том числе и вероятность того, что жукеры были просто-напросто тупицами. Или, возможно, не имели раньше контактов с видом, живущим общественной формой, где при этом каждый индивид обладает относительной самостоятельностью. Или-или-или… Он раз за разом, по которому кругу, обдумывал возможные объяснения.

Сейчас задачей Эндера было изучить отчеты тех солдат, которыми он некогда командовал, сам

о том не ведая, — разумеется, когда не был занят уроками, которые кто-то (Графф? или соперники Граффа?) продолжал ему вменять в обязанность. Сейчас люди разгуливали по всем планетам — колониям жукеров. И от всех разведывательных групп поступали одни и те же отчеты: все жукеры мертвы и разлагаются, а огромные поля и заводы можно забирать себе. Сначала превратившиеся в исследователей солдаты, опасаясь засады, держались настороже. Но по мере того, как проходил месяц за месяцем, а нападений так и не случалось, главным в отчетах становились сведения ксенобиологов: на планетах жукеров не только можно дышать, так еще и почти вся жукерская пища съедобна!

И вот так каждая из планет жукеров сделалась колонией человечества. Солдаты спускались на поверхность, чтобы жить среди останков своих врагов. У колонистов было мало женщин, но были разработаны социальные нормы, которые позволили бы довести рождаемость до максимума и не оставить слишком много мужчин без надежды на обретение пары. Через одно-два поколения, если девочки и мальчики будут рождаться в обычной пропорции пятьдесят на пятьдесят, можно будет вернуться к привычной норме — моногамии.

Но деятельностью человека на новых планетах Эндер интересовался лишь постольку-поскольку. Изучал же он то, что осталось от жукеров. Структуру их поселений. Изучал туннели, где некогда размножались королевы ульев, — норы, которые кишмя кишели личинками с такими крепкими зубами, что могли прогрызать скалы, создавая еще больше туннелей. Добывать пищу жукерам приходилось на поверхности, но для размножения они спускались под землю. Там же они растили молодняк, ничуть не менее смертоносный и сильный, чем взрослые особи. Исследователи нашли тела личинок — те быстро разлагались, но их все равно можно было сфотографировать, препарировать, изучить.

— Так вот, значит, как ты проводишь время, — сказала Петра. — Рассматриваешь картинки жукерских нор. «Мама, роди меня обратно»?

Эндер улыбнулся и отложил в сторону фотографии:

— Думал, ты уже улетела в Армению.

— Улечу, но не раньше, чем выяснится, каким боком выйдет нам дебильный трибунал, — ответила она. — Не раньше, чем армянское правительство будет радо меня встретить. То есть сначала им нужно решить, хотят ли они моего

возвращения.

— Разумеется, хотят.

— Они сами не знают, чего хотят. Это же политики. Полезно ли для них мое возвращение? Действительно ли оставлять меня здесь, в космосе, *хуже*, чем позволить мне вернуться домой? Это очень, очень трудные вопросы для тех, чьи убеждения ограничены желанием остаться у власти. Разве не чудесно, что мы вне политики?

Эндер вздохнул:

— Ох. У меня больше не будет должности. Командир Армии Драконов — это уже было слишком, а ведь это всего лишь детские игры.

— Именно это я и пыталась им втолковать. Мне не нужны чьи-то должности. Я никого не собираюсь утверждать в должности. Мне просто хочется пожить с семьей, узнать, помнят ли они меня. И помню ли я их.

— Они тебя любят, — сказал Эндер.

— Ты это знаешь, потому что… что?

— Потому что я люблю тебя.

Она оцепенело посмотрела на него:

— На *такое* как я, в принципе, могла бы ответить?

— О! А что мне следовало сказать?

— Понятия не имею. Я что, должна писать тебе

речи?

— Ладно, — отступил Эндер. — Стоило немного пошутить? «Они тебя полюбят, потому что кто-то обязательно должен полюбить — и не здесь, в космосе». Или вот еще, как насчет этнической шутки? «Они тебя полюбят, потому что ты армянка и женщина».

— Так, а это что еще за фигня?

— Почерпнул идею от азербайджанца в Боевой школе, когда возникла та буза насчет Дня святого Николая. Очевидно, суть ее была в том, что армяне единственные, кто считает армянских женщин… Ладно, Петра, вряд ли стоит вдаваться в межэтнические оскорбления. Их можно бесконечно переиначивать для других народов.

— Когда они тебя отпустят домой? — спросила Петра.

Вместо того чтобы увернуться от вопроса или ответить уклончиво, Эндер на сей раз произнес совершенно искренне:

— Начинаю думать, что этого может и не случиться.

— Ты о чем? Думаешь, этот идиотский трибунал завершится приговором тебе?

— Под судом же именно я, не так ли?

— Определенно, нет.

— Лишь потому, что я ребенок и не несу ответственности. Но все дело в том, какой я злобный маленький монстр.

— Совсем не в этом.

— Я видел заголовки в Сети, Петра. Это то, что видит весь мир, — у его спасителя есть одна маленькая проблемка: он убивает детей.

— Ты защищался от хулиганов. Это понимает каждый.

— Кроме тех, кто размещает комментарии о том, что я военный преступник покруче Гитлера или Пол Пота. Убийца. С чего ты взяла, что я *хочу* вернуться домой и столкнуться с этим лицом к лицу?

Петра стала совершенно серьезной. Она села рядом с ним и взяла его за руки:

— Эндер, у тебя семья.

— Была.

— Ох, ну не говори так! У тебя *есть* семья. Родители любят своих детей, даже если их не было рядом восемь лет.

— Меня не было только семь лет. Почти. Да, я знаю, что они меня любят. По крайней мере, некоторые из них. Они любят того, кем я был. Милого шестилетнего мальчугана. Должно быть, я радовался, когда меня обнимали. В промежутках

между убийствами других детей, конечно же.

— Значит, с этим связана твоя одержимость жукерским порно?

— Порно?

— Я о том, как ты все это изучаешь. Классическая зависимость. Требуются все большие и большие дозы. Фотографии разлагающихся личинок крупным планом. Съемки вскрытия. Слайды их молекулярной структуры. Эндер, с ними покончено — и *ты* их не убивал! Или, если их убил ты, мы все их убили. Но мы никого не убивали. Мы играли в игру! Нас просто готовили к войне, вот и все.

— А если бы это и правда было игрой? — спросил Эндер. — А потом, после выпуска, нас бы приняли во флот, и мы по-настоящему пилотировали бы эти корабли или командовали соединениями? Мы убивали бы их по-настоящему?

— Да, — ответила Петра. — Но мы их не убивали. Ничего этого не было.

— Было. Жукеров больше нет.

— Ну, изучая строение их тел и биохимию их клеток, назад их не вернуть.

— Я и не собираюсь их возвращать, — сказал Эндер. — Это было бы кошмаром!

— Нет, ты сам себя пытаешься убедить, что

все эти гадкие слова, которые о тебе говорят на суде, — правда, потому что, если это правда, тогда ты не заслуживаешь возвращения на Землю.

Эндер покачал головой:

— Петра, я хочу вернуться домой — даже если не смогу там остаться. И у меня нет никакого внутреннего конфликта насчет войны. Я рад, что мы сражались, рад, что победили, и рад, что все это позади.

— Но ты от всех отгородился. Мы выражали понимание, симпатию, но ты держал нас всех на расстоянии. Ты всякий раз притворяешься крайне заинтересованным, когда кто-то из нас приходит поболтать, но это выглядит не по-дружески.

Это просто возмутительно — то, что она так говорит!

— Это же обычная любезность!

— Ты никогда не говоришь «погоди секундочку», ты просто все бросаешь. Это настолько… демонстративно. Ты словно говоришь: «Я по уши занят, но все еще считаю, что отвечаю за тебя, а потому я сейчас брошу все, чем занимаюсь, потому что тебе приспичило урвать толику моего времени».

— Ух ты, — сказал Эндер. — Черт возьми, да

ты столько всего обо мне понимаешь! Ты такая умная, Петра. Из девчонки вроде тебя в Боевой школе вполне мог выйти толк.

— Вот это уже намного искреннее.

— Не настолько правдиво, как то, что я сказал раньше.

— Что ты меня любишь? Эндер, ты не терапевт. И не священник. Не надо со мною нянчиться, не надо говорить мне слова, которые, по-твоему, мне нужно услышать.

— Ты права, — согласился Эндер. — Я не должен бросать все на свете, когда один из моих друзей ко мне забегает.

И он вновь взял в руки фотографии.

— Положи их.

— Ага, вот сейчас положить их уже можно, ведь ты так грубо меня об этом попросила.

— Эндер, мы все вернулись с войны, — сказала Петра. — А ты все еще там. Ты не вернулся, ты по-прежнему воюешь… с кем-то. Мы без конца говорим о тебе. Задаемся вопросом, почему ты не повернешься к нам. Продолжаем надеяться на то, что есть хоть кто-то, с кем ты разговариваешь.

— Я разговариваю с каждым, со всеми. Я болтун, каких поискать.

— Вокруг тебя каменная стена, и эти твои по-

следние слова — новые кирпичи.

— Кирпичи — в каменной стене?

— Ага, значит, ты все же слушаешь! — возликовала она. — Эндер, я не пытаюсь лезть в твои дела. Занимайся чем хочешь и сколько хочешь…

— Я ничего не скрываю, — сказал Эндер. — Секретов у меня нет. Вся моя жизнь выложена в Сеть, она теперь достояние человечества, и меня это правда совсем не беспокоит. Я бы сказал, я даже не живу в своем теле. Только в голове. Я просто пытаюсь найти ответ на вопрос, который не дает мне покоя.

— Какой вопрос?

— Вопрос, который все время задаю королевам ульев, а они никогда не отвечают.

— Какой вопрос?

— Я все время спрашиваю их: «Почему вы погибли?»

Петра пристально всмотрелась в его лицо, пытаясь найти… что? Какой-то знак того, что он шутит?

— Эндер, они погибли, потому что мы…

— Почему они оставались там, на той планете? Почему они не сели на корабли, не полетели прочь? Они решили остаться, уже зная, какое оружие у нас есть, — знали, что оно делает и как

оно работает. Они остались ждать ту битву, они знали, что мы придем.

— Они сражались с нами всеми силами, какие были в их распоряжении. Эндер, они не хотели умирать. Не покончили с собой с помощью солдата-землянина.

— Королевы видели, что мы раз за разом побеждали их эскадры. Они обязаны были принять во внимание как минимум вероятность очередной нашей победы. И все-таки остались.

— Ну, они остались.

— И им не нужно было доказывать своим солдатам лояльность или храбрость. Рабочие и солдаты были для них, можно сказать, частями тела. Ведь ты не сказала бы: «Я должна так поступить — хочу, чтобы мои руки знали, какая я отважная».

— Вижу, ты все это обстоятельно обдумал. Навязчивая идея, граничит с безумием. Пофиг, лишь бы ты был счастлив! Знаешь, ведь ты же счастлив. Об этом говорит весь Эрос, как весело всегда выглядит мальчишка Виггин. Но тебе лучше не свистеть так много, люди от твоего свиста с ума сходят.

— Петра, я закончил дело своей жизни. Не думаю, что мне позволят вернуться на Землю, даже на короткое время. Мне неприятно так думать,

меня это бесит, — но я могу это понять. И в каком-то смысле не имею ничего против. У меня было столько ответственности, сколько никогда больше не захочется. Я справился. Я в отставке. Я ничего никому не должен. Так что я решил подумать о том, что меня по-настоящему беспокоит. О проблеме, которую должен разрешить.

Эндер толкнул к ней фотографии, лежащие на библиотечном столе.

— Кто эти люди? — спросил он.

Петра посмотрела на снимки мертвых личинок и жукеров-рабочих и сказала:

— Эндер, они не люди. Они жукеры. И они мертвы.

— Петра, все эти годы я пытался их понять — изо всех сил. Пытался узнать их лучше, чем самых близких людей. Старался их *полюбить*. Чтобы воспользоваться этим знанием и уничтожить их. Теперь они уничтожены, но это не значит, что я могу просто выбросить их из головы.

Лицо Петры осветилось.

— Поняла! Вот теперь я наконец поняла.

— Что поняла?

— Почему ты такой странный, Эндер Вигтин, сэр. Ты совсем не странный.

— Если ты считаешь, что я не странный, это

лишь доказывает, что ты меня не понимаешь.

— Мы, все остальные, мы сражались в войне, и победили, и отправились по домам. Но ты, Эндер, — ты был женат на жукерах! И когда война закончилась, ты стал вдовцом.

Эндер вздохнул и откатился прямо в кресле от стола.

— Я не шучу, — пояснила Петра. — Это как когда умер мой прадед. Прабабушка всегда о нем пеклась, и было больно смотреть, как скверно он с ней обращается, а она просто делала все, что он потребует, — а мама говорила мне: «Никогда, слышишь, никогда не выходи за мужчину, который так с тобой обращается». Когда прадед умер, можно было подумать, что прабабушка вздохнет с облегчением. Свобода — наконец-то! Но нет, куда там. Она была потеряна. Она без конца его искала. Все время говорила о том, что она для него делает. «Это нельзя, то тоже нельзя, Бабо это не понравится»… Пока мой дед — ее сын — не сказал ей: «Его больше нет».

— Петра, я знаю, что жукеров нет.

— Прабабушка тоже знала. Так она и говорила: «Знаю, что нет. Просто не могу понять, а я-то почему еще есть».

Эндер хлопнул себя по лбу:

— Спасибо, доктор, наконец-то вы раскрыли мою сокровенную мотивацию, и теперь я смогу жить дальше!

Петра пропустила его сарказм мимо ушей.

— Они умерли, не дав тебе ответов. Потому-то ты почти не замечаешь, что творится вокруг. Поэтому не можешь стать для кого-нибудь обычным другом. Почему ты плевать хотел на то, что на Земле есть люди, не позволяющие тебе вернуться домой? Ты вырвал победу, а они хотят изгнать тебя навсегда — и тебе *плевать*, потому что все, что тебя заботит, — твои потерянные жукеры. Они — твоя покойная жена, и ты не можешь с этим смириться.

— Не то чтобы это был какой-то особенно удачный брак, — заметил Эндер.

— Ты все еще влюблен.

— Петра, межвидовая романтика просто не для меня.

— Тебя никто за язык не тянул: тебе пришлось полюбить их, чтобы победить. Совсем не обязательно со мною соглашаться прямо сейчас. Потом ты сам поймешь. Проснешься в холодном поту и заорешь: «Эврика! Петра была права!» И тогда сможешь начать бороться за право возвращения на планету, которую спас. И перестанешь быть

равнодушным ко всему.

— К тебе, Петра, я вовсе не равнодушен, — сказал Эндер.

Но не сказал: «Я не равнодушен к тому, чтобы понять королев ульев, но для тебя это несчитово, просто потому что ты не понимаешь».

Она покачала головой.

— Нет, через эту стену не достучаться, — сказала Петра. — Но мне казалось, стоит предпринять последнюю попытку. Впрочем, я права — вот увидишь. Ты не можешь позволить этим королевам ульев испортить тебе остаток жизни. Тебе нужно оставить их в покое и двигаться дальше.

Эндер улыбнулся:

— Петра, надеюсь, дома ты обретешь счастье. И любовь. И надеюсь, у тебя будут дети, которых ты так хочешь, и хорошая жизнь, наполненная смыслом и достижениями. У тебя есть амбиции — думаю, ты всего добьешься: и настоящей любви, и семейной жизни, и великих свершений.

Петра встала.

— С чего ты взял, что я хочу детей? — спросила она.

— Я тебя знаю, — ответил Эндер.

— Ты думаешь, что знаешь меня.

— Так же как ты думаешь, что знаешь меня?

— Я не такая девчонка, которая томится от любви, — сказала Петра, — а если б и была такой, то не стала бы томиться по тебе.

— Ага, значит, тебя раздражает, когда кто-то осмеливается нащупать твои сокровенные побудительные мотивы.

— Меня раздражает, что ты стал объектом моего навязчивого внимания.

— Ну, вы серьезно меня подбодрили, мисс Арканян. Мы, объекты навязчивого внимания, испытываем только благодарность, когда милые люди из большого дома осчастливливают нас визитом.

— Ну а если серьезно, я люблю тебя и беспокоюсь о тебе, Эндер Виггин!

Голос Петры, когда она произнесла эти прощальные слова, прозвучал сердито и вызывающе. А потом она повернулась и пошла прочь.

— А я люблю тебя и беспокоюсь о тебе, только ты не поверишь этому!

В дверях она повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Эндер Виггин, я сказала это без сарказма и снисхождения!

— И я тоже!

Но она уже захлопнула дверь.

— Может, я не тех инопланетян пытаюсь изучить? — задумчиво произнес он вслух.

Он посмотрел на голографический дисплей над столом. Звук был приглушен, но там по-прежнему что-то происходило: прокручивались отрывки из показаний Мэйзера. Старик выглядел холодным и отчужденным, всем своим видом выражая презрение к судилищу. Когда ему задали вопрос о жестокости Эндера и о том, повлекло ли это трудности в его дальнейшей подготовке, Мэйзер повернулся к судьям и спросил: «Прошу прощения, я правильно понимаю: это ведь *военный* трибунал? Неужели не все здесь солдаты, которых готовили для совершения жестоких поступков?»

Судья стукнул молотком, заставив Мэйзера замолчать, и сделал ему выговор — но мысль была высказана. Жестокость — вот то, ради чего существуют вооруженные силы. Контролируемая жестокость в отношении выбранных целей. Не сказав в действительности ни слова об Эндере, Мэйзер четко дал понять, что жестокость не недостаток, а средство.

Эндер испытал облегчение. Теперь можно было отключить дисплей и вернуться к делу.

Он привстал, чтобы дотянуться до фотографий на противоположном конце стола, которые он

показывал Петре. Со снимка на него уставилась морда мертвого жукера-фермера с одной из дальних планет: туловище вскрыто, органы аккуратно разложены рядом с телом.

«Поверить не могу, что вы *сдались*, — мысленно обратился Эндер к существу. — Не могу поверить, что целый вид утратил волю к жизни. Почему вы позволили мне вас убить?»

— Не успокоюсь, пока вас не узнаю, — прошептал он.

Но их больше не было. А значит, ему никогда, никогда не обрести покоя.

3

Кому: mazerrackham%nonexistent@unguessable.com/imaginary.heroes

От: hgraff%educadmin@ifcom.gov

{протокол самоуничтожения активирован}

Тема: Как насчет маленького путешествия?

Дорогой Мэйзер,

я не хуже других знаю, что после твоего последнего полета ты практически отказался возвращаться домой, и уж точно я не собираюсь позволить им отправить тебя куда-нибудь сейчас. Но, дав показания в мою пользу (или в пользу Эндера, или во имя правды и справедливости – я не стану гадать о твоих мотивах), ты взял на себя слишком большой риск и разворошил осиное гнездо. Чтобы спрятать тебя и увеличить шансы на то, что тебя больше не будут таскать по судам, лучше всего назначить тебя командиром одного

колонизаторского корабля. Корабля, который унесет Эндера в безопасное место.

Когда тебя полностью спишут со счетов, поскольку ты вроде как уходишь в рейс длительностью в сорок лет, будет несложно в последнюю минуту приписать тебя к другому кораблю, который улетит немного позже. И на этот раз – без огласки. Просто вдруг окажется, что ты не полетел первым рейсом.

Что касается Эндера, мы с самого начала скажем ему правду. Ему не нужны новые сюрпризы, он их не заслуживает. Кроме того, ни ты, ни я не нужны ему в качестве защитников. Думаю, он уже много раз это доказывал.

Хайрам

P. S. С твоей стороны остроумно выбрать в качестве ника на Unguessable.com свое реальное имя. Кто бы мог подумать, что ты не лишен иронии?

Ни отца, ни матери дома не было. И это было совсем нехорошо, потому что Питер вполне мог войти в совершенно «бульдозерное» настроение

— если ему придет в голову. И похоже, дело к тому и шло.

— Поверить не могу, что меня в это втянули, — заявил Питер.

— Во что?

— Локк и Демосфен сообща действуют против возвращения Эндера домой.

— Ты просто не обращал внимания, — сказала Валентина. — Демосфен прилагает усилия к тому, чтобы Эндер вернулся сам и вернул Америке ее утраченное величие. А Локк — умеренный примиритель, как всегда пытающийся найти золотую середину. Жалкий миротворец.

— О, да заткнись ты! — рявкнул Питер. — Тебе уже поздно косить под дурочку. Но я понятия не имел, что они собираются превратить этот дурацкий трибунал в грязную кампанию против имени Виггина!

— Понятно, — откликнулась Валентина. — Дело не в Эндере, а в том, что ты не можешь воспользоваться преимуществами Локка, не раскрыв, кто ты есть, — а ты брат Эндера. Сейчас эта информация не больно-то даст тебе развернуться.

— Я смогу что-то сделать, только получив влиятельную должность, — а сейчас сделать это будет куда труднее, потому что Эндер убивал людей.

— Защищаясь.

— Еще будучи малышом.

— Хорошо помню, как ты обещал его убить, — сказала Валентина.

— Я говорил не всерьез.

А вот в этом Валентина сомневалась. Она была единственным человеком, который не поверил во внезапный приступ доброты Питера несколько лет назад, на Рождество. Тогда, по-видимому, Санта-Клаус — или «Юрай Хип»? — обсыпал его порошком альтруизма.

— Я к тому, что Эндер не убивал *каждого*, кто ему угрожал.

Вот она наконец — вспышка былой ярости. Валентина с приятным удивлением наблюдала, как Питер сражается с нею, берет под контроль.

— Слишком поздно для того, чтобы менять наши позиции по поводу возвращения Эндера, — сказал Питер.

Это прозвучало словно обвинение, будто все это изначально было идеей сестры.

Ну, в каком-то смысле так оно и было. Задумка, но не воплощение: сценарий последнего полностью разработал Питер.

— Но прежде, чем мы позволим раскрыть истинную личность Локка, нам надо будет реаби-

литировать Эндера. Сделать это будет непросто. Пока я даже не могу решить, кому из нас следует этим заняться. С одной стороны, это будет вполне в духе Демосфена, но никто не поверит в искренность его мотивов. С другой стороны, если Локк выступит за него открыто, тогда впоследствии — когда раскроется, кто я такой, — каждый будет думать, что у меня был личный мотив.

Валентина не допустила ни намека на улыбку, хотя знала — знала уже годы, — что полковнику Граффу и, вполне вероятно, половине командования МФ известны подлинные личности Локка и Демосфена. Они сохраняли эту информацию в тайне, чтобы не скомпрометировать Эндера. Но однажды кто-то наверняка допустит утечку — и совсем не в то время, которое выберет Питер.

— Нет, думаю, нам все же нужно будет вернуть Эндера домой, — сказал Питер. — Но не в Соединенные Штаты — во всяком случае, не под контроль правительства США. Думаю, Локку нужно произнести сочувственную речь о юном герое, который не имел выбора, которого просто использовали.

Питер примирительно заскулил карикатурным «локковским» голосом (используй он его на публике, Локк потерял бы аудиторию в мгнове-

ние ока):

— Дайте ему возможность вернуться домой как гражданину планеты, которую он спас. Пусть он будет помещен под защиту Совета Гегемона. Когда ему никто не угрожает, мальчик не представляет никакой опасности. — Питер триумфально воззрился на Валентину и заговорил уже нормальным голосом: — Видишь? Мы возвращаем его домой, а потом, когда моя личность раскроется, я окажусь любящим братом, да, — но еще и тем, кто действовал во благо всего мира, а не только Соединенных Штатов.

— Ты упустил из виду парочку аспектов, — заметила Валентина.

Питер сверкнул на нее глазами. Он терпеть не мог, когда сестра указывала на его ошибки, но к ней приходилось прислушиваться, поскольку она часто оказывалась права. Хотя обычно он делал вид, что уже думал об ее возражениях.

— Во-первых, ты принимаешь как данность, что Эндер хочет вернуться.

— Разумеется, он хочет домой.

— Ты этого не знаешь. Мы его не знаем. Во-вторых, ты принимаешь как данность, что, если он вернется, он окажется этаким мальчиком-паинькой и каждый будет думать, что *на самом деле* он

вовсе не монстр, убивающий детей.

— Мы оба видели записи из зала суда, — сказал Питер. — Эти мужики обожают Эндера Виггина. Это было видно во всем, что они говорили и делали. Для них важнее всего было защитить его. Точь-в-точь как делали остальные, когда Эндер жил здесь.

— На самом деле *здесь* он никогда не жил, — сказала Валентина. — Мы переехали после его отлета, забыл?

Глаза Питера вспыхнули снова.

— Эндер делает так, что люди хотят за него умереть.

— Или убить его, — с улыбкой заметила Валентина.

— Эндер вызывает любовь у *взрослых*.

— Итак, мы вернулись к первой проблеме.

— Он хочет домой, — сказал Питер. — Он человек. Людям свойственно желание возвращаться домой.

— Но где его дом? — спросила Валентина. — Больше половины своей жизни он провел в Боевой школе. Что он вообще помнит о жизни с нами? Старшего брата, который без конца его изводил, угрожал убить…

— Я извинюсь, — сказал Питер. — Я действи-

тельно сожалею, что так себя вел.

— Но ты не сможешь извиниться, если он не вернется. Кроме того, не забывай: он умный. Умнее нас — ведь не просто так из нас троих в Боевую школу взяли только его. Поэтому он быстро сообразит, каким образом ты его используешь. Совет Гегемона — фи, что за гадость! Он не станет твоей марионеткой.

— Он натаскан на войну. Не на политику, — заметил Питер.

Его еле заметная улыбочка была такой самодовольной, что Валентине захотелось вмазать ему бейсбольной битой по физиономии.

— Не важно. Ты не сможешь вернуть его, что бы там ни написал Локк, — сказала Валентина.

— Это еще почему?

— Потому что не ты создаешь силы, которые пред ним трепещут и опасаются его возвращения. Ты их просто используешь. Люди не станут менять мнение, даже ради Локка. Кроме того, Демосфен будет против.

Питер посмотрел на нее удивленно и в то же время презрительно.

— О, я смотрю, мы начинаем работать на себя, да?

— Думаю, мне легче будет запугать людей,

чтобы они оставили Эндера в космосе, чем тебе разжалобить их на то, чтобы его вернули домой.

— Мне казалось, ты сильнее всех его любишь. Думал, ты хочешь вернуть его домой.

— Питер, я хотела вернуть его последние семь лет, а ты был рад, что его здесь нет. Но теперь… вернуть его, чтобы он находился под защитой Совета Гегемона — то есть под *твоим* контролем, поскольку этот Совет забит твоими подхалимами…

— Подхалимами Локка, — поправил ее Питер.

— Я не стану помогать тебе возвращать Эндера домой, чтобы превратить его в инструмент для продвижения твоей карьеры.

— То есть ты предпочтешь обречь своего обожаемого младшего братика на вечное скитание в космосе, лишь бы поступить назло гадкому старшему брату? — спросил Питер. — Ух ты. Как я счастлив, что ты любишь *не меня*.

— В точку, Питер, — сказала Валентина. — Все эти годы я была игрушкой в твоих руках. Я точно знаю, каково это. Эндер это возненавидит. Я знаю, потому что я это ненавижу.

— Ты обожала все это — от и до. Быть Демосфеном… ты знаешь, каково чувствовать власть.

— Я знаю, каково чувствовать, как власть те-

чет сквозь меня, прямо в твои руки, — сказала Валентина.

— Так вот в чем все дело? Тебе самой вдруг захотелось власти?

— Питер, ты идиот во всем, что касается людей, — тех, кого ты должен знать лучше всего. Я не говорю, что мне хочется твоей власти. Я говорю, что я ухожу из-под твоей власти.

— Ну и отлично. Я сам начну писать статьи за Демосфена.

— Ты не можешь притворяться Демосфеном. Люди поймут — что-то не так.

— Все, что делала ты, я…

— Я поменяла все пароли. Спрятала все учетные записи и деньги Демосфена, и ты не сможешь получить к ним доступ.

Питер посмотрел на нее с жалостью:

— Я найду все, если только захочу.

— Никакого толку тебе с этого не будет. Питер, Демосфен уходит из политики. Он собирается заявить о слабом здоровье и о том, что поддерживает… Локка!

Питер изобразил гримасу ужаса:

— Ты не можешь этого сделать! Локка уничтожит поддержка со стороны Демосфена.

— Видишь? У меня есть кое-какое оружие, кото-

рого ты страшишься.

— Но зачем тебе это? Все эти годы… и вдруг — бац! — и ты решаешь собрать все свои куклы и тарелки и покинуть чаепитие?

— Питер, я никогда не играла в куклы. Очевидно, ты играл.

— Ну хватит, — строго сказал Питер. — Я серьезно. Это не смешно. Давай вернем Эндера домой. Я не буду пытаться контролировать его так, как ты опасаешься.

— То есть так, как контролируешь меня.

— Да ладно тебе, Вэл, — сказал Питер. — Еще пару лет, и я смогу сбросить маску Локка, чтобы оказаться братом Эндера. Конечно, спасение его репутации мне поможет, но то же самое поможет и самому Эндеру.

— Думаю, тебе стоит за это взяться. За спасение репутации. Но не думаю, что Эндер должен вернуться. Я полечу к нему. Готова поспорить, мама с папой тоже полетят.

— Они не станут платить за твой космический круиз — и уж точно не за весь перелет на Эрос. В любом случае на это уйдут месяцы. Сейчас астероид по ту сторону Солнца.

— Я говорю не о круизе, — сказала Валентина. — Я покидаю Землю. Присоединяюсь к Эндеру

в его изгнании.

На какой-то миг Питер ей даже поверил. Валентине доставило удовольствие это искреннее выражение тревоги на его лице. Но потом он расслабился.

— Мама с папой тебе не позволят, — сказал он.

— Пятнадцатилетние девочки не обязаны заручаться согласием родителей, чтобы записаться в колонисты. Идеальный возраст для деторождения и достаточно глупости, чтобы стать добровольцами.

— Да при чем здесь вообще колонии? Эндер же не собирается становиться колонистом.

— А что еще с ним делать? Колонизация — это единственная оставшаяся задача для Межзвездного флота, и за Эндера отвечают они. Потому-то я устраиваю все так, чтобы быть приписанной к той же колонии, что и он.

— Откуда у тебя эти никакищенские идеи? — спросил Питер. Если сленг Боевой школы ей непонятен — тем хуже для нее. — Колонии, добровольное изгнание — это же чистое безумие! Будущее — оно здесь, на Земле, а не на задворках Галактики.

— Все планеты жукеров в том же рукаве Галактики, что и Земля, — и по галактическим

меркам это совсем недалеко, — чинно пояснила Валентина, чтобы его подзадорить. — И, Питер, из того, что *твое* будущее неразрывно связано с попытками стать правителем мира, вовсе не следует, что я хочу всю жизнь быть твоим вассалом. Ты забрал мою юность, выжал меня досуха, но остаток своих лет я проведу без тебя, любимый.

— Когда ты говоришь так, словно мы женаты, меня блевать тянет.

— Я говорю, как принято в старых фильмах.

— Фильмов не смотрю, поэтому не понял, — ответил Питер.

— На свете очень много такого, чего бы ты «не понял», — сказала Валентина.

Какое-то мгновение она боролась с искушением рассказать о том, как Эндер прилетал на Землю, когда Графф заручился поддержкой Валентины, чтобы вернуть совершенно выжатого Эндера в дело. И заодно упомянуть, что полковнику известно о ее с Питером деятельности в Сети. Вот уж что наверняка стерло бы ухмылку с его лица.

Но чего она этим добьется? Для всех будет лучше, если Питер останется в блаженном неведении.

Во время разговора Питер водил пальцами по планшету, что-то набирая. Сейчас он увидел в

своем голопроекторе нечто такое, что привело его в бешенство, — таким Валентина видела его нечасто.

— Что такое? — спросила она, думая, что по мировым новостям прошло что-то ужасное.

— Ты закрыла мне лазейки!

Валентина не сразу поняла, о чем он. А затем до нее дошло: очевидно, Питер считал, будто она не заметит наличие секретного доступа к ключевым учетным записям и паролям Демосфена. Ну что за идиот! Когда-то он устроил целое представление, создавая для нее все это, — и она приняла как должное то, что он создал для себя лазейки, желая иметь возможность зайти, куда ему заблагорассудится, и изменить ее записи. С какой стати он решил, что она так это и оставит? Все эти лазейки она вычислила сразу же, в течение первых недель, и с тех пор каждое его изменение в эссе Демосфена она могла исправить раньше, чем они попадали в Сеть. Поэтому, когда она изменила все пароли и коды доступа, разумеется, она ликвидировала и все лазейки. А он как думал?

— Питер, — сказала Валентина, — если бы у тебя оставался ключ, лазейки не были бы закрыты, правильно?

Питер поднялся. Его лицо побагровело, кулаки

были сжаты.

— Ты, неблагодарная сучка!

— Что ты мне сделаешь, Питер? Ударишь? Я готова.

Питер снова сел.

— Давай, двигай, — заявил он. — Шуруй в свой космос. Ликвидируй Демосфена. Без тебя обойдусь. Мне вообще никто не нужен.

— Потому-то ты такой неудачник, — сказала Валентина. — Ты никогда не сможешь править миром, пока до тебя не дойдет, что этого не достичь без сотрудничества со стороны *каждого*. Ты не можешь водить людей за нос, не можешь их заставлять. Они должны сами хотеть идти за тобой. Так же, как солдаты Александра Македонского были готовы следовать за своим царем и сражаться за него. А когда они перестали быть готовы, его власть в тот же миг испарилась. Тебе нужен *каждый*, но твой нарциссизм не дает тебе это понять.

— Здесь, на Земле, мне нужна готовность к сотрудничеству со стороны ключевых людей, — сказал Питер. — Но ты в их число не войдешь, так? Ну так двигай, пойди и скажи маме с папой, что ты задумала. Разбей их сердца. Тебе ж на все плевать, да? Ты собираешься полететь навстречу

своему драгоценному Эндеру.

— Ты все еще ненавидишь его.

— Я никогда его не ненавидел, — возразил Питер. — Но сейчас, сию секунду, я определенно ненавижу тебя. Не сильно, но достаточно, чтобы мне захотелось пописать в твою постель.

Это была их давняя шутка, не для чужих ушей. Валентина не смогла сдержать смех:

— Ох, Питер, ты такой мальчишка!

Родители отнеслись к ее решению на удивление спокойно. Но лететь с нею они отказались.

— Вэл, — сказал отец, — думаю, ты права: Эндер домой не вернется. Когда мы это поняли… Это было больно. И хорошо, что ты хочешь к нему, даже если ни один из вас в итоге ни в какую колонию не отправится. Даже если речь идет всего о нескольких месяцах в космосе. Да пусть даже и лет! Ему будет в радость вновь побыть с тобою.

— Было бы лучше, если бы вы тоже полетели.

Папа покачал головой. Мама закрыла глаза пальцами — ее жест, говорящий: я вот-вот заплачу.

— Мы не можем лететь, — сказал отец. — У нас здесь работа.

— На работе могли бы придержать ваши места на годик-другой.

— Тебе легко говорить. Ты юная. Что для тебя пара лет? А мы… Не то чтобы старые, но старше тебя. Для нас время значит нечто иное. Мы любим Эндера, но не можем тратить месяцы или годы только на то, чтобы с ним повидаться. Нам осталось не так уж много времени.

— Но ведь именно об этом я и говорю, — сказала Валентина. — У вас не так много времени — и еще меньше шансов снова увидеть Эндера.

— Вэл, — произнесла мама дрожащим голосом. — Что бы мы ни делали, потерянные годы нам не вернуть.

Она была права, и Валентина это знала — хотя и не понимала, какое отношение это имеет к делу.

— Значит, вы собираетесь относиться к нему так, словно он умер?

— Вэл, мы знаем, что он не умер, — ответил отец. — Но еще мы знаем, что он не хочет нас видеть. Мы писали ему, с тех пор как война закончилась. Графф — тот самый, которого сейчас судят, — он нам ответил. Эндер не хочет писать нам письма. Наши письма он читает, но передал через Граффа, что ему нечего нам сказать.

— Графф — лжец, — припечатала Валентина. — Наверное, он ничего Эндеру не показывал.

— Возможно, — признал отец. — Но мы Эндеру

не нужны. Ему тринадцать. Он становится мужчиной. С тех пор как он нас оставил, он проявил себя с лучшей стороны, но ему пришлось пройти и через ужасные испытания — а нас рядом не было. Не уверен, что он сможет нас когда-нибудь простить за то, что мы позволили ему уйти.

— У вас не было выбора, — сказала Валентина. — Его все равно забрали бы в Боевую школу, нравилось бы вам это или нет.

— Уверена, разумом он это понимает, — ответила мать. — А душой?

— Значит, я лечу без вас, — сказала Валентина.

Ей и в голову не приходило, что они могут не захотеть лететь к Эндеру.

— Ты оставляешь нас, — сказал отец. — Детям свойственно так поступать. Вы живете в доме, пока не приходит пора его покинуть. А потом вас больше нет. Даже если вы приезжаете в гости, даже если переезжаете жить поближе — это уже не то же самое. Ты думаешь, что ничего не изменилось, но это не так. Это случилось с Эндером, и так будет с тобою.

— Хорошо то, что ты больше не будешь с Питером, — сказала мать, начиная тихо плакать.

Валентина не могла поверить своим ушам.

— Ты проводила с ним слишком много време-

ни, — объяснила мать. — Он на тебя плохо влияет. Делает тебя несчастной. Силком затаскивает в свою жизнь, чтобы ты не могла жить своею.

— Теперь это будет нашей заботой, — добавил отец.

— Удачи вам, — выдавила Валентина.

Неужели такое может быть? Неужели родители по-настоящему понимали Питера? Но если понимали, почему все эти годы позволяли ему… такое?

— Видишь ли, Вэл, — вздохнул отец, — если бы мы полетели к Эндеру, нам бы хотелось быть для него родителями, но у нас нет на то никакого права, никакой власти. Нам нечего ему предложить. Ему больше не нужны родители.

— Может, сестра? — сказала мать. — Сестра, может, и сгодится.

Она взяла Валентину за руку, словно хотела высказать какую-то просьбу.

Поэтому Валентина дала ей то единственное, что могла, — обещание:

— Я буду с ним. Не покину его до тех пор, пока он будет во мне нуждаться.

— Солнце, большего мы и не могли от тебя ожидать, — сказала мать.

Она крепко сжала руку дочери и через мгнове-

ние отпустила.

— С твоей стороны это поступок доброго и любящего человека, — сказал отец. — Ты всегда была такой. А Эндер всегда был твоим любимым маленьким братиком.

Валентина вздрогнула, услышав слова из детства. «Любимый маленький братик». Фу!

— Обязательно так его назову при встрече.

— Назови, — сказала мать. — Эндеру нравится, когда ему напоминают о хорошем.

Неужели мама всерьез считает, будто все то, что она знала об Эндере шестилетнем, в равной степени относится к нему сейчас, когда ему тринадцать?

Словно читая ее мысли, мать ответила:

— Люди не меняются в главном, Вэл. Кем ты собираешься стать во взрослой жизни, заранее видно тем, кто по-настоящему знает тебя с рождения.

Валентина рассмеялась:

— Но тогда… почему вы позволили Питеру жить?

Они тоже засмеялись, но несколько скованно.

— Вэл, — сказал отец, — мы не думаем, что ты это поймешь, но определенные стороны Питера, которые делают его… трудным… в один прекрас-

ный день могут сделать его великим.

— А как насчет меня? — спросила Валентина. — Раз уж вы сегодня раздаете предсказания.

— Ох, Вэл, — покачал головой отец, — все, что тебе нужно, — жить своей жизнью, и тогда все вокруг тебя станут счастливее.

— Значит, ничего великого.

— Вэл, — сказала мать. — Добро делает величие одной левой.

— Но только не в учебниках истории, — заметила Валентина.

— Это значит, что историю пишут не те люди, правда? — спросил отец.

4

Кому: qmorgan%rearadmiral@ifcom.gov/fleetcom

От: chamrajnagar%polemarch@ifcom.gov/centcom

{протокол самоуничтожения активирован}

Тема: Да или нет?

Мой дорогой Квинси, я отчетливо представляю разницу между боевым командованием и управлением кораблем с колонистами, который летит несколько дюжин световых лет. Если ты чувствуешь, что больше не сможешь принести пользу в космосе, тогда, конечно же, уходи в отставку со всеми привилегиями. Но если ты решишь остаться на службе и не покидать нашу систему, я не могу обещать тебе карьерного роста в структуре МФ.

Видишь ли, мы внезапно обнаружили, что мучаемся мирной жизнью. Это всегда

катастрофа для тех офицеров, которые не достигли своего потолка.

Корабль с колонистами, который я тебе предлагаю, – вовсе не способ отправить тебя в забвение (время от времени проявляй осмотрительность, Квинси, – сам увидишь, это работает намного лучше). Пенсия, мой друг, – вот оно, забвение. Вояж на сорок-пятьдесят лет означает, что ты переживешь нас, всех тех, кто останется позади. Все твои друзья умрут. Но ты будешь жить и сможешь завести новых друзей. И ты будешь командовать кораблем. Отличным, большим и быстрым кораблем.

Видишь ли, это то, с чем сегодня столкнулся весь флот. У нас множество героев, сражавшихся в войне, победу в которой приписывают мальчику. Мы что, забыли про них? Все наши задания подразумевают десятилетия перелетов. И для руководства ими мы обязаны предоставить наших лучших офицеров. Поэтому настанет время, когда имена большинства наших лучших офицеров будут забыты всеми в Центральном штабе.

В конечном счете всему нашему основному персоналу суждено стать межзвездными странниками и свысока смотреть на каждого, кто предпочел не болтаться в космосе десятки лет. Они разорвут временную связь с Землей. А друг с другом будут знакомы лишь по ансибельной переписке.

В общем, я предлагаю тебе единственный возможный способ сделать карьеру – лететь с колонистами.

И не просто какой-то колонии, но именно той, чьим губернатором будет тринадцатилетний малец. Неужели ты всерьез собираешься заявить мне, что ты не нянька? У тебя будет весьма ответственная должность: проследить, чтобы мальчик оставался максимально далеко от Земли, в то же время постараться, чтобы его новое назначение увенчалось успехом – чтобы будущие поколения не пришли к выводу, что с ним обошлись несправедливо.

Естественно, я тебе это письмо не отправлял, а ты его не читал. Ничто в нем не может быть истолковано в качестве

секретного поручения. Я просто делюсь с тобой личными соображениями о возможности, которую тебе предлагает Полемарх. А он верит, что твой потенциал один из самых высоких в рядах МФ.

Так что каков твой ответ? Да? Или нет? В течение недели мне нужно будет переложить бумаги либо в одну стопку, либо в другую.

Твой друг Чам

Эндер знал: его назначение номинальным губернатором — не более чем шутка. Когда он доберется до колонии, это уже будет сложившееся поселение со своими избранными лидерами. Он же будет тринадцатилетним — ну ладно, к тому времени пятнадцатилетним — юношей, единственным аргументом которого в притязаниях на власть будет тот факт, что сорок лет назад он командовал *дедушками* колонистов или в лучшем случае их родителями в войне, давно ставшей историей.

Жители этой колонии будут спаяны в тесное сообщество, и со стороны МФ это исключительно вызывающий жест — вообще назначать там губернатора, не говоря уже о губернаторе-под-

ростке.

Но вскоре после встречи люди поймут, что, если они не захотят видеть его губернатором, Эндер ничуть не станет возражать. Ведь все, что ему надо, — попасть на планету жукеров, увидеть то, что они после себя оставили. Тела, даже препарированные и сохраненные образцы, к тому времени обратятся в прах, но абсолютно исключено, что колонисты успеют заселить или сколько-нибудь основательно исследовать строения и артефакты цивилизации жукеров. Управление колонией будет отнимать время, а Эндеру нужно было изучить все, что осталось, чтобы как-то понять врага, которого он возлюбил и уничтожил.

Тем не менее готовиться к губернаторству было необходимо. К примеру, ему предстояли занятия с юристами, составившими черновик конституции, навязанной всем колониям. И хотя на самом деле Эндера это не волновало, он не мог не отметить стараний, с которыми в документе попытались честно отразить то, что до сих пор сообщали бывшие солдаты, ставшие колонистами. Этого следовало ожидать. Все, что делал Графф, — или то, что он вынуждал делать других, — делалось на совесть.

Кроме того, предстояли занятия по функциональным системам межзвездных кораблей, имеющие еще меньше прикладного значения. Что Эндеру от этого знания? Он ведь не собирается идти в космофлот. Он не чувствовал в себе склонности к управлению кораблями, независимо от размеров.

На третий день подробнейших исследований корабля, на котором предстояло лететь колонистам, Эндер до того устал от фальшивой морской терминологии, перенесенной на межзвездный корабль, что волей-неволей ему на ум стали приходить язвительные шуточки. По счастью, он удержал язык за зубами. «Эй, салага, как насчет того, чтобы надраить палубу? Боцман собирается свистать нас всех наверх? Каким галсом к ветру идти, сэр?»

— Знаешь, настоящим препятствием в межзвездном перелете вовсе не является разгон до световой скорости, — произнес капитан, сегодня выполнявший для Эндера обязанности гида. — Главная проблема — столкновения.

— Вы хотите сказать, с таким пространством для команды… — сказал было Эндер, но по ухмылке капитана сообразил, что угодил в ловушку. — Понятно. Вы говорите о столкновениях

с космическими обломками.

— Все те старые фильмы, в которых межзвездные корабли уворачивались от астероидов… в сущности, они были не так далеки от истины. Потому что, когда вы на субсветовой скорости врезаетесь в молекулу водорода, выделяется огромная энергия. Это равносильно столкновению с огромным камнем на куда меньшей скорости. Энергия рвет тебя на куски. Все проекты с защитными экранами, которые предлагали наши предки, оборачивались лишней массой и требовали уйму энергии, а следовательно, и топлива, что опять-таки влекло за собой увеличение массы… Все они оказались просто непрактичными. Просто невозможно было взять с собой достаточно топлива, чтобы куда-нибудь попасть.

— Так как же мы решили эту проблему? — спросил Эндер.

— Ну, разумеется, мы ее не решили, — сказал капитан.

Эндер понял, что это очередная старая шутка для новичков, поэтому дал капитану насладиться своим превосходством.

— Так как же мы путешествуем от звезды к звезде? — спросил Эндер, вместо того чтобы протянуть: «А-а-а, так это жукерская технология».

— За нас это решили жукеры, — с удовольствием ответил капитан. — Когда они сюда прилетели, да — они снесли кусок Китая и едва не уделали нас в первых двух войнах. Но еще они нас кое-чему научили. Сам факт, что они сюда добрались, сказал нам, что это выполнимо. А потом они любезно оставили нам для изучения дюжины исправных кораблей.

Капитан вел Эндера в переднюю часть корабля. Им пришлось миновать несколько дверей, потребовавших высшего допуска.

— Не каждому дозволяется это видеть, но мне было сказано, что вы должны увидеть *все*.

Штуковина на взгляд оказалась словно из какого-то кристаллического вещества, а по форме напоминала яйцо, только острый кончик на самом деле представлял собой острие.

— Пожалуйста, только не говорите мне, что это яйцо, — попросил Эндер.

Капитан хихикнул:

— Не рассказывайте другим, но двигатели корабля и его топливо нужны только для околопланетных маневров, ближних перелетов до спутников и тому подобного. Ну и для того, чтобы начать движение. Разогнавшись до одного процента световой скорости, мы включаем эту

малышку, и затем нам остается лишь контролировать интенсивность и направление.

— Чего?

— Поля движителя, — сказал капитан. — Это оказалось таким элегантным решением, но тогда мы даже не открыли *область* науки, которая привела бы нас к нему.

— И что это за область науки?

— Динамика поля силового взаимодействия. Когда об этом заходит речь, люди почти всегда говорят, что поле силового взаимодействия разбивает молекулы на части, но суть не в этом. Ключевое его действие состоит в том, что он изменяет направление силового взаимодействия. Молекулы просто не могут держаться вместе, когда ядра составляющих их атомов выбирают определенное направление движения при скорости света.

Эндер терпеливо сносил льющиеся на него потоки технической информации, но чувствовал себя предельно уставшим от этой игры.

— То есть создаваемое этим устройством поле захватывает любой материальный объект, включая молекулы, которые попадаются по ходу движения, и использует силовое ядерное взаимодействие для того, чтобы заставить их двигаться

в избранном направлении со скоростью света?

Капитан ухмыльнулся:

— В точку! Но вы же адмирал, сэр, поэтому я устроил для вас адмиральскую презентацию. — Он подмигнул Эндеру. — Большинство адмиралов понятия не имеют, о чем я говорю, и слишком важничают, чтобы это признать и попросить меня перевести на человеческий язык.

— А что с энергией, которая выделяется при разбивании молекул на составляющие атомы? — спросил Эндер.

— Эта энергия, сэр, и составляет мощность корабля. Нет, я скажу конкретнее: именно она в действительности *толкает* корабль. Это действительно изящное решение! Мы двигаемся на ракетах, а затем отключаем двигатели — мы же не можем создавать молекулы сами! Включаем «яйцо» — да, мы называем эту штуку «яйцом». Активируется поле, по форме оно в точности как этот кристаллический шар. Передний фронт начинает сталкиваться с молекулами и рвать их на части. Атомы пролетают вдоль поля и все выбрасываются в точке выхода. И толкают нас с невероятной силой. Мне приходилось беседовать с физиками, которые по-прежнему не понимают, как это работает. Они говорят, в межатомных

связях недостаточно энергии для того, чтобы толкать с такой мощью; и выдвигают одну за одной теории, объясняющие, откуда берется недостающая энергия.

— И это досталось нам от жукеров.

— В первый раз, когда мы включили одну из таких установок, произошел кошмарный инцидент. Само собой, жукеры не использовали эту технологию в системе, и наблюдать ее действие нам до того не приходилось. Так что один из наших крейсеров просто-напросто исчез, поскольку был пристыкован к жукерскому кораблю, когда «яйцо» было активировано. Пуф! Каждая молекула на борту крейсера — в том числе и самая невезучая команда в истории — попала в поле, затем вылетела сзади… а корабль жукеров сиганул через половину Солнечной системы.

— А людей, находившихся на борту жукерского корабля, это не убило? Такой прыжок?

— Нет. Там была включена антигравитационная установка — ну, говоря строго технически, антиинерционная. Конечно, она тоже питается от «яйца». В общем, получается, что все молекулы в пространстве оказываются дешевым топливом для наших кораблей и для всех приборов на борту. Короче, антигравитатор скомпенсировал

ускорение при прыжке, и единственной проблемой оказалось передать командованию флота информацию о происшествии. В отсутствие крейсера у них не было других средств связи, кроме коротковолнового радио.

Дальше капитан рассказал о том, к каким хитростям пришлось прибегнуть команде на борту жукерского корабля, чтобы привлечь внимание спасателей. Но Эндер почти не слушал его, погрузившись в размышления о чем-то, не дающем ему покоя, вызывающем головокружение и легкую тошноту от осознания.

«Яйцо» — генератор поля силового взаимодействия, — очевидно, было исходным устройством для создания молекулярного дезинтегратора. Происшествие, о котором рассказал капитан, слишком сильно смахивало на действие Маленького Доктора, чьей силой Эндер воспользовался, чтобы уничтожить родную планету жукеров и убить всех королев ульев.

Эндер считал это технологией, которую люди разработали самостоятельно. Но оказалось, и она базировалась на технологии жукеров. Всех-то дел — убрать контролирующие устройства, которые придают полю его форму, и вот вам пожалуйста — поле, пожирающее все на своем пути и выпле-

вывающее атомы. Поле, которое подпитывает само себя энергией силового ядерного взаимодействия. Пожиратель планет.

Жукеры неминуемо должны были узнать технологию, когда Эндер воспользовался ею в первый раз. Для них это не было чем-то таинственным — они моментально должны были признать в действии оружия свободное, неконтролируемое применение принципа, лежащего в основе их межзвездных перелетов.

В промежутке между той битвой и последней у жукеров определенно было достаточно времени для того, чтобы сделать то же самое — превратить генератор поля силового взаимодействия в оружие и воспользоваться им против людей, когда те окажутся в зоне досягаемости.

Они совершенно точно знали, что это за оружие. Жукеры в любой момент могли создать такое же свое, если бы захотели. Но не стали. Они просто сидели на своей планете и ждали Эндера.

«Жукеры дали нам межзвездный двигатель, чтобы мы до них добрались, и оружие, чтобы мы их убили. Дали нам все. Мы, люди, предположительно так умны. Так изобретательны. И все же эти технологии были для нас абсолютно недосягаемы. Мы создавали интерактивные доски с

умными голографическими дисплеями, на которых можно играть в по-настоящему прикольные игры. И слать друг другу письма на огромные расстояния. Но в сравнении с жукерами мы и понятия не имели, как нужно *правильно* убивать. А они знали как, но предпочли не использовать эту технологию таким способом».

— Ну, на этой стадии экскурсии люди обычно начинают скучать, — заметил капитан.

— Нет, мне совсем не скучно. Правда. Я просто размышлял.

— О чем?

— О некоторых вещах, которые не дозволяется обсуждать иначе как телепатически, — ответил Эндер.

И это правда: о существовании Маленького Доктора было известно лишь узкому кругу лиц, и тайна хорошо охранялась. Даже те люди, которые активировали и использовали оружие, не понимали, что оно собой представляет и на что способно. Те солдаты, которые видели, как Маленький Доктор сожрал целую планету, были мертвы — погибли от той же цепной реакции колоссальных масштабов. А те, кто видел его действие с большого расстояния в одном из ранних сражений, считали Маленького Доктора лишь

невероятно мощной бомбой. Только высшие эшелоны командования понимали, что это такое, — и Эндер. Мэйзер Рэкхем настоял на том, чтобы мальчику сказали правду о том, что представляет собой это оружие и как оно работает. Позднее Мэйзер заявил: «Я сказал Граффу: ты не можешь дать человеку сумку с инструментами и не рассказать, что это такое и что может пойти не так».

Опять Графф. Графф, который согласился с Мэйзером и позволил рассказать Эндеру все об этой штуке.

«Гибель, которую я принес жукерам, — все это здесь, в „яйце“».

— Вы опять где-то далеко, — заметил капитан.

— Задумался о том, какое чудо — межзвездные перелеты. Что бы мы ни думали о жукерах, они ведь и правда проложили для нас дорогу к звездам.

— Знаю, — ответил капитан. — Я уже думал об этом. Если бы они только пролетели мимо нашей системы, вместо того чтобы попытаться стереть нас с лица Земли, мы бы никогда не узнали об их существовании. А при наших технологиях мы, наверное, полетели бы к звездам гораздо, гораздо позже, и к тому времени все близкие планеты были бы уже заняты жукерами.

— Капитан, это была невероятно приятная и поучительная экскурсия.

— Знаю. Ведь как иначе вы бы узнали, на какой палубе туалет?

Эндер оценил шутку. Тем более что это была чистая правда. В течение всего перелета удобства будут требоваться ему несколько раз в день.

— Полагаю, в полете вы будете бодрствовать, — сказал капитан.

— Не могу упустить шанс полюбоваться видами.

— О, видов никаких нет, потому что на скорости света… а-а-а, это шутка. Прошу прощения, сэр.

— Видимо, мне стоит поработать над чувством юмора, раз мои шутки заставляют людей извиняться.

— Прошу прощения, сэр, но вы разговариваете не как ребенок.

— Я разговариваю как адмирал? — спросил Эндер.

— Поскольку вы *и есть* адмирал — как бы вы ни изъяснялись, все это будет речью адмирала, сэр, — ответил капитан.

— Вы изобретательно ушли от ответа, сэр. Скажите, вы летите со мной?

— Сэр, у меня на Земле семья, а моя жена не хо-

чет становиться колонисткой на другой планете. Боюсь, ей недостает духа первопроходцев.

— У вас есть своя жизнь. Отличная причина, чтобы остаться.

— Но вы летите, — заметил капитан.

— Я должен увидеть родную планету жукеров, — сказал Эндер. — Ну, раз уж той планеты больше не существует, одну из прочих заселенных ими планет.

— Должен признаться, сэр, я очень даже рад, что их планета уничтожена, — заметил капитан. — Если бы вы не устроили им взбучку, следующие десять тысяч лет нам бы приходилось все время оглядываться через плечо.

При этих словах на Эндера сошло нечто, похожее на озарение. Но он не смог уцепиться за мысль, и она в ту же секунду ускользнула. Это было что-то об образе мышления королев ульев, об их цели и о том, почему они позволили Эндеру себя убить.

«Что ж, если это так, я еще подумаю об этом».

Эндер надеялся, что его оптимизм хоть на чем-то основан.

Наконец экскурсии и занятия Эндера подошли к завершению, и он удостоился разговора с министром по делам колоний.

— Пожалуйста, не называй меня полковником, — сказал Графф.

— Но я не могу называть вас министром по делам колоний.

— К министрам Гегемонии официально обращаются «ваше превосходительство».

— И не улыбаясь?

— Иногда, — сказал Графф. — Но мы ведь с тобой коллеги, Эндер. Я зову тебя по имени. Ты тоже можешь называть меня по имени.

— Никогда в жизни, — заявил Эндер. — Для меня вы полковник Графф, и это уже не изменить.

— Ладно, не важно. Я скончаюсь до того, как ты достигнешь пункта назначения.

— Это кажется несправедливым. Летите с нами!

— Я должен остаться здесь, чтобы закончить свою работу.

— А я свою работу сделал.

— Совсем в этом не убежден, — сказал Графф. — Та работа, которую мы тебе поручили, действительно закончена. Но ты еще даже не знаешь, в чем будет состоять твоя новая работа.

— Знаю, что не в управлении колонией, сэр.

— Тем не менее предложение ты принял.

Эндер покачал головой:

— Я принял должность. Когда я доберусь до колонии, тогда и посмотрим, какой из меня будет губернатор. У лидера ровно столько власти, сколько предоставляет его окружение.

— И все же ты предпочел провести полет бодрствуя, а не в стазисе.

— Это лишь пара лет, — пожал плечами Эндер. — Когда прилетим, мне будет пятнадцать. Думаю, я немного подрасту.

— Надеюсь, у тебя в дороге будет что почитать.

— В корабельной библиотеке для меня пятнадцать тысяч книг, — сказал Эндер. — Но важно, что вы будете пересылать нам по ансиблю всю информацию по жукерам, которая будет накапливаться, пока мы будем в пути.

— Разумеется, — ответил Графф. — Ее мы будем рассылать всем кораблям.

Эндер слегка улыбнулся.

— Ладно, да. Конечно, я буду пересылать ее и непосредственно тебе. А в чем дело? Боишься, что капитан попытается контролировать твой доступ к информации?

— А вы на его месте разве не попытались бы?

— Эндер, я бы никогда не позволил себе попытки контролировать тебя против твоего желания.

— Последние шесть лет вы только тем и зани-

мались.

— И загремел за это под суд, если помнишь.

— А наказанием для вас была та должность, которую вы всегда хотели. Так-так, дайте-ка поразмыслить… Министр по делам колоний не спускается на Землю, чтобы не оказаться во власти Гегемона. Остается в космосе, устраиваясь в Межзвездном флоте. Даже если Гегемон сменится, вас это не коснется. А если они вас уволят…

— Этому не бывать, — сказал Графф.

— Вы так в этом уверены?

— Это не предсказание, а намерение.

— Сэр, вы шедевральны, — сказал Эндер.

— Кстати, раз уж мы заговорили о шедеврах, — откликнулся Графф, — ты слышал, что Демосфен ушел со сцены?

— Тот парень в Сети?

— Я говорю не о греческом ораторе, авторе «Филиппик».

— Если честно, мне без разницы, — сказал Эндер. — Это всего лишь Сеть.

— Сеть вообще и статьи этого демагога в частности были полем боя, и в итоге ты проиграл, — заметил Графф.

— А кто сказал, что я проиграл? — спросил Эндер.

— Туше! Но я хотел сказать, что человек, стоящий за этим псевдонимом, на деле куда моложе, чем многие представляют. Так что исчезновение Демосфена со сцены связано не с возрастом, а с уходом из дома. С прощанием с Землей.

— Он станет колонистом?

— Не правда ли, странный выбор? — сказал Графф таким тоном, будто, на его взгляд, в этом ну совершенно ничего странного не было.

— Пожалуйста, не говорите мне, что он полетит на моем корабле.

— Юридически это корабль адмирала Квинси Моргана. Ты не получишь власть, пока не ступишь на землю своей колонии. Таков закон.

— Как всегда, вы уходите от ответа.

— Да, Демосфен полетит на твоем корабле. Но, разумеется, в списках не будет пассажира с таким именем.

— Вы старательно избегаете использования местоимений мужского рода, — заметил Эндер. — Значит, Демосфен — женщина.

— И ей не терпится тебя увидеть.

Эндер обмяк в кресле:

— О, сэр, пожалуйста!

— Но это не твой обычный поклонник, Эндер. И раз уж она тоже не собирается ложиться в стазис

на весь полет… Думаю, тебе захочется заранее с ней познакомиться.

— Когда она прибывает?

— Она уже здесь.

— На Эросе?

— В моей уютной маленькой приемной, — сказал Графф.

— Вы хотите, чтобы я встретился с нею сейчас? Полковник Графф, мне не нравится ничего из того, что она писала. И результаты этой писанины мне тоже не нравятся.

— Отдай ей должное. Она предупреждала мир о попытках Варшавского договора получить контроль над флотом задолго до того, как эту угрозу стали воспринимать всерьез.

— А еще она капала всем на мозги, как Америка завоюет весь мир, стоит ей только получить меня.

— Об этом ты сам сможешь ее расспросить.

— Не имею таких намерений.

— Позволь открыть тебе простую истину, Эндер. Все, что она о тебе писала, было продиктовано единственной ее заботой — защитить тебя от того кошмара, который устроили бы люди на Земле, пытаясь использовать тебя или уничтожить.

— Я бы с этим справился.

— Нам этого никогда не узнать, верно?

— Я знаю вас, сэр, — и то, что вы только что сказали, вновь подтверждает: за всем этим стояли вы. Вы не позволили мне вернуться на Землю.

— Если честно, нет, — ответил Графф. — Хотя я всецело это поддерживал, да.

Эндеру хотелось заплакать, просто от морального опустошения.

— Потому что вы лучше меня знаете, что в моих интересах.

— Эндер, я считаю, что ты мог бы справиться с любыми трудностями — кроме одной. Твой брат Питер намерен править миром. Тебе пришлось бы стать либо инструментом в его руках, либо его врагом. Что бы ты предпочел?

— Питер? — удивился Эндер. — Вы серьезно думаете, что у него есть шанс?

— До сих пор он действовал невероятно успешно — для подростка.

— А ему разве не двадцать уже? А, нет, наверное, еще семнадцать. Или восемнадцать.

— Я не отслеживаю дней рождения твоей семьи, — сказал Графф.

— Но если он настолько успешен, почему я о нем не слышал? — спросил Эндер.

— О, ты совершенно точно о нем слышал.

Это значит, Питер использовал псевдоним. Эндер мысленно перебрал всех сетевых персонажей, чьи амбиции могли простираться настолько далеко. И когда понял, о ком идет речь, глубоко вздохнул:

— Питер — это Локк.

— Но тогда, умник, скажи: кто Демосфен?

Эндер встал и, к собственной досаде, заплакал — вот так просто. Он даже не понял, что плачет, пока перед глазами не поплыло и он не почувствовал слезы на щеках.

— Валентина, — прошептал он.

— Сейчас я оставлю вас в моем кабинете, чтобы вы двое могли поговорить, — сказал Графф.

Выходя, он оставил дверь открытой. А потом вошла она.

5

Кому: imo%testadmin@colmin.gov
От: hgraff%mincol@heg.gov

Тема: Кого мы ищем?

Дорогой Имо!

Я всесторонне обдумал наш разговор и решил, что ты можешь оказаться прав. У меня была глупая мыслишка по поводу тестирования кандидатов на желаемые способности, чтобы можно было собрать идеально сбалансированные группы для колоний. Но поток добровольцев не настолько массовый, чтобы привередничать. Кроме того, история доказала: когда колонизация идет добровольно, люди выбирают лучше любой системы тестирования.

Не будем повторять дурацкие попытки контролировать иммиграцию в Америку на основе способностей, которые считались желательными, – тогда как на самом деле единственным, что исторически

определяет американцев, является их «происхождение от кого-то, отдавшего все ради того, чтобы там жить». А насчет того, как колонизировали Австралию, и говорить не стоит!

Желание – единственный важнейший тест, говоришь ты. Но это значит, что есть и другие тесты, и они… что?

Отнюдь не бесполезные, как полагаешь ты. Наоборот, мне кажется, что результаты этих тестов сами по себе являются ценной информацией. Даже если все колонисты душевнобольные, разве губернатору помешало бы иметь как можно более полное досье по каждому конкретному человеку и его болезни?

Знаю, ты не пропускаешь тех, кто нуждается в препаратах, чтобы держаться в рамках общественно-приемлемого поведения. Или людей с зависимостями, алкоголиков и социопатов, людей с генетическими заболеваниями и тому подобных. На этот счет у нас с тобой всегда было согласие, продиктованное желанием не нагружать колонии сверх меры. В любом случае через пару поколений у

них и так появятся индивидуумы с генетическими и психическими причудами – но сегодня пусть у них не болит голова хотя бы на этот счет.

Что касается той семьи, по поводу которой ты направлял запрос, – той, что вознамерилась выдать дочь за губернатора, – ты наверняка согласишься, что в длинном списке побудительных мотивов колонистов брак является одним из наиболее благородных и социально продуктивных.

Хайрам

— Алессандра, знаешь, что я сегодня сделала?

— Нет, мам.

Четырнадцатилетняя Алессандра опустила на пол у входной двери сумку с учебниками и прошла мимо матери к раковине. Налила себе стакан воды.

— Угадай!

— Сделала так, что нам снова дали электричество?

— Нет, эльфы не хотят со мной разговаривать, — сказала мать.

Когда-то это было веселой игрой — выдум-

ка, что электричество дают эльфы. Но сейчас, удушающе жарким адриатическим летом, при неработающем холодильнике и в отсутствие кондиционера, а также видео, которое могло бы отвлечь от этой жары, было не до веселья.

— Тогда я понятия не имею, что ты сделала.

— Я изменила нашу жизнь, — сказала мать. — Подарила нам будущее.

Алессандра застыла на месте и про себя помолилась. Она давным-давно оставила надежду на то, что когда-либо на ее молитвы ответят, но решила: каждая неотвеченная молитва будет добавлена в «жалобный» список, если встреча с Богом все-таки состоится.

— Какое будущее, мам?

Мать буквально распирало от волнения.

— Мы станем колонистами!

Алессандра облегченно вздохнула. В школе она все узнала о проекте «Расселение». Теперь, когда жукеров уничтожили, возникла идея колонизировать все их бывшие планеты, чтобы судьба человечества не сходилась клином на Земле. Но требования к колонистам были весьма суровыми. Не было ни единого шанса на то, что столь неуравновешенный, безответственный («нет, прошу прощения, я хотела сказать „наивный и не

от мира сего“») человек, как мама, будет принят в колонисты.

— Надо же, мам, это чудесно.

— По твоему голосу это не слышно.

— Заявления рассматриваются довольно долго. А с чего им брать нас в колонисты? Что мы такого умеем?

— Алессандра, ты такая пессимистка! Будешь пренебрегать новым — у тебя не будет будущего.

Мать принялась порхать вокруг нее в танце, размахивая перед ней листом бумаги:

— Дорогая Алессандра, я подала заявления несколько месяцев назад. А сегодня получила ответ, что нас приняли!

— И все это время ты ничего мне не сказала?

— Я умею хранить секреты, — ответила мать. — У меня множество тайн. Но в этом никакой тайны нет, эта бумага говорит, что мы совершим перелет в новый мир и в том новом мире мы не будем маргиналами, излишком народонаселения! Там мы будем нужны, а все твои таланты и все твое очарование будут отмечены, тобой будут восхищаться.

Таланты, очарование… В колледже, похоже, их никто не замечал. Там она была еще одной неуклюжей девушкой, сплошные руки-ноги, которая

сидела на задних рядах, выполняла задания и не нарушала спокойствия. Только мама считала Алессандру каким-то выдающимся, волшебным созданием.

— Мам, можно мне прочитать? — спросила Алессандра.

— Ты что, сомневаешься в моих словах? — удивилась мать, удаляясь от нее в танце с письмом в руке.

Алессандре было слишком жарко, и она слишком устала для таких игр. Поэтому не стала и пытаться ее догнать.

— Разумеется, сомневаюсь.

— Ты сегодня совсем не в настроении, Алессандра!

— Даже если так. Это ужасная идея. Тебе следовало спросить моего мнения. Ты хоть знаешь, на что похожа жизнь колонистов? Целыми днями потеть в поле, как фермеры.

— Не глупи, для таких работ у них есть машины, — сказала мать.

— И еще окончательно неизвестно, годны ли в пищу растения. Когда жукеры в первый раз напали на Землю, они просто уничтожили всю растительность в той части Китая, где приземлились. У них не было намерений есть то, что

там росло. Мы не знаем, можно ли выращивать наши растения на их планетах. Колония может просто-напросто погибнуть.

— Выжившие в сражениях с жукерами уже разрешат все проблемы к тому времени, как мы туда доберемся.

— Мам, — терпеливо сказала Алессандра, — я не хочу лететь.

— Это только потому, что какие-то скучные люди в твоей школе убедили тебя, что ты якобы обычный ребенок. Но это не так. Ты волшебное создание. Ты должна убраться из этого мира пыли и нищеты, чтобы найти землю, которая будет покрыта зеленью и полна первобытной силы. Мы станем жить в пещерах мертвых великанов и собирать урожаи на полях, которые некогда принадлежали им! А прохладными вечерами, когда сладкий зеленый ветер будет колыхать твою юбку, ты станешь танцевать с юношами, очарованными твоей красотой и грацией!

— И где мы отыщем таких юношей?

— Вот увидишь, — сказала мать. И запела: — Вот увидишь — вот увидишь! Милый, видный юноша подарит тебе свое сердце.

Наконец бумага затрепетала в воздухе достаточно близко. Алессандра выхватила ее из рук

матери. Прочла, в то время как мать порхала рядом, улыбаясь своей улыбкой феи. Все было взаправду. Дорабелла Тоскано (двадцать девять лет) и ее дочь Алессандра Тоскано (четырнадцать лет) приняты в Колонию I.

— Очевидно, они не проводили никакой психологической проверки, — заметила Алессандра.

— Ты пытаешься сделать мне больно, но все бесполезно. Мать знает, что для тебя лучше. Ты не повторишь моих ошибок.

— Нет, но я заплачу́ за них.

— Подумай сама, моя дорогая умница, моя изящная, добрая и щедрая девочка с надутыми губками, подумай вот о чем: что ждет тебя здесь, в итальянском городке Монополи, в квартирке на нефешенебельном конце виа Луиджи Инделли?

— У виа Луиджи Инделли *нет* фешенебельного конца.

— Вот видишь, ты сама все прекрасно понимаешь!

— Мам, я не мечтаю о том, чтобы выйти за принца и умчаться с ним в закат.

— И это хорошо, моя дорогая, потому что принцев нет. Есть только мужчины и животные, которые делают вид, что они мужчины. За одного из таких, последних, я и вышла, но он хотя бы ода-

рил тебя генами, благодаря которым у тебя такие изумительные скулы, такая сногсшибательная улыбка. У твоего отца были очень хорошие зубы.

— Вот только жаль, что при этом он был лишь безмозглым байкером.

— Дорогая, в том не было его вины.

— Мама, по дорогам ездят машины. Если не лезть к ним под колеса, они обычно тебя не давят.

— По счастью, в отличие от твоего отца, я — гений, а потому в тебе течет кровь фей.

— Надо же, не думала, что феи так сильно потеют, — заметила Алессандра, убирая с лица матери влажную прядь волос. — Мам, в колонии мы не справимся. Пожалуйста, не надо.

— Перелет займет сорок лет: я пошла к соседям и посмотрела в Сети.

— Хотя бы на этот раз ты их об этом попросила?

— Разумеется, пришлось — теперь они закрывают окна. Они были в восторге, что мы станем колонистами.

— Вот в этом не сомневаюсь.

— Но для нас, по волшебству, это займет лишь два года.

— Из-за релятивистских эффектов перелета на

субсветовой скорости.

— Моя дочка — просто гений! Но даже эти два года мы сможем провести во сне, так что мы даже не постареем.

— Почти.

— Словно наши тела проспали неделю, а проснемся мы через сорок лет.

— И все, кого мы знали на Земле, будут на сорок лет старше.

— Или мертвы, — пропела мать. — Включая мою омерзительную ведьму-мать, которая отреклась от меня, когда я вышла за любимого человека. И которая поэтому никогда не заполучит мою драгоценную доченьку.

Мелодия этой песенки всегда звучала весело. Алессандра ни разу в жизни не встречалась со своей бабушкой. Однако сейчас ей пришло в голову, что бабушка, в принципе, могла бы спасти ее от полета в колонию.

— Мама, я не полечу.

— Ты очень молода и потому полетишь туда же, куда и я, тра-ла-ла.

— Ты сумасшедшая. Я скорее подам на тебя в суд за принуждение, чем полечу, тра-ла-ли.

— Ты уж сначала подумай об этом, потому что я собираюсь лететь в любом случае. И если ты

думаешь, что жить со мною трудно, посмотришь, каково тебе будет без меня.

— Да, я посмотрю, — сказала Алессандра. — Мне надо встретиться с бабушкой.

В глазах матери сверкнула молния, но Алессандра уперлась:

— Позволь мне жить с нею. А ты лети в колонию.

— Но, дорогая, в этом случае у меня не будет причины лететь. Я делаю это для тебя. Поэтому без тебя я тоже не полечу.

— Значит, мы не летим. Сообщи им об этом.

— Мы летим, и мы взволнованы.

Ну вот, опять по кругу; мать ничуть не возражала против повторения одних и тех же аргументов, но Алессандре они наскучили.

— Какие сказочки тебе пришлось им скормить, чтобы нас приняли?

— Я не солгала ни словом, — ответила мать, делая вид, что шокирована обвинением. — Я лишь подтвердила свое решение. Они сами навели все нужные справки, поэтому любая ложь, которую они могли получить, остается на их совести. Ты знаешь, почему они хотят нас в колонисты?

— А ты? — спросила Алессандра. — Они тебе вообще это сказали?

— Не нужно быть гением или даже феей, чтобы это понять, — сказала мать. — Мы им нужны, потому что обе в репродуктивном возрасте.

Алессандра с отвращением простонала, но мать сделала вид, что прихорашивается перед воображаемым зеркалом в полный рост.

— Я еще молода, — сказала мать, — а ты только становишься женщиной. У них там мужчины с флота, молодые холостяки — они никогда не были женаты. Только и ждут, чтобы мы к ним присоединились. Поэтому я сойдусь с очень старым мужчиной лет шестидесяти, нарожаю ему детей, а потом он умрет. Я к такому привыкла. Но ты — ты будешь призом, который отхватит юноша. Ты будешь сокровищем.

— Моя матка будет сокровищем, ты хочешь сказать, — заметила Алессандра. — Ты права, именно это они и думают. Держу пари, практически ни одной здоровой женщине они не отказали.

— Мы, феи, всегда здоровы.

Это правда — Алессандра не помнила, чтобы хоть раз чем-то болела, кроме того случая пищевого отравления, когда мать настояла на том, чтобы в конце очень жаркого дня поужинать у лотка уличного продавца.

— Значит, они посылают стадо женщин, как

стадо коров.

— Ты будешь коровой, только если решишь быть ею, — сказала мать. — Единственный нерешенный вопрос: проведем ли мы этот перелет во сне, чтобы проснуться перед приземлением, или останемся бодрствовать на протяжение двух лет, чтобы получить нужные навыки и пройти обучение — чтобы оказаться полезными колонистам первой волны.

Алессандра была поражена:

— Ты что, правда читала документы?

— Моя милая Алесса, это же самое важное решение в нашей жизни. Я предельно осторожна.

— Эх, лучше читала бы ты счета от электрической компании!

— Это неинтересно. Они лишь подчеркивают нашу бедность. Теперь я понимаю, что Бог готовил нас к миру без кондиционеров, без видео и Сети. К миру природы. Мы, народ эльфов, рождены для жизни на природе. Ты придешь на танцы, грациозная фея, очаруешь сына короля, и принц будет танцевать с тобой и влюбится всем сердцем. И тогда настанет твоя очередь решать — тот ли он, кто тебе нужен.

— Сомневаюсь, что там отыщется король.

— Но там будет губернатор. И высокие чины. И

юноши с перспективами. Я помогу тебе выбрать.

— Определенно, ты *не* будешь помогать мне с выбором.

— В богача влюбиться не сложнее, чем в бедняка.

— Тебе лучше знать.

— Мне знать намного лучше, потому что я однажды обожглась. Приток горячей крови к сердцу — темная магия, его нужно усмирить. Тебе ни в коем случае нельзя это себе позволить, пока ты не выберешь мужчину, достойного твоей любви. Я помогу тебе выбрать.

Никакого смысла спорить. Алессандра давным-давно усвоила, что сражениями с матерью ничего не добьешься, а вот игнорирование работает очень даже хорошо.

Но не в этом случае! Колония. Определенно, настало время для того, чтобы разыскать бабушку. Она жила в Полиньяно-а-Маре, ближайшем из городов, если ехать вдоль побережья Адриатического моря. Больше о ней ничего не известно. И фамилия бабушки совсем не Тоскано. Алессандре предстояло серьезное расследование.

Неделю спустя мать по-прежнему на все лады мусолила вопрос: следует им в полете спать или бодрствовать. Ну а Алессандра обнаружила, что

довольно много информации недоступно детям. Хорошенько порывшись в квартире, она нашла свое свидетельство о рождении — но оно не могло ей помочь, поскольку в нем были сведения только о ее родителях. Нужно было свидетельство матери, но найти его в квартире не удалось.

Правительственные чиновники лишь признали, что Алессандра существует, и не более того. Узнав о ее намерениях, они отправили девушку восвояси. Удача улыбнулась Алессандре, только когда она наконец подумала о католической церкви. Они с матерью не посещали мессы с тех пор, когда Алессандра была еще маленькой, но в окружной епархии священник помог ей отыскать записи о ее крещении. Там говорилось как о настоящих, так и о крестных родителях младенца Алессандры Тоскано. Алессандра решила, что либо крестные родители и есть ее бабушка с дедушкой, либо знают их.

В школе она полазила по Сети и выяснила, что Леопольд и Изабелла Сантанело живут в Полиньяно-а-Маре. Это был добрый знак, поскольку именно в этом городе жила бабушка.

Вместо того чтобы идти домой, Алессандра воспользовалась школьным проездным и села на поезд в Полиньяно. Там она сорок пять минут

бродила по городу в поисках нужного адреса. К ее отвращению, нужный дом оказался в коротком проулке от виа Антонио Ардито: неухоженное многоквартирное здание прямо возле железной дороги. Звонка не было. Измученная Алессандра поднялась на четвертый этаж и постучала.

— Не терпится стучать — по голове себе постучи! — заорала женщина внутри.

— Вы Изабелла Сантанело?

— Я — Дева Мария, отвечаю на молитвы и очень занята. Вон!

Первой мыслью Алессандры было: «Так, значит, мама все наврала о том, что ее подбросили феи. На самом деле она младшая сестренка Иисуса».

Но все же девушка решила, что не стоит вести себя легкомысленно. Ей и так не избежать неприятностей из-за того, что она покинула Монополи без разрешения, так что необходимо выяснить у «Девы Марии», приходится ли та ей бабушкой.

— Прошу прощения, что побеспокоила, но я дочь Дорабеллы Тоскано, и я…

Должно быть, она стояла прямо за дверью, потому что та распахнулась прежде, чем Алессандра успела закончить фразу.

— Дорабелла Тоскано мертва, ее больше нет! Разве у мертвой могут быть дочери?

— Моя мать не мертва, — возразила ошарашенная Алессандра. — В церковной книге вы записаны моею крестной матерью.

— Это самая большая ошибка в моей жизни. Она выскочила за этого свинтуса, курьера на мотоцикле, когда ей стукнуло пятнадцать… А все почему? Потому что у нее стало расти пузо, в котором сидела ты, вот почему! Она думает, свадьба сделает все чистым и непорочным! А затем ее муженек-идиот разбивается. Я ей говорила: это доказывает, что Бог есть. А сейчас проваливай ко всем чертям!

Дверь захлопнулась перед носом у Алессандры.

Но ведь она так далеко зашла! Нет, просто не может быть, чтобы бабушка действительно выгнала ее вот так. Они едва успели мельком взглянуть друг на друга.

— Но я ваша внучка! — крикнула Алессандра.

— Какая еще внучка может у меня быть, когда у меня нет дочери? Передай матери, что ей следовало бы лично прийти ко мне и как следует извиниться, прежде чем отправлять ко мне, можно сказать, внебрачную дочь, чтобы та канючила у моей двери.

— Она собирается отправиться в колонию, —

сказала Алессандра.

Дверь вновь распахнулась.

— Похоже, совсем с ума съехала, — заявила бабушка. — Заходи. Садись. Рассказывай, что за глупости она там вытворяет.

Квартира была вылизана до блеска. Все предметы были невероятно дешевыми, но их было много — керамика, крошечные репродукции в рамках, — и все было тщательнейшим образом протерто от пыли и отполировано. Диван и кресла завалены стегаными одеялами, покрывалами и изысканно вышитыми подушками, так что присесть было решительно негде. Бабушка Изабелла ничего не стала двигать, и Алессандра наконец примостилась на стопке подушек.

Жаловаться на мать бабушке, как школьной подружке, внезапно показалось Алессандре предательством и незрелым поступком, так что сейчас она попыталась смягчить свое обвинение.

— Я знаю, у нее есть на то свои причины, и думаю, она сама верит, что делает это для меня…

— Что-что-что она делает для тебя? Я не могу сидеть здесь целый день!

У женщины, которая вышивает все эти подушки, свободен весь день, *каждый день*. Но это

дерзкое замечание Алессандра оставила при себе.

— Она записалась на корабль с колонистами, и ее приняли.

— Корабль с колонистами? Нет никаких колоний. Все эти планеты теперь сами по себе, отдельные государства. Не то чтобы у Италии со времен Римской империи были *настоящие* колонии. С тех времен и мы потеряли яйца… мужчины, разумеется. С тех пор итальянские мужчины всегда были никудышными. Твой дед, да оставит его Бог в могиле, был никчемным человеком. Никогда не стоял за себя, всем позволял вертеть собой как угодно, но хотя бы много работал и обеспечивал меня, пока неблагодарная дочь не плюнула мне в лицо, выйдя за мальчишку-мотоциклиста. Этот негодяй, твой отец, в жизни и десяти центов не заработал.

— С тех пор как умер — разумеется, — заметила Алессандра, будучи уже серьезно на взводе.

— Я говорю о том времени, когда он еще жил! Не утруждался, работал по минимуму. Думаю, он был наркоманом. Наверное, ты была кокаиновым ребенком.

— Я так не думаю.

— Да тебе-то откуда вообще о чем-нибудь

знать? — спросила бабушка. — Тогда ты даже говорить еще не умела!

Алессандра сидела, выжидая.

— Ну? Рассказывай.

— Я уже сказала, но вы мне не поверили.

— И что ты сказала?

— Корабль с колонистами. Межзвездный корабль к одной из жукерских планет, чтобы вести сельское хозяйство и исследовательскую работу.

— А жукеры не будут против?

— Жукеров больше нет, бабушка. Они все убиты.

— Мерзкое дело, но его надо было сделать. Вот бы пообщаться с этим мальчиком, Эндером Виггином. У меня есть на примете люди, которым бы не помешало как следует умереть. Целый список. Так чего ты от меня хочешь?

— Я не хочу лететь в космос. С матерью. Но я еще несовершеннолетняя. Если бы ты подписала опеку, я могла бы получить гражданские права и остаться дома. Так по закону.

— Опеку над тобой?

— Да. Чтобы присматривать за мной и обеспечивать меня. Я бы жила здесь.

— Убирайся.

— Что?

— Вставай и выметайся. Ты что думаешь, здесь тебе отель? А спать ты где будешь, скажи мне? На полу, где я бы на тебя посреди ночи наступила и поломала себе бедро? Здесь для тебя места нет. Я сразу должна была догадаться, что ты начнешь что-то требовать. Вон!

Спорить было не о чем. В считаные секунды Алессандра поняла, что бежит по ступенькам, взбешенная и униженная. Эта женщина оказалась еще более сумасшедшей, чем мать.

Мне некуда идти, подумала Алессандра. Но ведь закон не может позволить, чтобы мать *принудила* меня лететь в космос, ведь так? Я не дитя, я не ребенок, мне уже четырнадцать. Я умею читать, писать и могу принимать рациональные решения.

Когда поезд вернулся в Монополи, Алессандра не пошла домой сразу. Ей надо было выдумать хорошую историю о том, где она была, а потому можно было задержаться еще — а потом вписать в историю и это время. Может быть, офис проекта «Расселение» еще открыт?

Нет, офис уже закрылся. Алессандра не смогла даже получить брошюру. А впрочем, какой смысл? Все, что представляет интерес, доступно в Сети. Можно задержаться после уроков в школе

и все выяснить. Она вместо этого поехала повидаться с бабушкой.

«Это лишь доказывает, насколько правильные решения я принимаю».

Мать сидела за столом. Перед ней стояла чашка с шоколадом. Она подняла голову и молча посмотрела, как Алессандра закрывает дверь и кладет школьную сумку.

— Мам, извини. Я…

— Прежде чем солжешь, — мягко сказала мать, — имей в виду: ведьма позвонила мне с воплями, что это я отправила тебя к ней. Я бросила трубку, чем такие разговоры обычно и заканчиваются. А потом выдернула шнур из телефонной розетки.

— Прости, — сказала Алессандра.

— Ты не думала, что у меня есть причина, чтобы держать ее подальше от твоей жизни?

Этот вопрос задел что-то в душе Алессандры, и, вместо того чтобы пытаться отступить, она взорвалась.

— Мне плевать, есть ли у тебя причина! — воскликнула она. — У тебя могло быть десять миллионов причин, но ты не сказала мне ни об одной! Ты ожидала, что я буду слепо тебе подчиняться. А сама ты своей матери слепо не

подчинялась!

— Я не монстр, — заметила мать.

— Монстры бывают разными. Ты — монстр, который порхает как бабочка и никогда не посидит рядом достаточно долго, чтобы выслушать и понять, кто я.

— Все, что я делаю, — делаю для тебя!

— Для меня ты не делаешь ничего. Все, что ты делаешь, — ты делаешь для ребенка, которого себе выдумала. Несуществующего, идеального, счастливого ребенка, который просто обязан быть только потому, что ты абсолютная противоположность своей матери. Что ж, я не такой ребенок. И в доме твоей матери электричество есть!

— Ну так перебирайся жить к ней!

— Она меня не пустит!

— Ты бы возненавидела ту жизнь. Ничего нельзя трогать. Все нужно делать так, как скажет она!

— Например? Лететь в космос на корабле с колонистами?

— Я записалась на корабль для тебя!

— Знаешь, это как если б ты купила мне лифчик размера икс-икс-эль. Почему для начала не посмотреть на меня, прежде чем решать, что

мне нужно?

— Я скажу тебе, кто ты. Ты девушка, которая слишком юна и неопытна, чтобы знать, что нужно женщине. На этом пути я в десяти километрах впереди тебя, я знаю, что тебя ожидает. Я пытаюсь дать тебе то, что тебе важно, чтобы твоя дорога была легкой и гладкой. И знаешь что? Несмотря на твои возражения, сумела сделать. Ты сражалась со мною на каждом шагу, но у меня все отлично получилось. Ты даже не подозреваешь, как классно у меня получилось, потому что не знаешь, кем ты могла стать.

— И кем я могла стать, мам? Тобою?

— Мною ты никогда не могла бы стать, — ответила мать.

— О чем ты говоришь? Хочешь сказать, я могла бы стать *ею*?

— Мы никогда не узнаем, кем ты могла бы стать, верно? Потому что ты уже та, кого сделала из тебя я.

— Ошибаешься! Я выгляжу так, как должна выглядеть, чтобы жить в твоем доме. На самом деле я для тебя незнакомка. Незнакомка, которую ты намерена вытащить в космос, даже не спрашивая ее желания. Вообще-то, людей, с которыми так обращались, называли рабами.

Больше чем когда-либо в жизни Алессандре хотелось убежать в свою спальню и хлопнуть дверью. Но у нее не было спальни, она спала на софе в одном помещении с кухней и обеденным столом.

— Понимаю, — сказала мать. — Я уйду к себе в спальню, а ты можешь хлопнуть вслед дверью.

Пожалуй, больше всего бесило именно то, что мать по-настоящему знает, о чем она думает. Но Алессандра не стала вопить, не набросилась на мать, чтобы расцарапать ей лицо, не повалилась на пол, чтобы забиться в припадке гнева. Она даже не упала на софу, чтобы уткнуться лицом в подушку. Вместо этого села за стол прямо напротив матери и спросила:

— Что на ужин?

— О как! Так что, обсуждение закончено?

— Обсудим, пока буду готовить. Я голодна.

— Есть нечего, потому что я еще не отправила последние формы: еще не решила, будем ли мы в полете спать или бодрствовать. Так что подъемные не заплачены, и на еду нет денег.

— И что же с ужином?

Мать отвела взгляд.

— Я придумала, — воодушевленно воскликнула Алессандра. — Поехали к бабушке!

Мать сверкнула на нее глазами.

— Мам, — сказала Алессандра, — мы же живем на пособие по безработице! Как так получается, что у нас вечно нет денег? Другие живут на те же деньги, но им хватает на еду и оплату электричества.

— А что ты думаешь? — спросила мать. — Посмотри вокруг. На что я трачу все деньги от государства? Где вся роскошь? Загляни в мой шкаф, пересчитай платья.

Алессандра немного поразмыслила.

— Никогда об этом не задумывалась. Мы что, должны мафии? Может, папа задолжал, прежде чем погиб?

— Нет, — пренебрежительно сказала мать. — У тебя на руках вся информация, а ты так ничего и не поняла — а ведь такая умная и взрослая!

Алессандра не могла представить, о чем говорит мать. Никакой новой информации у девушки не было. И еды тоже никакой не было.

Она встала и начала открывать шкафчики. Нашла коробку сухих радиатори[1] и банку черного перца. Поднесла к раковине кастрюлю, налила воды. Поставила на плиту и зажгла газ.

---

[1] Сноски: 1

Радиатори (ит.) — одна из разновидностей итальянской пасты.

— Для пасты нет соуса, — заметила мать.

— Есть перец. И масло.

— Ты не сможешь есть радиатори с одним перцем и маслом. Это все равно что запихивать в рот влажную муку.

— Это не моя проблема, — ответила Алессандра. — Сейчас выбор такой: либо паста, либо кожаная подошва. На твоем месте я бы начала присматривать за своими вещами.

Мать попыталась перевести разговор на шутливый лад.

— Ну конечно, ты ведь моя дочь — моими туфлями ты бы не поперхнулась.

— Лучше надейся, что я сумею остановиться и не отгрызу тебе ногу.

— Дети заживо едят родителей, этого у них не отнять, — с напускной беззаботностью заявила мать.

— Тогда почему это кошмарное создание по-прежнему живет в Полиньяно-а-Маре?

— Об ее шкуру я зубы обломала! — Белла сделала последнюю попытку пошутить.

— Ты говоришь мне об ужасных поступках, которые совершают дочери. Но ты ведь и сама дочь. Ты их совершала?

— Я очертя голову вышла за первого мужчину,

который намекнул мне на то, что в мире существуют доброта и удовольствие. Выходить замуж было глупо.

— Половина моих генов — от того мужчины, за которого ты вышла, — сказала Алессандра. — И потому я слишком глупая, чтобы решить, на какой планете мне хочется жить?

— Очевидно, ты согласна жить на любой планете, где нет меня.

— Но ведь это ты выступила с идеей о колонии, а не я! Но сейчас мне кажется, что мы добрались до твоей, личной причины. Да! Ты хочешь улететь в колонию на другую планету потому, что *твоей* матери там нет!

Белла ссутулилась на своем стуле:

— Да, отчасти это так. Не буду притворяться, будто не думала, что это один из самых замечательных аспектов.

— Так ты признаешь, что делала все это не ради меня?

— Нет. Все это — ради тебя.

— Убраться подальше от матери — это ради тебя, — сказала Алессандра.

— Нет, ради тебя.

— Как это может быть ради меня? До сегодняшнего дня я понятия не имела, как выглядит моя

бабушка. Ни разу не видела ее. Даже не знала ее имени.

— А тебе известно, во что это мне обходится? — спросила мать.

— Ты о чем?

Мать отвела взгляд:

— У тебя вода кипит.

— Нет, это у меня все внутри клокочет. Объясни, что ты имеешь в виду! Во что *тебе* обходится не давать *мне* видеть собственную бабушку?

Мать встала и прошла в свою спальню, закрыв за собою дверь.

— Ты забыла хлопнуть ею, мам! И кто здесь родитель, а? У кого большее чувство ответственности? Кто занят ужином?

Вода закипела лишь через три минуты. Алессандра закинула в нее две пригоршни радиатори, а затем вернулась к книгам и погрузилась в учебники. В конце концов паста переварилась, а поскольку была из дешевой муки, то еще и слиплась, и масло не помогло. Она лужицами стекла на дно тарелки, а перцу лишь кое-как удалось сделать эту массу более-менее съедобной. Алессандра ела, не отводя взгляда от страниц, механически глотала пищу, пока очередной жевок не стал в горле комом. Она встала, выплюнула

его в раковину, а затем запила стаканом воды, и ее чуть не вытошнило еще раз. Пару раз рыгнула над раковиной, после чего сумела обуздать свои внутренности.

«М-м-м, восхитительно!» — пробормотала она. И повернулась к столу.

Там сидела мать с одиноким кусочком пасты в пальцах. Она положила ее в рот.

— Какая же я прекрасная мать, — мягко сказала она.

— Мам, я делаю домашку. Время на споры уже вышло.

— Милая, будь честной. Мы почти никогда не спорим.

— Да, должна согласиться. Совершенно счастливая, ты порхаешь по комнате, игнорируя все, что бы я ни говорила. Но поверь, мое мнение остается при мне.

— Я собираюсь тебе кое-что рассказать, потому что ты права — ты достаточно взрослая, чтобы что-то понять.

Алессандра села:

— Хорошо, рассказывай.

И посмотрела матери в глаза.

Та отвела взгляд.

— Значит, ты не собираешься мне ничего рас-

сказывать. Займусь лучше домашкой.

— Я расскажу, — произнесла мать. — Просто не буду смотреть на тебя, пока буду рассказывать.

— И я не буду смотреть на тебя, — сказала Алессандра, возвращаясь к урокам.

— Примерно десятого числа каждого месяца моя мать звонит мне. Я отвечаю на звонок, потому что, если не отвечаю, она садится в поезд и приезжает сама — и тогда мне бывает сложно выгнать ее отсюда, прежде чем ты вернешься из школы. Итак, я отвечаю на звонок, и она говорит мне, что я ее не люблю, что я неблагодарная дочь, потому что она совершенно одна в своей квартире, и что у нее не осталось денег, что у нее в жизни нет ничего хорошего. «Переезжай ко мне, — говорит она, — возьми с собою свою прелестную дочку, мы будем жить у меня, объединим финансы, и нам хватит». Нет, мам, говорю я ей. Я к тебе не перееду. А она начинает всхлипывать и вопить и говорит мне, что я ее ненавижу, что я вырвала из ее жизни всю радость и красоту, потому что оставляю ее одну без гроша в кармане. Так что я обещаю прислать ей немного. Она говорит: «Не надо присылать, тратиться на пересылку. Лучше, — говорит, — я сама приеду и возьму». А я отвечаю: нет, меня здесь не будет, поездка

обойдется дороже пересылки, и отправляю. И каким-то чудом я кладу трубку до того, как ты возвращаешься. Потом я некоторое время сижу здесь, умудряясь не перерезать вены, а затем кладу немного денег в конверт, несу на почту и отправляю ей, а она берет эти деньги и покупает очередную мерзкую безделушку, годную только в мусорку. Вешает эту мерзость на стену или ставит на полку. В итоге ее квартира лопается от вещей, оплаченных мною теми деньгами, которые должны были пойти на дочь, и я плачу за все это, каждый месяц выбиваясь из бюджета, хотя я получаю в точности ту же сумму, что и она. Но оно того стоит. Голод того стоит. Твоя злость и обида на меня того стоят, потому что тебе не приходится знать эту женщину, тебе не приходится иметь ее в своей жизни. Поэтому, Алессандра, да — все это я делаю ради тебя. И если смогу убраться с этой планеты, мне больше не придется отправлять ей очередную порцию денег, а она больше не будет мне названивать, потому что к тому времени, как мы окажемся на другой планете, ее больше не будет. Жаль только, что ты не доверилась мне настолько, чтобы мы смогли убраться отсюда без того, чтобы ты видела ее злобное лицо и слышала ее злой голос.

Мать встала из-за стола и вернулась к себе в комнату.

Алессандра доделала домашнюю работу, положила ее в рюкзак, а затем села на софу и уставилась в неработающий телевизор. Она вспоминала, как каждый день приходила из школы — год за годом, — а мама всегда была дома, порхая, неся свою чепуху о феях и магии и обо всех тех замечательных делах, которыми занималась днем. А на самом деле днем ей приходилось биться с монстром, чтобы не дать ему проникнуть в дом и сомкнуть свои челюсти на Алессандре.

Это объясняло голод. Объясняло отсутствие электричества. Объясняло все.

Правда, отсюда совсем не следовало, что мать не сошла с ума. Более того, теперь ее помешательство стало вроде как объяснимым. Перелет в колонию сделал бы мать свободной. Не только Алессандра была готова отстаивать свои гражданские права.

Алессандра подошла к двери и легонько постучала:

— Я предлагаю провести полет во сне.

Долгое ожидание. Затем с той стороны донесся голос:

— Тоже склоняюсь к этому мнению. — И, немно-

го помолчав, мать добавила: — В колонии ты встретишь юношу. Прекрасного юношу с перспективами.

— Думаю, будет, — ответила Алессандра. — И знаю, он будет обожать мою счастливую сумасшедшую маму. И моя чудесная мама тоже его полюбит.

Больше они ничего друг другу не говорили.

В квартире было невероятно жарко. Даже с распахнутыми настежь окнами в воздухе не было ни намека на сквознячок, и облегчению неоткуда было прийти. Алессандра легла на софу в одном нижнем белье. Ей так хотелось, чтобы обивка не была такой мягкой и липкой. Подумав, что горячий воздух идет вверх и внизу воздух будет хоть чуточку прохладнее, она легла на пол. Но горячий воздух в квартире этажом ниже, должно быть, поднимался кверху и нагревал пол, так что это не помогло, да и пол был слишком жестким.

Или не слишком? На следующее утро она встала с пола и почувствовала дуновение бриза с Адриатического моря, а мать что-то жарила на плите.

— Откуда ты взяла яйца? — спросила Алессандра, выйдя из туалета.

— Я заняла, — ответила мать.

— У соседей?

— У пары соседских несушек, — сказала мать.

— Тебя кто-нибудь видел?

— Видели или нет, главное — никто меня не остановил.

Алессандра рассмеялась и обняла ее. Пошла в школу и на этот раз не слишком гордилась тем, что съела бесплатный обед, потому что знала: ее мать заплатила за эту еду.

А вечером был ужин, и не просто еда, а рыба с соусом и свежими овощами. Должно быть, мать подала окончательно заполненные бумаги и получила подъемные. Им предстоял полет.

Мать была очень скрупулезной. Она взяла с собой Алессандру, и они пошли в два соседских дома, где держали куриц. Мать поблагодарила соседей за то, что те не стали вызывать полицию, и заплатила им за взятые яйца. Они пытались отказаться от денег, но мать настояла на том, что не может покинуть город, оставив долги. Сказала, что их доброта все равно зачтется им на небесах. Были поцелуи и слезы, и мать шла не поступью феи, но легкими шагами женщины, у которой с плеч упал тяжкий груз.

Две недели спустя Алессандра зависала в Сети и вдруг узнала нечто такое, от чего громко, на всю библиотеку, ахнула. Несколько человек

бросились было к ней, и ей пришлось быстро переключить экран, так что все были уверены, что она смотрела порно. Но ей было плевать, она не могла дождаться возвращения домой, чтобы рассказать эту новость матери.

— Ты знаешь, кто будет губернатором нашей колонии?

Мать отрицательно покачала головой:

— А это важно? Это будет жирный старик. Или храбрый искатель приключений.

— А что, если это мальчик — просто мальчик тринадцати или четырнадцати лет, настолько умный и хороший, что спас все человечество?

— О чем ты?

— Объявили состав нашего корабля. Его поведет Мэйзер Рэкхем, а губернатором колонии станет Эндер Виггин.

Настала очередь матери охнуть.

— Мальчик? Они сделают губернатором мальчика?

— На войне он командовал флотом. Разумеется, он сможет управлять колонией, — сказала Алессандра.

— Мальчик. Маленький мальчик.

— Не такой уж маленький. Моего возраста.

Мать посмотрела на нее:

— А что, ты такая большая?

— Знаешь, уже довольно большая. Как ты сама сказала — «детородного возраста»!

Лицо матери приняло задумчивое выражение.

— И того же возраста, что и Эндер Виггин…

Алессандра почувствовала, как лицо становится пунцовым.

— Мама! Не думай о том, о чем ты — я точно знаю! — думаешь!

— А почему нет? На этой далекой одинокой планете ему же надо будет на ком-то жениться. Почему бы не на тебе? — спросила мать. А затем ее лицо тоже покраснело, и она захлопала себя ладонями по щекам. — Ох-ох, Алессандра! Мне было так страшно тебе сказать, но теперь я так рада — и ты тоже будешь рада!

— Сказать что?

— Помнишь, мы решили провести полет во сне? Ну, я пошла в офис, чтобы подать бумаги, но при заполнении случайно поставила галочку не в том месте. Получилось, что мы будем бодрствовать и учиться и окажемся в первой волне новых колонистов. И я подумала: а что, если они не позволят мне переписать заявление? И решила, что потребую заполнить заново! Но когда я сидела там, напротив женщины, принимавшей

документы, я испугалась и даже не упомянула об этом — просто отдала ей, как трусишка. Но сейчас я понимаю, что не была трусишкой. Мою руку направлял Господь, правда. Потому что теперь весь полет ты проведешь бодрствуя. А сколько четырнадцатилетних окажутся на корабле не спящими? Ты да Эндер, вот как мне думается. Только вы двое.

— Он не влюбится в глупую девчонку вроде меня.

— У тебя очень хорошие оценки. И потом, умный юноша не ищет девушку, которая будет умнее его. Он будет искать такую девушку, которая будет его любить. Он солдат, который никогда не возвращался с войны. Ты станешь его другом. Добрым другом. Пройдут годы, прежде чем вы с ним поженитесь. Но когда это время наступит, он будет тебя хорошо знать.

— Может, ты выйдешь за Мэйзера Рэкхема.

— Если ему повезет, — откликнулась мать. — Но меня вполне устроит любой старик, лишь бы ты была счастлива.

— Мам, я никогда не выйду за Эндера Виггина. Даже не надейся, потому что это невозможно!

— Даже не смей терять надежду!.. Меня устроит, если ты станешь просто его другом.

— А меня устроит, если я его увижу и не описаюсь в трусики. Он самый знаменитый человек в мире, величайший герой в истории.

— Не обмочиться в трусики — неплохое начало. Мокрое белье не производит хорошего впечатления.

Школьный год завершился. Они получили инструкции и билеты. На поезде им предстояло поехать в Неаполь, а затем полететь на самолете в Кению, где колонисты из Европы и Африки собирались для полета в космос. Последние несколько дней в Монополи они провели, делая все то, что им здесь нравилось: ходили на верфь, гуляли в маленьких парках, где Алессандра играла в детстве. Побывали в библиотеке, попрощались со всем тем, что делало их жизнь в городе приятной. Посетили могилу отца, чтобы возложить последние цветы.

— Мне бы хотелось, чтобы ты полетел с нами, — прошептала мать.

Но Алессандра подумала: а если бы он был жив, пришлось бы им мчаться в космос, чтобы найти там счастье?

В последний вечер в Монополи они вернулись домой поздно. На ступеньках подъезда их поджидала бабушка. Увидев дочь и внучку, она

вскочила и немедленно принялась вопить, не дожидаясь, пока они подойдут поближе, чтобы разобрать ее слова.

— Давай не пойдем, — предложила Алессандра. — Там нет ничего, что нам понадобится.

— Нам понадобится одежда для перелета в Кению, — сказала мать. — Кроме того, я ее не боюсь.

Так что они устало шли к дому, а соседи начали выглядывать из окон, интересуясь причиной шума. Пылкая речь бабушки становилась все разборчивее.

— Неблагодарная дочь! Ты собираешься украсть у меня любимую внучку, забрать ее в космос! Я ее никогда больше не увижу, а ты меня даже не предупредила, чтобы я могла попрощаться! Да что ты за чудовище такое?! Тебе всегда было на меня наплевать! Ты оставляешь меня одну, такую старую, — да как ты вообще можешь? А что скажут соседи? Да что бы ты сама подумала о такой дочери? Среди вас живет чудовище, неблагодарный монстр!..

И далее в таком же духе.

Но Алессандра не испытывала стыда. Завтра эти люди уже не будут их соседями. На этот счет волноваться нечего. Кроме того, люди, которые

дружат с головой, не удивятся желанию Дорабеллы Тоскано увезти дочь подальше от этой злой ведьмы. Да чтобы убраться подальше от этой карги, и космоса мало!

Бабушка встала поперек крыльца и вопила матери прямо в лицо. Дорабелла не сказала ни слова, а просто обошла бабушку и оказалась у двери подъезда. Вдруг остановилась, повернулась и взяла мать за руку, словно умоляя выслушать.

Но та не унималась.

Мать продолжала держать ее руку. В конце концов бабушка стала сбавлять обороты:

— О! Неужели хочешь со мной поговорить! Молчала неделями, планируя улететь в космос, а теперь, когда я сама приехала сюда с разбитым сердцем и расшибленным лицом, наконец решила со мной говорить. Только сейчас! Ну так говори же! Чего ты ждешь? Говори! Я слушаю! Кто тебе не дает?

В конце концов Алессандра встала между ними и выкрикнула в лицо бабушке:

— Никто не может сказать ни слова, пока ты не заткнешься!

Бабушка отвесила Алессандре пощечину. Удар был сильным, он на шаг отбросил девушку в сторону.

Тогда мать протянула бабушке конверт:

— Здесь все деньги, которые остались от наших подъемных. Это все, что у меня есть, кроме одежды, которую мы заберем в Кению. Отдаю это тебе. И теперь мои дела с тобой закончены, это последнее, что ты от меня получишь. Нет, еще вот это.

И она с силой ударила бабушку по лицу.

Бабушка пошатнулась и только набрала было воздуха для новых воплей, когда мать — беспечная, рожденная феями Дорабелла Тоскано — вплотную приблизила свое лицо к ее и выкрикнула:

— Никому и никогда — ты слышишь, никогда! — я не позволю бить мою малышку!

Затем она запихнула конверт с чеком в вырез бабушкиной блузки, взяла ее за плечи, развернула и пинком толкнула с крыльца.

Алессандра обвила мать руками и, всхлипнув, сказала:

— Мам, я до сих пор не понимала. Я просто не знала…

Мать крепко ее обняла и через плечо посмотрела на ошеломленных соседей, которые наблюдали за этой сценой.

— Да, — заявила она. — Я ужасная дочь. Но я очень, очень хорошая мать!

Раздались смешки и хлопки, кто-то показал язык и отвернулся — Алессандре было плевать.

— Дай взгляну, — сказала мать.

Алессандра отступила на шаг. Мать внимательно осмотрела ее лицо:

— Думаю, будет синяк, но не страшный. Пройдет быстро. К тому времени, когда ты встретишь прекрасного юношу с перспективами, следа не останется.

6

Кому: GovNom%Colony1@colmin.gov
От: GovAct%Colony1@colmin.gov

Тема: Выбор названия для колонии

Согласен – если продолжим называть это место «Колония-1», это быстро наскучит. Да, будет лучше дать ей название сейчас, а не переименовывать через пятьдесят лет, когда вы и ваш корабль сюда доберутся.

Но ваше предложение назвать ее «Просперо»[2] сейчас вряд ли отвечает реалиям. Мы каждый день хороним по одному пилоту из бывших военных летчиков, пока наш ксенобиолог пытается отыскать лекарство или метод лечения, способ контроля или уничтожения пылевых червей. Мы вдыхаем их, и они проедают стенки вен, что заканчивается обширными внутренними кровоизлияниями.

---

[2] Сноски: 2

Prospero (лат.) — процветание, также имя персонажа пьесы Шекспира «Буря».

Сэл (ксенобиолог) уверяет меня, будто лекарство, которое он только что смог разработать, замедлит этих червей и даст нам время. Так что есть некоторый шанс на то, что к вашему прибытию здесь и правда будет колония. Если у вас появятся вопросы о самих пылевых червях, можете прямо спросить его (Smenach%Colony1@colmin.gov/xbdiv).

Мое имя – Виталий Колмогоров, звание – адмирал. У вас есть имя? Кому я пишу?

Кому: GovAct%Colony1@colmin.gov

От: GovNom%Colony1@colmin.gov

Тема: Re: Выбор названия для колонии

Уважаемый адмирал Колмогоров!

Я с большим облегчением прочел недавний отчет о том, что пылевого червя можно контролировать с помощью препаратов, разработанных вашим ксенобиологом Сэлом Менахом. Червя решено назвать в его честь, но официальное название организму пока не присвоено: комитеты без конца спорят о том, вводить ли латынь для именования инопланетных существ. Некоторые высказываются

за то, чтобы на каждой колонизированной планете использовался свой язык; другие приводят аргументы за единый стандарт для всех колоний. Есть и те, кто говорит, что нужны лингвистические различия между видами, естественным образом развившимися на каждой планете и завезенными с Земли или других планет-колоний. Как видите, земляне по-прежнему заняты чрезвычайно важными делами, пока вы там пытаетесь создать для нас плацдарм в чуждой экосфере.

Как и они, я являюсь частью проблемы – имею в виду всю эту суету с названием для колонии. Прошу простить меня за то, что трачу ваше время. Тем не менее назвать колонию необходимо, и вы уже не позволили мне сделать ошибку, которая повредила бы отношениям между колонистами и министерством с его чиновниками (включая меня). Вы были правы – «Просперо» не подходит. Но по каким-то причинам меня определенно тянет воспользоваться именем из шекспировской «Бури». Как насчет собственно «Бури»? Или «Миранды», или «Ариэля»?

Подозреваю, что «Калибан» вряд ли подойдет. «Гонзало»? «Сикоракса»?

Что же касается моего имени: еще нет решения по поводу того, сообщать его вашим колонистам или нет. Мне строго запрещено разглашать его даже вам, действующему губернатору. Между тем мое имя всячески склоняют в Сети и не делают особого секрета из моего назначения губернатором Колонии-1. Информация об этом просто не передается вам по ансиблю. Так что, обманут вас или оставят в неведении, это мне придется иметь в виду, когда уже через сорок лет я стану получать информацию от министерства по делам колоний. Если только не смогу убедить их отказаться от этой глупой практики до отлета.

Полагаю, власти считают, что назначение тринадцатилетнего ребенка губернатором вашей колонии может неблагоприятно сказаться на моральном духе колонистов, пусть даже до моего прибытия и остается сорок лет. В то же время другие полагают, будто назначение губернатором победоносного главноко-

мандующего поднимет настрой. А пока они там решают, я всецело полагаюсь на вашу дедукцию и благоразумие.

Кому: GovNom%Colony1@colmin.gov
От: GovAct%Colony1@colmin.gov

Тема: Re(1): Выбор названия для колонии

Я впечатлен быстротой, с которой министерство по делам колоний откликнулось на ваш призыв предоставить колонистам канал ансибельной связи для неограниченного доступа в Сеть.

Моим первым желанием было сообщить всей колонии о личности направляющегося к нам губернатора. Имя Эндера Виггина здесь чтут и уважают. После победы мы изучали ваши сражения и спорили лишь о том, какие хвалебные слова больше всего подходят для проявленного вами военного гения. Но также я видел сообщения о военном суде над полковником Граффом и адмиралом Рэкхемом. Ваша репутация попала под удар, и я не хочу подталкивать колонистов к размышлениям о том, спаситель вы или

социопат. Не теперь, когда у них наконец появилась возможность для связи с человечеством. Не то чтобы у кого-либо из наших солдат и пилотов были малейшие сомнения в том, что вы спаситель, – но ведь за десятки лет вашего полета здесь родятся дети, которые не сражались под вашим руководством.

Признаюсь, получив от вас список названий, я был вынужден перечитать «Бурю». Действительно «Сикоракса»! Пусть в пьесе это имя малозначимо, оно удивительно подходит для нашей ситуации. Мать Калибана, ведьма, которая пропитала неизвестный остров магией… «Сикоракса» стало бы подходящим именем для той королевы улья, которая когда-то повелевала этой планетой, но теперь ушла, оставив после себя столько артефактов… и ловушек.

Наш ксенобиолог – примечательный юноша, который даже не принимает благодарности за спасение наших жизней, – говорит, что тела жукеров просто изъедены пылевыми червями. Очевидно, отдельные особи столь мало значили для

королевы, что она не делала никаких попыток контролировать или предотвращать болезнь. Напрасные потери жизней! К счастью, Сэл обнаружил, что в определенной фазе развития пылевые черви питаются лишь одним определенным видом растений. Сейчас Сэл разрабатывает методы уничтожения этой культуры. Он называет это экоцидом – ужасным преступлением с точки зрения биологии. И места себе не находит от чувства вины. И все же какая у нас альтернатива? Делать инъекции в течение всей жизни или генетически модифицировать рождающихся у нас детей, чтобы наша кровь стала для этих пылевых червей ядовитой.

Если выражаться коротко, то Сэл – это наш Просперо. Королева улья – Сикоракса. Жукеры – Калибан. Ариэлей пока что нет, хотя здесь боготворят каждую женщину детородного возраста. Мы собираемся провести лотерею, приз в которой – брак. Я не стал участвовать, иначе меня обвинят в том, что я подстроил для себя выигрыш. Никому не по душе этот

неромантичный и несвободный план, но мы проголосовали о способе наилучшего применения скудных ресурсов, и Сэл убедил большинство, что поступить нужно именно так. У нас нет времени для охов, душевных терзаний или горечи отказа.

Я говорю это вам, потому что не могу говорить об этом ни с кем, даже с Сэлом. У него и без того достаточно забот, чтобы я взваливал ему на плечи еще и свои.

Кстати, капитан вашего корабля по-прежнему пишет мне так, словно считает себя вправе отдавать мне приказы насчет управления «Колонией-1», – и без всякой ссылки на вас. Мне думается, вам следует об этом знать, чтобы предпринять определенные меры для предупреждения проблем с «квазиправителем» по прибытии. Он производит впечатление «человека мира» – бюрократа, который расцветает в военных рядах лишь в отсутствие войны, потому что его истинным врагом является любой офицер, занимающий желаемую для него должность. А вы – тот, кого он ненавидит больше всех, – человек войны. Будьте начеку: человек мира попытается оказаться за вашей спиной с кинжалом в руке.

Виталий Денисович

Кому: GovAct%Colony1@colmin.gov
От: GovNom%Colony1@colmin.gov

Тема: Придумал название

Уважаемый Виталий Денисович!
Я придумал название: «Шекспир»!

Предлагаю назвать так и саму планету, и первое поселение на ней. Следующие поселения можно будет называть именами героев из «Бури» и из других пьес.

Между тем некоего адмирала мы можем называть ковдорским таном[3], чтобы не забывать о неминуемой расплате за самонадеянные амбиции.

Устраивает ли вас «Шекспир» в качестве названия? Мне представляется подходящим назвать новую планету именем великого человека, писавшего о человеческих душах. Но если вы считаете название слишком английским, слишком привязанным к определенной культуре, я начну искать иное название.

Благодарю вас за доверие. Надеюсь, в течение полета я его не утрачу, пусть даже из-за растяжения времени уйдут недели на каждый обмен сообщениями. Разумеется, это означает, что я не буду находиться в стазисе: пятнадцатилетний губернатор все же лучше тринадцати-

[3] Сноски: 3

Ковдорский тан — шотландский дворянский титул. В пьесе Шекспира «Макбет» король Макбет захватывает ковдорского тана и сам получает этот титул.

летнего.

И чтобы вы знали, наш полет продлится не пятьдесят лет, а ближе к сорока: определенные усовершенствования были внесены как в двигатели-«яйца», так и в инерционную защиту кораблей, так что мы сможем быстрее ускоряться и замедляться в звездных системах и больше времени проводить на релятивистских скоростях. Может, мы и получили всю нашу технологию от жукеров, но это не значит, что мы не в силах ее улучшить.

Эндер

Кому: GovNom%Colony1@colmin.gov
От: GovAct%Colony1@colmin.gov

Тема: Re(2): Выбор названия для колонии

Дорогой Эндер!

Шекспир принадлежит всем, но сейчас это слово имеет особое значение для нашей колонии. Я высказал эту идею нескольким колонистам, и те из них, кому было не все равно, сочли это хорошим названием.

Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы выжить до того, как вы прилетите подкрепить наши ряды. Но я помню свой собственный полет на войну: ваши два года будут восприниматься дольше, чем наши сорок. Мы будем постоянно чем-то заняты. Вы же будете чувствовать неудовлетворенность и скуку. Те, кто выбрал полет в стазисе, были счастливее. И все же ваше решение прилететь пятнадцатилетним я назову мудрым. И думаю, я лучше вас понимаю ту жертву, на которую вы идете.

Я буду направлять вам отчеты каждые несколько месяцев – для вас это будет несколько дней, – чтобы у вас появились определенные мысли о том, кто такие наши колонисты и как функционирует деревня, о социальной жизни, сельском хозяйстве и технологиях, а также о наших достижениях и проблемах, с которыми мы сталкиваемся. Постараюсь приложить все силы к тому, чтобы вы узнали наших лидеров. Но им я не стану говорить об этом, иначе они сочтут, что за ними шпионят. Когда вы прилетите,

постарайтесь не сообщать им, сколько всего я вам о них рассказал. Вы сможете казаться проницательнее, а это хорошо для репутации.

То же самое я сделал бы для адмирала Моргана, поскольку есть шанс, что именно он обретет власть: солдаты на его корабле подчиняются ему, а не вам, а если он решит незаконно применить силу на планете – ближайшие власти в сорока годах лету. Наши колонисты будут безоружны, без опыта боевых действий, а потому сопротивления не окажут.

Однако адмирал Морган упорствует в своих распоряжениях. Причем он ни разу не поинтересовался условиями, в которых мы живем и работаем, – ничего сверх того, что он читал (или не читал) в моих официальных отчетах. Его также довольно явно раздражает то, что я не реагирую так, как ему хочется (хотя я полностью отвечал на все его законные запросы и требования). Подозреваю, что по прибытии его первой задачей будет выставить меня из кабинета. По счастью, демография дает основания полагать, что

я умру раньше, чем он сюда доберется, а потому это чисто академический вопрос.

Может, вам всего тринадцать, но вы хотя бы понимаете, что не в состоянии вести за собой группу незнакомых людей. Их можно либо принудить к этому силой, либо подкупить.

Виталий

Сэл Менах так долго пялился в микроскоп на инопланетную плесень, что у него разболелись шея и спина. «Если так пойдет дальше, я до тридцати пяти заработаю горб, как у старика».

Впрочем, работай он в поле — разрыхлял бы почву, не давал бы вьющимся сорнякам взбираться по стеблям кукурузы и загораживать солнце, — его ждала бы та же участь. И там его спина тоже согнулась бы в три погибели, а кожа стала бы коричневой. Под местным жгучим солнцем различия между земными расами почти стерлись. Сэлу это представлялось чем-то вроде образа будущего, в котором ему виделось, как колонисты, набранные со всей Земли, породнились между собой, так что через три поколения — а то и два — исчезнет сама концепция расы или национальности. Все эти хирурги, геологи,

ксенобиологи и климатологи, а также военные летчики, уничтожавшие некогда владевшего этим миром врага, — всем им теперь предстояла мирная жизнь.

И все же на каждой планете-колонии у людей будет своя неповторимая внешность и свой акцент общефлотского языка, который, в сущности, тот же английский, только с некоторыми изменениями в написании слов. По мере того как колонисты начнут перемещаться между планетами, возникнут новые различия. А Земля между тем по-прежнему будет домом для всех старых языков, этносов и национальностей, так что различие между колонистами и землянами станет все более и более выраженным и важным.

«Не моя проблема, — подумал Сэл. — Я могу заглянуть в будущее, это каждый может; но здесь, на планете, названной Шекспир, не будет никакого будущего, если я не сумею найти способ искоренить эту плесень, уничтожающую земные злаки. Да как вообще здесь могла возникнуть плесень, специфически поражающая травы, когда земные травы, в том числе и злаки, не имеют здесь генетического аналога?»

Вошла Афрайма с образцами из опытного сада и теплицы. В этом была своя ирония: все эти

высокие фермерские технологии, сельхозоборудование, доставленные сюда истребителями, прятавшимися в брюхе межзвездного транспортника… И если что-то сломается — целых пятьдесят лет не будет ни запчастей, ни замены. Может быть, сорока — если новый межзвездный двигатель действительно умеет гнать корабль с колонистами быстрее. Но все равно к тому времени, как корабль сюда доберется, он может обнаружить колонистов в лесах, копающих корешки и напрочь утративших какие-либо технологии.

«Или наоборот — удача мне улыбнется, и я сумею адаптировать и приспособить наши злаки к местным условиям, и тогда у нас появится избыток пищи, которого хватит на то, чтобы у людей освободилось время для развития технологической инфраструктуры.

Мы прибыли сюда с чрезвычайно продвинутыми технологиями — и без средств для их поддержки. Если потерпим крах, нам откроется путь вниз».

— Посмотри, — сказала Афрайма.

Сэл послушно оторвался от своего микроскопа и заглянул в ее:

— Угу. Это что?

— А что ты видишь? — спросила она.

— Давай не будем играть в угадайку.

— Я прошу независимого подтверждения и поэтому ничего не могу тебе сказать.

Значит, это нечто важное. Он присмотрелся внимательнее:

— Это часть листа кукурузы. Он взят из стерильной секции, потому что на нем ни следа плесени.

— Он не из стерильной секции, — возразила она. — Из секции Дэ-четыре.

Сэл испытал такое облегчение, что был готов заплакать; и в то же время он разозлился. Через мгновение злость победила.

— Ты ошибаешься, — резко сказал он. — Ты перепутала образцы.

— Я тоже так подумала, — ответила Афрайма. — Поэтому вернулась в секцию Дэ-четыре и взяла там новый образец. И еще раз. Сейчас перед тобой результат третьей проверки.

— Вариант Дэ-четыре легко подготовить из местных материалов… Афрайма, мы это сделали!

— Я пока даже не проверила, работает ли это с амарантом.

— Это было бы слишком большой удачей.

— Или благословением. Ты когда-нибудь ду-

мал, что Бог может желать нам успеха на этой планете?

— Он мог бы уничтожить эту плесень до того, как мы здесь очутились, — заметил Сэл.

— Нет, все верно: прояви недовольство Его подарком, и Бог рассердится.

Она над ним подшучивала, но в ее словах была своя правда. Афрайма была верующей еврейкой: при голосовании о семейных парах она взяла себе новое имя, на иврите означающее «фертильная», — надеялась, что это каким-то образом сподвигнет Бога обеспечить ей мужа-еврея. Вместо того губернатор просто назначил ее помощником единственного еврея-ортодокса среди колонистов. Губернатор Колмогоров уважал религию. Так же как и Сэл.

Он просто не был уверен, что Бог знает это место. А что, если Библия совершенно права насчет сотворения конкретных Солнца, Луны и Земли — и только это и было всей сотворенной Богом Вселенной? Что, если планеты вроде вот этой были творением иных богов — с шестью ногами, трехсторонней симметрией, или чем там еще, — подобных местным формам жизни, которых Сэл называл «родными».

Вскоре они вернулись в лабораторию с обрабо-

танными образцами амаранта.

— Итак, дело в шляпе — для начала в любом случае неплохо.

— Но его так долго синтезировать, — заметила Афрайма.

— Не наша проблема. Теперь, когда мы знаем, который из препаратов работает, химики разберутся, как сделать быстро и в больших количествах. Он ведь, кажется, ничем не вредит растениям, да?

— Доктор Менах, вы просто гений.

— У меня нет степени.

— В моем словаре слово «доктор» означает «человек, знающий достаточно много для того, чтобы суметь сохранить биологический вид».

— Обязательно укажу это в своем резюме.

— Нет, — сказала она.

— Нет?

Она прикоснулась к его руке:

— Доктор, у меня наступают благоприятные дни для зачатия. Я хочу, чтобы в этом поле взошло ваше семя.

Он попытался обратить ее слова в шутку:

— Скоро ты начнешь сыпать цитатами из Песни песней Соломона.

— Я не предлагаю ничего романтичного, доктор

Менах. В конце концов, мы должны работать вместе. И я замужем за Эвенезером. Ему не обязательно знать, что ребенок не его.

Она говорила так, словно действительно все тщательно продумала. Теперь Сэл по-настоящему ощутил замешательство. И досаду.

— Афрайма, мы должны работать вместе.

— Для своего ребенка я хочу самые лучшие гены.

— Так, ладно, — сказал он. — Ты останешься здесь и возглавишь работу над адаптацией культур. Я буду работать в поле.

— О чем ты говоришь? У нас полно людей, которые могут работать в поле.

— Либо увольняюсь я, либо увольняем тебя. После этого мы не сможем работать вместе.

— Но никто не обязан ничего знать!

— «Не прелюбодействуй», — процитировал Сэл. — Ты же верующая?

— Но дочери Мидиана…

— Спали с собственным отцом, потому что иметь детей было важнее, чем практиковать экзогамию, — вздохнул Сэл. — А еще важно проявлять абсолютное уважение к правилам моногамии, чтобы нашу колонию не разрывали конфликты из-за женщин.

— Ну хорошо, тогда забудь все, что я сказала, — предложила Афрайма.

— Не могу.

— Но тогда почему?..

— Афрайма, я проиграл в лотерее. Рождение детей от меня теперь незаконно. И уж тем более — детей от чужой жены. Тем не менее я не могу принимать препараты, подавляющие сексуальное влечение, поскольку должен сохранять острый ум и энергию для работы. Теперь, когда ты предложила мне себя, я не могу оставаться с тобой здесь.

— Это была просто идея, — сказала Афрайма. — Для работы тебе нужна я.

— Мне нужен кто-то, — уточнил Сэл. — Не обязательно ты.

— Но люди станут задумываться, почему ты меня уволил. Эвенезер предположит, что между нами что-то было.

— Это твоя проблема.

— А что, если я ему скажу, что я беременна от тебя?

— Вот теперь ты совершенно точно уволена. Сию же минуту. Безвозвратно.

— Я пошутила!

— Давай-ка верни голову на место. Будет тест

на отцовство. ДНК. А между делом твой муж превратится в посмешище, и каждый мужчина будет смотреть на его жену и задаваться вопросом: а не предлагает ли она себя кому-то еще, чтобы подложить кукушонка в гнездо? Так что ты здесь больше не работаешь. Так будет лучше для всех.

— Если ты сделаешь это настолько очевидным, то навредишь моему браку не хуже, чем если бы мы правда это сделали!

Сэл сел на пол теплицы и закрыл лицо ладонями.

— Прости, — сказала Афрайма. — Это я полушутя.

— Хочешь сказать, если бы моим ответом было «да», ты бы призналась, что лишь дразнила меня, и оставила бы меня униженным тем, что я согласился на адюльтер?

— Нет, — призналась она. — Я пошла бы на это. Сэл, ты же самый умный — и это все знают. Тебя нельзя лишить возможности иметь детей! Это неправильно. Нам нужны твои гены.

— Это верно с точки зрения эволюции, — сказал Сэл. — Но есть и социальный аспект. Моногамия раз за разом доказывала, что именно она лежит в основе оптимального социального устройства. Дело не в генах, а в детях: они должны расти в

таком обществе, которое мы хотим сохранить с их помощью. Мы за это проголосовали.

— А я голосую за то, чтобы выносить твоего ребенка. Всего одного.

— Уйди, прошу тебя! — попросил Сэл.

— Я совершенно логична, потому что еврейка, как и ты.

— Пожалуйста, уйди. Закрой за собой дверь. У меня полно работы.

— Ты не можешь от меня отвернуться, — сказала Афрайма. — Это навредит колонии.

— Убить тебя — это тоже повредит колонии, — заметил Сэл. — Но чем дольше ты здесь остаешься, тем сильнее мне хочется это сделать.

— Ты мучаешься потому, что хочешь меня.

— Я — человек и мужчина, — сказал Сэл. — Разумеется, мне хочется заняться сексом, невзирая на последствия. Мои логические способности уже подавлены, поэтому хорошо, что я принял абсолютно твердое и безвозвратное решение. Не заставляй меня превращать мое решение в болезненную реальность, не заставляй меня откромсать их начисто.

— Вот, значит, как? Ты становишься кастратом, так или иначе. Что же, а я — человек и женщина, и я хочу такого партнера, от которого у меня будут

самые лучшие дети.

— Тогда поищи кого-нибудь побольше, посильнее и поздоровее, раз тебе так не терпится изменить. Но постарайся мне не попадаться, иначе я тебя сдам.

— Мозг. Мне нужен твой мозг.

— Ну, у малыша, по всей вероятности, будет твой мозг и мое лицо. А теперь иди составь отчеты по препарату «Дэ-четыре» и отдай материалы химикам.

— Я не уволена?

— Нет, — сказал Сэл. — Я подаю в отставку. Буду работать в поле, а ты останешься здесь.

— Но я же только запасной ксенобиолог! Я не могу делать твою работу.

— Тебе стоило подумать об этом до того, как ты сделала невозможной нашу совместную работу.

— Подумать только! Разве кто слышал о мужчине, который имеет что-то против небольшого перепихона на стороне?

— Афрайма, эта колония теперь — моя жизнь. И твоя. Не надо плевать в свой суп. Я ясно выражаюсь?

Она заплакала.

— Боже, за что мне такое наказание? — воскликнул Сэл. — А что дальше? Толкование снов

хлебодара фараоновым любимцем?[4]

— Прости, — ответила Афрайма. — Ты должен и дальше заниматься ксенобиологией, ты в ней правда гений. Я и понятия не имею, с какой стороны к ней подойти. Сейчас я все испортила.

— Воистину так. Впрочем, ты права насчет моих встречных решений. Они были бы почти столь же вредны. Поэтому мы поступим…

Она ждала, что Сэл скажет дальше, а из ее глаз по-прежнему капали слезинки.

— Никак, — сказал он. — Ты больше никогда об этом не заговоришь. Никогда. Ты не станешь ко мне прикасаться. В моем обществе ты будешь носить скромную одежду. Мы с тобой будем говорить исключительно о работе — научным языком, как можно формальнее. Люди будут думать, что мы с тобой друг друга терпеть не можем. Все ясно?

— Да.

— Через сорок лет прилетит корабль с колонистами и новым ксенобиологом, и я смогу оставить эту вшивую работенку.

---

[4] Сноски: 4

Отсылка к библейской легенде (Бытие, 40) об Иосифе Прекрасном, проданном братьями в египетское рабство. В темнице он растолковал странные сны своих сокамерников — хлебодара и виночерпия. Эти и последующие толкования оказались пророческими, за что Иосиф был приближен к трону и завоевал расположение фараона.

— Я не хотела, чтобы ты почувствовал себя несчастным. Думала, ты обрадуешься.

— Мои гормоны бились в экстазе. Посчитали это лучшей идеей, которую когда-либо слышали.

— Ну, тогда я чувствую себя получше, — сказала она.

— Ты чувствуешь себя получше, потому что в следующие сорок лет мне предстоит пройти все круги ада?

— Не будь идиотом. Как только у меня появятся дети, я стану жирной и некрасивой. И буду слишком занята, чтобы тебе помогать. Производство детей — это же главное, правильно? И довольно скоро следующее поколение даст тебе помощника, которого ты обучишь. Так что речь идет самое большее о нескольких месяцах. Может, о годе.

— Тебе легко говорить.

— Доктор Менах, мне правда очень жаль. Мы ученые, и я стала думать о воспроизводстве людей как о воспроизводстве животных. Я не хотела изменять Эвенезеру, не хотела причинять тебе боль. Я просто испытала прилив желания. Просто… я знала, что, если у меня будет ребенок, он должен быть твоим — то есть максимально полезным. Но я все же рациональное существо. Ученый. Поэтому сделаю так, как ты говоришь, —

теперь только исключительно деловое общение. Словно мы друг другу не нравимся, и ни один из нас не испытывает желание в отношении другого. Позволь мне остаться до тех пор, пока не придет время завести детей.

— Отлично. Отнеси формулу химикам и оставь меня одного — пора взяться за следующую проблему.

— За какую? После пылевых червей и плесени на кукурузе и амаранте над чем мы будем работать?

— Следующая моя задача — с головой уйти в любую из тех нудных проблем, которые не имеют к тебе ни малейшего отношения. Так ты уйдешь, наконец, *пожалуйста*?

И Афрайма ушла.

Сэл составил отчет и отослал его губернатору, чтобы поставить документ в очередь на передачу по ансиблю. Если окажется, что эта плесень обнаружится и на других планетах, его решение может сработать и там. Кроме того, в этом вся суть науки — обмен информацией, накопление знаний.

«Вот мой генофонд, Афрайма, — подумал он. — Фонд последователей, коллективное научное знание. Все мои открытия здесь, все, что я узнаю,

все решенные мною проблемы — вот мои дети. Они станут частью всех поколений, которые будут жить на этой планете».

Афрайма не вернулась и когда с отчетом было покончено. «Отлично, — подумал Сэл. — Пусть проведет весь день с химиками».

Он оставил лабораторию, прошел через все поселение и выбрался к полям общины. Дежурным бригадиром сегодня был Фернао Макфи.

— Дай мне работу, — сказал ему Сэл.

— Я думал, ты работаешь над проблемой плесени.

— Похоже, плесень больше не проблема. Теперь дело химиков — разработать способ доставки препарата в ткани растения.

— У меня уже сформированы группы по всем работам. Твое время слишком ценное, чтобы тратить его на физический труд.

— Все занимаются физическим трудом. Губернатор трудится.

— Группы сформированы. Иди, делай *свою* работу, которая куда важнее. Займись ею, не мешай мне!

Фернао сказал это полушутя-серьезно. Что Сэл мог ему возразить? «Мне нужно заняться тяжелым трудом, чтобы я сбросил пар после того, как

прекрасная ассистентка предложила мне свое тело для зачатия моих детей?»

— Ты ничем мне не поможешь, — сказал Сэл бригадиру.

— Значит, мы квиты.

Так что Сэл отправился на долгую прогулку. Он вышел за пределы поля, оказался в лесу. По дороге он собирал образцы. Когда аврала нет, надо заниматься наукой. Собирать, классифицировать, анализировать, наблюдать. Работа есть всегда.

Только не фантазировать о ней, о том, что могло бы произойти! Сексуальные фантазии — сценарий поведения в будущем. Что проку, сказав сегодня «нет», через шесть месяцев произнести «да», перед этим бесчисленное множество раз проиграв адюльтер в воображении?

«Было бы куда легче, не будь я столь решительно настроен на действия в интересах всех. Кто бы ни сказал, что добродетель имеет свою награду, это утверждение — полная лажа».

7

Кому:
jpwiggin@gso.nc.pub, twiggin@uncg.edu
От: vwiggin%Colony1@colmin.gov/citizen

Тема: Эндер в порядке

Под словами «в порядке» я, разумеется, подразумеваю, что его тело и разум, кажется, функционируют нормально. Он был счастлив меня видеть. Мы легко разговаривали. Кажется, что он со всеми пребывает в мире. Ни к кому не проявляет враждебности. О вас обоих Эндер говорил с неподдельной любовью. Мы обсудили многие детские воспоминания.

Но, как только этот разговор подошел к концу, он укрылся в своей раковине – я ее увидела чуть ли не воочию. Он только о жукерах и думает. Полагаю, его гнетет чувство вины за их уничтожение. Эндер знает, что это неправильно, – знает, что действовал по неведению, и вообще – они пытались нас уничтожить, так что это в

любом случае самозащита. Но пути совести неисповедимы. Мы развили совесть, чтобы принять общественные ценности и поддерживать порядок. Но что случается, когда у тебя гиперактивная совесть и выдуманные правила, о которых больше никому не известно? Как ты караешь себя за их нарушение?

Номинально Эндер является губернатором, но два человека независимо друг от друга предупредили меня, что адмирал Квинси Морган не намерен позволить Эндеру чем-либо руководить. Будь на его месте Питер, тот бы уже организовал заговор с целью устранения Моргана еще до начала полета. Но Эндер в ответ лишь усмехается и говорит: «Подумать только!» Когда я надавила на него, он ответил: «Состязания не будет, если я откажусь принимать в нем участие». А когда надавила еще сильнее, он стал раздраженным и сказал: «Я был рожден для одной войны. Я в ней победил, и на этом все».

Так что я просто разрываюсь. Нужно ли мне заставлять его действовать? Или я должна делать, что он попросит, и все иг-

норировать? Эндер считает, что я должна либо провести полет в стазисе (и тогда по прибытии мы будем одного возраста, нам будет по пятнадцать), либо – если я останусь бодрствовать – написать историю Боевой школы. Графф пообещал предоставить мне все документы о Боевой школе, хотя я могу получить их из общественных записей, поскольку все они всплыли на военном трибунале.

А сейчас задам философский вопрос: что есть любовь? Значит ли моя любовь к Эндеру, что я должна делать то, что для него хорошо, – даже если он просит меня этого не делать? Или она означает, что я должна делать то, что он попросит, – даже если уверена, что должность номинального губернатора окажется кошмарным опытом?

Дорогие мама и папа, это чем-то напоминает занятия музыкой. Многие взрослые жалуются на свой ужасный опыт – как их заставляли ею заниматься. А другие в то же время высказывают родителям свои претензии: «Почему вы не заставили меня тогда заниматься, чтобы

сегодня я мог хорошо играть?»

С любовью,

Валентина

Кому: vwiggin%Colony1@colmin.gov/citizen

От: twiggin@uncg.edu

Тема: Re: Эндер в порядке

Дорогая Валентина!

Твой отец уверен, что тебя заденет, если я скажу, каким шоком для нас стало известие, что один из моих детей не знает всего, сам это признает и даже просит у родителей совета! В последние пять лет вы с Питером сошлись так близко, что почти превратились в близнецов с собственным языком, не известным больше никому. Теперь же, выйдя из-под влияния Питера лишь несколько недель назад, ты снова открыла для себя родителей. Я нахожу это очень приятным, а потому объявляю тебя моим любимым ребенком.

Нас по-прежнему угнетает – мало-помалу разъедает изнутри, – что Эндер не

хочет нам писать. Ты не заметила в нем какой-либо злости к нам. Мы не понимаем. Неужели он не знает, что раньше нам было запрещено ему писать? Почему он не читает наши письма сейчас? Или он читает их, а потом сознательно решает не нажимать на кнопку «ответить», чтобы написать хотя бы: «Ваше письмо получено»?

Что касается твоих вопросов – они несложные. Ты Эндеру не мать и не отец. Только у нас есть право на то, чтобы вмешаться и, нравится ему это или нет, сделать то, что в его интересах. А ты его сестра. Считай себя его компаньоном, другом, доверенным лицом. Твоя задача в том, чтобы взять от него то, что он дает, и дать ему то, что он попросит, – в том случае, если ты сочтешь это правильным. У тебя нет ни права, ни обязанности пытаться вручить ему то, о чем он не просит. Точнее, прямо просит не вручать. Это не будет подарком ни друга, ни сестры. Родители – случай особый. Эндер возвел стену именно там, где ее изначально построила Боевая школа. Она держит нас снаружи.

Эндер считает, что не нуждается в нас. Но он ошибается. Подозреваю, мы именно то, что ему необходимо. Ему нужна мать, которая сможет дать утешение израненной душе. Нужен отец, который скажет: «Ego te absolvo»[5] и «Хорошо, добрый и верный раб»[6] – так, чтобы даже самая скрытная душа смогла поверить.

Будь ты лучше образованна и не живи в секулярном мире, ты бы узнала эти цитаты. Когда найдешь их, имей в виду, что мне искать не пришлось.

С любовью,

твоя саркастичная, чересчур аналитичная,
глубоко уязвленная
и все же вполне удовлетворенная
мама

Кому:

---

[5] Сноски: 5

Букв.: «оправдываю тебя» *(лат.)*. Слова католического обряда отпущения грехов после исповеди.

[6] Сноски: 6

Цитируется Евангелие от Матфея, 25: 21: «Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю…»

jpwiggin@gso.nc.pub, twiggin@uncg.edu
От: vwiggin%Colony1@colmin.gov/citizen

Тема: Re(1): Эндер в порядке

Мне известно о конфессиональной принадлежности папы и о Библии короля Якова в твоей комнате, и мне не нужно ничего выискивать. Неужели ты думаешь, что ваша с папой религиозность была тайной для ваших детей? Даже Эндер о ней знал, а ведь он покинул дом в шестилетнем возрасте!

Так как твой совет мудр, а идей получше у меня нет, я ему последую. Кроме того, я собираюсь последовать совету Эндера и Граффа – написать историю Боевой школы. Моя цель проста: опубликовать ее как можно быстрее, чтобы она смогла сыграть свою в роль в том, чтобы стереть из памяти злых клеветников из военного трибунала, восстановить репутацию детей, выигравших войну, и тех взрослых, которые их тренировали и направляли. Не то чтобы я перестала ненавидеть их за то, что они забрали у нас Эндера. Но я знаю, как ненавидеть кого-то и все же

понимать его аргументы. Возможно, это единственный ценный подарок, который смог сделать мне Питер.

Питер мне не писал, я ему тоже. Если он спросит, скажите ему, что я часто о нем думаю. Я отмечаю тот факт, что он больше не мозолит мне глаза, и если это можно считать признаком того, что я «скучаю», – что ж, значит, по нему скучают.

Между прочим, мне выпала возможность на пути сюда повстречать Петру Арканян. И еще мне удалось поговорить – попереписываться – с Бобом, Динком Микером, Хань-Цзы. Еще нескольким я отправила письма. Если я пойму Эндера, общаясь с ними, пойму, через что ему пришлось пройти (раз уж сам он не говорит), то смогу разобраться в себе самой. Но что бы я ни делала… Ты верно заметила: я не его мать, и он не просил меня ни о чем. Я притворяюсь, что все это нужно мне лишь для написания книги.

Я на удивление быстро пишу. Вы уверены, что в нашем роду не заблудились гены Уинстона Черчилля? Например, его пребывание с польским правитель-

ством в изгнании во времена Второй мировой позволяет мне предположить родственную душу… если не принимать во внимание политические амбиции, постоянный уровень алкоголя в крови и привычку расхаживать по дому голым. Заметьте, это все о нем, а не обо мне!

С любовью,

твоя не менее саркастичная, в меру аналитичная, не уязвленная, но недовольная дочь Валентина

Графф пропал с Эроса вскоре после трибунала, но сейчас вернулся. Похоже, в качестве министра по делам колоний он не мог упустить столь благоприятную возможность для рекламы — отлет первого корабля с колонистами.

— Шумиха в интересах проекта «Расселение», — сказал Графф, когда Мэйзер стал его высмеивать.

— А сам ты камеру не любишь?

— Посмотри на меня — я потерял двадцать пять кило. Стал тенью самого себя.

— Во время войны ты вес набирал, мало-помалу. Во время трибунала раздулся со страшной силой. А сейчас ты его теряешь. В чем дело? Гра-

витация Земли?

— Я на Землю не летал, — откликнулся Графф. — Был занят переоборудованием Боевой школы под базу сбора колонистов. Раньше никто не понимал, почему я настаивал, чтобы все кровати были рассчитаны на взрослых. Сейчас говорят о моих провидческих талантах.

— Почему ты лжешь *мне*? Когда создавали Боевую школу, ты за нее не отвечал.

Графф покачал головой:

— Мэйзер, когда я уговаривал тебя вернуться домой, я ни за что не отвечал, так?

— Ты был в ответе за проект «Вернуть-Рэкхема-домой-тренировать-Эндера-Виггина».

— Но никто и не подозревал, что такой проект есть.

— Кроме тебя.

— Ну, так еще я отвечал за проект «Позаботиться-о-том-чтобы-Боевая-школа-подходила-для-целей-проекта-„Расселение“».

— Потому-то ты и теряешь в авторитете, — заметил Мэйзер. — Потому что наконец получил средства и полномочия для продвижения настоящего проекта, о котором думал все эти годы.

— Победить в войне было самым важным. Я думал о том, как подготовить детей! Кто же знал,

что мы победим так, что получим в подарок все терраформированные и полностью пригодные для заселения планеты? Я ожидал, что Эндер победит, а если не он, то это сделает Боб, — но полагал, что придется биться с жукерами за каждую планету. Готовился к тому, чтобы ускоренными темпами создавать новые колонии в противоположной стороне, чтобы они не были подвержены контратакам.

— Так, значит, ты здесь, чтобы сфоткаться с колонистами.

— Я здесь, чтобы моя лыбящаяся рожа попала на одну фотку с тобой, Эндером и колонистами.

— А, — сказал Мэйзер. — Толпа из трибунала.

— Самое жестокое в истории с трибуналом было то, как они обошлись с репутацией Эндера. По счастью, большинство людей помнят о победе, а не о свидетельских показаниях из зала суда. Теперь мы загрузим в их мозги еще одну картинку.

— Значит, Эндер по-настоящему тебя волнует.

Графф выглядел задетым.

— Я всегда любил этого парня. Нужно быть моральным уродом, чтобы его не любить. Когда видишь глубокую доброту, это ясно сразу. Меня выбешивает то, что его имя связали с убийствами детей.

— Он их действительно убил.

— Он этого не знал.

— Хайрам, те случаи — это совсем не то же самое, что победить в войне, которую считаешь игрой, — заметил Мэйзер. — Он знал, что сражается за свою жизнь, и знал, что победа должна быть убедительной. Он прекрасно понимал, что смерть противника вполне возможна.

— Так ты говоришь, он виновен, — точь-в-точь как утверждали наши враги?

— Я говорю, что он их убил, и он знал, что делает. Конечно, он не хотел получить именно такой результат, но он знал: его действия могут нанести тем парням настоящие увечья.

— Они пытались его убить!

— Бонзо пытался, — сказал Мэйзер. — Стилсон был мелким задирой.

— Но Эндер был совершенно неопытен, он не имел понятия, что делает, — и не знал, что на его ботинках стальные мыски. Ну скажи, не дальновидно было с нашей стороны обезопасить его, настояв именно на таких ботинках?

— Хайрам, я считаю действия Эндера совершенно оправданными. Он не выбирал, драться ли ему с этими ребятами, — и единственным его реальным выбором была безоговорочная и

убедительная победа.

— Или проигрыш.

— Хайрам, у Эндера никогда не было такого выбора — проиграть. Проигрыш не для него, даже если он считает иначе…

— Он обещал найти в своем расписании время, чтобы сфотографироваться с нами.

Мэйзер кивнул:

— И ты думаешь, это означает «да»?

— У него нет расписания. Я думал, он иронизирует. Что ему еще делать, кроме как разговаривать с Валентиной?

Мэйзер рассмеялся:

— То же, что он делает уже больше года, — изучать жукеров с таким маниакальным упорством, чтобы нас всех встревожило его психическое здоровье. Только… должен сказать, с прибытием колонистов он начал готовиться к должности губернатора серьезно.

— Адмирал Морган будет разочарован.

— Адмирал Морган считает, что получит свое, потому что не понимает — Эндер серьезно настроен на управление колонией, — сказал Мэйзер. — Эндер фиксировал в памяти досье на каждого колониста: результаты тестов, семейные отношения с другими колонистами и членами

семьи, которые остались дома. Запоминал их города и страны происхождения, на что были похожи эти места и что там происходило за последний год, в то время когда они подавали заявления.

— И адмирал Морган не видит в этом ничего особенного?

— Адмирал Морган — лидер, — сказал Мэйзер. — Он отдает приказы, и они передаются вниз. Знать рядовых — удел младших офицеров.

Графф рассмеялся:

— Да уж! И люди еще удивляются, почему в последней кампании мы использовали детей.

— Каждый офицер знает, как действовать в рамках продвинувшей его системы, — сказал Мэйзер. — Система больна — всегда была больна и всегда будет. Но Эндер узнал, что такое быть лидером по-настоящему.

— Или родился с этим знанием.

— Так что он по имени здоровается с каждым колонистом и явно поставил себе задачу пообщаться с каждым как минимум полчаса.

— А он не может сделать это на корабле после отлета?

— Эндер встречается только с теми, кто полетит в стазисе. С теми же, кто будет бодрствовать, он

встретится после отлета. Так что, когда он говорил, что попытается найти в расписании время для тебя, в том не было и намека на иронию. Большинство колонистов будут спать, и у него едва ли хватит времени для более или менее продолжительного разговора со всеми.

Графф вздохнул:

— Он вообще находит время для сна?

— Думаю, он решил спать после обеда — когда адмирал Морган командует кораблем, а у Эндера нет обязанностей, кроме тех, которые он сам себе назначает. По крайней мере, мы с Валентиной понимаем его поведение именно так.

— Он с нею не разговаривает?

— Разумеется, разговаривает. Просто Эндер не распространяется о своих планах.

— Но почему у него секреты от нее?

— Не уверен, что это секреты, — сказал Мэйзер. — Думаю, он сам может даже не знать, что у него есть какие-то планы. Полагаю, он встречается с колонистами потому, что именно это им нужно, этого они ждут от него. Встречи обязательны, потому что для них это многое значит.

— Чушь, — заметил Графф. — У Эндера всегда есть планы внутри планов.

— Думаю, ты сейчас о себе говоришь.

— Эндер в этом деле куда умнее меня.

— Сомневаюсь, — сказал Мэйзер. — Бюрократические маневры в мирное время? Тут тебя никому не превзойти.

— Хотел бы я с ними полететь.

— Ну так лети, — рассмеявшись, предложил Мэйзер. — На самом деле тебе ничего такого не надо.

— А почему нет? — возмутился Графф. — Управлять министерством по делам колоний можно по ансиблю. Я своими глазами увижу, чего добились колонисты за те годы, пока ждали подкрепления. А преимущество полетов на релятивистских скоростях позволит мне дожить до конца моего великого проекта и увидеть его реализованным.

— Преимущество?

— С твоей точки зрения, ужасная жертва. Но заметь, Мэйзер, я ведь так и не женился. А у меня нет никакой дисфункции репродуктивной системы. Мое либидо и желание завести семью ничуть не слабее, чем у других мужчин. Но я много лет назад решил, фигурально выражаясь, посмертно жениться на праматери Еве и усыновить всех ее детей. Они жили на голове друг у друга в тесном доме, где одного серьезного пожара хватило бы, чтобы всех их уничтожить. Свою задачу я увидел

в том, чтобы расселить их попросторнее и чтобы они жили вечно. Как общество, я имею в виду. Так что не важно, где я и с кем, я всегда окружен моими приемными детьми.

— Играешь в Бога.

— Я совершенно точно *не играю*.

— Ты старый лицедей — прибыл на кастинг и надеешься получить Его роль.

— Может, я дублер? Когда он забывает свое дело, наступает мое время.

— Так что там насчет фотки с Эндером?

— Все просто. Я — тот, кто решает, когда отправляется корабль. В последнюю минуту произойдет технический сбой. Эндера, завершившего свои дела, склонят к тому, чтобы он поспал. Когда Эндер проснется, мы сфотографируемся, а потом технические проблемы чудесным образом разрешатся, и корабль двинется в путь.

— Без тебя на борту, — заметил Мэйзер.

— Я должен оставаться здесь, чтобы сражаться за проект, — ответил Графф. — Если бы я не мешал своим противникам на каждом шагу, они угробили бы все за считаные месяцы. На этой планете столько облеченных властью людей, отказывающихся рассматривать перспективы, которые не влезают в их головы!

Валентине нравилось смотреть, как Графф и Рэкхем обращаются с Эндером. Графф — один из самых влиятельных людей в мире; Рэкхем по-прежнему считается легендарным героем. Тем не менее они оба негласно уступали Эндеру. Они никогда ничего ему не приказывали. Всегда обращались к нему: «Вас устроит, если для снимка вы встанете вот здесь?», «Как насчет восьми ноль-ноль? Вы не против?» или «Адмирал Виггин, нас вполне устроит ваш выбор одежды».

Разумеется, Валентина знала, что обращение «адмирал Виггин» делалось в расчете на адмиралов, генералов и политических шишек, которые при этом присутствовали, — и большинство из них кипели от возмущения, поскольку не попали на снимок. Но, продолжая наблюдать, она много раз видела, как Эндер выражал свое мнение — или, казалось, колебался в выборе. Графф обычно уступал Эндеру. А когда не уступал, Рэкхем с улыбкой высказывал точку зрения Эндера и настаивал на ней.

Они заботились о ее брате.

Это были искренние любовь и уважение. Может, они и подготовили его, выковали в горниле. Молотом придали необходимую форму, заточили, как им было нужно, а затем вонзили его в сердце

врага. Но сейчас они просто любили то оружие, которое у них получилось, и заботились о нем.

Оба они думали, что он поврежден, травмирован теми испытаниями, которые выпали на его долю. Считали его пассивность реакцией на боль, пришедшую с осознанием, что́ он на самом деле совершил: смерть детей, жукеров и тысяч людей — солдат, погибших в последней кампании, которую Эндер считал игрой.

«Рэкхем и Графф просто не знают его так, как я», — подумала Валентина.

О, ей было ведомо коварство таких размышлений. Валентина все время держалась настороже, силясь не угодить в сотканную собою же паутину. Она не разрешала себе поверить, будто знает Эндера. Она искала к нему подходы, как к незнакомцу, внимательно наблюдая за всем, что он делает, что говорит и что он, возможно, подразумевает своими действиями и словами.

Однако мало-помалу она научилась узнавать ребенка за обликом юноши. Она помнила, как он слушался родителей — немедленно, без вопросов, хотя наверняка мог нытьем или возражениями отделаться от тягостных дел. Эндер принимал ответственность и также идею, что ему не всегда будет позволено решать — какая ответственность

станет его или когда ее нужно будет принять. Поэтому он редко перечил родителям.

Но было тут и иное. Действительно, Эндер надломлен — здесь Графф и Мэйзер правы. Его послушание — не просто послушание счастливого ребенка, залезающего на табуретку по просьбе родителей. В покладистости Эндера слышались отзвуки его покорности Питеру: он подчинялся, чтобы уйти от конфликта.

Валентина чувствовала это как некое промежуточное звено между рвением и смирением, замешанном на ужасе.

Эндеру не терпелось отправиться в путь, к предстоящей работе. Но он понимал, что его цена за билет — должность губернатора. Поэтому он играл свою роль и выполнял все обязанности, позировал для групповых снимков, участвовал в формальных прощаниях, выслушивал речи тех самых офицеров, которые допустили, чтобы его имя вываляли в грязи во время трибунала Граффа и Рэкхема.

Когда адмирал Чамраджнагар вручал Эндеру высшую награду Межзвездного флота, ее брат улыбался так искренне, словно действительно безмерно рад. Валентина кисло наблюдала за церемонией. Почему было не наградить этой

медалью во время трибунала, когда это могло быть расценено как открытое отрицание всех тех жутких сведений об Эндере? Почему трибунал проходил в открытом режиме, когда у Чамраджнагара были все полномочия сделать процесс закрытым? Почему эти слушания вообще имели место? Не было закона, который требовал бы возбудить процесс. Чамраджнагар никогда, ни на секунду, не был другом Эндера — хотя Эндер подарил ему победу, которую адмирал иначе получить бы не смог.

В отличие от Граффа и Рэкхема, Чамраджнагар не демонстрировал признаков настоящего уважения к Эндеру. Да, он тоже называл его «адмиралом», лишь пару раз позволив себе обращение «мой мальчик», причем оба раза Рэкхем, к вящему неудовольствию Чамраджнагара, немедленно его поправлял. Разумеется, Чамраджнагар и с Рэкхемом ничего поделать не мог, кроме как запечатлеться с ним на всех снимках жанра «два героя вместе с великим Полемархом».

Валентине было совершенно очевидно, что Чамраджнагар очень и очень счастлив, и это счастье явным образом проистекает из перспективы отлета Эндера прочь на межзвездном корабле. Чамраджнагар уже изнемог в ожидании этого

момента.

Тем не менее всем пришлось дожидаться распечатки снимков, чтобы Эндер, Рэкхем и Чамраджнагар могли подписать фотографии.

Рэкхему и Эндеру с большой помпой презентовали подписанные снимки, Чамраджнагар сделал все, чтобы всем стало понятно, что это он, так сказать, оказывает честь.

Наконец адмирал Чамраджнагар улетел — «на наблюдательную станцию, чтобы смотреть за тем, как огромный корабль отправляется в полет, цель которого — созидание, а не уничтожение». Иными словами, чтобы сфоткаться еще и с кораблем на заднем плане. Валентина сомневалась, что фотографу вообще удалось сделать хоть один снимок, на котором не было улыбающейся физиономии Чамраджнагара.

Поэтому огромной уступкой можно было счесть появление снимка, на котором были только Графф, Рэкхем и Эндер. Возможно, Чамраджнагар просто не знал, что фотографу удалось это сделать — тот был штатным сотрудником флота, но оказался достаточно нелояльным, чтобы сделать снимок, который его босс точно возненавидит.

Но Валентина достаточно хорошо знала Граффа, чтобы понимать: фотографии с Полемархом

окажутся куда более редкими, чем изображение Граффа, Рэкхема и Эндера. Последний снимок на Земле будет размещен везде — в электронной, виртуальной и физической форме. Он послужит цели Граффа, напомнит каждому жителю Земли, что МФ сейчас существует лишь во имя двух целей: поддержать программу колонизации и наказать из космоса любую из земных властей, посмевшую использовать ядерное оружие или пригрозить его использованием.

Чамраджнагар так до сих пор и не смирился с мыслью, что продолжающееся финансирование МФ, его баз и станций проходит через Граффа в министерстве по делам колоний. В то же время Графф отчетливо сознавал, что именно страх рассердить Межзвездный флот (что попытался осуществить Варшавский договор и за что поплатился отлучением от мировых рычагов власти) поддерживал приток средств в его проект.

Но что Чамраджнагару понять не суждено, так это причину, по которой он сам оказался частью плана, из-за которого все его лоббистские усилия ничего не дали, кроме того что позволили подпортить репутацию Эндера в ходе военного трибунала.

К Валентине снова вернулись былые подозре-

ния насчет Граффа: пожелай он — вполне мог и сам предотвратить трибунал. Быть может, то была цена, которую ему пришлось заплатить за преимущество в другом деле? Возможно, единственной пользой для Граффа от этого трибунала было «доказательство» того, что не все идет так, как он хочет, что само по себе успокоило соперников и оппонентов Граффа; а Валентина знала, что такое самодовольное спокойствие — лучшее, что может получить человек от соперников и оппонентов.

Графф любил и уважал Эндера, но не препятствовал бедам обрушиваться на него, если это служило движению к цели. Ведь в самом деле — Графф доказывал это снова и снова.

«Что же, мой дорогой министр по делам колоний… к тому времени, как мы доберемся до Шекспира, ты почти наверняка будешь мертв или очень-очень стар. Задаюсь вопросом: удержишься ли ты и тогда у руля?»

Бедный Питер. Стремящийся править миром, тогда как Графф уже этого добился. Разница между ними в том, что Питеру нужно, чтобы все *знали*: это он правит планетой; ему нужно, чтобы все зримые регалии власти были сложены у его трона. Графф же, со своей стороны, нуждался

лишь в средствах контроля, необходимых для достижения его единственной, высшей цели.

Но велика ли разница? Искусные манипуляторы, заставляющие других платить любую цену для достижения конечного результата. В случае Граффа — полезного результата. Валентина с этим соглашалась, она в это поверила и радостно работала на достижение этой цели. Но цель Питера, — может, она тоже хороша? Конец войнам, потому что мир объединится под единым хорошим правительством. Если Питеру удастся этого добиться, не будет ли это таким же благословением для человечества, как и достижения Граффа?

Ей пришлось отдать должное Питеру и Граффу: они никакие не чудовища. Они не требовали от других заплатить *всю* цену. Оба шли на личные жертвы, которые казались им необходимыми. Оба в действительности работали во имя цели, которая была гораздо больше их самих.

Но нельзя ли то же самое сказать о Гитлере? В отличие от Сталина и Мао, которые купались в роскоши, в то время как остальные делали всю работу и несли все тяготы, Гитлер жил скромно и искренне верил в цель, которая больше его. Именно это и сделало из него такого монстра. Поэтому Валентина была не вполне уверена, что

самопожертвование Питера и Граффа само по себе достаточный аргумент в их пользу.

Что же, эти двое теперь не ее проблема. Пусть Рэкхем присматривает за Граффом в оба и прикончит его, если тот слетит с катушек — хотя это вряд ли. И пусть папа с мамой предпринимают свои жалкие потуги, чтобы удержать Питера от превращения в дьявола. Понимают ли они вообще, что поведение «хорошего сыночка» Питера — лишь притворство, игра? Что несколько лет назад Питер принял сознательное решение разыгрывать такого мальчика, которым был Эндер? «Все это придумано, дорогие родители, — неужели вы этого не понимаете? Порой кажется, что понимаете, но в остальное время вы настолько слепы… К тому времени, как я доберусь к пункту назначения, вы все останетесь в прошлом, все вы. Моим настоящим будет Эндер и его дела. Он — все мое стадо, и я обязана пасти его, не позволяя даже увидеть посох, которым направляю и защищаю его… Так, о чем я вообще думаю? У кого здесь мания величия? Неужели я считаю, что *я* лучше Эндера знаю, что для него хорошо, куда ему идти, что ему делать и от чего его защищать? Однако именно так я и думаю, надо смотреть правде в глаза».

Эндеру так хотелось спать, что он едва мог стоять на ногах. Тем не менее он выдержал всю фотосессию, стараясь улыбаться как можно теплее. Ведь эти фотки увидят мама с папой. Их увидят дети Питера — если они у него будут, — чтобы они помнили: когда-то у них был дядя Эндер, совершивший нечто очень важное еще до того, как стать подростком, а потом улетевший далеко-далеко. Вот так он выглядел перед самым отлетом. Видишь? Он очень рад. Видите, мама с папой? Вы не сделали мне больно, когда позволили отобрать меня у вас. Мне ничто не делает больно. Я в полном порядке, взгляните на мою улыбку. Вы не увидите, насколько я вымотан, насколько я рад улететь, лишь бы мне позволили лететь…

В конце концов все фотографии были сделаны. Эндер пожал руку Мэйзеру Рэкхему и хотел сказать ему: «Мне очень жаль, что вы не летите с нами». Но не стал, потому как знал: Мэйзер не хочет лететь. Поэтому Эндер произнес только: «Спасибо за все, чему вы меня научили, и что стояли за меня». Эндер не произнес «стояли за меня в суде», потому что эти слова мог записать какой-нибудь случайный микрофон.

Потом Эндер обменялся рукопожатием с Хайра-

мом Граффом и сказал ему: «Надеюсь, ваша новая работа будет хорошей тренировкой». Это была шутка, и Графф ее понял — во всяком случае, достаточно, чтобы выдавить слабую улыбку. Быть может, слабость этой улыбки объяснялась тем, что он услышал благодарность Эндера в адрес Мэйзера и задался вопросом, почему Эндер не поблагодарил самого Граффа. Но Графф был не наставником Эндера, а его командиром — а это совсем не то же самое. Кроме того, насколько мог судить Эндер, Графф за него не стоял. Ведь правда же: вся разработанная Граффом программа обучения Эндера — разве ее целью не было заставить его поверить целиком и полностью, что никто и никогда за него стоять не будет?

— Спасибо за тихий час, — добавил Эндер.

Графф усмехнулся:

— Да пребудет с тобой возможность спать сколько пожелаешь!

Потом в пустой комнате Эндер помолчал, уставившись в никуда, и подумал: «Пока, мам. Пока, пап. Пока, Питер. Пока, все мужчины, женщины и дети Земли. Я сделал для вас все, что мог, и получил от вас все, что мог получить. Теперь в ответе за вас кто-то другой».

Эндер прошел по трапу в челнок, Валентина

— следом за ним.

Челнок в последний раз оторвал их от Эроса. «Прощай, Эрос и все солдаты на астероиде — те, кто боролся за меня и других детей, кто манипулировал нами и лгал нам во имя человечества. Прощайте те, кто объединился в заговоре с целью опорочить меня и не дать вернуться на Землю. Прощайте все — хорошие и плохие, добрые и эгоистичные. Прощайте! Я больше не один из вас, я больше не ваша пешка и не ваш спаситель. Я слагаю с себя все полномочия».

Эндер с Валентиной почти ничего не сказали друг другу, кроме обычных предполетных банальностей. Полчаса перешучиваний — и челнок пристыковался к транспортному кораблю. Изначально тот был приспособлен для транспортировки на войну солдат и вооружения. Сейчас он был нагружен оборудованием и припасами для сельскохозяйственных и промышленных нужд колонии Шекспир. Он вез новых людей для пополнения сообщества, улучшения генофонда, людей, чья деятельность будет достаточно продуктивна, чтобы у колонистов оставалось время для науки, творчества и роскоши, чтобы их жизнь смогла приблизиться к общественной жизни на Земле.

Все снаряжение уже было на борту, и пассажиры тоже. Эндер и Валентина всходили на борт последними. У подножия трапа он остановился и обернулся к сестре.

— Ты еще можешь остаться, — сказал он. — Ты же видишь, я в порядке. Колонисты, с которыми я встречался, — отличные люди, и мне не будет одиноко.

— Боишься лезть вверх первым? — спросила Валентина. — Ты поэтому остановился — чтобы произнести речь?

Тогда Эндер зашагал по лестнице вверх, а Валентина следом — так что именно она оказалась последним из колонистов, на ней оборвалась нить, связывающая их с Землей.

Внизу закрылся люк челнока, а потом и люк корабля. Они стояли в шлюзовой камере, пока створки не разъехались, и перед ними оказался улыбающийся адмирал Квинси Морган с уже вытянутой для пожатия рукой. Сколько же он простоял в такой позе, поджидая, когда откроется дверь, задался вопросом Эндер. Может, адмирал простоял этаким манекеном несколько часов?

— Добро пожаловать, губернатор Виггин, — произнес Морган.

— Адмирал Морган, я не губернатор до тех пор,

пока не ступлю на поверхность планеты, — ответил Эндер. — В этом полете, на вашем корабле, я всего лишь изучаю ксенобиологию и адаптированные сельскохозяйственные культуры колонии Шекспир. Однако надеюсь, что, когда вы будете не слишком заняты, у меня будет шанс пообщаться с вами, побольше узнать о жизни военных.

— Но вы же сам военный — вы сражались, — заметил Морган.

— Я лишь играл в игру. Войны я не видел. На Шекспире есть колонисты, которые совершили этот полет много лет назад, без какой-либо надежды вернуться на Землю. Мне бы хотелось хотя бы немного понять, как они к этому готовились, как жили.

— Обо всем этом придется читать в книгах, — по-прежнему улыбаясь, сказал Морган. — Это ведь и мой первый межзвездный перелет. На самом деле, насколько мне известно, никто из людей не совершал два полета. Даже у Мэйзера Рэкхема за плечами всего один полет, закончившийся там же, где и начался.

— Что же, адмирал Морган, думаю, вы правы, — сказал Эндер. — И это все делает всех на борту вашего корабля первопроходцами.

Хм… Достаточно ли часто он произносил «ваш корабль», чтобы Морган убедился: Эндер понимает командную иерархию?

Улыбка Моргана ничуть не изменилась.

— Буду счастлив пообщаться с вами в любое время. Сэр, для меня честь приветствовать вас на моем корабле.

— Прошу, сэр, не надо называть меня «сэр», — сказал Эндер. — Мы оба знаем, что я адмирал лишь номинально. Я не хочу, чтобы колонисты слышали, что меня называют иначе чем «мистер Виггин» — да, впрочем, и это слишком. Могу же я быть просто Эндером. Или Эндрю, если вы предпочитаете обращаться ко мне формально. Как вы на это смотрите? Не угрожает ли это дисциплине на корабле?

— Полагаю, это не идет вразрез с дисциплиной, а потому пусть будет по-вашему, — ответил адмирал. — А сейчас энсин Акбар проводит вас и вашу сестру в каюту. Поскольку очень немногие пассажиры решили проделать путь бодрствуя, всем достались каюты примерно одинаковой площади. Это ответ на вашу просьбу не выделять вам чрезмерно просторных апартаментов.

— А ваша семья, сэр? — спросил Эндер.

— Я добился расположения руководства, и оно

родило мне карьеру, — сказал Морган. — Женат на Межзвездном флоте. Короче, как и вы, лечу холостяком.

Эндер осклабился:

— Думаю, нашему холостяцкому положению недолго оставаться незыблемым.

— Наша задача — воспроизводство нашего вида вне Земли, — кивнул Морган. — Но полет пройдет более гладко, если мы постараемся сохранить холостяцкое положение до его окончания.

— Мое охраняет невежество юности, — сказал Эндер, — а ваше — служебная субординация. Благодарю вас за личную встречу — это высокая честь. В последние несколько дней я мало спал. Надеюсь, мне простят, если я залягу в спячку часов на восемнадцать. Боюсь, я пропущу начало ускорения.

— Его все пропустят, господин Виггин. Гашение инерции на этом корабле — на высшем уровне. На самом деле мы уже ускоряемся при двух *g*, и все же единственная ощутимая гравитация — центростремительное ускорение при вращении корабля.

— Это странно, — заметила Валентина. — Ведь центростремительное ускорение тоже инерциальное. Я бы сказала, оно тоже должно

подавляться.

— Подавление инерции имеет четкую направленность, оно воздействует лишь на перемещение корабля вперед, — пояснил Морган. — Мисс Виггин, прошу прощения, я почти проигнорировал вас. Боюсь, слава и ранг вашего брата отвлекли меня настолько, что я позабыл о хороших манерах.

— Вы не обязаны их проявлять, — легко рассмеявшись, ответила Валентина. — Я иду просто в нагрузку к нему.

На этом они расстались, и энсин Акбар проводил Эндера и Валентину в каюту. Это помещение не было огромным, но оно было хорошо оборудовано. Энсин потратил несколько минут на то, чтобы показать, где хранится одежда, припасы и оборудование и как пользоваться внутренней связью корабля. Акбар также настоял на том, чтобы разложить обе койки и затем убрать их снова вверх, зафиксировав так, чтобы они не мешали. Так что Эндер и Валентина прошли полный инструктаж. Затем Акбар показал им, как опускать и поднимать жалюзи, превращающие каюту в две отдельные спальни.

— Спасибо, — сказал Эндер. — Думаю, сейчас я снова опущу кровать, чтобы можно было по-

спать.

Лейтенант Акбар с кучей извинений снова опустил обе койки, игнорируя протесты и заверения пассажиров, что они вполне способны и сами с этим справиться. Когда койки были разложены, энсин пошел к выходу и остановился в дверях.

— Сэр, — сказал он, — знаю, я не должен этого просить. Но все же… Можно я пожму вашу руку, сэр?

Эндер протянул ему руку и тепло улыбнулся:

— Спасибо за вашу помощь, энсин Акбар.

— Для нас честь принимать вас на борту этого корабля, сэр.

Акбар отсалютовал Эндеру. Эндер ответил тем же, и энсин ушел, закрыв за собой дверь.

Эндер подошел к койке и сел на нее. Валентина села на свою, прямо напротив. Эндер посмотрел на сестру и начал смеяться. Она скоро к нему присоединилась.

Они хохотали, и Эндер наконец лег, вытирая слезы.

— Позволь тебя спросить, — сказала Валентина. — Мы смеемся над одним и тем же?

— А что? Что тебя рассмешило?

— Все, — ответила она. — Вся эта фотосессия перед отлетом. Морган приветствовал нас так

тепло, словно у него и в мыслях нет вонзить тебе нож в спину. Благоговение лейтенанта Акбара перед героем, твои уверения, что ты всего лишь «мистер Виггин» — что, разумеется, тоже наигранно. Я смеюсь над всем этим сразу.

— Я понимаю, как все это забавно со стороны. Но сам был слишком занят, чтобы меня это могло развеселить. Я пытался не уснуть и старался произносить правильные слова.

— Так над чем тогда ты смеялся?

— Я смеялся от восторга. Восторга и облегчения. Сейчас я больше ни за что не отвечаю. На время полета это корабль Моргана, а я впервые в жизни стал свободным мужчиной.

— Мужчиной? — спросила Валентина. — Ты до сих пор ниже меня ростом.

— Но, Вэл, мне приходится бриться каждую неделю: щетина-то растет!

Их снова одолел смех, но уже ненадолго. Затем Валентина произнесла команду, опускающую барьер между их кроватями. Эндер разделся, забрался под простыню — в помещении с контролируемым климатом ее было вполне достаточно — и за считаные секунды провалился в сон.

8

Кому:
GovDes%ShakespeareCol@ColMin.gov/voy
От: MinCol@ColMin.gov

Тема: Отчет о формировании планеты

Дорогой Эндер,

я все не мог решить, отправлять ли тебе эти данные. С одной стороны, они завораживают, даже воодушевляют; с другой стороны, я знаю, что уничтожение родной планеты жукеров заставило тебя страдать, и напоминание об этом может оказаться болезненным. Но я рискну причинить боль – тебе, ведь для меня это не такой уж риск, правда? – потому что если кто и должен увидеть эти отчеты, так это ты.

Хайрам

Переадресованное сообщение:

Кому: MinCol@ColMin.gov
От: LPo%formcent@IFCom.gov/bda

Тема: Отчет о формировании планеты

Дорогой Хайрам,

не уверен, что наши сведения подпадают под определение «насущно необходимые», поскольку пройдет еще очень-очень много времени, прежде чем означенная планета станет пригодной для колонизации. Но поскольку она больше не занята врагом, мне подумалось, ты захочешь узнать кое-что о последствиях войны – нашу ОНУ (отметь, что в своем новом назначении я не получил обычной «оценки нанесенного ущерба». Мы должны использовать аббревиатуру. Kuso[7], как говорят дети).

SecureLinka7977@rTTu7&!a**********bdA.gov

Я сделал так, что твое полное имя будет временным паролем в течение следующей недели.

Если у тебя не найдется времени для того, чтобы изучить весь отчет на приведенном выше сайте, вот тебе краткое

---

[7] Сноски: 7
Дерьмо *(яп.).*

изложение: родная планета жукеров, уничтоженная в прошлом году разрывом молекулярных связей, формируется заново. Посланный нами корабль вместо спасательной миссии занялся астрономией – наблюдает за формированием планеты из пыли – буквально.

MD-поле разбило на атомы все, до чего дотянулось, но теперь эти атомы сливаются в молекулы с удивительной быстротой. Наблюдающий корабль недавно оказался в таком положении, что звезда находилась от него по ту сторону облака пыли. Были проделаны спектрометрические и гравитационные измерения, подтвердившие, что молекулы формируются заново и что гравитация облака достаточна для удержания большей части вещества. Некоторая часть вещества оказалась потеряна в силу высокой скорости атомов, еще часть – из-за гравитации звезды, солнечного ветра и так далее, но, по нашим оценкам, новая планета сохранит по меньшей мере восемьдесят процентов первоначальной массы, если не больше. При таких размерах у нее

должна возникнуть атмосфера, потенциально пригодная для дыхания. Также у нее будет расплавленное ядро и мантия, океан и, возможно, тектонические выступы толстых фрагментов коры – то есть континентов.

Если вкратце, то от цивилизации жукеров не осталось никаких артефактов, но в течение нескольких тысяч лет планета возродится – симпатичный шарик на своей орбите. Быть может, в течение десяти тысяч лет она остынет достаточно для того, чтобы человечество могло приступить к ее изучению. Если после формирования океанов мы заселим ее бактериями и другими формами жизни, ее можно будет колонизировать в течение сотни тысяч лет. Мы, люди, можем быть более чем деструктивными, но стремление Вселенной к созиданию неутомимо.

Ли

На корабле «Леденец», как его называла Валентина, известном также как «IF-Колтранс-1» (это имя красовалось на борту и беспрестанно передавалось в эфир его маячком) или «Миссис

Морган» (этим прозвищем пользовалась команда за спиной капитана), общественных мест было немного.

На борту имелась столовая, в которой не больно-то засидишься, поскольку обеденные смены шли каждый час. Библиотека предназначалась для серьезных исследований, проводимых экипажем корабля, и, хотя у пассажиров был полный доступ к ее содержимому с терминалов в своих каютах, их не особо приветствовали в самом помещении.

Каюты офицеров и команды раскрывали двери перед пассажирами только по особому приглашению, а такие приглашения случались редко. Театральный зал был хорошо приспособлен для просмотра голографических картин или фильмов, равно как для общих сборов, но личные разговоры здесь велись приглушенными голосами и в целом не приветствовались.

Так что для веселья оставалась только обзорная палуба, обозревать с которой открывающиеся виды можно было лишь во время околопланетных маневров, да немногие помещения в трюме, которым предстояло становиться просторнее по мере расходования припасов.

Так что именно на обзорную палубу Эндер

отправлялся каждое утро сразу после завтрака. Валентину удивляла его очевидная общительность. На Эросе он держался скрытно, разговаривал неохотно, всецело углубившись в свои исследования. Теперь же он приветствовал всех, кто заходил на палубу, и дружелюбно болтал со всяким, кто хотел отнять у него время.

— Почему ты позволяешь им себя отрывать? — однажды спросила Валентина, когда они вернулись в каюту.

— Они меня не отрывают, — ответил Эндер. — Моя цель — общаться с ними; своими делами я занимаюсь, когда никто не претендует на мое время.

— То есть ты губернатор.

— Отнюдь. Сейчас я никакой не губернатор. Это корабль адмирала Моргана, и у меня здесь нет никакой власти.

Таков был стандартный ответ Эндера, когда кто-то хотел разрешить проблему: рассудить спор, поставить под сомнение тот или иной пункт правил, попросить об его изменении или о привилегии. «Боюсь, моя власть начнется только после того, как я шагну на планету Шекспир, — отвечал он. — Но уверен, любой офицер по связям с пассажирами, назначенный адмиралом Морга-

ном, разрешит все проблемы, к вашему полному удовлетворению».

«Но вы ведь тоже адмирал», — указывали некоторые на очевидный факт. Некоторые даже знали, что ранг Эндера был выше, чем у Моргана.

«Он капитан корабля, — улыбаясь, отвечал Эндер. — И на борту нет никого выше».

Валентину такие ответы не устраивали — и наедине с братом она стеснялась отметить это.

— Mierda, mi hermano[8], — сказала она. — Если у тебя нет официальных обязанностей и ты не губернатор, зачем тебе тратить столько времени на то, чтобы быть *любезным*?

— Можно надеяться, что в один прекрасный день мы прибудем к месту назначения, — ответил Эндер. — К тому моменту, как это произойдет, я должен знать каждого, кто останется с колонией. И знать хорошо. Их внутрисемейные отношения, дружеские узы, завязавшиеся на корабле. Нужно знать, кто хорошо говорит на общем, а у кого сложности с неродным языком. Я обязан знать, кто агрессивен, кому нужно внимание, кто творческий и изобретательный, у кого какое образование, как они воспринимают новые идеи.

---

[8] Сноски: 8
Вот дерьмо, братец *(исп.)*.

Тем пассажирам, кто путешествует в стазисе, я уделил по полчаса — каждой группе. На бодрствующих у меня времени больше. Может, мне хватит его, чтобы выяснить, почему они не погрузились в сон на время полета. Боятся стазиса? Надеются на получение какого-то преимущества по прибытии на место? Как видишь, Валентина, я все время работаю. И устаю от этого.

— Я думала о том, чтобы преподавать английский. Вести занятия, — заметила Вэл.

— Не английский, а общий, — поправил ее Эндер. — У него проще написание — никаких там «ugh» или «igh», — а кроме того, специальный словарный запас, отсутствие сослагательного наклонения и слова «whom», а предлог «of» обозначается одной буквой «v». Это лишь малая часть различий.

— Значит, я буду преподавать общий, — сказала Валентина. — Что думаешь?

— Думаю, это будет сложнее, чем ты думаешь, но серьезно поможет тем, кто станет посещать занятия, — если те, кому они нужны, согласятся их посещать.

— Я посмотрю, какие обучающие программы есть в библиотеке.

— В первую очередь, надеюсь, ты поговоришь

об этом с адмиралом Морганом.

— Зачем?

— Это его корабль. Обучающий курс можно организовать только с его разрешения.

— Но ему-то какое дело?

— Не знаю, есть ли ему до этого дело. Просто это его корабль, а потому мы должны выяснить, какое ему дело, до того, как организовать курс обучения.

Как оказалось, офицер по связям с пассажирами — полковник по имени Джаррко Китунен — уже собирался организовать занятия по преподаванию общего. Он взял Валентину преподавателем в тот же миг, когда она вызвалась на эту роль. Еще он бессовестно флиртовал с нею, и Валентина обнаружила, что, пожалуй, находит удовольствие от его общества и финского акцента. Поскольку Эндер чаще всего был занят беседой с кем-то или чтением материалов, только что полученных по ансиблю или скачанных из библиотеки, для Валентины было совсем нелишним найти приятный способ провести время. Она не могла отдать истории Боевой школы больше нескольких часов зараз, поэтому человеческое общество пришлось очень даже кстати.

В полет она направилась ради Эндера, но до тех

пор, пока он отказывался полностью довериться ей, она не чувствовала себя обязанной оставаться безучастной к сторонним знакам внимания в ожидании, когда брат решит приоткрыть хоть немного душу, чтобы разделить с ней переживания. И еще — если окажется, что Эндер так никогда и не захочет впустить ее в свою душу, откажется восстанавливать былую связь, в этом случае ей понадобится создать свою собственную жизнь, не так ли?

Не то чтобы этот Джаррко стал частью этой жизни. С одной стороны, он был старше ее примерно на десять лет. С другой — он был членом экипажа, а это значит, что, когда на корабль погрузят все те артефакты, товары и припасы, которыми сможет снабдить их колония Шекспир, корабль развернется и полетит обратно к Земле или к Эросу. Валентины на нем не будет, так что все отношения с Джаррко заведомо ограничены временем. Может, его это вполне устроило бы, но не Валентину.

Как говаривал отец: «В долгосрочном плане моногамия служит обществу лучше всех прочих форм семейного союза. Потому-то половина из нас рождается мужчинами, а половина — женщинами; так получается поровну».

Так что Валентина не всегда была с Эндером; она была занята, ей было что делать, у нее была собственная жизнь. А это больше, чем то, что когда-либо дал ей Питер, так что Валентина, в сущности, наслаждалась этой жизнью.

Однако так вышло, что Валентина *была* с Эндером на обзорной палубе, работая над книгой, когда итальянка и ее дочь-подросток подошли к Эндеру и молча встали рядом с ним в ожидании, когда на них обратят внимание. Валентина знала их обеих, потому что преподавала им общий.

Эндер моментально повернулся к ним и улыбнулся.

— Дорабелла и Алессандра Тоскано, — сказал он. — Какое удовольствие наконец-то вас встретить.

— Мы не могли поговорить с вами, пока ваша сестра не выучила нас вполне хорошему английскому, — произнесла Дорабелла с сильным итальянским акцентом. И затем хихикнула. — Я хотела сказать — общему.

— Хотел бы я уметь говорить по-итальянски, — заметил Эндер. — Прекрасный язык.

— Язык любви, — сказала Дорабелла. — Не гадкий французский, «язык лобзаний и плевков».

— Французский тоже прекрасен, — возразил

Эндер, рассмеявшись над ее имитацией французского прононса.

— Только для французов и глухих, — упорствовала Дорабелла.

— Мам, — произнесла Алессандра. В ее речи итальянский акцент едва ощущался, ее произношение больше походило на ту манеру, с которой говорят образованные британцы. — Среди колонистов есть те, кто говорит по-французски, и он не может никого из них оскорблять.

— А с чего им оскорбляться? Они лобзаются, а мы делаем вид, что не замечаем?

Валентина рассмеялась. Дорабелла правда была довольно забавной, и у нее была позиция. «Бойкая» — вот подходящее слово. По возрасту она годилась Эндеру в матери, собственно, ее дочь — сверстница Эндера, но вполне можно было подумать, что она с ним флиртует. Может, она одна из тех женщин, кто флиртует со всеми, потому что не знает другого способа относиться к людям.

— А сейчас мы готовы, — сказала Дорабелла. — Ваша сестра выучила нас хорошо, и мы готовы к нашему получасу с вами.

Эндер поморгал:

— О, вы правда думали… Я проводил по пол-

часа с теми колонистами, которые собирались путешествовать в стазисе. Но у всех остальных сколько угодно времени. Нет нужды организовывать получасовую встречу: я все время здесь.

— Но вы очень важный человек, спасающий весь мир.

Эндер покачал головой:

— Это уже в прошлом. Теперь я всего лишь человек, у которого есть работа, и с ней он еще не справился. Так что присаживайтесь, давайте поговорим. Вы делаете успехи в английском — Валентина о вас говорила, о том, как упорно вы занимаетесь.

А у вашей дочери вообще нет акцента, она говорит совершенно свободно.

— Очень умная девочка моя Алессандра, — сказала Дорабелла. — И хорошенькая, да? Как вы думаете? Отличная фигурка для четырнадцатилетней.

— Мам! — одернула ее Алессандра, вжимаясь в кресло. — Я что, подержанная машина? Сэндвич у уличного торговца?

— Уличные торговцы, — со вздохом сказала Дорабелла. — Мне еще их не хватает.

— Уже не хватает, — поправила ее Валентина.

— Я уже их не хватаю, — сказала Дорабелла,

гордо исправляя ошибку. — Такая маленькая будет планета Шекспир. Нет города! Как ты сказала, Алессандра? Говори ему.

Алессандра явно не горела желанием говорить, но ее мать настояла на своем.

— Я просто сказала, что в пьесах Шекспира больше персонажей, чем колонистов на планете, названной в его честь.

Эндер рассмеялся:

— Интересная мысль! Хотя вы правы: вряд ли мы смогли бы сыграть все его пьесы так, чтобы хотя бы у некоторых колонистов было больше одной роли. Не то чтобы я претендовал на постановку одной из пьес Шекспира… Хотя, может, стоило бы. Что вы думаете? Захочет ли кто-нибудь поставить пьесу силами колонистов, которые летят с нами?

— Мы даже не знаем, понравится ли им новое имя, — заметила Валентина. И подумала: «А Эндер вообще имеет представление, сколько труда требуется для постановки пьесы?»

— Они знают имя, — уверил Эндер сестру.

— Но нравится ли оно им? — спросила та.

— Это не важно, — отмахнулась Алессандра. — Не хватает женских *ruoli, parti* — как это называется? — При этих словах она беспомощно

повернулась к Валентине.

— Ролей, — сказала Валентина. — Или партий.

— О, — хихикнула Алессандра. Смешок оказался довольно-таки чарующим. Девушка не выглядела глупой. — Те же слова! Ну конечно.

— Она права, — сказала Валентина. — Мужчин и женщин среди колонистов примерно поровну, а в пьесах Шекспира — сколько там женских ролей? Процентов пять?

— О, ну ладно, — ответил Эндер. — Это просто пришло мне в голову.

— Мне бы хотелось поставить пьесу, — сказала Алессандра. — Но, может, можно читать ее совместно?

— В театре, — сказала Дорабелла. — В зале для *holografi*. Мы все будем читать. Я нет, я слушаю, мой английский не вполне хороший.

— Это идея, — откликнулся Эндер. — Почему бы вам не организовать это дело, синьора Тоскано?

— Пожалуйста, зовите меня от Дорабелла.

— В этой фразе «от» лишнее, — сказала Алессандра. — В итальянском, кстати, тоже.

— В английском полно этих «от», эти «от» везде, кроме тех мест, куда я их ставлю! — со смехом воскликнула Дорабелла, дотрагиваясь до руки Эндера.

По всей видимости, Дорабелла не заметила, как он подавил рефлекторное желание отдернуться: Эндеру не нравилось, когда незнакомые люди к нему прикасались. Никогда не нравилось. Но Валентина заметила. Да, он все-таки прежний Эндер.

— Я ни разу в жизни не видел пьесы вживую, — сказал он. — Я их читал, видел голографические записи и видео, но никогда физически не присутствовал в зале, где люди по-настоящему читают строки вслух. Я бы никогда не смог сделать постановку, но очень хотел бы посмотреть и послушать, как над ней работают.

— Ну, тогда вы должны! — воскликнула Дорабелла. — Вы губернатор, сделайте это случиться!

— Не могу. Правда не могу. Пожалуйста, поставьте пьесу сами.

— Нет, не могу, — сказала Дорабелла. — Мой английский слишком плохой. *Il teatro* — он для молодых. Я буду смотреть и слушать. Вы с Алессандрой делаете это. Вы студенты, вы дети. Ромео и Джульетта!

«Разве можно быть еще очевиднее?» — подумала Валентина.

— Мама думает, что, если я и вы будем проводить вместе много времени, мы влюбимся друг в

друга и поженимся, — сказала Алессандра.

Валентина едва сумела удержаться от смеха. Значит, дочь не участвует в заговоре, а является его целью.

Дорабелла притворилась шокированной.

— У меня никакого такого плана нет!

— О, мам, ты же с самого начала все это планировала. Еще когда в городе…

— Монополи, — вставил Эндер.

— …она называла вас «юношей с перспективами». Вероятным кандидатом мне в мужья. А мое личное мнение — я еще слишком молода, вы тоже.

Эндер всеми силами пытался успокоить ее мать:

— Дорабелла, пожалуйста! Я ничуть не обижаюсь и, конечно, знаю: вы ничего такого не планировали. Алессандра просто меня поддразнивает. Поддразнивает нас обоих.

— Ничего я не поддразниваю, но вы можете говорить что угодно, лишь бы мама была счастлива, — сказала Алессандра. — Наши с ней жизни — одна длинная-предлинная пьеса. Она делает из меня… нет, не звезду моей собственной автобиографии. Но мама всегда видит счастливый конец, причем с самого начала.

Валентина не вполне понимала отношения между матерью и дочерью. Слова были острыми, почти враждебными. Говоря все это, Алессандра обняла свою мать, похоже совершенно искренне. Словно слова стали для них частью давнего ритуала и утратили свое первоначальное жалящее значение.

Что бы между Эндером и Алессандрой ни происходило, Дорабелла, казалось, успокоилась.

— Люблю счастливый конец.

— Нам стоило бы поставить греческую пьесу, — заметила Алессандра. — «Медея». Ту самую, где мать убивает собственных детей.

Это предложение шокировало Валентину: как жестоко произносить такое при матери! Но нет, судя по реакции Дорабеллы, Алессандра имела в виду вовсе не ее. Потому что Дорабелла рассмеялась, кивнула и сказала:

— Да, да, да — Медея, злая мама!

— Мы дадим ей другое название, — добавила Алессандра. — Изабелла!

— Изабелла! — эхом воскликнула Дорабелла.

Они рассмеялись заразительно, чуть ли не до слез, и Эндер засмеялся вместе с ними.

Затем, к удивлению Валентины, когда мать с дочерью уже икали от смеха, Эндер повернулся к

сестре и объяснил:

— Изабелла — мать Дорабеллы. У них были трудные взаимоотношения.

Алессандра перестала смеяться и внимательно посмотрела на Эндера. Но Дорабелла, если и удивилась, что Эндеру так много известно об их прошлом, ничем этого не показала.

— Мы прилетели в эту колонию, чтобы стать свободными от моей идеальной мамочки. Святая Изабелла, мы не будем тебе молиться!

После этих слов Дорабелла вскочила и принялась кружиться в некоем танце — быть может, в вальсе. В одной руке она держала длинную воображаемую юбку, а другой выписывала в воздухе узоры, словно веером.

— У меня всегда есть волшебная страна, где я смогу быть счастлива, а мою дочь я возьму с собой, она всегда счастлива… — напевала она, а затем замолчала и повернулась к Эндеру. — Колония Шекспир теперь наша волшебная страна. А вы — король… *foletti*?

В поисках помощи она повернулась к дочери.

— Эльфы, — сказала Алессандра.

— Эльфов, — сказала Валентина.

– *Gli elfi!* — восторженно воскликнула Дорабелла. — Снова одно слово. *Elfo, elve!*

— Эльф, — одновременно произнесли Валентина и Алессандра.

— Король эльфов, — сказал Эндер. — Интересно, какой электронный адрес я бы получил? ElfKing@Faeerie.gov? — Он повернулся к Валентине. — Или этот титул хочет заполучить Питер?

Валентина улыбнулась:

— Он все еще не может выбрать между Гегемоном и Богом.

Дорабелла не уловила отсылки на Питера. Она продолжила свой танец и на этот раз стала напевать просто мелодию без слов, западающую в память. Алессандра покачала головой, но все же стала подпевать. Она слышала эту песню и раньше, знала ее и пела вместе с матерью. Их голоса гармонично сплелись.

Валентина завороженно смотрела на этот танец. Поначалу он казался детским, почти смешным. Однако скоро Валентина поняла: Дорабелла знает, что ведет себя глупо, но ее поступки исходят из самого сердца. Именно сердце заставляло ее кружиться, ее лицо — принимать то особое выражение иронии, которое растворяло очевидную глупость и притворство и придавало искренности, превращающей танец в нечто восхитительное.

«Дорабелла совсем не старая, — подумала Валентина. — Она молода и выглядит совсем не плохо. Да что там — прекрасно выглядит, особенно когда кружится в этом странном, волшебном танце».

Песня без слов закончилась. Дорабелла продолжила танцевать в тишине.

— Мам, может, хватит уже порхать? — мягко попросила Алессандра.

— Но я не могу, — ответила Дорабелла, на сей раз открыто поддразнивая ее. — На этом межзвездном корабле мы будем порхать пятьдесят лет!

— Сорок, — уточнил Эндер.

— Два года, — произнесла Алессандра.

Очевидно, Эндеру понравилась идея поставить пьесу, потому что он вернулся к этой теме.

— Нет, не «Ромео и Джульетта», — сказал он. — Нам нужна комедия, а не трагедия.

— «Виндзорские насмешницы», — предложила Валентина. — Множество женских ролей.

— «Укрощение строптивой»! — воскликнула Алессандра, и Дорабелла чуть не свалилась от очередного приступа смеха.

Очевидно, еще один намек на Изабеллу. А когда смех иссяк, они обе стали настаивать на том, что

именно эта пьеса — идеальный вариант.

— Я возьму роль сумасшедшей, — сказала Дорабелла.

Валентина заметила, что Алессандре пришлось прикусить язык, чтобы это не прокомментировать.

В общем, так родился план провести в театре чтения через три дня — по корабельному времени, хотя в этом полете, где сорок лет пройдут менее чем за два года, сама концепция времени казалась Валентине притянутой за уши. Когда *теперь* у нее день рождения? Будет ли она отсчитывать свой возраст по корабельному времени или, после прибытия, по убежавшему вперед календарю? И что вообще значит на Шекспире календарь Земли?

Естественно, в дни подготовки к чтениям Дорабелла и Алессандра приходили к Эндеру с бесчисленными вопросами. Хотя он достаточно ясно дал им понять, что принимать решения предстоит им самим, что он за это представление не отвечает, вел он себя с ними очень терпеливо. Казалось, их общество доставляет ему удовольствие — хотя, подозревала Валентина, причина совсем не та, на которую надеялась Дорабелла. Эндер и не думал влюбляться в Алессандру — если

и влюбился бы, так, скорее, в ее мать. Нет, Эндер влюблялся в близость матери и дочери. Они были близки в той степени, в которой некогда были близки Эндер и Валентина. И они впускали Эндера в свое закрытое общество.

«Ну почему я не смогла дать ему это?» Валентина отчетливо ощущала ревность, досадовала из-за собственной неудачи, но нисколько не желала лишить Эндера удовольствия, которое он получал от общения с семейством Тоскано.

Конечно, это было неизбежно, что Эндеру досталось читать роль Люченцио, красивого и юного ухажера Бьянки. Роль Бьянки, разумеется, играла Алессандра. Сама Дорабелла читала роль Катарины, той самой «строптивой», ну а Валентине досталась роль вдовы. Валентина даже не делала вид, что не хочет читать свою роль. Ну, правда, это самое интересное событие на корабле, так почему бы не побывать в самом центре этого действа? Она сестра Эндера; так пусть люди услышат ее голос, тем более в гротескной роли вдовы.

Валентину забавляло то, как мужчины и подростки, читавшие другие роли, в конце концов сосредотачивались на Дорабелле. У этой женщины был совершенно невероятный смех — богатый, глубокий, заразительный. Заслужить ее смешок

в комедии — милое дело, так что мужчины наперебой старались доставить ей радость. Это заставило Валентину задаться вопросом: а правда ли свести Эндера и Алессандру было истинной целью Дорабеллы? Быть может, она считала это своею целью, но на самом деле удерживала для себя центральное место на сцене? Казалось, она обожает быть предметом всеобщего внимания. Она флиртовала со всеми, во всех влюблялась, но в то же время всегда выглядела пребывающей в собственном мире.

Играли ли когда-нибудь «строптивую» Катарину *так*?

Обладает ли каждая женщина тем, что есть в Дорабелле? Валентина попыталась хорошенько порыться в своем сердце, чтобы нащупать такой энтузиазм. «Я знаю, как веселиться, — говорила она себе. — Знаю, как быть игривой».

Но она знала за собой ироничность ума, знала, что в ее добродушии всегда присутствует капелька язвительной мизантропии. Застенчивость Алессандры сказывалась на всем, что она делала: она была смелой на словах, но похоже, что, как только она их произносила, они удивляли и смущали ее саму. Дорабелла, однако же, не была ни ироничной, ни пугливой. Она была женщи-

ной, которая встретилась со своими драконами лицом к лицу и умертвила их всех; сейчас она была готова принимать хвалы восхищенной публики. Она произносила реплики Катарины, вкладывая в них свое сердце, свою злость, волнение, раздражение, разочарование и, наконец, любовь. Последняя ее речь, о послушании мужу, прозвучала настолько прекрасно, что даже заставила Валентину немного всплакнуть и даже подумать: интересно, каково это — любить мужчину, доверять ему настолько, чтобы смириться, как Катарина? Неужели в нас, женщинах, есть нечто такое, что заставляет нас покоряться? Или это нечто, присущее каждому человеку, то, что заставляет радоваться подчинению, когда над ним берут верх? Это могло бы объяснить многое в подоплеке исторических событий.

Поскольку каждого, кто заинтересовался пьесой, уже привлекли к работе над постановкой, само представление вряд ли могло кого-то удивить. На последней репетиции Валентина была готова воскликнуть: «Какой смысл в премьере? Мы только что ее сыграли, и все прошло великолепно!»

Но на корабле царило радостное возбуждение — как оказалось, все с нетерпением ждали

«премьеру», и Валентина поняла, что репетиция, сколь бы удачно она ни прошла, совсем не то же, что спектакль. Кроме того, на представлении будут и те, кого на чтениях не было: Дорабелла прошлась по всему кораблю, приглашая на спектакль членов команды. Многие собирались прийти. И те пассажиры, которые не участвовали в постановке, были рады приглашению, а некоторые были откровенно недовольны тем, что им не досталось роли. «В следующий раз», — говорили они.

Но когда в назначенное время все собрались, в дверях театра их встретил Джаррко с официальным выражением на лице. Нет, театр не откроется; по приказу адмирала спектакль отменен.

— Губернатор Виггин, — произнес Джаррко.

«Обращение по должности — плохой знак», — подумала Валентина.

— Сэр, если не возражаете, адмирал Морган хотел бы увидеть вас как можно скорее.

Эндер кивнул и улыбнулся.

— Разумеется, — сказал он.

Так что, Эндер этого ожидал? Или он настолько ко всему привычен, что ничему не удивляется?

Валентина пошла было вместе с ним, но Джарр-

ко тронул ее за плечо.

— Прошу, Вэл, — прошептал он. — Только он.

Эндер улыбнулся сестре и направился к адмиралу, заметно ускорив шаг, словно был по-настоящему рад предстоящей встрече.

— Что все это значит? — негромко спросила Валентина у Джаррко.

— Не могу сказать, — ответил тот. — Правда. Я лишь получил приказ. Спектакль отменяется, театр закрыт на всю ночь, губернатора просят к адмиралу немедленно.

Так что Валентина осталась с Джаррко, утешая актеров и зрителей, реакция которых варьировалась от разочарования до ярости и даже до революционной горячности. Некоторые начали декламировать свои роли прямо в коридоре, пока Валентина не попросила прекратить.

— Бедный полковник Китунен навлечет на себя неприятности, если вы продолжите так себя вести, а он слишком деликатен, чтобы лично вас остановить.

В результате каждый был весьма сердит на адмирала Моргана за отмену безобидного представления. Валентина не могла удержаться от вопроса: о чем он вообще думает? Неужели он никогда не слышал о необходимости поддерживать

хорошее моральное состояние людей? А может, слышал, но имеет что-то против его улучшения?

Что-то было неладно, и Валентина начала задаваться вопросом: а не Эндер ли за этим стоит? Может ли Эндер оказаться столь же подлым и коварным, как Питер? Нет, это совершенно исключено. Валентина всегда видела Питера насквозь, несмотря на все увертки. А Эндеру неискренность, вообще-то, не свойственна. Он всегда говорит, что хочет сказать, и всегда имеет в виду то, о чем говорит.

Что же натворил этот мальчишка?

9

Кому:
demosthenes@LastBestHopeOfEarth.pol
От: PeterWiggin@hegemony.gov/hegemon

Тема: Пока тебя здесь не было

Я попросил одного из своих людей подсчитать, сколько времени прошло для тебя с тех пор, как ты отправилась в свой релятивистский полет в будущее. Максимум, что ему удалось, – дать мне диапазон возможной продолжительности. В любом случае это несколько недель. Для меня прошла пара лет. Так что я могу с уверенностью заявить, что соскучился по тебе гораздо сильнее, чем ты по мне. Сейчас ты, возможно, продолжаешь думать, что никогда не будешь по мне скучать. В мире полно людей, которые убеждены в том же самом. Они смутно припоминают, что выбрали меня занять кабинет Гегемона. Они просто не могут вспомнить, чем занимается этот кабинет. Когда они вообще

обо мне думают, то считают, что меня зовут Локк.

И все же я воюю. У меня крошечные вооруженные силы, которыми командует – представь себе – старый друг Эндера, Боб. Остальных ребят из «армии» Эндера похитили русские, вдохновляемые коварным маленьким ублюдком по имени Ахиллес. В свое время его выперли из Боевой школы. По всему, Ахиллес подошел к выбору врага разумнее, чем Бонито де Мадрид когда-то. Врагом Ахиллеса был Боб, который столкнулся с ним – так, по крайней мере, гласит легенда – в темной вентиляционной шахте. Вместо того чтобы его убить, Боб сдал его властям. Ты об этом слышала? А Эндер знает о том, когда это произошло? Ахиллес – это Гитлер с хитростью, Сталин с мозгами, Мао с энергией, Пол Пот с проницательностью. Назови любого монстра в образе человека – и я гарантирую: в дополнение к их характеристикам у Ахиллеса найдутся свои, весьма неудобные для противников способности. Так что его очень трудно остановить, а убить еще труднее. Боб

клянется, что сделает это, но у него уже был шанс, который он упустил, – так что я настроен скептически.

Жаль, что тебя здесь нет.

Больше того, мне хотелось бы, чтобы здесь был Эндер. Я веду войну армией в двести человек – очень лояльной, отлично натренированной, но всего две сотни! Боб не самый надежный из командиров. Он всегда побеждает, но не всегда делает, что ему говорят, или двигает силы туда, куда мне хочется. Он сам выбирает себе задачу из имеющихся целей. К его чести, он не спорит со мной в присутствии своих (якобы «моих») людей.

Проблема в том, что эта ребятня из Боевой школы предельно цинична. Они ни во что не верят. И уж определенно не верят в меня. Только потому, что Ахиллес пытается уничтожить Боба и навести ужас на детишек из Боевой школы, они должны пожизненно служить старшему брату Эндера Виггина. Шутка, шутка. Они ничего мне не должны.

Конфликты тут и там по всему свету, изменчивые альянсы, – как я и предсказы-

вал, именно этим обернется возвращение детей из Боевой школы. Они отличное оружие, потенциально разрушительное, но никаких тебе радиоактивных осадков, никаких ядерных грибов. Однако я каким-то образом всегда представлял, что сумею удержаться на гребне волны. Сейчас чувствую, что меня тянет в провал между волнами, и я едва могу понять, где верх и где низ, и мне все время не хватает воздуха. Я выбираюсь на поверхность, делаю один вдох, а затем новая волна отбрасывает меня вниз.

У моей должности есть некоторые привилегии – во всяком случае, пока. Графф, министр по делам колоний, говорит, что у меня неограниченный доступ к ансиблю, и я могу говорить с тобой, когда захочу. Поздравь себя с тем, что я этим не злоупотребляю. Я знаю, ты пишешь историю Боевой школы, и мне подумалось, что некоторая информация о карьерах самых многообещающих ее выпускников тебе не помешала бы – например, для эпилога. Армия Эндера билась с жукерами и победила, и все, кроме него, сейчас так или

иначе вовлечены в военное планирование и боевые действия на стороне наций, достаточно удачливых, чтобы заполучить хотя бы одного такого выпускника, и достаточно сильных, чтобы его удержать. Они заложники, слуги, лидеры, номинальные фигуры или жертвы чужих планов или собственных решений.

Так что готовься переварить огромное количество информации. Графф говорит, ему потребуются недели на то, чтобы отослать все через его терминал (он сейчас располагается на старой станции Боевой школы), но ты получишь все разом. Передачи от моего имени идут с приоритетом Гегемонии, а это значит, что капитан твоего корабля не сможет их прочесть, а любым сообщениям, которых ожидает он сам, придется встать в очередь. Надеюсь, твоего капитана это не слишком рассердит, но, насколько я понимаю, он ведь, в сущности, никто, он даже не Мэйзер Рэкхем. Однако извинись перед ним от моего имени. Или не извиняйся, если сочтешь нужным.

Мне никогда в жизни не было так оди-

ноко. Я каждый день о тебе вспоминаю. По счастью, папа и мама оказались на удивление полезными. Нет, мне следовало бы написать «помогающими», но я оставлю «полезными», чтобы ты могла сказать: «Он совсем не изменился». Они тоже по тебе скучают, и среди прочего ты найдешь письма от них обоих. И их письма Эндеру. Надеюсь, малыш справится со своей злостью и ответит им. То, как мне тебя недостает, дает мне некоторое понимание их чувств к Эндеру (а теперь и тебе); его ответное письмо было бы для них дороже всего на свете. Ну что ему стоит?

Нет, сам я ему писать не собираюсь. В этой компании у меня нет ни одной акции. На маму с папой жалко смотреть: я единственное видимое доказательство того, что у них вообще были дети. Подбодрите их, вы оба! Чем еще вам заняться? Прямо вижу, как ты несешься на световой скорости, а слуги приносят тебе бокалы с напитками, а восхищенные колонисты снова и снова умоляют Эндера еще разок рассказать им, как он разнес в пыль пла-

нету жукеров.

Составляя это письмо, я иногда чувствую, словно говорю с тобой как в старое доброе время. Но в данный момент это болезненно напоминает о том, насколько это не похоже на разговор с тобою.

В качестве официального семейного монстра выражаю надежду, что ты сравнишь меня с настоящим монстром вроде Ахиллеса и признаешь, что в некотором отношении я не столь ужасен, как мог бы быть. Еще я должен сказать тебе, что понял: когда никому нельзя доверять – и я имею в виду никому, – остается семья. И я каким-то образом лично поучаствовал в том, чтобы прогнать двоих людей из тех четверых, которым мог доверять. Довольно неуклюже с моей стороны, n'est-ce pas?[9]

Валентина, я тебя люблю. Мне бы хотелось, чтобы я в детстве обращался с тобою получше. И с Эндером тоже. Ну а сейчас – приятного чтения! Мир – такой бардак, я даже рад, что тебя здесь нет. Но обещаю

---

[9] Сноски: 9
Не так ли *(фр.)*.

тебе сделать все, что в моих силах, чтобы навести порядок и установить мир. Надеюсь, на пути к этой цели будет не слишком много войны.

От всего сердца,
твой злюка-брат

Питер

Адмирал Морган Квинси продержал Эндера у входа в свой кабинет целых два часа. Однако Эндер именно этого и ждал, так что он закрыл глаза и воспользовался временем, чтобы хорошенько вздремнуть. Он проснулся, чтобы услышать, как кто-то кричит по ту сторону двери: «Ну все, буди его и шли ко мне, я готов!»

Эндер немедленно сел, моментально сориентировавшись в обстановке. Хотя он ни разу не был в боях сознательно, он приобрел военную привычку держаться во сне настороже. К тому времени, как появился энсин, чьей обязанностью было его разбудить, Эндер уже стоял и улыбался.

— Насколько я понимаю, настало время для моей встречи с адмиралом Морганом.

— Да, сэр. Прошу вас, сэр.

Бедный юноша (ну, на шесть-семь лет постарше Эндера, но все равно еще достаточно юный,

чтобы адмирал день-деньской орал на него) из кожи вон лез, чтобы обрадовать Эндера. Поэтому Эндер показал, что явно обрадован.

— Он не в духе, — прошептал энсин.

— Посмотрим, может, я смогу его подбодрить, — сказал Эндер.

— Это, черт возьми, вряд ли, — шепотом откликнулся энсин, а затем открыл дверь и объявил: — Сэр, адмирал Эндрю Виггин.

При этих словах Эндер шагнул в кабинет; энсин торопливо отступил в коридор и закрыл за собой дверь.

— Какого черта, вы что о себе возомнили? — обратил к нему багровое лицо адмирал Морган.

Поскольку Эндер продремал два последних часа, это означало одно из двух: либо Морган оставался багровым в течение всего этого времени, либо он умел изменять цвет лица по своему желанию, для пущего эффекта. Эндер поставил на последнее.

— Я встречаюсь с капитаном корабля по его просьбе.

– *Сэр*, — произнес адмирал Морган.

— О, вы можете не называть меня «сэр», — сказал Эндер. — «Эндрю» вполне подходяще. Я настаиваю на привилегиях своего звания.

Эндер уселся в уютное кресло сбоку от стола Моргана, вместо того чтобы занять место прямо напротив.

— На моем корабле у вас нет никакого звания, — сказал Морган.

— У меня нет власти, — уточнил Эндер. — Но звание летит со мной.

— Ты провоцируешь мятеж на моем корабле, захватываешь жизненно важные ресурсы, ставишь под угрозу выполнение задания, цель которого — доставить *тебя* в колонию, которой ты намереваешься управлять.

— Мятеж? Мы ставим «Укрощение строптивой», а не «Ричарда II».

— Я еще не договорил, мальчишка! Ты можешь считать себя воплощением геройства потому лишь, что ты и твои приятели играли в видеоигру, которая оказалась не игрой, но я не потерплю такого рода переворота на моем корабле! Что бы ни сделало тебя знаменитым, что бы ни дало тебе это нелепое звание, — все это *в прошлом*. Сейчас ты в реальном мире, и ты лишь сопливый пацан с бредом величия!

Эндер молча сидел и спокойно смотрел на Моргана.

– *Теперь* ты можешь отвечать.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — сказал Эндер.

В ответ на это Морган разразился хамской тирадой, которая могла бы составить гордость коллекции флотских ругательств. Если до этого лицо капитана было просто багровым, то теперь стало пунцовым. И пока он все это произносил, Эндер безуспешно пытался понять, что в этой пьесе было такого, отчего человек вдруг совершенно взбесился.

Когда Морган сделал паузу, чтобы передохнуть, облокотившись — нет, рухнув на стол, — Эндер поднялся с кресла:

— Адмирал Морган, думаю, вам следует подготовить обвинение для рассмотрения моего дела в трибунале.

— Трибунал! Я не собираюсь судить тебя в трибунале, пацан! Я не обязан. Я могу поместить тебя в стазис на все время полета, и для этого достаточно одной моей подписи!

— Боюсь, недостаточно — не в отношении человека в звании адмирала, — сказал Эндер. — Похоже, официальное обвинение будет единственным способом получить от вас внятное изложение того, что же я такого совершил, отчего вы так разволновались.

— О, так ты хочешь формальное обвинение? Как насчет перехвата всех ансибельных коммуникаций на протяжении трех часов, так что мы оказались, по сути, отрезаны от известной Вселенной? Что ты на это скажешь? Три часа — это больше двух дней реального времени, могло произойти все что угодно, а я даже не мог отправить запрос!

— Определенно, это представляет проблему, — согласился Эндер. — Но с чего вы взяли, что я имею к этому какое-то отношение?

— Потому там везде твое имя, — сказал Морган. — Сообщение адресовано тебе. И оно еще поступает, перекрывая всю полосу передачи.

— А вам не приходило в голову, что сообщение отправлено *мне*, а не *от меня*? — мягко заметил Эндер.

— От Виггина — Виггину, только для чтения, настолько глубоко зашифрованное, что компьютеры корабля оказались бессильными.

— Вы попытались взломать безопасную передачу, адресованную вышестоящему офицеру, не спросив перед этим его разрешения?

— Это подрывная передача, пацан, именно поэтому я попытался ее расшифровать!

— Вы знаете, что передача подрывная, пото-

му что не можете ее взломать, и попытались взломать ее, потому что она подрывная, — подытожил Эндер.

Голос его звучал мягко и весело — не потому, что Моргана сводил с ума тот факт, что Эндер сохраняет полное хладнокровие, это был лишь бонус. Эндер просто принял тот факт, что весь этот разговор записывается, и не собирался допустить ни слова, ни эмоции, которые оказали бы ему медвежью услугу в судебных разбирательствах. Так что Морган мог ругаться сколько угодно; Эндер не издаст ни единой буквы, которую можно было бы вырезать из записи, чтобы превратить его в «мятежника» или «буяна».

— Я не обязан оправдываться перед тобой за свои действия, — сказал Морган. — Я заставил тебя сюда прийти и отменил ваш так называемый спектакль, чтобы ты открыл сообщение прямо здесь, на моих глазах.

— Только для чтения, безопасная передача… я не уверен, что с вашей стороны корректно настаивать на просмотре.

— Либо ты откроешь сообщение здесь и сейчас, на моих глазах, либо ложишься в стазис и не сойдешь с корабля, пока я не верну тебя на Эрос для рассмотрения твоего дела в трибунале.

«Чье-то дело точно рассмотрят, — подумал Эндер, — но вряд ли мое».

— Позвольте мне на него взглянуть, — сказал Эндер. — Хотя не могу обещать, что открою его: понятия не имею, от кого оно.

— Оно от *тебя*, — едко произнес Морган. — Ты отправил его до того, как улететь.

— Адмирал Морган, я этого не делал, — сказал Эндер. — Полагаю, у вас открыт секретный доступ в этом кабинете?

— Обойди стол и открой сообщение прямо здесь, — сказал Морган.

— Адмирал Морган, предлагаю вам развернуть терминал ко мне.

— Я сказал — садись здесь!

— При всем уважении, адмирал Морган, но я не позволю снять видео о том, как сижу за вашим столом.

Морган уставился на него, и лицо адмирала снова начало багроветь. Затем он протянул руку и повернул голографический дисплей к Эндеру.

Эндер наклонился вперед и пару раз нажал на меню на экране дисплея. Адмирал Морган обошел стол, чтобы встать у него за спиной.

— Медленно, чтобы я видел, что ты делаешь.

— Я ничего не делаю, — сказал Эндер.

— Тогда, малыш, ты ляжешь в стазис. Ты никогда не подходил на должность губернатора чего бы то ни было. Ты просто ребенок, которого слишком много носили на руках и совершенно испортили. В этой колонии никто не собирается обращать на тебя внимание! Единственный вариант, при котором ты мог бы продержаться в губернаторах, — если бы я тебя поддержал. Но теперь можешь быть уверен, я этого делать не собираюсь. Твоя игра «давайте сделаем вид» подошла к концу.

— Как скажете, адмирал, — сказал Эндер. — Но я ничего не делаю с этим сообщением, потому что я ничего *не могу* с ним сделать. Оно адресовано не мне, а у меня нет способа открыть безопасную передачу, адресованную другому лицу.

— Считаешь меня идиотом? Да на нем твое имя!

— На конверте указано «адмиралу Виггину», то есть мне, — сказал Эндер. — Потому что оно отправлено от командования МФ по безопасному военному каналу, а получатель в списке флота не значится. Но как только я открыл конверт — а такие действия вашим специалистам, я уверен, вполне по силам… — теперь вы видите, что Виггин, которому предназначена секретная часть

сообщения, — это не А. Виггин и не Э. Виггин. Адресат — В. Виггин, то есть моя сестра Валентина.

— Ваша сестра?

— Неужели ваши техники вам этого не сказали? И хотя сообщение отправлено от самого министра по делам колоний, настоящим отправителем опять-таки является П. Виггин, а его должность, как здесь указано, «Гегемон». Нахожу это весьма интересным. Единственный П. Виггин, с которым я лично знаком, — это мой старший брат Питер. Похоже, это означает, что мой брат теперь Гегемон. Вы это знали? Для меня это определенно новость. Когда мы улетали, он Гегемоном не был.

Адмирал Морган выдержал долгую паузу. Эндер наконец повернулся к нему, постаравшись — опять! — сделать все возможное, чтобы не дать появиться на лице ни малейшему намеку на триумф.

— Думаю, мой брат, Гегемон, составил личную передачу для сестры, с которой у него было долгое плодотворное сотрудничество. Быть может, он хочет получить ее совет. Но все это не имеет ко мне никакого отношения. Вы знаете, что я не видел своего брата и не был с ним в контакте с тех пор, как попал в Боевую школу в возрасте шести лет. И вошел в контакт с сестрой лишь за

несколько недель до отлета нашего корабля. Мне жаль, что передача забила ваши каналы связи, но, как я сказал, я о ней ничего не знаю, и она не имеет ко мне ни малейшего отношения.

Морган расхаживал за своим столом взад-вперед.

— Я поражен, — сказал Морган.

Эндер выжидал.

— Я в замешательстве, — выдавил Морган. — Мне казалось, что на систему связи корабля совершено нападение и что нападавшим был адмирал Виггин. В этом свете ваши продолжительные встречи с определенной группой колонистов, на которую вы приглашали и членов моей команды, выглядели подозрительно похожими на организацию мятежа. Поэтому я и расценил это как мятеж. Теперь я вижу, что базовые предпосылки для таких умозаключений были ложными.

— Мятеж — серьезное дело, — признал Эндер. — Естественно, вы были встревожены.

— Так вышло, что ваш брат и есть Гегемон. Сообщения об этом дошли неделю назад. Две недели назад. В любом случае год назад по времени Земли.

— Не страшно, что вы ничего мне не сказали.

Уверен, вы думали, что я узнаю это из других источников.

— Мне и в голову не приходило, что передача могла исходить от него, а не от вас.

— Валентину легко не заметить. Она ведет себя тихо. Такая уж она.

Морган направил на Эндера благодарный взгляд:

— Так, значит, вы понимаете?

«Я понимаю, что ты параноик, жадный до власти идиот», — сказал про себя Эндер.

— Разумеется, понимаю, — произнес он вслух.

— Не возражаете, если я пошлю за вашей сестрой?

Ну вот, ни с того ни с сего вдруг на «вы» и «не возражаете»! Но Эндеру незачем было заставлять Моргана смущенно вилять.

— Ну конечно! Это сообщение вызывает у меня не меньшее любопытство, чем у вас.

Морган направил за Валентиной энсина, а сам сел в кресло и в ее ожидании постарался поддержать светскую болтовню. Он поделился с Эндером парочкой якобы забавных историй с тех времен, когда был курсантом, — Морган никогда не был в Боевой школе, он шел «трудной дорогой, завоевывая звание за званием». Было ясно, что он

презирает Боевую школу и не верит в изначально непривилегированное положение тех, кого в нее не приглашали.

«Неужели это все, что стоит за его досадой? — задался Эндер вопросом. — Традиционное соперничество между выпускником профильной академии и тем, кто не получил такую фору?»

Когда Валентина вошла, она обнаружила Эндера, смеющегося над историей Моргана.

— Вэл, — продолжая смеяться, попросил ее Эндер. — Нам нужно, чтобы ты нам кое в чем помогла. — Он в нескольких словах рассказал ей о сообщении, отнявшем несколько часов работы ансибля и забившем собой все остальное. — Зашифрованная передача вызвала определенную озабоченность, и естественно, что адмирал Морган встревожился. Нам станет легче, если ты откроешь сообщение прямо здесь и дашь нам знать, о чем идет речь.

— Мне нужно видеть, как она его открывает, — сказал Морган.

— Не нужно, — возразила Валентина.

Они молча уставились друг на друга.

— Валентина имеет в виду, что не хочет, чтобы вы смотрели на саму процедуру открытия секретного письма, — и когда дело касается сообщения

от Гегемона, это можно понять. Но я уверен, она даст нам узнать о его содержимом так, чтобы это было легко проверяемо, — сказал Эндер. Он посмотрел на Валентину, насмешливо улыбнулся ей и пожал плечами. — Вэл, ради меня?

Эндер знал, что она узнает в этом насмешку над их отношениями, сыгранную исключительно на Моргана; разумеется, Валентина ему подыграла.

— Ради тебя, мистер Картофельная Башка. Где тут доступ?

Через несколько секунд Валентина сидела в торце стола, всматриваясь в голографический дисплей.

— О, это лишь наполовину безопасная передача, — заметила она. — Всего-то нужен отпечаток. Любой мог получить доступ, достаточно отрезать палец. Мне следует сказать Питеру, чтобы он использовал полный набор — роговицу глаза, ДНК, сердцебиение, — чтобы злодеям пришлось держать меня в живых. Он недостаточно ценит мою жизнь.

Она некоторое время читала послание, а затем вздохнула:

— Просто удивительно, каким идиотом может быть мой брат. И Графф тоже, если на то пошло. Здесь нет ничего такого, что нельзя было ото-

слать в открытую, и нет причин отправлять это единым беспрерывным потоком данных с высшим приоритетом, а не обычными кусками. Это лишь набор статей и сводок о событиях на Земле за последние пару лет. «Также услышьте о войнах и о военных слухах»[10], — сказала она и бросила взгляд на Эндера.

Он узнал цитату из Библии короля Якова — он наизусть заучил длинные отрывки из нее, когда несколько лет назад столкнулся с небольшим кризисом в Боевой школе.

— Что же, эта передача определенно заняла столько, еще столько и еще полстолько, — резюмировал он.

— Мне нужно… Я бы хотел получить подтверждение того, о чем вы говорите, — сказал Морган. — Вы должны понять: я обязан проверять все, что кажется представляющим угрозу моему кораблю и нашему заданию.

— Ну, здесь есть один неловкий момент, — замялась Валентина. — Я буду счастлива дать вам скачать всю эту прорву информации — если честно, я даже предлагаю скинуть ее в библиотеку для всеобщего доступа. Людям должно быть

---

[10] Сноски: 10
Матфей, 24: 6.

интересно, что происходит на Земле. Самой не терпится узнать новости.

— Но? — спросил Эндер.

— Дело в этом письме от Питера, — ответила Валентина с видимым и искренним смущением. — Мой брат пишет о вас в пренебрежительном тоне. Надеюсь, вы понимаете: ни я, ни Эндер никоим образом не обсуждали вас с ним, и все, что пишет Питер, — это его личное мнение. Могу вас заверить: и Эндер, и я — мы о вас самого высокого мнения.

С этими словами она повернула дисплей. Они с Эндером молча смотрели, как Морган читает.

В конце концов он вздохнул, затем склонился вперед. Его локти лежали на столе, а лоб он подпирал пальцами обеих рук.

— Что же, мне правда весьма неловко.

— Никаких проблем, — сказал Эндер. — Эта ошибка вполне объяснима. Я бы предпочел лететь с капитаном, который всерьез воспринимает любую угрозу своему кораблю, чем с тем, который сочтет трехчасовую потерю связи ерундой.

Морган принял предложенную ему оливковую ветвь.

— Адмирал Виггин, я рад, что вы придерживаетесь такого мнения.

— Эндер, — поправил его Эндер.

Валентина с улыбкой встала с кресла.

— Если не возражаете, я оставлю все это незашифрованным на вашем компьютере, позаботьтесь только, чтобы все это передали в библиотеку — кроме личного письма от моего брата, — сказала она и повернулась к Эндеру. — Он пишет, что любит меня и скучает по мне, и просит меня уговорить тебя написать родителям. Моложе они не становятся, и им очень больно, что от тебя не получают никаких вестей.

— Да, — сказал Эндер. — Я должен был написать, как только корабль двинулся в путь. Но я не хотел забивать ансибль личной корреспонденцией. — Он печально улыбнулся Моргану. — И вот теперь мы *здесь* — потому что у Питера и Граффа раздутое чувство собственной важности.

— Я попрошу своего эгоцентричного братца направлять будущие сообщения иначе, — сказала Валентина. — Полагаю, вы не станете возражать, если я отправлю ему по ансиблю такое сообщение.

Они пошли к выходу в сопровождении Моргана, который только улыбался и повторял: «Так рад, что вы понимаете», когда Эндер вдруг остановился:

— О, адмирал Морган…

— Пожалуйста, зовите меня Квинси.

— О, я никогда не смогу вас так называть, — сказал Эндер. — Наши звания такое обращение дозволяют, но если кто-нибудь услышит, что я обращаюсь к вам по имени… Подросток, фамильярно обращающийся к капитану… Уверен, в этом мы с вами согласны. Ничто не должно подрывать авторитет капитана.

— Мудро, — ответил Морган. — Вы заботитесь о моем авторитете, пожалуй, побольше меня. Но вы хотели еще о чем-то поговорить?

— Да. Спектакль. Мы правда ставим «Укрощение строптивой». Я играю роль Люченцио, у Вэл тоже небольшая роль. Спектакля все ждут. А сейчас он отменен без всяких объяснений.

Морган выглядел озадаченным.

— Если это лишь спектакль, так у меня возражений нет — ставьте на здоровье.

— Конечно поставим, — сказал Эндер, — теперь с вашим разрешением. Но, понимаете, некоторые участники пригласили членов экипажа. И отмена представления может оставить нехороший осадок. Плохо скажется на моральном состоянии, вы согласны? Я хотел предложить вам сделать красивый жест, чтобы все видели — это было

недоразумением. Убрать эти нехорошие чувства.

— О чем вы говорите? — спросил Морган.

— Просто… когда мы перенесем это на другой день, почему бы вам не прийти на спектакль лично? Пусть они увидят, что и вы смеетесь над комедией.

— Мы можем дать ему роль, — сказала Валентина. — Уверена, Кристофер Слай…

— Сестра шутит, — сказал Эндер. — Это комедия, и *любая* роль в ней ниже достоинства капитана корабля. Я предлагаю вам прийти — и только. Хотя бы на первый акт. Вы всегда можете сослаться на неотложные дела и уйти раньше, все поймут. Но это даст всем понять, что вы по-настоящему о них заботитесь, что вас интересует, как они проводят время в полете. Это сыграет важную роль в установлении хороших отношений с лидером — как во время полета, так и после прибытия на Шекспир.

— После прибытия? — удивилась Валентина.

Эндер невинно посмотрел на нее широко раскрытыми глазами:

— Как упомянул в нашем разговоре адмирал Морган, вряд ли хоть один колонист согласится на то, чтобы ими правил подросток. Им нужно будет удостовериться, что власть адмирала

Моргана стоит за всем, что я делаю в качестве губернатора. Поэтому очень важно, чтобы они видели адмирала и узнали его получше, чтобы они доверяли ему — это обеспечивает лидерство.

Эндер опасался, что Валентина прямо здесь потеряет над собой контроль и либо рассмеется, либо наорет на него. Но она ничего такого не сделала.

— Понимаю, — сказала она.

— В самом деле неплохая мысль, — кивнул адмирал Морган. — Так что — идем начинать?

— О нет, — сказала Валентина. — Все слишком взвинчены. Никто не сможет играть. Почему бы не дать время успокоиться, объяснить, что все это ошибка, произошедшая исключительно по моей вине? А потом мы объявим, что вы собираетесь прийти, что спектакль состоится и что у нас есть шанс показать его вам. Все будут счастливы и довольны. И чем больше свободных от вахты членов экипажа сможет прийти, тем лучше.

— Я не хочу, чтобы на корабле страдал уровень дисциплины, — сказал Морган.

Валентина ответила моментально:

— Если вы посмотрите спектакль и получите удовольствие вместе со всеми, я не вижу, как это может сказаться на дисциплине. Наоборот, это

может поднять настроение. Говоря по правде, мы чертовски старались хорошо поставить эту пьесу.

— Для нас это много значит, — сказал Эндер.

— Конечно, — согласился Морган. — Хорошо, вы все устраивайте, а я приду завтра в девятнадцать часов ровно. Сегодня было назначено на это время, ведь так?

Эндер и Валентина попрощались с ним. Офицеры, мимо которых они шли на выход, с удивлением и облегчением смотрели, как брат и сестра улыбаются и невозмутимо болтают.

Лишь оказавшись в каюте, они позволили себе сбросить это притворство, и только там Валентина сказала:

— Он планирует, что ты станешь подставной фигурой, в то время как он будет стоять за спинкой трона.

— Никакого трона нет, — сказал Эндер. — Для меня это решает множество проблем, ты так не считаешь? Пятнадцатилетнему подростку будет сложно вести за собой группу колонистов, которые прожили и проработали на Шекспире в течение сорока лет. Но человек вроде адмирала Моргана привык отдавать приказы, привык, что ему подчиняются. Колонисты не станут

возражать против его руководства и сразу ему подчинятся.

Валентина уставилась на него, как на тронувшегося умом. Затем Эндер слегка дернул нижней губой, что всегда показывало иронию. Он надеялся, сестра придет к правильному выводу — что у адмирала Моргана наверняка есть способы подслушивать их разговоры и что он использовал их прямо сейчас, а потому весь их разговор нельзя считать приватным.

— Все в порядке, — сказала Валентина. — Если ты счастлив, я тоже счастлива.

При этих словах она на мгновение вытаращила глаза, что делала, когда хотела показать, что *она* притворяется.

— Вэл, с меня хватит ответственности, — сказал Эндер. — Этого добра я огреб по самые ноздри и в Боевой школе, и на Эросе. Хочу провести путешествие, заводя друзей и читая все, до чего могу дотянуться.

— Чтобы потом, в конце пути, написать сочинение на тему «Как я провел лето».

— Когда в сердце царит радость, всегда лето, — заметил Эндер.

— Сколько же в тебе всякой ерунды! — воскликнула Валентина.

10

Кому: PeterWiggin@hegemony.gov/hegemon

От: vwiggin%Colony1@colmin.gov/citizen

Тема: Ты, заносчивый ублюдок!

Ты хоть представляешь, сколько проблем создал нам своей передачей, у которой был такой приоритет, что он забил все корабельные каналы связи? Некоторые сочли это атакой на ансибль, и Эндера чуть не отправили в стазис на период всего полета – а это значит туда и обратно!

Однако, когда мы со всем этим разобрались, пакет данных оказался весьма содержательным. Очевидно, какой-то псевдоконфуцианец проклял тебя, чтобы ты жил в эпоху перемен. Пожалуйста, шли продолжение. Но, прошу, назначь передаче приоритет пониже, чтобы обычные каналы связи корабля могли действовать. И не позволяй Граффу на-

правлять материалы Эндеру: они должны приходить мне как колонисту, а не назначенному губернатору.

Мне кажется, ты неплохо справляешься. Хотя в промежутке между твоим письмом и моим ответом все могло измениться. Ну не прелесть ли эти межзвездные перелеты?

Эндер еще не писал родителям? Я не могу спрашивать его (ну, я спросила, но не могу добиться ответа) и не могу спрашивать их – ведь они узнают, что я пыталась заставить его написать. В этом случае тот факт, что он не написал, ранит их сильнее, а если написал – ослабит радость получения письма.

Будь умницей. Уж этого-то у тебя не отнять.

Твоя бывшая марионетка

Демосфен

Алессандра обрадовалась, услышав, что спектаклю вновь дали зеленый свет. Мать была совершенно никакой, хотя проявлялось это лишь в уединении их каюты и видела это только Алессандра. Дорабелла устроила целое шоу: она не

заплакала (это хорошо), но она мерила шагами крошечное пространство, открывая и закрывая ящики, стукая по всему что попадется под руку, не упуская возможности топнуть ногой и периодически восклицать что-нибудь яростное:

— Ну почему мы всегда в фарватере чьей-то лодки?

Или в разгар игры в нарды:

— В войне мужчин женщины всегда проигрывают!

Или в дверях санузла:

— Даже на самое маленькое удовольствие найдутся те, кто захочет его отобрать, лишь бы сделать больно!

Алессандра безуспешно пыталась ее успокоить:

— Мам, это не было направлено против тебя. Ясно же, что целью был Эндер.

На этот отклик поступило возражение в форме длинной и эмоциональной обличительной речи, и, хотя все логические доводы, высказанные по ходу, оказались бессильны, тем не менее уже через несколько минут Дорабелла полностью приняла точку зрения Алессандры, так, словно с самого начала была такого же мнения.

Но если бы Алессандра просто не стала реа-

гировать на выпады матери, штормило бы все сильнее: матери требовалась ответная реакция так же, как прочим людям требуется воздух. Игнорировать ее нельзя — милосерднее придушить. Поэтому Алессандра отвечала, участвовала в бессмысленных, но напряженных диалогах, а затем проигнорировала неспособность матери признать, что она изменила мнение — хотя она его изменила.

Дорабелле, похоже, и в голову не приходило, что Алессандра и сама была разочарована. Ее Бьянка заставляла ее чувствовать к Эндеру, который играл Лоченцио… Что? Не любовь — она определенно не любила. Эндер держался с ней очень мило, но он был мил со всеми — и совершенно точно никак не выделял ее. А она не была заинтересована в том, чтобы даровать любовь кому-то, кто не полюбит ее первым. Нет, но Алессандра чувствовала восторг. Умопомрачительное исполнение мамой роли Катарины, и слава Эндера как спасителя человеческой расы, и его печальная известность убийцы, монстра (чему Алессандра определенно *не верила*, но что определенно добавляло ему притягательности) — все это вместе заставляло Алессандру торжествовать, и отмена…

Но все разочарование улетучилось в тот же миг, когда поступило сообщение: спектакль разрешен, он состоится завтра вечером и на него придет сам адмирал.

Алессандра немедленно подумала: «*Сам* адмирал?» В этом полете было всего два адмирала, и один из них с самого начала был частью представления. Не было ли это рассчитанным завуалированным знаком презрения, чтобы дать понять всем: на корабле лишь один офицер имеет такое высокое звание? Сам факт того, что Эндера вызвали к адмиралу Моргану столь бесцеремонно, сигнализировало о том же. Неужели Эндер не заслужил уважения? В результате Алессандра немного разозлилась за Эндера.

А потом сказала себе: «У меня с Эндером Виггином нет никаких отношений, которые обязуют меня защищать его привилегии. Меня заразила мамина болезнь — действовать так, словно ее планы и мечты уже стали реальностью. Эндер любит ничуть не сильнее, чем я люблю его. На Шекспире будут девушки, и, когда мы туда доберемся, Эндер станет достаточно взрослым для вступления в брак. Кем тогда для него буду я? Что же я наделала, согласившись лететь туда, где моих сверстников не хватит, чтобы заполнить

обычный автобус?»

Не в первый раз Алессандра позавидовала маминой способности становиться веселой простым усилием воли.

Для представления они надели лучшие свои наряды, хотя не сказать, что в полете у них было много вещей. Но часть подъемных они потратили на обновки еще до того, как отдали остаток бабушке. Вещи должны были отвечать требованиям министерства по делам колоний: теплая одежда для прохладных зим, легкие, но прочные вещи для летних работ и как минимум одно платье для особых случаев. Сегодняшний спектакль был таким случаем, и выяснилось, что Дорабелла потратила часть денег на безделушки и аксессуары. Бижутерии оказалось, мягко говоря, больше необходимого. Кроме того, у них были ослепительные мамины шарфы, которые выглядели на ней иронично-экстравагантными, но на Алессандре висли убогими тряпочками. Мать одевалась, чтобы сражать наповал; Алессандра лишь пыталась не раствориться в ее тени без остатка.

Они прибыли точно к началу спектакля. Алессандра немедленно побежала к своему стулу в передних рядах, а Дорабелла шествовала неторопливо, всех приветствовала, к каждому

прикасалась, всех награждала улыбкой. Всех — за единственным исключением.

Адмирал Морган сидел во втором ряду в окружении офицеров, которые служили барьером от публики, — было очевидно, что он считал себя человеком особого сорта и не хотел контактировать с простыми колонистами. Это было привилегией его звания, и Алессандра этому ничуть не завидовала. Но она не отказалась бы от власти, дающей возможность создать вокруг себя кордон, не позволяющий нежелательным лицам вторгаться в ее личное пространство.

К ужасу Алессандры, когда Дорабелла подошла к сцене, она продолжила свой путь вдоль переднего ряда мест, здороваясь с сидящими там — и на втором ряду тоже. Она собиралась принудить адмирала Моргана с нею заговорить!

Но нет, план матери оказался еще страшнее. Она сделала особый упор на том, чтобы представиться — и пофлиртовать — с офицерами по обе руки от адмирала. Но она ни на миг не задержалась перед самим Морганом, словно его там не было. Оскорбила его! Самого влиятельного человека в их маленьком мирке!

Алессандре было трудно смотреть на выражение лица Моргана, но и заставить себя отвер-

нуться она тоже не могла. Поначалу он следил за приближением Дорабеллы со смирением — ему все-таки придется обменяться парой слов с этой женщиной. Но когда мать прошла мимо него, почти откровенное презрение на его лице уступило место оцепенению, а затем кипящей ярости. Дорабелла нажила себе врага. О чем она вообще думает? Каким образом это может чему-нибудь помочь?

Но пора было начинать. Ведущие актеры расселись на скамейках у сцены; остальные сидели в первом ряду, готовые встать и повернуться к аудитории, когда настанет их черед. Дорабелла наконец добралась до стула в центре сцены. Перед тем как сесть, она благожелательно посмотрела на зрителей и сказала:

— Благодарю так сильно, что вы пришли на наш маленький спектакль. Место действия — Италия, в которой родились я и моя дочь. Но пьеса написана на английском, который для нас второй язык. Моя дочь говорит на нем свободно, но не я. Поэтому, если я произнесу не так, помните: Катарина была итальянкой, и в английском у нее тоже был бы такой же акцент.

Все это она произнесла в своем фирменном стиле, легко и радостно. То, от чего Алессандре

порой хотелось заорать, сейчас прозвучало невероятно чарующе. Остальные колонисты и члены экипажа встретили это вступительное слово смешками, а некоторые — аплодисментами. А актер, играющий Петруччио (и, несмотря на летевших с ним жену и четверых детей, по уши влюбившийся в Дорабеллу), даже воскликнул: «Браво! Браво!»

Итак, пьеса началась, и все взгляды были устремлены на мать, хотя Катарина появлялась только во втором акте. Краем глаза Алессандра видела, что Дорабелла поглощена собой, словно погружена в транс. Приятели спорили с Петруччио, говорили о прекрасной Бьянке и ужасной Катарине. Алессандра видела, как держится мать, — по мере того как репутация ее героини становилась все ужаснее, зрители продолжали бросать на нее взгляды, чтобы увидеть совершенную неподвижность.

Но для Бьянки такое поведение было бы неправильно, подумала Алессандра. Она вспомнила кое-что из сказанного Эндером на последней репетиции: «Бьянка полностью сознает, какой эффект она оказывает на мужчин». Поэтому там, где Катарина держалась неподвижно, Бьянке надо было быть яркой, счастливой, желанной. Поэто-

му, когда мужчины говорили о восхитительной Бьянке, Алессандра улыбалась и отводила взгляд, как подобает застенчивой скромнице. И не важно, что Алессандра *не была* прекрасной! Мама говорила ей: самые простые женщины становились звездами кинематографа, потому что не стыдились своих несовершенных черт. И то, что сама Алессандра никогда не смогла бы сделать в реальной жизни — поприветствовать мир открытой улыбкой, — она могла сделать в роли Бьянки.

А потом ей впервые пришло в голову, что мать не изменяет свое настроение волевым решением быть счастливой. Нет, она просто актриса! Она всегда была актрисой. Она просто *играет* счастье на публику. «Я всю жизнь была ее публикой. И даже когда не аплодировала сценам, которые она устраивала, для нее я все равно публика, и теперь понятно почему. Потому что мама знает: когда она в настроении танцевать с феями, никто не может смотреть или думать о чем-либо другом».

Однако сейчас королева фей исчезла, а на ее месте сидела просто королева: мама, величественная и неподвижная, дозволяющая говорить придворным и слугам, сознавая, что, если захочет, она может одним выдохом сдуть их со сцены.

Так шло представление. Настало время для первой сцены второго акта, когда Катарина, по замыслу, тащит за собой Бьянку со связанными руками. Алессандра сделала себя трогательной и испуганной, молящей мать отпустить ее, клялась, что никого не любит. А мать ругалась на нее, кипя внутренним огнем так, что Алессандра на миг по-настоящему испугалась. Даже на репетициях мать не была настолько злой. Алессандра сомневалась, что раньше мать себя сдерживала: она не слишком-то преуспела в искусстве сдерживать себя. Нет, особая страстность объяснялась присутствием зрителей.

Но, как стало ясно по ходу пьесы, не всех зрителей. Все слова Катарины о нечестности отца и глупости мужчин однозначно указывали на адмирала Моргана! И то была не игра воображения Алессандры. Это видели все: зрители поначалу хихикали, а затем откровенно смеялись, когда колкость за колкостью улетали в зал, обращенные не просто к персонажам пьесы, но также к мужчине, сидящему в центре второго ряда.

Лишь сам Морган, казалось, ничего не замечает. Поскольку взгляд Дорабеллы был устремлен прямо на него, он считал, что спектакль предназначен ему — весь спектакль, а не колкие слова.

Пьеса шла хорошо. О, сцены с Люченцио были скучными, как всегда, — и вины Эндера в этом не было. Люченцио просто не был одним из смешных персонажей. То же относилось и к роли Бьянки. Герои Алессандры и Эндера были всего лишь «сладкой парочкой», в то время как в центре внимания — служа источником и смеха, и романтики — безраздельно царили Катарина и Петруччио. А это значило, что, несмотря на все усилия Петруччио, все взгляды были устремлены на Дорабеллу. Он мог кричать, но именно ее лицо, ее реакция на эти крики вызывали смех. Ее голод, ее сонность, ее отчаяние и, наконец, ее игривые уступки, когда Катарина наконец все понимает и начинает поддаваться Петруччио в его сумасшедшей игре, — все это полностью передавалось лицом матери, ее осанкой, тоном голоса.

«Она блистательна, — вдруг поняла Алессандра. — Совершенно невероятна. И знает это. Неудивительно, что она предложила поставить пьесу!»

Следом возникла другая мысль: «Если у мамы такие способности, почему она не актриса? Почему не стала звездой сцены или экрана, не позволила нам жить в достатке?»

Ответ пришел сразу и был прост: Алессандра

родилась, когда матери было всего пятнадцать.

«Она забеременела, когда ей было ровно столько, сколько мне сейчас», — подумала Алессандра. Дорабелла влюбилась и отдалась мужчине — юноше, — и на свет появился ребенок. Для Алессандры это было непостижимо, поскольку в школе она никогда не замечала за собой каких-либо чувств к мальчикам.

«Должно быть, отец был особенным. Или же мать отчаянно старалась отделиться от бабушки. Собственно, второй вариант куда больше похож на правду. Вместо того чтобы подождать несколько лет и стать великой актрисой, мама вышла замуж, завела хозяйство и родила ребенка — не в этом порядке, конечно, — и из-за того, что у нее была я, не смогла применить свой талант, чтобы проложить дорогу в жизни.

Мы могли быть богаты!

А теперь что? Переезд в колонию, в поселение фермеров, ткачей, строителей и ученых, где нет места искусству. В колонии не будет досуга — такого, как на корабле во время пути. Когда маме вообще выпадет шанс показать, что она умеет?»

Пьеса шла к финалу. Валентина живо и остроумно сыграла роль вдовы — она полностью усвоила роль, и Алессандра уже не в первый

раз пожалела, что она не гений и не красотка, вроде Валентины. И все же на сей раз кое-что пересилило это сожаление: впервые в жизни Алессандра позавидовала матери и захотела больше походить на *нее*. В голове не укладывалось, но это так!

Мать на шаг отошла от своего стула и обратилась с речью напрямую к первым рядам — непосредственно к адмиралу Моргану. В ней она говорила об обязанностях женщины перед мужчиной. Как раньше все свои колкости она направляла Моргану, так и сейчас эту речь — сладкую, смиренную, обходительную, искреннюю, наполненную любовью — Дорабелла произносила, глядя прямо в глаза адмиралу.

И Морган был загипнотизирован. Его рот слегка приоткрылся, он ни на миг не отводил взгляда от Дорабеллы. А когда она встала на колени и произнесла: «И пусть супруг мой скажет только слово, свой долг пред ним я выполнить готова» — в глазах Моргана стояли слезы. Слезы!

Петруччио громогласно воскликнул: «Ай да жена! Кэт, поцелуй! Вот так!»

Мать грациозно приподнялась на цыпочках, не пытаясь изобразить поцелуй, скорее показывая лицо, которое видит любовник, когда женщина

собирается его поцеловать, — и взгляд Дорабеллы, как и раньше, был направлен прямо на адмирала.

И Алессандра поняла, что делает мама. Она пытается влюбить Моргана в себя!

И это сработало. Когда последние строки были прочитаны и зрители встали и поздравляли чтецов, а те кланялись и делали реверансы, Морган перешел в первый ряд, и пока аплодисменты продолжались, он поднялся на сцену и пожал руку Дорабелле. Пожал ли? Нет, скорее, схватил ее и не отпускал, рассыпаясь в похвалах ее замечательной игре.

Отчужденность матери, ее пренебрежительный взгляд перед началом спектакля — все это было частью плана. Дорабелла была строптивицей, которая наказывала его за наглую отмену представления; но в конце концов она была укрощена, и теперь ее признательность всецело ему принадлежала.

Весь оставшийся вечер, когда Морган пригласил всех в столовую для офицеров — куда до сих пор вход колонистам был запрещен, — он порхал вокруг матери. Адмирал был настолько очевидно очарован, что несколько офицеров намекнули об этом Алессандре. «Похоже, ваша мать расплавила

каменное сердце», — сказал один из них. И еще до Алессандры донесся разговор двух офицеров, в котором один из них произнес: «Мне кажется или с него уже сползают штаны?»

Но если они думали, что *это* случится, то просто не знали Дорабеллу. Алессандра годами слушала советы матери насчет мужчин. Не позволяй им это, не позволяй им то — дразни, намекай, обещай… но они не получат ничего, пока не произнесут брачный обет. В юности мать поступила иначе и расплачивалась за это последние пятнадцать лет. Сейчас она наверняка последует своему мудрому совету и соблазнит этого мужчину лишь словами и улыбками. Ей хотелось свести его с ума, а не удовлетворить.

«Ох, мама, в какую игру ты играешь!

Неужели ты правда… да разве это возможно? Неужели он действительно тебя *привлекает*? В военной форме выглядит он неплохо. И в твоем обществе он ничуть не холоден, не отчужден, он поднял тебя на свою высоту».

Выразительный момент: когда он разговаривал с одним из немногих офицеров, которые пришли с женами, рука Моргана опустилась на плечо матери, так что получилось, будто он ее слегка приобнял. Но Дорабелла моментально убрала его

руку, а затем в тот же миг, тепло улыбнувшись, заговорила с Морганом — видимо, отпустила какую-то шутку, потому что все засмеялись. Сигнал был смешанным, но недвусмысленным: не прикасайся ко мне, смертный, но да — эту улыбку я дарю тебе.

Ты мой, но я еще не твоя.

«Мама хотела, чтобы именно так я вела себя с Эндером Виггином, моим предполагаемым „юношей с перспективами“. Но завладеть мужчиной таким способом для меня так же просто, как взлететь. Я всегда буду просительницей и никогда — соблазнительницей; всегда буду благодарной, никогда — милостивой».

Эндер подошел к ней.

— Твоя мама сегодня блистательна, — сказал он.

Разумеется, он произнес то же, что говорили все.

— Но я знаю о ней нечто, чего никто не знает, — сказал он.

— И что же? — спросила Алессандра.

— Я знаю, что единственная причина, по которой мне вообще удалась роль, — это ты. Все остальные ухажеры Бьянки в этой комедии полагались на то, что зрители поверят, что мы за тебя

бьемся. А ты была настолько обольстительной, что никто и на секунду в этом не усомнился.

Эндер улыбнулся ей и отошел к своей сестре.

Оставив Алессандру судорожно ловить воздух открытым ртом.

11

Кому: vwiggin%ShakespeareCol@ColMin.gov/voy=PosIDreq[11]

От: GovDes%ShakespeareCol@ColMin.gov/voy

Тема: Насколько чист твой комп?

Мой комп полностью защищен, хотя компьютер корабля постоянно пытается внедриться в него. А еще я думаю, что на этом корабле в каждой комнате, каждом коридоре, туалете и каждом шкафу имеется жучок – хотя бы на звук. В полете вроде нашего, когда у власти капитана нет никакой внешней опоры, мятеж всегда может представлять опасность, поэтому со стороны Моргана прослушивать разговоры тех, кого считает потенциальной угрозой внутренней безопасности корабля, – вовсе не паранойя.

---

[11] Сноски: 11

PosIDreq — аббревиатура, означающая: «Требуется подтверждение личности получателя».

Печально, хотя вполне предсказуемо, что такой опасностью он считает меня. У меня имеется власть, которая никоим образом не зависит от него или его доброй воли. Свою угрозу поместить меня в стазис и вернуть на Эрос через восемьдесят лет он вполне может осуществить, и, хотя к этому могут отнестись неодобрительно, это вряд ли сочтут преступлением. Существует презумпция, что капитану корабля всегда следует верить, когда он предъявляет обвинение в мятеже или заговоре. С моей стороны опасно даже шифровать это сообщение. Однако другого безопасного способа поговорить с тобою у меня нет (заметь – в отличие от Питера, я затребовал свидетельство, что ты жива, а не только что твой палец был вставлен в голодетектор).

Я совершаю такие действия, которые наверняка сводят Квинси с ума. Я чуть ли не ежедневно (ежемесячно) получаю сообщения от действующего губернатора Колмогорова, который держит меня в курсе событий на Шекспире. Морган понятия не имеет, о чем идет речь в на-

шей переписке, ему приходится просто передавать зашифрованные сообщения, которые поступают по ансиблю.

Также я получаю научные статьи и отчеты, составляемые командами химиков и биологов. Ксенобиолог Сэл Менах – Линней и Дарвин этой планеты. Он обнаружил единственную встреченную нами нежукерскую биоту (естественно, не считая земных) и проделал блистательную работу по генетической адаптации, позволившую создать полезные для людей разновидности местных растений и животных, а также разновидности земных форм жизни, способных выжить на этой планете. Если бы не он, нам, по всей видимости, предстояло бы прилететь в несчастную и нищую колонию; однако теперь у них есть излишек ресурсов, и Шекспир сможет снабдить корабль всем необходимым для немедленного отлета (если будет на то воля Аллаха!).

Вся научная информация доступна адмиралу Моргану, если он ею заинтересуется. Но, кажется, интереса у него нет. Я единственный на корабле, кто об-

ращается к работам колонии Шекспир в области ксенобиологии, поскольку наши ксенобы в стазисе и не проснутся, пока мы не выйдем из режима релятивистских скоростей.

Теперь ты можешь понять, почему я не стал ложиться в стазис: надо полагать, что адмирал Морган позволил бы разбудить меня не раньше, чем полностью взяв колонию под свой контроль, скажем – месяцев через шесть после прибытия. У него не было бы на это никакого права, но это совершенно точно было бы в его власти. И кто осмелился бы ему перечить, с его сорока бойцами, единственная обязанность которых – гарантировать отсутствие конкуренции, и с экипажем, чье выживание и свобода зависят от него?

Однако сейчас все, что я делаю, может быть расценено как провокация, – это он четко дал понять своими действиями и угрозами. Не думаю, впрочем, что он имеет цель выставить это в таком свете, – полагаю, он действительно поверил, что против него ведутся какие-то действия. Но он слишком поторопился с вывода-

ми и сваливанием вины на меня, и он оказался в достаточной степени параноиком, чтобы попытаться посчитать это атакой на его власть, а не на сам корабль. Нами интересуются, и нам нельзя сказать друг другу ни единого слова, которое его высмеивает, принижает или ставит под сомнение его решения.

Остальным мы тоже доверять не можем. Хотя губернатору Колмогорову я полностью доверяю (как и он мне), мы не можем полагаться на то, что кто-то еще на планете согласится считать пятнадцатилетнего губернатора хорошей идеей. Поэтому я не могу предпринимать каких-либо превентивных действий, полагаясь на будущую губернаторскую власть. Так что единственной моей альтернативой остается делать вид, будто я смотрю на Квинси как на отца и намерен во всех отношениях слушаться его указаний. Когда видишь меня бессовестно подлизывающимся, считай это эквивалентом войны. Я веду армию под самым его носом, маскируя ее под компанию простых фермеров. То, что ты да я и есть вся ар-

мия, – это не проблема, пока ты будешь играть саму невинность. Вы с Питером ведь так и делали год за годом, не правда ли?

Вряд ли за этим письмом последуют другие – разве что в действительно критической ситуации. Я не хочу, чтобы он задавался вопросами и вынюхивал, о чем мы говорим друг с другом. У него есть право доступа к нашим компьютерам, и он может заставить нас показать все, что на них есть. Поэтому уничтожь это сообщение. Разумеется, я предпринимаю меры предосторожности – передаю копию Граффу. В случае если когда-нибудь состоится трибунал, на котором будут разбирать действия Моргана и решать, прав ли он был, помещая меня в стазис и возвращая на Эрос, я не хочу, чтобы письмо стало свидетельством моего душевного состояния после нашего инцидента с посланием от Питера.

Однако всегда есть шанс, что план Моргана еще более зловещий – что он планирует отослать корабль обратно с другим капитаном, а сам останется на

Шекспире пожизненным губернатором. К тому времени, как с Эроса придет команда давить мятеж, Квинси уже умрет или же настолько состарится, что не будет никакого смысла его судить.

Тем не менее я не верю, что это в его характере. Морган – дитя бюрократии, он жаждет верховной власти, а не автономии. Также мне представляется, что он способен на коварные поступки, под которые может подвести моральное оправдание. Так что он сначала обязан довести себя до бешенства, чтобы оправдать заговор против меня, губернатора.

Но все это относится исключительно к его планам, но не к неосознанным желаниям. То есть он будет считать, что отвечает на разворачивающиеся события, в то время как на самом деле он будет интерпретировать события, чтобы оправдать свои действия, которые сам захочет предпринять, – пусть даже пока он сам не знает, что хочет их предпринять. Так что, когда мы прибудем на Шекспир, велика вероятность того, что возникнет «чрезвычайная ситуация», которая потребует

от него задержаться дольше, чем может оставаться корабль, «вынуждая» его отослать корабль без себя на борту.

Необходимость понять Квинси – вот причина, по которой я сблизился с семейством Тоскано. Мать явно делает ставку на Квинси, а не на меня. Хотя, с ее точки зрения, она, без сомнения, просто хеджирует свои ставки. Не важно, кто из нас победит, – либо она, либо ее дочь окажутся замужем за мужчиной, облеченным властью.

Но Дорабелла не намерена выпускать дочь из-под своего контроля, что неминуемо бы случилось, если бы мы с Алессандрой поженились и я стал бы настоящим губернатором, не только по названию. Так что, намеренно или нет, мать будет моим врагом; однако в настоящее время она мой ключ к пониманию душевного состояния Квинси, ведь она проводит с ним столько времени, сколько это вообще возможно. Я обязан изучить этого человека. Наше будущее зависит от понимания его поступков до того, как он их совершит.

Между прочим, ты и понятия не имеешь, какое облегчение доставляет мне сам факт, что есть кто-то, с кем можно этим поделиться. За все годы в Боевой школе самым близким из доверенных ребят для меня был Боб. Но и его я мог нагрузить только до определенной степени; вот это письмо – мое первое упражнение в искренности, первое после нашего разговора на озере в Северной Каролине, который был так давно.

О, постой-ка! Это же было всего три года назад. Или меньше? Время приводит в замешательство. Валентина, спасибо тебе за то, что ты была со мной. Надеюсь, что смогу удержать ситуацию, не сделать бессмысленным полет, по итогом которого мы вернемся на Эрос в стазисе и обнаружим, что прошло восемьдесят лет истории человечества и я не обрел ничего, кроме поражения от бюрократа.

Эндер

Что Вирломи не учла, так это то, как повлияет на нее возвращение в Боевую школу, — после всего, через что она прошла, после всего, что она

сделала.

Она перешла на сторону врага, когда поняла, что война не принесет больше ничего, кроме пролитой крови. И она испытала опустошающее отчаяние, в глубине души зная: это ее вина. Ее предупреждали — и друзья, и якобы друзья: ты берешься за неподъемную задачу. Изгнать китайцев из Индии, освободить свою родину — этого уже достаточно. Не стоит преследовать китайцев и дальше.

Она показала себя таким же глупцом, какими до нее оказались Наполеон, Гитлер, Ксеркс и Ганнибал. Она почему-то решила, что раз ее никогда не побеждали, то никогда и не победят. Вирломи победила врагов, которые были гораздо сильнее ее; она думала, что всегда будет побеждать.

«И что хуже всего, — сказала она себе, — я поверила в собственную легенду. Я специально взращивала идею о том, что я богиня, но помню — поначалу я лишь делала вид».

В конечном счете ее одолели Свободные люди Земли — СЛЗ, Гегемония Питера Виггина под новым названием. О сдаче с нею договаривался Суриявонг, таец из Боевой школы, некогда в нее влюбленный. Сначала она отказалась, но понимала, что ее гордость сейчас делает выбор между

немедленной сдачей и гибелью всех ее людей. А она, эта гордость, не стоила жизни и одного солдата.

— Сатьяграха[12], — сказал ей Суриявонг. — Терпи то, с чем до́лжно примириться.

«Сатьяграха» — вот был ее последний призыв к своим людям. Повелеваю вам жить и мириться с этим.

Так что она сберегла жизни своих солдат, а сама сдалась Суриявонгу. То есть Питеру Виггину.

Виггину, который проявил к ней милосердие победителя. Большее, чем его младший брат, легендарный Эндер, проявил к жукерам. Интересно, разглядели ли они в нем костлявую руку смерти? Были ли у них какие-то боги, которым нужно было молиться, от которых нужно было отказываться, которых надо было проклинать, когда гибла их цивилизация? Или им казалось легче быть вычеркнутыми из Вселенной?

Вирломи осталась в живых. Ее нельзя было убить, ведь по всей Индии ее до сих пор боготворили; если бы ее казнили или посадили в тюрьму, страну захлестнула бы бесконечная и неуправляемая революция. А просто исчезнув,

---

[12] Сноски: 12

Satyagraha (санскр.) — «упорство в истине, стремление к истине». Суть концепции ненасильственной борьбы, прерывающей эскалацию зла.

она превратилась бы в легенду — богиню, которая в один прекрасный день вернется.

Так что она согласилась на те видео, которые от нее хотели получить. Она попросила свой народ проголосовать за присоединение к Свободным людям Земли, принять верховенство Гегемона, демобилизовать и распустить свою армию, получив за это свободное управление.

Хань-Цзы сделал то же для Китая, а Алай — некогда бывший ее мужем, пока она ему не изменила, — для мусульманского мира. Это в целом сработало.

Все они согласились на изгнание. Но Вирломи знала, что лишь она одна его заслужила.

Суть изгнания заключалась в том, чтобы стать губернаторами колоний. «Ах, если бы меня назначили губернатором тогда же, когда и Эндера, если бы я никогда не возвращалась на Землю, чтобы пролить так много крови!» И все же ее сочли способной управлять колонией лишь потому, что она столь впечатляюще отстояла свободу Индии перед лицом подавляющих китайских сил, и потому, что объединила страну, которую было невозможно объединить. «За то, что я наворотила кучу чудовищных дел, — подумала она, — мне доверили создание нового мира».

За время ее заключения на Земле — за месяцы, проведенные сначала в Таиланде, а потом в Бразилии, — она начинала роптать, высказывая желание покинуть планету и начать все заново.

Но на что Вирломи никак не могла рассчитывать, так это на то, что перевалочной базой окажется космическая станция, некогда бывшая Боевой школой.

Это чем-то походило на ставший явью сон, словно она вдруг вернулась в детство. Коридоры не поменялись; цветовая кодировка на стенах все так же выполняла свою задачу вести колонистов к своим помещениям. В казармах, разумеется, произошли изменения: колонистов не предполагалось разделять на группы, как было раньше с учениками Боевой школы. Не было и такой чепухи, как игры в условиях нулевой гравитации. Если боевые комнаты для чего-то и использовались, ей об этом не сказали.

Но столовые находились там же, где и раньше, — и офицерские, и рядового состава, — хотя сейчас она принимала пищу исключительно в обеденной комнате преподавателей, куда ни разу не попадала ученицей. Колонисты, которых ей предстояло возглавить, сюда не допускались, и здесь она могла от них укрыться. Когда она была

с ними, всегда присутствовали люди Граффа из министерства по делам колоний. С их стороны было любезностью оставлять ее одну за обедом, за что она была благодарна; и в то же время они держались отчужденно, соблюдая дистанцию, на что она обижалась. Противоположные реакции, противоположные допущения по поводу их мотивов; она знала, что они добры, но все же ее это ранило, — словно она была прокаженной, которую стараются держать на расстоянии. Если бы она захотела с кем-то подружиться, наверное, это можно было бы сделать; наверняка люди ждали сигнала с ее стороны. Ей хотелось человеческого общения, но она никогда не пыталась преодолеть расстояния между своим столом и чьим-то еще. Она ела в одиночестве, поскольку не считала, что заслуживает человеческого общества.

Что ее уязвляло, так это благоговение колонистов. В Боевой школе она считалась посредственностью. То, что она была девочкой, отличало ее от других, и ей приходилось сражаться за себя, — но она не была Эндером Виггином и не стала живой легендой. Она и лидером-то особым не была. Этому было суждено случиться позднее, когда она вернулась в Индию, к людям, которых понимала, к людям своей крови.

Проблемой было то, что нынешние колонисты были в подавляющем большинстве индийцами. Они добровольно вызвались участвовать в программе колонизации именно потому, что Вирломи предстояло стать губернатором их колонии; некоторые сообщили ей, что участвовали в лотерее, пытаясь получить шанс на перелет. Когда она с ними разговаривала, стараясь узнать их получше, то поняла, насколько это бессмысленно. Они так перед нею благоговели, что порой будто теряли дар речи или, напротив, выражались столь велеречиво, что шансы на сколь-нибудь искренний разговор тут же улетучивались.

Они все держались с ней как с богиней.

«Я чересчур хорошо исполнила свою задачу во время войны, — сказала она себе.

В культуре Индии поражение само по себе не было знаком немилости богов. Боги сами терпели поражения. Важно было то, как его воспринимать. И тут уж ничего не поделаешь — Вирломи сохранила достоинство и поэтому в глазах своих людей встала вровень с богами.

Не исключено, что это поможет лучше ими управлять. Но возможно, однажды иллюзии рухнут, и этот день обернется кошмаром.

Группа колонистов из Хайдарабада обратилась

к ней с петицией. «Планету назвали Ганг, в честь святой реки, и это правильно, — сказали они. — Но нельзя ли нам запечатлеть также и место происхождения многих из нас, с юга? Мы говорим на телугу, а не на хинди или урду. Нельзя ли нам получить часть этой новой колонии, которая принадлежит всем нам?»

Вирломи ответила им на свободном телугу (в свое время она выучила его, потому что не смогла бы полностью объединить Индию, говоря лишь на хинди и английском), что сделает все, что позволят ей колонисты.

То была первая проверка ее лидерства. Она прошла по всей базе, помещение за помещением, спрашивая у всех, согласны ли они дать первому поселению на планете имя Андхра — по названию штата, чьей столицей является Хайдарабад.

С этим предложением согласились все. Название планеты будет Ганг, а первым поселением станет Андхра.

— Нашим языком должен стать общий, — сказала она. — У меня разрывается сердце оттого, что приходится поставить его выше прекрасных языков Индии, но мы обязаны говорить друг с другом на одном языке. Ваши дети дома должны учить общий как первый язык. Вы можете учить

их также хинди, телугу или любому другому языку, но общий — в первую очередь.

— Язык господ, — сказал пожилой мужчина.

Прочие колонисты тут же закричали ему, чтобы он проявлял к Вирломи уважение.

Но она только рассмеялась:

— Да. Язык господ. Однажды покоренные Британией, потом еще раз — Гегемонией. Но это язык, которым мы все владеем. Индийцы — потому что англичане так долго нами правили, а впоследствии у нас было много делового взаимодействия с Америкой; неиндийцы — потому что владение общим является обязательным требованием для всех участников полета.

Пожилой мужчина тоже засмеялся.

— Значит, ты помнишь, — сказал он. — У нас более долгая история с этим так называемым общим, чем у кого бы то ни было, кроме самих англичан и американцев.

— Мы всегда могли выучить язык завоевателей и сделать его собственным. Наша литература становится их литературой, а их литература — нашей. Мы говорим на нем по-своему, и мысли за их словами — они тоже наши. Мы — те, кто мы есть. Язык ничего не меняет.

Так она говорила колонистам из Индии. Но

были и другие колонисты, примерно пятая часть общего их числа, родом из других мест. Кто-то из них выбрал ее за известность, потому что ее борьба за свободу захватила их воображение. В конце концов, она являлась создателем Великой Индийской стены, а потому считалась знаменитостью, и многие лишь по этой причине последовали за ней.

Но были и те, кто оказался приписан к колонии Ганг простым жребием. Решение о том, что более четырех пятых колонистов могут иметь индийское происхождение, принял лично Графф. Его директива была краткой: «Может настать день, когда колонии будут организованы отдельной группой людей. Но общий закон для первых колоний: все люди являются равноправными гражданами. Позволяя вам организовать общество, почти целиком состоящее из индийцев, мы идем на риск. Лишь политические реалии Индии позволяют мне отойти от обычной политики: доля людей одной национальности в колонии превышать *одну пятую*. Мы получили требования от кенийцев, жителей Дарфура, курдов, кечуа, майя и других групп, которые чувствуют необходимость обзавестись родиной, которая станет исключительно их, и ничьей больше.

А раз мы даем такую возможность индийцам Вирломи, почему же тогда не им? Неужели им понадобится вести кровопролитную войну, для того чтобы… и так далее и так далее. Потому я считаю необходимым ввести двадцатипроцентную квоту для неиндийцев, и мне нужно знать, что они действительно будут равноправными гражданами».

«Да-да, полковник Графф, я сделаю все, как вы говорите. Даже после того, как мы доберемся до Ганга и мы окажемся на расстоянии световых лет друг от друга, я сдержу данное вам слово. Я буду поощрять межнациональные браки, равное обращение со всеми и настою на том, чтобы английский — прошу прощения, общий — стал языком для всех.

Но, несмотря на все мои усилия, эти двадцать процентов будут поглощены. Через шесть поколений, пять, а может, и три прилетевшие на Ганг гости найдут индийцев со светлыми волосами, рыжих индийцев, индийцев с усыпанной веснушками белой кожей и кожей эбонитово-черной, увидят африканские и китайские лица, и все равно каждый из колонистов скажет: „Я индиец“ — и с удивлением воззрится на любого, кто станет возражать.

Индийская культура слишком сильна, чтобы ее можно было подчинить. Я правила Индией, действуя как индийцы, воплощая мечты жителей страны. Теперь я стану управлять колонией Ганг — городом Андхра, — заставляя индийцев соблюдать толерантность к другим. Но они сделают этих других друзьями и заставят думать по-нашему. Скоро эти другие поймут, что в странном новом мире мы, индийцы, будем местными жителями, а они окажутся в чужом монастыре со своим уставом и им придется „натурализоваться“ и стать частью нас. Это неизбежно. Таково веление человеческой природы, усиленное упрямством и терпением индийцев».

Тем не менее Вирломи постаралась достучаться до неиндийцев на базе бывшей Боевой школы.

Они достаточно хорошо ее восприняли. Сейчас ее свободное владение общим и ее сленгом Боевой школы сослужило ей неплохую службу. После войны сленг Боевой школы был подхвачен детьми всего мира, а Вирломи владела им свободно. Этот сленг интриговал детей и молодежь, а взрослых веселил. И не столько ее известность сделала ее «своей», сколько этот язык.

В казармах — нет, в общежитиях, которые раньше предназначались для новоприбывших

учеников — «салаг», как их называли, — обнаружилась женщина с ребенком на руках, державшаяся отчужденно. Вирломи это не слишком расстроило — она не обязана быть всеобщей любимицей, — но вскоре, по мере того как вновь и вновь посещала эти общежития, ей стало ясно: Нишель Фирс не просто застенчива или нелюдима, она откровенно враждебна.

Заинтересовавшись ею, Вирломи попыталась разузнать о ней больше. Но биография женщины в ее деле была настолько обрывочной, что Вирломи сочла ее ложной; такое бывало, когда люди специально присоединялись к колонистам, чтобы оставить позади не только все свое прошлое, но и свою личность.

Однако прямо поговорить с Нишель не представлялось возможным. Ее лицо немедленно застывало в дежурной улыбке, а на вопросы она отвечала лаконично или вообще не отвечала; когда ответов не было, она улыбалась, стиснув зубы, и за ее оскалом чувствовалась ярость, так что Вирломи не стала нажимать.

Но она наблюдала за тем, как Нишель реагирует на разговоры с остальными. Нишель всегда держалась неподалеку, но не становилась частью группы. Казалось, ее выводят из себя, раздражают

(что отчетливо проявлялось в языке тела) любые упоминания о Гегемоне, то есть Питере Виггине, о войнах на Земле, о Свободных людях Земли или о министерстве по делам колоний. А имена Эндера Виггина, Граффа, Суриявонга и, что было особенно заметно, Джулиана Дельфики — Боба, — казалось, заставляют ее плотнее прижимать к себе ребенка и нашептывать ему на ухо какие-то заклинания.

Вирломи, просто чтобы проверить свои подозрения, сама произносила некоторые из этих имен. Определенно, Нишель Фирс никоим образом не участвовала в войне лично: люди Питера не узнали ее по фотографии, когда Вирломи направила запрос. И все же Нишель, казалось, принимает события недавнего прошлого очень близко к сердцу.

К концу подготовительного этапа Вирломи пришло в голову проверить еще одно имя. Она ввернула его в разговоре с бельгийской парой, постаравшись, чтобы это прозвучало достаточно близко к Нишель — в пределах слышимости. «Ахиллес Фландре», — сказала Вирломи, упомянув одного из наиболее известных бельгийцев в новейшей истории. Разумеется, пара обиделась и стала отрицать, что он на самом деле бельгиец,

и Вирломи поспешила сгладить обиду, одновременно наблюдая за Нишель.

Реакция женщины была сильной, о да, хотя сначала показалась такой же, как всегда: плотнее прижать к себе ребенка, уткнуться носом ему в голову, что-то прошептать.

Но затем Вирломи осознала разницу: Нишель не напряжена. Она не раздражена. Она нежна с ребенком, ласкова с ним и выглядит вполне счастливой. Она улыбается.

И шепчет имя «Ахиллес Фландре», снова и снова.

Это настолько ошеломило Вирломи, что она захотела подойти к Нишель и закричать: «Да как ты смеешь преклоняться перед этим монстром!»

Но Вирломи слишком ясно осознавала собственные чудовищные деяния. Между нею и Ахиллесом имелись различия, да, но и сходства было немало, и не ей предъявлять ему счета. Итак, эта женщина испытывала к нему благосклонность. Что с того?

Вирломи покинула казармы и вновь принялась за поиски. Ни единой записи о том, что Ахиллес хоть раз был в тех местах, где мог встретить эту женщину — определенно американку. Вирломи не могла представить, чтобы Нишель говорила

по-французски, даже плохо. Она не казалась достаточно образованной — подобно большинству американцев, она говорила только на одном языке, отрывисто, но зато громко. Ребенок никоим образом не мог быть ребенком Ахиллеса.

Но это нужно было проверить. Поведение женщины слишком явно указывало на такую вероятность.

Вирломи не позволила Фирсам, матери и ребенку, погрузиться на корабль и лечь в стазис, пока не получила результаты сравнительного генетического анализа ребенка и имеющихся данных о генах Ахиллеса Фландре.

Совпадения не было. Ахиллес никоим образом не мог быть отцом.

«Ну что же, — подумала Вирломи. — Женщина странная. Она представляет проблему. Но не такую проблему, с которой не справится время. Вдали от Земли все, что могло бы делать ее сторонником этого чудовища, постепенно уйдет. Она поддастся дружественному давлению прочих колонистов».

Или не подчинится и в этом случае накажет саму себя — а те, чью дружбу она отвергла, подвергнут ее гонениям. И в том и в другом случае Вирломи придется озаботиться этим вопросом.

Сколько проблем может вызвать одна женщина среди тысяч колонистов? Нишель Фирс никак не тянет на лидера, за ней никто не пойдет. А значит, ее влияние не стоит преувеличивать.

Вирломи распорядилась дать зеленый свет погружению Фирсов в стазис. Но из-за задержки получилось так, что они все еще бодрствовали, когда Графф явился поговорить с теми, кто не собирался ложиться в стазис. Таких оказалось около сотни — большинство предпочли стазис, — и заботой Граффа было дать всем им ясно понять, что капитану корабля принадлежит абсолютная власть на борту.

— Вы будете делать все, о чем попросят члены экипажа, причем незамедлительно, — сказал Графф.

— А не то — что? — спросил кто-то.

Вопрос прозвучал скорее испуганно, чем вызывающе.

— Капитан властен над жизнью и смертью, в зависимости от серьезности нарушения. И он единственный судья, который будет решать, насколько это нарушение серьезно. Апеллировать не к кому. Я ясно выражаюсь?

Все все поняли. Некоторые из колонистов даже изменили решение, в последнюю минуту выбрав

полет в стазисе, — не потому, что намеревались организовать мятеж, а потому, что им не понравилась идея годами лететь с кем-то, кто имеет над ним такую власть.

Когда встреча подошла к концу, стало шумно: некоторые пошли к столу, за которым принимались заявки на пересмотр решения о погружении в стазис, многие разошлись по своим помещениям, но и вокруг Граффа столпилось довольно много людей. Известность, разумеется, манит; ведь Графф был едва ли не столь же знаменит, как Вирломи.

Вирломи и сама двинулась к выходу, когда услышала громкий шум — множество охов и восклицаний разом — от людей, окруживших Граффа. Она посмотрела в его сторону, но не могла понять, что происходит. Графф просто стоял там и кому-то улыбался и казался совершенно невозмутимым. И только взгляды — острые взгляды стоящих рядом с ним людей привлекли ее внимание к женщине, которая, тяжело дыша, пробиралась к выходу из зала, отдаляясь от толпы вокруг Граффа.

Разумеется, этой женщиной была Нишель Фирс, как обычно, с малышом Рэндаллом на руках.

Впрочем, что бы она ни сделала, — очевидно,

Граффа это не задевало. Хотя других явно затронуло.

И все же сам факт, что Нишель нашла возможность столкнуться с Граффом, вызывал беспокойство. Ее враждебность ведет к действиям; это плохая новость.

Но почему она не проявляет столь явной враждебности в отношении меня? Ведь я столь же известна, как и…

«Известна чем? Тем, что Гегемония повергла меня, принудив сдаться в плен. А какие враги выступали против меня? Суриявонг. Питер Виггин. И с ними — весь цивилизованный мир. Практически те же люди, которые стояли против Ахиллеса Фландре, люди, которые его ненавидели.

Неудивительно, что она добровольно вызвалась лететь в мою колонию, а не в какую-то другую. Она считает меня родственной душой, полагая, что у нас общие враги. Она не понимает — или, по крайней мере, не понимала раньше, когда записывалась в колонисты, — что я согласна с теми, кто меня победил, что я признала свою неправоту, что меня нужно было остановить. Я не Ахиллес. Я не похожа на Ахиллеса».

Если бы небеса захотели наказать Вирломи за то, что прикинулась богиней, алкала власти

и объединила Индию, они не смогли бы придумать более жестокой кары, чем заставить всех и каждого считать ее похожей на Ахиллеса — и любить ее за это.

По счастью, Нишель Фирс была единственной, кто так считал, — и она никому не нравилась, потому что ей самой никто не нравился. Что бы она там ни думала, все это на Вирломи никак не могло повлиять.

«Я упорно продолжаю себя в этом уверять, — подумала Вирломи. — Значит ли это, что в глубине души странные взгляды этой женщины влияют уже на меня?»

Разумеется, влияют.

«Сатьяграха. Я вынесу и это».

12

Кому: GovDes%ShakespeareCol@ColMin.gov/voy
От: MinCol@ColMin.gov

Тема: Странная встреча

Дорогой Эндер,

да – я еще жив. Каждый год я на десять месяцев ложусь в стазис, чтобы увидеть, как движется проект. Это возможно лишь потому, что у меня есть сотрудники, которым я в буквальном смысле доверяю свою жизнь. Таблицы страховых компаний позволяют надеяться, что я еще буду среди живых к тому моменту, как ты доберешься до Шекспира.

Однако это письмо я пишу потому, что ты был близок с Бобом. В приложении ты найдешь документы, касающиеся его генетического заболевания. Мы сейчас знаем, что настоящее имя Боба было Джулиан Дельфики; его похитили еще замороженным эмбрионом, и он был

единственным выжившим в результате нелегального генетического эксперимента. Изменения, внесенные в его геном, сделали его экстраординарно умным. Увы, изменения также повлияли на его физическое развитие. В детстве он был очень маленьким – ты же помнишь Боба? Никакого скачкообразного роста в пубертатном периоде, только ровный постоянный рост. До тех пор, пока он не умрет от гигантизма. Боб, не желая ложиться в госпиталь и дожидаться конца, отправился в исследовательский рейс на субсветовой скорости. Он проживет столько, сколько ему отведено, но фактически он покинул Землю, покинул человечество.

Не знаю, говорил ли тебе кто-нибудь, но Боб и Петра поженились. Несмотря на опасения Боба, что его дети унаследуют его недуг, они оплодотворили девять яйцеклеток – повелись на уверения доктора, обещавшего исправить генетический сбой. Петра родила одного, но остальные восемь эмбрионов были похищены, что можно счесть своего рода отголоском то-

го, что случилось с самим Бобом, когда он сам еще был эмбрионом. Их имплантировали в суррогатных матерей, которые не знали, чьих детей они вынашивают. После глубоких и обширных поисков мы сумели отыскать семерых потерянных малышей. Последнего нам так и не удалось отыскать. До настоящего времени.

Я пишу все это из-за странной встречи, которая сегодня произошла. Я нахожусь на «острове Эллис» – под таким названием нынче известно место, которое раньше было Боевой школой. Все колонисты проходят через этот пункт, здесь они распределяются по кораблям. Эрос сейчас улетел по своей орбите слишком далеко, чтобы быть удобным, поэтому мы переоборудуем и запускаем корабли с более доступной базы.

Я выступил с вводной лекцией, полной обычного остроумия и мудрости, перед группой, направляющейся в колонию Ганг. После выступления ко мне подошла женщина с ребенком на руках – американка, судя по ее акценту. Она ничего не сказала, просто плюнула на мой ботинок

и пошла прочь.

Естественно, это подстегнуло мой интерес, – я всегда питал слабость к женщинам, которые со мной флиртуют. Я навел о ней справки. То есть попросил одного из друзей на Земле собрать о ней детальную информацию. Выяснилось, что имя, под которым она записалась в колонисты, вымышленное. Это не так уж необычно, и для нас это не так уж важно: колонист может называться, как пожелает, если он не педофил или серийный убийца. В прошлой жизни она была замужем за помощником администратора в магазине, тот мужчина был совершенно стерилен. Так что не может быть отцом малыша, с которым она летит в колонию, – и в этом опять-таки ничего необычного. Но вот что действительно странно, так это то, что он и не ее ребенок.

А сейчас я собираюсь кое в чем признаться – в том, чего стыжусь. Я обещал Бобу и Петре, что все сведения об их детях будут уничтожены. Но я сохранил копию генетической записи, которую мы использовали для поиска детей, на тот

случай, если в один прекрасный день я вдруг наткнусь на их последнего пропавшего ребенка.

Каким-то образом этой женщине, Рэнди Джонсон (урожденной Альба), сейчас известной под именем Нишель Фирс, был имплантирован эмбрион, ребенок Боба и Петры. Ребенок унаследовал от Боба генетический гигантизм. Он будет чертовски умен, но умрет в двадцать с чем-то лет (если не раньше).

И его растит женщина, которая по каким-то причинам считает необходимым на меня плюнуть. Лично меня это ничуть не трогает, но я заинтересовался самим фактом: ее действие наводит на мысль, что, в отличие от остальных суррогатных матерей, она может знать о том, чьего ребенка выносила. Или, что более вероятно, ей могли навешать лапши на уши. В любом случае я не могу расспросить ее об этом сам, поскольку к тому времени, как я получил эту информацию, женщина оказалась вне досягаемости.

Нишель Фирс летит в колонию Ганг, которую, как и Шекспир, будет возглавлять

выпускник Боевой школы. Когда Вирломи покинула школу, она была постарше тебя, и с тех пор у нее было достаточно времени на Земле, чтобы стать спасительницей Индии от китайской оккупации, а затем вдохновить на вторжение в Китай, плохо закончившееся (и плохо продуманное). К концу своего пребывания у власти она, поверив собственной пропаганде, превратилась в фанатичку, довольно-таки деструктивную для самой себя. Сейчас к ней вернулось здравомыслие, так что мы не стали мучиться выбором, чествовать ли Вирломи за освобождение ее народа или порицать за вторжение на территорию бывших оккупантов. А просто назначили главой колонии, которая является первой в своем роде: она создается на основе определенной земной культуры. Большинство ее колонистов, хотя не все, являются жителями Индии – индусами.

Сын Боба будет невероятно умным – как его отец и мать. А Рэнди, может статься, будет кормить его историями, которые извратят его характер.

Зачем я все это тебе рассказываю? Потому что колония Ганг – наша первая попытка колонизировать планету, которая изначально не принадлежала жукерам. Корабль летит на скорости чуть меньше световой, поэтому они прилетят только после того, как у ксенобиологов появится шанс сделать свое дело и подготовить планету к колонизации.

Если ты будешь счастливо править Шекспиром и пожелаешь провести на этой планете остаток своих дней, тогда эта информация вряд ли представляет для тебя интерес. Но если через несколько лет ты решишь, что руководство колонией не для тебя, я бы попросил тебя отправиться на Ганг. Конечно, если ты проведешь на Шекспире пять (а то и десять) лет, колонии на Ганге еще не будет. И сам перелет на Ганг довольно долгий. Так что ты доберешься к тому времени, как мальчику стукнет четырнадцать (или девятнадцать) лет. К тому времени Рэндалл Фирс ростом точно уже будет как взрослый – даже больше – и может оказаться настолько умным, что станет

угрозой для колонии, и у Вирломи не останется шансов сохранить ее в мире и безопасности. Или он окажется диктатором. Или губернатором, победившим на свободных выборах, который защитит колонию от безрассудных действий Вирломи. Или он к тому времени уже умрет. Или станет никем. Кто знает?

Опять-таки я повторюсь: выбор за тобой. У меня нет на тебя никаких прав, у Боба и Петры также нет на тебя никаких прав. Но если это тебя заинтересует больше, чем губернаторство на Шекспире, тогда Ганг – то место, куда тебе следует направиться и, возможно, помочь Вирломи. Она умна, но склонна время от времени принимать очень скверные решения.

Впрочем, все это кот в мешке. К тому времени, как тебе придет время решать, покидать Шекспир или нет (резервируя время для перелета на Ганг), колонисты еще не покинут корабль! Может статься, мы отправляем тебя в колонию, где нет проблем, а стало быть, тебе нечего там делать.

Собственно, теперь ты понимаешь,

что я планирую нечто такое, что вообще невозможно запланировать. Но время от времени я бываю страшно рад, что все-таки спланировал кое-что в свое время. Впрочем, если ты больше не желаешь быть частью моих планов, я пойму тебя лучше кого бы то ни было!

Твой друг

Хайрам Граффф

P. S. На тот случай, если капитан тебя еще не проинформировал, через пять лет после вашего отлета МФ согласился с моим настоятельным требованием запуска к каждой колонии серии курьерских кораблей с промежутком в пять лет. Эти корабли – не те громадные бегемоты, которые перевозят колонистов, но у них есть трюмы для кое-каких серьезных грузов, и мы также надеемся, что они окажутся подспорьем в торговле колоний между собой. Наша задача – организовать отлет в колонии каждые пять лет, после чего корабли вернутся на Землю. У экипажей будет возможность проделать весь путь целиком или же подготовить

себе замену на каждой планете с колонистами, а самим остаться в колонии, с тем чтобы их задание завершил кто-то другой. Таким образом никто не окажется навечно запертым в своей колонии, и никто не будет пожизненным узником на борту корабля. Ты, думаю, догадываешься – недостатка в добровольцах мы не испытываем.

Виталий Колмогоров лежал в своей постели в ожидании смерти и уже начал терять терпение.

— Не торопи события, — заметил Сэл Менах. — Не подавай дурного примера.

— Я ничего не тороплю. Я просто *чувствую*, что мне надоело. Думаю, у меня есть право чувствовать то, что я чувствую!

— Право думать, что думаешь, у тебя тоже никто не отнимает, — заметил Сэл.

— Ну надо же, сейчас у него вдруг проснулось чувство юмора.

— Это ты решил, что умираешь, а не я, — сказал Сэл. — Хотя для черного юмора ситуация вроде как подходящая.

— Сэл, у меня была причина просить тебя прийти.

— Вогнать меня в депрессию?

— Когда я умру, колонии потребуется губернатор.

— Губернатор летит с Земли, не так ли?

— Технически — с Эроса.

— Ах, Виталий, все мы дети Эроса.

— Очень смешно! Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем здесь не останется людей, способных улыбаться шуткам, основанным на греческой мифологии, давшей имена объектам Солнечной системы?

— Виталий, как бы то ни было, прошу — не говори, что назначаешь меня губернатором!

— Не дождешься, — ответил Виталий. — У меня для тебя другое задание.

— Исполнить которое больше некому, кроме как стареющему ксенобиологу.

— В точку, — подтвердил Виталий. — Есть сообщение — оно зашифровано… и нет, ключа я тебе не дам. Сообщение поставлено в очередь на отправку по ансиблю. Я вот о чем прошу: когда я умру, прежде чем выберут нового губернатора, пожалуйста, отошли это письмо.

— Кому?

— Письмо само знает адрес.

— Ишь ты, какое умное сообщение. Вопрос:

а оно само не сможет выяснить, когда тебя не станет, и отправиться тоже само?

— Так ты обещаешь?

— Ну конечно.

— И обещай еще кое-что.

— Я уже стар. Не стоит рассчитывать на то, что я за один раз запомню столько заданий.

— Когда тебя выберут губернатором, не отказывайся.

— Меня не выберут.

— Если не выберут, тогда вопросов нет, — сказал Виталий. — Но когда они на самом деле тебя выберут — а этого ожидают все, кроме тебя, — прими это назначение.

— Нет.

— Именно поэтому ты обязан согласиться, — объяснил Виталий. — Ты больше всех прочих подходишь на эту должность, потому что меньше всех хочешь ее.

— Ее не хочет никто, у кого порядок с головой.

— Многие, слишком многие мужчины хотят ее заполучить, но не потому, что хотят заниматься этой работой, а потому что воображают, будто она почетна. Мечтают, что она даст им престиж. Статус, — сказал Виталий и засмеялся, но смех перешел в жуткий приступ кашля. Виталий каш-

лял, пока не глотнул воды, и тогда только спазмы в грудной клетке прекратились. — Вот по чему я точно не буду скучать, когда скончаюсь.

— Статус?

— Кашель. Постоянно скребет в легких. Хрипы. Метеоризм. Расплывчатые пятна перед глазами, сколько бы ни было света и какие бы очки ни надел. И гадкое разрушение старости.

— А что насчет вони изо рта?

— Это повод, чтобы *ты* порадовался моей смерти. Сэл, я серьезно. Если губернатором выберут кого-то еще, это будет означать, что он хочет получить эту работу и не будет сильно счастлив передать ее новому губернатору, когда тот прибудет.

— Должны же они огрести за решение, принятое на Эросе давным-давно. Очень приятно, возрадуемся: вместе с припасами, оборудованием и учеными к нам летит диктатор.

— Поначалу и я был диктатором, — сказал Виталий.

— Когда мы только начинали, казалось, здесь невозможно выжить. Да, тогда ты держал всех в узде, пока мы не разобрались со всеми способами убийства, которые раз за разом применяла планета, чтобы избавиться от нас. Но те дни остались

далеко позади.

— Ошибаешься, — сказал Виталий. — Позволь говорить начистоту. На корабле, который к нам летит, находятся два адмирала. Один из них — наш будущий губернатор. А второй — капитан корабля. Угадай, кто из них считает, что должен стать губернатором?

— Раз уж ты так ставишь вопрос, значит правильный ответ — капитан корабля, конечно же.

— Бюрократ. Тот, кто взбирался по служебной лестнице. Я не знал его, когда мы начали полет, но этот тип мне известен.

— Значит, корабль везет нам все, что нужно, плюс борьбу за власть.

— Я не хочу войны. Не хочу крови. Не хочу, чтобы новоприбывшие свергали действующего губернатора на Шекспире. Я хочу, чтобы наша колония была готова встретить новых колонистов и сплотиться вокруг губернатора, которого назначили нам на Эросе. Когда они его назначали, они знали, что делают.

— Ты знаешь, кто это, — сказал Сэл. — Знаешь, но никому не говоришь.

— Конечно знаю, — ответил Виталий. — Я переписываюсь с ним последние тридцать пять лет. С тех пор как корабль с колонистами отправился

в полет.

— И ни слова, ни намека. Кто это? Я о нем когда-нибудь слышал?

— Мне-то откуда знать, о ком ты слышал, а о ком нет? — спросил Виталий. — Я умираю, не докучай мне такими вопросами.

— Так ты по-прежнему отказываешься говорить.

— Когда они сбросят скорость, он с тобой свяжется. Тогда ты сможешь сообщить о нем колонистам. Все, что он тебе скажет, ты сможешь сказать остальным.

— Но ты не доверяешь мне хранить эту тайну.

— Сэл, ты не хранишь тайн. Говоришь все честно и откровенно. Обманывать, хитрить — это не твое. Поэтому ты станешь шикарным губернатором, и именно поэтому я не говорю тебе ничего такого, о чем ты не смог бы растрепать остальным в любой момент.

— Я не могу лгать? Ну что же. Я даже не стану обещать тебе, что приму должность губернатора. Мне не придется. Выберут кого-нибудь другого. Я никому не нравлюсь, Виталий, кроме тебя. Я сварливый старик, который устраивает окружающим выволочки и раздает ценные указания, а неуклюжих ассистентов доводит до слез. Все, что

я когда-то сделал для колонии, — все это далеко в прошлом.

— Ох, да заткнись ты уже, — сказал Виталий. — Ты будешь делать свои дела, а я свои. В моем случае это значит — умирать.

— Знаешь, а я ведь тоже. Возможно, раньше тебя.

— Тогда тебе придется передать это следующему.

— А этот новый губернатор — он вообще имеет представление о том, чего стоит поселить здесь всех новых колонистов? Об инъекциях? О регулярной диете на модифицированной свинине, чтобы получить белки, которые уморят червей? Надеюсь, вегетарианцев среди них не будет. А еще не очень-то хорошо, что с момента высадки этих новых людей будет больше, чем старожилов.

— Они нам нужны, — напомнил Виталий.

— Знаю. Они нужны генофонду, фермам и фабрикам.

— Фабрикам?

— Мы взялись за старые солнечные генераторы жукеров. Думаем, сумеем запустить от них станки.

— Промышленная революция! Спустя какие-то тридцать шесть лет с момента высадки на плане-

ту! А ты говоришь, что в последнее время ничего для людей не сделал.

— Я и *не делаю*, — сказал Сэл. — Я только что поговорил с Ли Ти, чтобы он на них посмотрел.

— Ну что же, если это все…

— Скажи.

— Что сказать? Я уже сказал все, что собирался.

— Скажи, что убеждать кого-то *попробовать* что-либо — тот самый способ управления, который ты применял в последние тридцать пять лет.

— Я не обязан говорить то, что ты и так знаешь.

— Не умирай, — попросил Сэл.

— Я тронут, — сказал Виталий. — Но разве ты не видишь? Я хочу умереть. Я свое отработал. Я выжат. Я отправился на войну, мы сражались и победили, а потом Эндер Виггин победил, и все жукеры умерли. Внезапно я перестал быть солдатом. А я был солдатом. Не бюрократом. Определенно не губернатором. Я был адмиралом, я был командиром, это был мой долг, и я его выполнил.

— Мое чувство долга не настолько сильное.

— Я не о тебе сейчас говорю, черт бы тебя побрал! Ты волен делать все, что заблагорассудится.

Я говорю о себе. Говорю, что ты скажешь на моих долбаных похоронах!

— А-а.

— Я не хотел быть губернатором. Я ждал, что погибну в войне, но, по правде говоря, я думал о будущем не больше тебя. Мы прилетели на эту планету, нас готовили выживать на этой планете — в колонии жукеров… Но я думал, что это будет *твоей* заботой и заботой прочих ученых, а сам я буду командовать сражением, биться с ордами жукеров, приходящих из-за холмов, подкапывающихся под нас. Ты не представляешь, какие кошмары меня терзали по поводу позиций, расчистки местности, ее удержания. Я опасался, что нам не хватит боеприпасов всего мира. Думал, мы обречены.

— Эндер Виггин тебя разочаровал.

— Да. Маленький эгоистичный курсантик. Я солдат, а он выдернул войну у меня из-под ног.

— И за это ты его полюбил.

— Я выполнял свой долг, Сэл. Выполнял свой долг.

— Так и я свой выполнял, — заметил Сэл. — И за твой браться не хочу.

— Возьмешься, когда я упокоюсь.

— Тебя здесь не будет, так что ты этого не узна-

ешь.

— У меня есть надежды на послежизнь, — произнес Виталий. — Я не ученый, мне позволительно так говорить.

— Многие ученые верят в Бога, — сказал Сэл. — Уж во всяком случае, большинство здешних.

— Но ты не веришь, что я буду жив и узнаю, что ты делаешь.

— Мне нравится думать, что Бог найдет для тебя более интересные дела. Кроме того, небеса на этой планете — небеса жукеров. Надеюсь, Бог позволит той части тебя, которая будет жить дальше, вернуться в те небеса, куда уходят все люди.

— Или в преисподнюю, — сказал Виталий.

— Я и забыл, какие вы, русские, пессимисты.

— Это не пессимизм. Я просто хочу оказаться там, куда ушли все мои друзья. Там, где сейчас этот старый ублюдок, мой папаша.

— Он тебе не нравился, но ты хочешь быть с ним?

— Я хочу дать в глаз старому алкашу! А потом мы с ним пойдем на рыбалку.

— Значит, для рыбы это точно не рай.

— Это будет персональный ад для каждого. Но в нем будут свои положительные стороны.

— Как и в нашей жизни здесь, — заметил Сэл.

Виталий рассмеялся:

— Солдатам не стоит браться за теологию.

— Ксенобиологам не стоит браться за управление.

— Спасибо, что на смертном одре удручил меня сомнениями.

— Всегда рад развлечь! А сейчас, если ты не против, мне пора кормить хрюшек.

Сэл ушел, а Виталий остался лежать, раздумывая, стоит ли ему встать и лично отправить письмо.

Нет, решение было правильным. Ему не хотелось заводить с Эндером новый разговор. Пусть он получит письмо, когда на него будет уже поздно отвечать, — таков был план, и он нравился Виталию. Эндер — толковый парень, хороший мальчик. Он сделает все, что нужно. Не хочу, чтобы он спрашивал моего совета: во-первых, он в нем не нуждается, а во-вторых, он мог бы ему последовать.

13

Кому: GovDes%ShakespeareCol@ColMin.gov/voy
От: GovAct%ShakespeareCol@colmin.gov

В ответ на: Ты получишь это после моей смерти

Дорогой Эндер,

я прямо написал это в поле темы. Никаких вокруг да около. Я составляю это письмо, чувствуя смерть. Я организовал дело так, что письмо уйдет после того, как мы с ней ударим по рукам.

Полагаю, моим преемником станет Сэл Менах. Он не хочет для себя этой должности, но его многие любят и ему доверяют, а это жизненно важно. Он не станет цепляться за кресло в твоем кабинете после твоего прибытия. Но если преемником станет кто-то другой, тогда тебе придется справляться с этим самостоятельно, и я желаю тебе удачи.

Ты знаешь, как сложно было выстоять

нашему маленькому сообществу. В течение тридцати шести лет мы жили и решали, кому с кем вступать в брак. Новое поколение уже восстановило половое равновесие; есть внуки, которые почти достигли репродуктивного возраста. А теперь прилетит твой корабль, и внезапно наше население вырастет в пять раз, и лишь один из пяти будет частью изначальной группы. Это будет сложно. Все поменяется. Но я верю, что хорошо тебя узнал, и если я прав, тогда моим людям будет нечего опасаться. Ты поможешь новым колонистам привыкнуть к нашим традициям в тех случаях, когда наши традиции имеют смысл здесь, на Шекспире. Ты поможешь моим людям привыкнуть к новым колонистам в тех случаях, когда традиции Земли будут иметь смысл.

В каком-то роде, Эндер, мы с тобой одного возраста – или, по крайней мере, находимся на одинаковой стадии развития. Мы давным-давно оставили свои семьи. С точки зрения всего мира мы шагнули в открытую могилу и растворились в небытии. Для меня это было жизнью

после смерти: карьера после прежней карьеры подошла к концу, жизнь после прежней жизни тоже подошла к концу. И она удалась! Это был просто рай. Опасный, пугающий, победный – и, наконец, мирный. Мой друг, пусть и для тебя жизнь окажется такой же. Сколько бы она ни длилась, пусть тебя радует каждый ее день.

Я никогда не забывал, что обязан тебе нашей победой, а потому и этой второй жизнью, – тебе и другим детям, которые направляли нас в той войне. Еще раз спасибо, которое я произношу стоя одной ногой в могиле.

С любовью и уважением,

Виталий Денисович Колмогоров

— Мне не нравится, что́ ты вытворяешь с Алессандрой, — сказала Валентина.

Эндер оторвался от документа, который читал:

— А что я такого вытворяю?

— Ты прекрасно знаешь, что ты влюбил ее в себя.

— Неужели?

— Не прикидывайся, будто понятия об этом

не имеешь! Она смотрит на тебя как голодный щенок.

— У меня никогда не было собаки. В Боевой школе не было места командным талисманам, и бродячих там тоже не водилось.

— И ты намеренно заставил ее влюбиться.

— Если бы я мог по желанию влюблять в себя женщин, мне стоило бы разливать это умение по бутылкам и богатеть на Земле.

— Ты заставил влюбиться не женщину, а эмоционально зависимую, застенчивую, закомплексованную девочку, а это легко сделать. Все, что от тебя потребовалось, — быть с ней чрезвычайно милым.

— Ты права. Не будь я таким эгоистом, мне следовало навешать ей оплеух.

— Эндер, ты говоришь со мной! Думаешь, я не обращала внимания? Ты выискиваешь любую возможность, чтобы ее похвалить. Ты спрашиваешь ее совета по самому мелкому поводу. Постоянно благодаришь ее ни за что. И ты ей улыбаешься. Тебе кто-нибудь говорил, что твоя улыбка может плавить сталь?

— На космическом корабле это может стать проблемой. Постараюсь улыбаться пореже.

— Ты включаешь ее, словно… словно межзвезд-

ный двигатель! Эта улыбка, твое лицо… словно ты вынимаешь из себя душу и вручаешь ей в руки.

— Вэл, — сказал Эндер. — У меня здесь довольно важное письмо. Что ты хочешь сказать?

— Что ты собираешься с нею делать теперь, когда она принадлежит тебе?

— Мне никто не принадлежит, — ответил Эндер. — Я никогда к ней не прикасался — буквально. Не пожимал рук, не хлопал по плечу — ни-че-го. Никакого физического контакта. Я не флиртовал с нею. Никаких сексуальных подтекстов, никаких хохмочек. И еще я не оставался с нею наедине. Месяц за месяцем ее мать пытается оставить нас вдвоем, я просто на это не иду. Даже если приходится довольно-таки по-хамски выходить из комнаты. Что конкретно из этого списка заставило ее влюбиться в меня?

— Эндер, я не люблю, когда ты мне врешь.

— Валентина, если хочешь от меня честного ответа, задай мне честный вопрос.

Она вздохнула и уселась на свою койку:

— Жду не дождусь, когда полет закончится.

— Осталось чуть больше двух месяцев. Мы почти прилетели. И ты закончила книгу.

— Да, и вышло неплохо, — сказала Валентина. — Особенно если учесть, что я почти не

встречалась с ее героями, а ты оказался совершенно бесполезен.

— Я ответил на все вопросы, которые ты задала.

— Но отказался оценить людей, оценить школу…

— Мое мнение — не часть истории. Не предполагалось, что книга будет называться «Школьные деньки Эндера Виггина, о которых он поведал своей сестре Валентине».

— Я полетела не для того, чтобы с тобой ссориться.

Эндер посмотрел на нее с настолько преувеличенным изумлением, что она запустила в него подушкой.

— Не знаю, насколько для тебя это важно, но я ни разу не вела себя по отношению к тебе так скверно, как к Питеру.

— Значит, за мир можно не опасаться.

— Но, Эндер, я на тебя злюсь. Тебе не следует играть с чувствами девушки. Если ты, конечно, не планируешь на ней жениться…

— Не планирую, — сказал Эндер.

— Тогда ты не должен ее обманывать.

— Я не обманываю.

— А я говорю, обманываешь.

— Нет, Валентина, — сказал Эндер. — Я сделал именно то, что нужно ей для того, чтобы получить желаемое ею.

— То есть тебя.

— Это совершенно точно не является мной, — сказал Эндер, садясь рядом с сестрой и наклоняясь к ней. — Ты здорово поможешь мне, если присмотришься кое к кому другому.

— Я ко всем присматриваюсь, — сообщила Валентина. — Я обо всех выношу суждение. Но ты мой брат, я должна раздавать тебе всякие приказы.

— А ты моя сестра. Я должен щекотать тебя до тех пор, пока ты не описаешься или не расплачешься. Или и то и другое.

Это он и попытался осуществить, хотя, конечно, так далеко заходить не стал. Или если она и описалась, так лишь самую малость, а затем сильно ударила его по руке, отчего он воскликнул: «Ох!» — так нахально и саркастично, что она поняла: он притворяется, что ему не больно, хотя на самом деле больно. Но он это заслужил. Он действительно вел себя гадко по отношению к Алессандре, причем ему было на это наплевать, и даже хуже — он считал, что может все отрицать. Эндер просто жалок.

Весь остаток дня Эндер размышлял о словах Валентины. Он знал, что́ планируется, и это было в интересах самой Алессандры, но он допустил оплошность, если девушка действительно в него влюбилась. Предполагалось, что их отношения ограничатся дружбой, доверием, может быть, благодарностью. Как отношения брата и сестры. Вот только Алессандра — не Валентина. Она не справлялась. Она приходила к выводам не так быстро, как Вэл, — или приходила не к тем же выводам. Алессандра не могла удержать свою часть груза.

«Где мне найти того, на ком я смогу жениться?» — подумал Эндер. Нигде и никогда, если сравнивать всех кандидаток с Валентиной.

«Ну хорошо, да, я знаю, что вызвал у Алессандры чувства. Мне нравится, когда она на меня так смотрит. Петра никогда на меня так не смотрела, и никто другой тоже не смотрел. Такие взгляды нравятся. Гормоны пробуждаются, и я чувствую возбуждение. Это весело. Мне пятнадцать. Я никогда не говорил ей ничего такого, что обманывало бы ее в моих намерениях, и никогда — ни разу! — не дал сигнала о физическом влечении. Ну так застрелите меня за то, что я ей нравлюсь и делаю так, чтобы нравиться и дальше. Здесь что,

есть правила? Либо полностью игнорировать ее, чтобы она ощутила свою ничтожность, либо жениться на ней тут же, не сходя с места? Это что, все варианты?»

Но глубоко внутри его терзал вопрос: «А не Питер ли я? Не использую ли я других людей в своих целях? Меняет ли дело то, что я намерен добиться такого результата, который позволит ей получить шанс на счастье? Я ее не спрашиваю, я не даю ей возможность выбора. Я ею манипулирую. Я выстраиваю мир для нее, чтобы она делала определенный выбор и предпринимала определенные действия, которые заставят других людей делать то, что я хочу от *них*, и…»

И что? Разве есть другой вариант? Пассивно позволить событиям идти своим чередом, а потом сказать: «У-у, как все запущено»? Разве все мы не манипулируем людьми? Даже если открыто просим их сделать выбор, не пытаемся ли мы обставить его так, чтобы они выбрали то, что нужно нам?

Если бы я сказал ей, чего собираюсь добиться, она, наверное, согласилась бы со мной. Пошла бы на это добровольно.

Но достаточно ли она хорошая актриса, чтобы не дать понять матери, что кое-что вот-вот

случится? Чтобы та не заставила раскрыть все карты? Алессандра по-прежнему оставалась такой маминой дочкой, что Эндер не верил, будто она способна сохранить от матери секрет — если только очень ненадолго. И если Алессандра раскроет его игру, самой Алессандре от этого ничего не будет — она окажется там же, где была, — а вот он потеряет все. Неужели у меня нет права стать частью этого уравнения, взвесить свое счастье, свое будущее? И если как губернатор я окажусь лучше адмирала Моргана, не должен и я приложить все усилия, чтобы стать губернатором и не позволить Моргану занять этот пост?

По-прежнему идет война, пусть в ней нет оружия, помимо слов и улыбок. Я должен собраться с силами, воспользоваться преимуществами территории и попытаться сойтись с более мощным противником в обстоятельствах, которые нейтрализуют его преимущества. Алессандра — личность, да, но ведь и каждый солдат личность, каждая пешка в большой игре — личность. Мною воспользовались, чтобы я победил в войне. Теперь я воспользуюсь кем-то еще. И все — «во имя общего блага».

Но под всеми этими рассуждениями о морали скрывалось кое-что еще. Эндер это чувствовал.

Зуд, голод, сильное желание. То был его внутренний шимпанзе. Животное, которое почуяло в Алессандре женщину. «Избрал ли я этот план, эти инструменты потому, что они подходят лучше всего? Или я выбрал их, потому что они позволят мне быть рядом с хорошенькой девушкой, которая жаждет моей любви?»

Так что, может быть, Валентина совершенно права.

«Но если она действительно права… тогда что? Я не могу вернуть все то внимание, которое обращал на Алессандру. Мне что, внезапно стать к ней равнодушным, без всякой на то причины? Будет ли это худшей манипуляцией?

Могу ли я хоть иногда отключить мозг, стать безволосой обезьяной, положившей глаз на доступную самку?»

Нет.

— И как долго ты собираешься играть с Эндером Виггином в эту игру? — спросила Дорабелла.

— Игру? — удивилась Алессандра.

— Очевидно, он тобою увлечен, — сказала Дорабелла. — Ты всегда в центре его внимания, и я видела, как он тебе улыбается. Ты ему нравишься.

— Как сестра, — вздохнула Алессандра.

— Он застенчив.

Алессандра снова вздохнула.

— Не вздыхай так тяжко, — сказала Дорабелла.

— О, так в твоем присутствии мне даже дышать нельзя?

— Не вынуждай щипать тебя за нос и насильно кормить печеньками.

— Мам, я не могу контролировать то, что он делает.

— Но ты можешь контролировать себя.

— Эндер — не адмирал Морган.

— Да, Эндер — не он. Он мальчик. У него совсем нет опыта. Мальчик, которого можно вести, которому нужно помогать и все показывать.

— Что показывать, мам? Ты предлагаешь мне сделать что?

— Дорогая моя, сладкая фея-доча, — сказала Дорабелла, — это не для тебя и не для меня. Это исключительно для блага самого Эндера Виггина.

Алессандра закатила глаза. Она была такой юной!

— Закатывать глаза — не ответ, сладкая моя фея!

— Мам, все те, кто совершает самые ужасные поступки, всегда говорят, что это для блага других.

— Но в этом случае я вполне права. Видишь ли,

мы с адмиралом Морганом сблизились. Стали очень-очень близки.

— Ты с ним спишь?

Прежде чем Дорабелла осознала, что делает, ее рука взлетела в воздух, намереваясь отвесить пощечину. Но вовремя остановилась.

— Ох, ты посмотри, — сказала она. — Моя рука решила побыть не моей, а бабкиной.

Голос Алессандры слегка дрогнул.

— Когда ты сказала, что вы с ним очень-очень близки, я подумала, не значит ли это…

— Мы с адмиралом Морганом — взрослые люди, — сказала Дорабелла. — Мы друг друга понимаем. Я — яркий лучик в его жизни, которого у него раньше никогда не было, а он для меня такая надежная опора, какой твой отец, будь благословенно его сердце, никогда не был. Мы испытываем физическое влечение, но мы взрослые, состоявшиеся люди, контролирующие либидо, и — нет, я не позволила ему.

— Тогда о чем мы говорим? — спросила Алессандра.

— Чего я, будучи в твоем возрасте, не знала, — сказала Дорабелла, — так это того, что между холодной сдержанностью и теми действиями, от которых рождаются дети, есть много промежу-

точных шагов и этапов. Есть много способов дать понять юноше, что его ухаживания принимаются благосклонно — до определенной черты.

— Мам, я это знаю. Я видела, как ученицы в моей школе одевались словно проститутки, выставляя все напоказ. Я видела ласки, видела, как их лапают и щиплют. Мы с тобой итальянки. Я ходила в итальянскую школу, и все мальчишки, которые там были, собирались стать итальянскими мужчинами.

— Не пытайся отвлечь меня, заставляя злиться на твои этнические предрассудки, — сказала Дорабелла. — Всего несколько недель остается до прибытия…

— Два месяца — не «несколько недель».

— Восемь — это несколько. Когда мы доберемся до Шекспира, одно будет ясно совершенно точно. Адмирал Морган не собирается вручать колонию пятнадцатилетнему мальчишке. Это безответственно. Эндер ему нравится — он всем нравится, — но все, чем они занимались в Боевой школе, — целыми днями играли в игры. Для управления колонией нужен опытный лидер. Об этом никогда не говорилось прямо, хочу заметить. Но я узнала это по намекам, по вскользь брошенным словам или… подслушанным.

— Ты подслушиваешь.

— Я была рядом, у меня есть уши. В общем, я хочу сказать: лучше всего было бы, если бы Эндер Виггин стал губернатором, но прислушивался к советам адмирала Моргана.

— Ко всем его советам.

— Это лучше, чем если Эндера поместят в стазис и отправят обратно.

— Нет! Он этого не сделает!

— Угроза этого уже прозвучала, и есть намеки на то, что такой шаг может оказаться необходимым. А теперь только представь: Эндер и прекрасная девушка-колонист влюбляются друг в друга. Они решают пожениться. Теперь он становится женихом. И так уж вышло, что его будущая теща…

— Которая, так уж вышло, является душевнобольной женщиной, считающей себя феей и матерью феи…

— …теща замужем или вот-вот выйдет замуж за адмирала, который со всей определенностью собирается стать фактическим губернатором. Если только Эндер не доставит хлопот — а если доставит, в этом случае адмирал получит трон, так сказать, на законных основаниях. Но Эндер не причинит никаких хлопот, потому что ему это

и не нужно. Его прекрасная юная супруга станет блюсти его интересы, обсуждая вопросы со своей матерью, которая в свою очередь будет обсуждать их со своим мужем, — и все будет работать гладко, в общих интересах.

— Иными словами, я выйду за него замуж, чтобы шпионить.

— Из нас получится пара любящих и любимых посредников, которые позаботятся, чтобы между адмиралами на этом корабле никогда не разгорелся конфликт.

— Подавляя Эндера и заставляя его плясать под дудку Квинси.

— Пока не повзрослеет и не наберется достаточного опыта, — уточнила Дорабелла.

— Чего не случится вообще никогда, по крайней мере с точки зрения Квинси, — подхватила Алессандра. — Мам, я не глупа, и в этом деле ты глупцов не найдешь. Ты ставишь на то, что адмирал Морган получит власть и ты, выйдя за него, окажешься женою губернатора. Но поскольку ты не можешь быть полностью уверена в том, что Эндер Виггин не в состоянии одержать верх, ты хочешь, чтобы я вышла за него. При этом не имеет значения, кто победит в этом маленьком столкновении, мы сможем на этом подзарабо-

тать. Я права?

«Подзаработать» Алессандра произнесла по-английски. Дорабелла тут же за это слово ухватилась.

— Дорогуша, в колонии Шекспир денег пока нет, — сказала она. — До сих пор все держится на бартере и распределении. Ты не очень-то внимательно слушала лекции о нашей будущей колонии.

— Мам, это и *есть* твой план, не так ли?

— Не так, — сказала Дорабелла. — Я влюблена, и ты тоже. Не надо отрицать!

— Все время о нем думаю, — призналась Алессандра. — Каждую ночь о нем мечтаю. Если это и есть влюбленность, таблетка от любви не помешала бы.

— Ты чувствуешь это лишь потому, что юноша, которого ты любишь, недостаточно разобрался в своих собственных чувствах, чтобы ясно сказать о них тебе или даже себе. Именно об этом я и толкую!

— Нет, мама. Ты пытаешься сделать что угодно, но только не втолковать мне. Ты хочешь от меня — но отказываешься произнести вслух, — чтобы я его соблазнила.

— Нет.

— Мам!

— Я тебе уже сказала. Между симпатией и соблазнением есть множество этапов. Например, легкие касания.

— Ему не нравится, когда к нему прикасаются.

— Он думает, что ему не нравятся касания, потому что он еще не понял, что он в тебя влюблен.

— Ух ты, — сказала Алессандра. — И все эти выводы ты делаешь даже без степени психолога!

— Женщине-фее не нужно изучать психологию, она рождается с нужным знанием.

— Мам!

— Ты повторяешь это слово, словно не уверена, кто я для тебя. Да, дорогая, я в самом деле твоя мать.

— Ну хоть раз в жизни ты можешь прямо сказать, что ты имеешь в виду?

Дорабелла закрыла глаза. Она никогда не была склонна говорить прямо. Тем не менее Алессандра была права: девочка настолько наивна, что действительно не понимает, о чем говорит Дорабелла. Она не понимает всей необходимости, срочности — и не знает, что ей делать.

По всей видимости, прямого объяснения не избежать. Так зачем тянуть?

— Садись, солнце мое, — сказала Дорабелла.

— Ага, значит, это будет усложненный обман, — сказала Алессандра. — Для него потребуются силы.

— Если продолжишь в том же духе, я вычеркну тебя из завещания.

— Угроза не сработает, пока у тебя не появится хоть что-нибудь, что я захочу получить.

— Сядь же, дрянная девчонка, — сказала Дорабелла своим игривым строгим голосом.

Алессандра улеглась на койку.

— Я слушаю.

— Ты никогда не сделаешь того, о чем я прошу, правда?

— Я слушаю. И ты не попросила, а приказала.

Дорабелла глубоко вздохнула и выложила все начистоту:

— Если в течение четырех недель ты не заполучишь Эндера Виггина, не привяжешь его к себе отношениями, его почти наверняка заставят остаться на борту корабля — либо под охраной, либо в стазисе. А адмирал Морган спустится на планету, чтобы посмотреть, как дела в колонии. Но если Эндер Виггин окажется будущим зятем адмирала Моргана, тогда его почти наверняка представят жителям Шекспира в качестве нового губернатора. Поэтому либо ты обручишься с

номинальным губернатором и героем человечества, либо навсегда расстанешься с ним, чтобы, когда настанет пора выходить замуж, выйти за какого-нибудь местного деревенщину.

Алессандра сомкнула глаза и держала их закрытыми, пока Дорабелла не стала задумываться о том, чтобы разбудить ее, облив водой.

— Спасибо, — наконец произнесла Алессандра.

— За что?

— Что сказала мне, что действительно имела в виду, — объяснила Алессандра. — Объяснила план. Я понимаю — все, что я буду делать, все это в интересах Эндера. Но, мам, мне всего пятнадцать, и я знаю только, как вели себя самые развязные девчонки в школе. Не думаю, чтобы такие действия сработали в отношении Эндера Виггина. Так что, пусть мне и нравится все, что ты говоришь, я понятия не имею о том, как это осуществить.

Дорабелла подошла к койке Алессандры, опустилась на колени и поцеловала дочь в щеку:

— Милая доченька, да ведь все, что тебе нужно, — просто спросить!

14

Кому: smenach%ShakespeareCol@colmin.gov

От: GovDes%ShakespeareCol@colmin.gov/voy

Тема: Мы на подлете

Уважаемый доктор Менах,

в пути я ознакомился с вашей работой, и восхищен ею, и выражаю вам за нее благодарность. Виталий Колмогоров говорил о вас с чувствами более сильными, чем восхищение, – «благоговение» и «глубокая дружба» также недостаточно полно передают смысл. И хотя я не знаком с вами настолько хорошо, как был знаком с ним, я знаю, чего вы добились. За то, что мне и тысячам новых колонистов, которые летят вместе со мной, по прибытии не придется спасать умирающую колонию Шекспир, нужно сказать спасибо всем жителям, но без ваших подходов к болезням и белковым несовместимостям,

вполне вероятно, мы бы не нашли на планете уже никого.

Виталий сказал, что вы с неохотой восприняли предложение занять пост губернатора, но, как я погляжу, вы все-таки его заняли и эффективно работаете в этой должности почти пять лет. Спасибо за то, что сочли возможным поступиться принципами и принять политическую должность. Уверяю вас – я почти с такой же неохотой воспринял предложение стать губернатором, в моем случае мне просто больше некуда было лететь.

Я молод, и для губернатора у меня мало опыта, хотя, подобно вам, я в свое время был солдатом. Надеюсь по прибытии встретиться с вами, чтобы научиться у вас чему-то и вместе с вами постараться объединить четыре тысячи «новых» колонистов с тысячей «старых», чтобы за какое-нибудь разумное время они стали просто гражданами Шекспира.

Меня зовут Эндрю Виггин, но обычно меня называют детским прозвищем Эндер. В сражениях в вашей звездной системе вы были пилотом, и вполне воз-

можно, что вам доводилось слышать мой голос. И уж наверняка вы слышали голос одного из моих офицеров. Я скорблю по тем пилотам, которые погибли в боях; мы не знали, что наши ошибки стоят реальных жизней, но это не избавляет нас от ответственности. Понимаю, что для вас прошло больше сорока лет; для меня эта война отгремела лишь три года назад, и я постоянно о ней думаю. Мне вот-вот предстоит повстречать солдат, которые по-настоящему бились в тех сражениях и которые помнят тех, кто расплатился жизнью за мои ошибки.

Рад предстоящей встрече с детьми и внуками, родившимися у ваших соотечественников. Конечно, они не будут помнить о битвах, которые для них седая древность. Они понятия не имеют о том, кто я такой и почему им нанесли оскорбление, навязав в качестве губернатора пятнадцатилетнего мальчишку.

По счастью, у нас есть очень опытный адмирал Квинси Морган, который любезно предложил на весь тот срок, что корабль будет на Шекспире, свою по-

мощь и лидерство. Мы с Виталием не раз обсуждали сущность лидерства и командования и пришли к выводу, что Квинси Морган – человек мира и власти; вы лучше меня знаете, что это может значить для колонии.

Прошу прощения за те хлопоты, с которыми вам придется столкнуться в связи с нашим прибытием, и заранее вам благодарен.

Искренне ваш,

Эндрю

Кому:
GovDes%ShakespeareCol@colmin.gov/voy
От:
smenach%ShakespeareCol@colmin.gov

Тема: Неудачное время

Дорогой Эндер,

спасибо за ваше продуманное письмо. Я совершенно точно понимаю, что вы имеете в виду, когда пишете об адмирале Моргане как о человеке мира и власти, и мне жаль, что у меня не хватит снаряжения для того, чтобы как следует

его поприветствовать. Но все солдаты, которые у нас есть, – все они стары, как я; у молодежи не было причин учиться воинской дисциплине или каким-либо боевым навыкам. Боюсь, наши попытки построения будут выглядеть жалко, так что любые церемонии по случаю вашего прибытия должны планироваться исключительно вашей стороной. Воочию повидав вашу работу, следя за вашей деятельностью не менее внимательно, чем вы следили за моей, я совершенно уверился в том, что вы сделаете все, что нужно, с необходимым апломбом.

Со смерти Виталия мне ни разу не доводилось использовать слово «апломб». Возможно, ваше предстоящее губернаторство (не могу не испытывать огромное облегчение по этому поводу) побудило меня перенести на вас тот стиль общения, который сложился у нас с ним.

К сожалению, ваше прибытие по времени совпадает с безотлагательной и давно запланированной экспедицией, которую я обязан предпринять. Я больше не являюсь ведущим ксенобиологом, но

мои обязанности в этой области не могли просто прекратиться. Теперь, с вашим прибытием, я, по крайней мере, смогу разведать широкую полосу земли к югу от поселения, которая остается почти неизученной. Прилетев сюда, мы обосновались в субтропическом климате, с тем чтобы не замерзнуть насмерть в случае, если не удастся найти подходящее топливо и укрытие. Сейчас вы везете с собой земные растения, которым нужен более прохладный климат, и мне совершенно необходимо подыскать для них подходящие условия. Также нужно узнать, есть ли здесь местные фрукты, овощи и травы, которые могли бы оказаться нам полезными, – теперь, когда вы везете транспортные средства, которые сделают возможным выращивание урожая в одном климате и его потребление в другом.

По причинам, которые для вас должны быть очевидны, я также полагаю, что путающийся под ногами старик будет вам не настолько полезен, как вы себе представляете. Когда двое мужчин, каждого из которых называют «губернатор»,

окажутся рядом, люди повернутся к тому, кого лучше знают. А новые люди, выйдя из стазиса, вероятно, последуют примеру остальных. Мое отсутствие станет вам полезным активом. С текущими проектами вас сможет ознакомить Икс Толо, ведущий ксенобиолог.

Уверен, вы понимаете: то, что я отправляюсь в это путешествие, никак не отражает мое нежелание с вами встречаться или помогать вам. Если бы я считал, что мое присутствие для колонии будет лучше отсутствия, для меня было бы величайшим удовольствием обменяться рукопожатием с командиром, который привел нас к победе. Среди лысых стариков колонии вы найдете многих, которые до сих пор вас боготворят. Пожалуйста, будьте с ними терпеливы, если вдруг окажется, что они проглотили язык.

Искренне ваш

Сэл

Сэл начал потихоньку готовиться к экспедиции на юг. Она планировалась пешей: у первой экспедиции не было вьючных животных, и Сэл

не собирался лишать колонию одной машины. И хотя ареал многих ныне съедобных гибридов простирался широко, Сэл собирался выйти из оптимального для них климата, а это означало, что еду ему придется нести с собой. По счастью, ел он немного, и с собой он возьмет шесть особей новой породы собак, генетически измененных для того, чтобы усваивать местные белки. Собаки будут охотиться, а потом он выберет из них пару на мясо, а остальную четверку выпустит на волю — две пары для размножения, которые смогут выжить на этих землях.

Новые хищники, свободно передвигающиеся по дикой местности, — Сэл хорошо осознавал, насколько губительным это может оказаться для местной экологии. Но собакам не под силу истребить все местные виды, и вряд ли они повредят растительности. А в последующих экспедициях и колонизации полезно иметь съедобных и приручаемых созданий в дикой местности.

Мы здесь не для того, чтобы сохранить местную экологию, словно музейный экспонат. Мы здесь с колонизаторской миссией, наша задача — переделать планету под себя.

Именно за это взялись жукеры на Земле. Вот только их подход был куда более радикальным:

спалить все, а затем насадить растительность с родной планеты.

Но здесь они по какой-то причине избрали иной подход. На Шекспире Сэл не обнаружил растений, которые жукеры посадили на Земле во время зачистки Китая, почти сотню лет назад. Здешний мир был одной из старейших жукерских колоний, и его флора и фауна оказались слишком далекими — в генетическом смысле — от жукерских растений, высаженных в Китае. Должно быть, колония возникла до того, как они разработали стратегию «жукерофикации», которую начали применять на Земле.

Все прошедшие годы Сэл целиком и полностью отдал генетическим исследованиям, необходимым для выживания колонии, а в течение пяти последних был губернатором. Сейчас он мог отправиться в неизведанные земли, чтобы разузнать о них все, что сможет.

О дальнем переходе речи не шло: Сэл полагал, что поход ограничится несколькими сотнями километров, потому что колонии не будет никакой пользы, если он уйдет настолько далеко, что не сможет вернуться и отчитаться о результатах.

Икс Толо помогал в сборах, недовольно ворча, — обычное для него поведение. Слишком мало

оборудования или слишком много, недостаточно еды, чересчур много воды, почему это, а не то… его придирчивая внимательность к деталям и делала из него эффективного работника в своей области, так что Сэл воспринимал это бурчание со здоровой долей юмора.

И разумеется, у Икса были и свои планы.

— Вторую сумку можешь распаковать, — заметил ему Сэл. — Ты со мной не идешь.

— Вторую сумку?

— Я же не идиот. Я решил оставить здесь половину оборудования, а ты сложил его во второй рюкзак, а еще положил туда еду и дополнительный спальник.

— Никогда не считал тебя идиотом. Но и сам не такой идиот, чтобы подвергнуть колонию риску, отправив в один поход двух ведущих ксенобиологов.

— Так для кого же рюкзак?

— Для моего сына, По.

— Меня всегда смущало, что ты назвал его в честь безумно романтичного китайского поэта[13]. Почему не выбрал кого-то из культуры майя?

---

[13] Сноски: 13

Имеется в виду китайский поэт времен династии Тан — Ли Бай (701–762 н. э.), также известный как Ли По (Бо).

— В «Пополь Вухе»[14] все герои названы числами, а не именами. Он чувствительный малыш. Сильный. Если понадобится, он сможет на руках дотащить тебя обратно.

— Я не настолько старая развалина.

— Он сможет, — заверил его Икс. — Но только в том случае, если ты будешь жив. В противном случае он будет наблюдать и описывать процесс разложения тела, брать пробы бактерий и червей, которые решатся слопать твое старое, рожденное на Земле тело.

— Рад, что ты по-прежнему думаешь как ученый, а не как сентиментальный идиот.

— По — хорошая компания.

— И он позволит мне взять в дорогу достаточное количество оборудования, чтобы поход принес пользу. Пока ты останешься здесь и будешь играться с новыми приборами, прибывшими с кораблем колонистов.

— И обучать новых ксенобиологов, — добавил Икс. — Не сомневаюсь, ты сказал Виггину, что я буду ему помогать. Этому не бывать — у меня и своих дел выше крыши, чтобы еще и с новым губернатором нянчиться.

---

[14] Сноски: 14

«Popol Wuj» *(кечуа)* — «Книга Совета», эпос месоамериканской культуры, памятник древней индейской литературы.

Сэл проигнорировал его нытье — знал, что Икс поможет во всем, что только потребуется Виггину.

— А мать По рада, что он идет со мной?

— Нет, — ответил Икс. — Но она знает: если запретит ему идти, он больше не станет с нею разговаривать. Так что ее благословение получено. Более или менее.

— Тогда выходим рано утром.

— Если новый губернатор тебе не запретит.

— У него нет власти, пока он не ступит на планету. А он еще даже на орбиту не ступил.

— Ты читал их грузовую декларацию? У них четыре экраноплана.

— Если один из них нам понадобится, мы сообщим по радиосвязи. В противном случае не говори им, куда мы направились.

— Хорошо, что жукеры уничтожили всех крупных хищников на планете.

— Никакой уважающий себя хищник не позарился бы на мешок с хрящами вроде меня.

— Я говорю о моем сыне.

— Он тоже не станет меня есть, даже если припасы подойдут к концу.

Этим вечером Сэл лег рано, а через несколько часов сна, по обыкновению, поднялся в туалет.

Он заметил мигание ансибельного огонька. Сообщение.

«Не моя проблема».

Хотя… это же не совсем так? Раз Виггин получит полномочия, лишь спустившись на планету, тогда Сэл все еще действующий губернатор. Поэтому он обязан получать любые сообщения с Земли.

Сэл опустился в кресло и дал сигнал готовности к приему.

Ему пришли два сообщения. Он проиграл первое. В нем было лицо министра по делам колоний Граффа, а само сообщение было кратким:

«Я знаю, вы планируете покинуть поселение до появления Виггина. Перед уходом поговорите с ним. Он не станет вас останавливать, так что не напрягайтесь понапрасну».

И все.

Второе сообщение пришло от Виггина. Он выглядел на свои годы, но ростом вытянулся уже почти как взрослый. В колонии от подростков его лет ждали выполнения мужских работ, и на собраниях они голосовали наравне со взрослыми. Так что в должности губернатора он, может статься, будет выглядеть не так уж и нелепо.

«Пожалуйста, свяжитесь со мной по ансиблю

сразу после получения этого сообщения, — произнес Эндер. — Мы находимся в зоне радиосвязи, но я не хочу, чтобы кто-нибудь смог перехватить сигнал».

Сэл некоторое время обдумывал идею передать сообщение Иксу, чтобы он на него ответил, но все-таки решил сделать это лично. Он ведь не собирается прятаться от Виггина, ведь так? Нужно просто расчистить для него место.

Поэтому он подал сигнал для соединения. Виггин появился уже через несколько минут. Теперь, когда корабль сбросил скорость с релятивистской до обычной, разность хода времени исчезла, а потому ансибль передавал моментально. Даже без той задержки, которая свойственна радиопередачам.

— Губернатор Менах, — сказал Эндер Виггин.

Он улыбался.

— Губернатор Виггин, — ответил Сэл.

Он попытался улыбнуться в ответ, но… но ведь его собеседником был Эндер Виггин.

— Когда мы получили сообщение о том, что вы уходите, моим первым порывом было попросить вас остаться.

Сэл оставил это замечание без внимания.

— Я был рад увидеть в декларации вьючных

животных, а также продуктивный скот, который дает молоко, шерсть и мясо. Они стопроцентно земные или генетически модифицированные под местную растительность?

— На тот момент, когда мы двинулись в путь, ваши методы были многообещающими, но они оправдали себя, только когда мы были уже далеко. Поэтому все животные и растения, которых мы с собой захватили, они стопроцентно земные. Все они в стазисе, и их можно будет продержать в таком состоянии длительное время после высадки на поверхность, даже после отлета корабля. Поэтому у нас будет время для генной модификации, чтобы передать их следующим поколениям.

— Икс Толо сейчас занимается своими проектами, но, полагаю, он сумеет обучить ваших новых ксенобиологов.

— В ваше отсутствие он останется ведущим ксенобиологом, — сказал Виггин. — В последние недели — для вас годы — я следил за его работой. Вы подготовили его по самым высоким стандартам, и ксенобы нашего корабля намерены у него учиться. Хотя они надеются, что вы скоро вернетесь. Они хотят с вами встретиться. Для них вы настоящий герой. Шекспир — единственная планета с флорой и фауной, не относящимися к

мирам жукеров. Прочие колонии имеют дело с одинаковыми генетическими группами, и лишь эта планета — уникальная в своем роде, вызов для ксенобиологов. Здесь вам в одиночку пришлось решать такие вопросы, которые другие колонии решали коллективно.

— Мне и Дарвину.

— Дарвин получал больше помощи, чем вы, — заметил Виггин. — Надеюсь, вы будете оставаться на связи, не станете отключать рацию. Потому что, если мне понадобится ваш совет, я хочу иметь возможность его получить.

— Он вам не понадобится. Сейчас я ложусь спать. У меня завтра долгий путь.

— Я могу послать за вами экраноплан, чтобы вам не пришлось тащить припасы на себе. Это увеличит расстояние, которое вам под силу.

— Но тогда старые поселенцы будут ожидать, что я скоро вернусь. Они будут ждать меня, вместо того чтобы полагаться на вас.

— Не могу делать вид, что мы не в состоянии отследить и найти вас.

— Но вы можете сказать им, что отказом от таких попыток проявляете ко мне уважение. По моей просьбе.

— Да, — согласился Эндер. — Так и сделаю.

Говорить больше было не о чем. Они оборвали связь, и Сэл снова лег. Заснул он легко. И, как обычно, проснулся в то время, которое себе назначил, — за один час до рассвета.

По уже поджидал его.

— Я уже сказал маме с папой «до свидания».

— Хорошо, — ответил Сэл.

— Спасибо, что позволил мне идти с тобой.

— Я что, мог тебя остановить?

— Да, дядя Сэл, — ответил По. — Я бы не ослушался.

Третье поколение называло его «дядей Сэлом».

Он кивнул:

— Ладно. Ты позавтракал?

— Да.

— Тогда пошли. Я не стану есть до полудня.

Ты делаешь шаг, затем другой. Это называется путешествием. Но когда не просто идешь, а смотришь открытыми глазами, это не только путешествие — это переписывание собственной памяти. Ты видишь нечто, чего никогда раньше не видел. Видишь что-то такое, чего до тебя не видел никто. И видишь не просто глазами, а натренированным взором, которому открывается не просто растение, но *это* растение, которое заполняет *вот эту* экологическую нишу, на та-

ких-то условиях.

А когда твои глаза за сорок лет привыкают к характерным видам новой планеты, ты становишься Энтони ван Левенгуком, который первым разглядел под микроскопом мир крошечных живых существ; становишься Карлом Линнеем, который первым сгруппировал создания в семейства, рода и виды; ты становишься Дарвином, которому открываются линии эволюционных переходов от одного вида к другому.

Так что поход шел неспешно. Сэлу даже приходилось подгонять себя, чтобы поддерживать хоть сколько-нибудь приличную скорость.

— Не позволяй мне слишком задерживаться при виде всего нового, — сказал он По. — Если моя великая экспедиция продвинется всего на десять километров к югу от колонии, это будет унизительно. Я должен хотя бы пересечь первую горную гряду.

— А каким образом я смогу тебя подгонять, если ты велел мне фотографировать, отбирать и сохранять образцы и записи?

— Откажись. Скажи, что хватит стоять на карачках, разглядывая очередную былинку, и пора двигаться дальше.

— Меня всю жизнь учили слушаться старших,

наблюдать и учиться. Я твой ассистент. Подмастерье.

— Ты просто надеешься, что мы не уйдем слишком далеко и, когда я скончаюсь, тебе легче будет тащить тело.

— Думаю, отец тебе сказал — если ты правда умрешь, мне нужно будет вызвать помощь и наблюдать за процессом разложения тела.

— Именно. Ты понесешь меня, только если я буду дышать.

— Или ты хочешь, чтобы я взялся за это прямо сейчас? Посадил тебя на шею, чтобы ты каждые пятьдесят метров мог открывать новое семейство растений?

— Для почтительного и послушного юноши ты слишком саркастичен.

— Лишь слегка. Если хочешь, могу стараться получше.

— Это хорошо. Я отвлекся на спор с тобой — и мы вон сколько прошагали, а я ничего нового не заметил.

— Зато собаки что-то нашли.

Оказалось, что собакам попалась маленькая семейка рогатых рептилий, которая, по-видимому, занимала в здешней экосистеме нишу кроликов, — зубастые пожиратели растительно-

сти, шустрые, прыгучие, предпочитали убегать и сражались лишь в том случае, если оказывались загнаны в угол. Сэлу показалось, что рога не являются оружием — слишком тупые, — а когда представил брачный ритуал, в котором эти создания пытаются бодаться, решил, что такие удары не вызовут сотрясения мозга: черепа прочные, а трясти там особенно нечего.

— По всей видимости, они показывают состояние здоровья, — сказал Сэл.

— Отростки?

— Рога, — уточнил Сэл.

— Думаю, они их сбрасывают и снова отращивают, — заметил По. — Ведь правда эти животные похожи на тех, кто сбрасывает кожу?

— Нет.

— Я поищу сброшенную кожу.

— Тебе придется долго искать, — сказал Сэл.

— Почему? Потому что они ее съедают?

— Потому что они ее не сбрасывают.

— Но с чего ты так уверен?

— Я не уверен, — сказал Сэл. — Но это существо не прилетело сюда с жукерами. Это местный организм, а за местными организмами мы не замечали склонности к смене кожи.

Шагая дальше, они продолжали беседу в том

же духе и внимательно осматривали землю. Они много фотографировали, о да! А время от времени, когда видели что-то действительно неожиданное, останавливались и отбирали образцы. Но они все время шли. Сэл, может, и был стар, но он все еще мог держать темп, пусть и опираясь на посох. По чаще убегал вперед, чем держался рядом, но именно он застонал, когда после небольшого привала Сэл заявил, что пора двигаться дальше.

— Понятия не имею, зачем тебе этот посох, — сказал По.

— Опираться на него, когда я отдыхаю.

— Но когда ты идешь, тебе все время приходится тащить его с собой.

— Он не такой тяжелый.

— Выглядит тяжелым.

— Он из бальзового дерева — ну, то есть я называю это бальзовым деревом как раз за легкость.

По взвесил посох в руке. Примерно с фунт, толстый, сучковатый и утолщался вверху подобно кувшину.

— Я все равно устал бы нести его в руках.

— Это потому, что твой рюкзак тяжелее моего.

По не стал возражать.

— Первым людям, побывавшим на Луне и дру-

гих планетах, было легко, — заметил По, когда они переваливали через высокую гряду. — Между ними и пунктом назначения лежало пустое пространство. Не было искушения остановиться и исследовать его подробнее.

— Так же как и морские путешественники. Они плавали от берега до берега, игнорируя море: у них не было инструментов, с помощью которых его можно было бы изучить на сколько-нибудь значительную глубину.

— Мы конкистадоры, — сказал По. — Только мы убили всех, прежде чем ступить на их землю.

— Это различие или сходство? — спросил Сэл. — Оспа и другие болезни распространялись быстрее конквистадоров.

— Если бы мы только могли с ними поговорить! Я читал о конкистадорах — у нас, майя, были веские причины попытаться их понять. Колумб писал о туземцах, что «у них нет языка», — просто потому, что ни один из языков не был известен испанцам и их переводчикам.

— Но у жукеров вообще не было языка.

— А может, мы так думаем.

— На их кораблях не было устройств связи. Ничего такого, что могло передавать голос или изображение. Потому что в этом не было нужды.

Обмен памятью, прямая передача ощущений. Каков бы ни был механизм, он был лучше, чем любой язык, — но, с другой стороны, и хуже, потому что у них не было способа с нами поговорить.

— Так кто был нем? — спросил По. — Мы или они?

— Мы все были немы. И все были глухи.

— Много бы я дал за то, чтобы заполучить живым хотя бы одного.

— Жукер не может существовать один, — сказал Сэл. — Они жили ульями. Нужны сотни, а то и тысячи, чтобы образовался разум.

— Или нет? — спросил По. — Могло быть так, что только королева была разумной. Ведь иначе — почему они все погибли со смертью королев?

— Королева могла быть ядром, центром нейронной сети, и потому-то они и погибли вместе с ней. Но до тех пор каждый из них был отдельной личностью.

— Как я и сказал, хотелось бы заполучить живым хоть одного — чтобы мы могли узнать что-то наверняка, а не гадать по нескольким препарированным телам.

Сэл молча возрадовался, что новое поколение колонии породило на свет по крайней мере одного человека с научным складом мышления.

— У нас их сохранилось больше, чем в любой другой колонии. Здесь так мало падальщиков, что трупы смогли пролежать достаточно долго, чтобы мы успели высадиться на планету и заморозить некоторых из них. Нам, правда, удалось изучить только структуру тел обычных жукеров.

— Не королев.

— Трагедия моей жизни, — сказал Сэл.

— Правда? Больше всего ты жалеешь об этом?

Сэл не ответил.

— Прости, — промолвил По.

— Нет, все в порядке. Я просто раздумывал над твоим вопросом. О чем я больше всего жалею? Однако вопрос. Разве могу я жалеть об оставленном на Земле, если я покинул ее, чтобы спасти? А то, что я оказался здесь, позволило мне осуществить такое, о чем другие ученые могут только мечтать. Я уже смог дать название более чем пяти тысячам видов и предложить рудиментарную систему классификации всей местной биоты. Больше, чем на любой другой планете жукеров.

— Почему?

— Потому что жукеры обдирали эти планеты, а потом разводили там лишь ограниченный набор своей флоры и фауны. Это единственное место, где жизнь развивалась самостоятельно.

Единственное, где царит полный бардак. Жукеры приносили с собой в колонии около тысячи видов. А их родной мир, который мог бы похвастаться большим разнообразием, уничтожен.

— Значит, ты не сожалеешь, что прилетел сюда?

— Ну конечно сожалею, — сказал Сэл. — И я рад здесь оказаться. Мне жаль только, что я старая развалина. Зато пока еще жив. Так что все мои сожаления уравновешиваются какими-то радостями. В среднем получается, что сожалеть мне не о чем. Но также я ни на йоту не счастлив. Идеальный баланс. В среднем я вообще ничего не чувствую. Думаю, я просто не существую.

— Отец говорит, что, если ты получаешь абсурдные результаты, тогда ты не ученый, а философ.

— Но мои результаты не абсурдны.

— Ты *действительно* существуешь. Я тебя вижу, я тебя слышу.

— С генетической точки зрения, По, меня нет. Я существую отдельно от реки жизни.

— Так ты решил мерить жизнь по единственному критерию, который позволяет тебе объявить считать ее не бессмысленной?

Сэл рассмеялся:

— Да уж, ты определенно сын своей матери.

— Не отца?

— Разумеется, ты сын своих родителей. Но именно твоя мать не терпит пустопорожней болтовни, когда несут пургу.

— Кстати, раз ты об этом заговорил… Я ведь никогда не видел пурги!

Теперь, когда на подлете к Шекспиру корабль стремительно замедлялся, экипаж стал гораздо загруженнее. Первым делом нужно было осуществить стыковку с транспортным кораблем, который доставил сюда боевой флот сорок лет назад. Поскольку на нем не было запасов на обратный перелет, корабль разместили прямо над колонией на геосинхронной орбите в качестве огромного спутника. Солнечной энергии хватало, чтобы питать компьютеры и системы связи в течение последних десятилетий.

Члены первого экипажа транспортника, впоследствии ставшие колонистами, для высадки воспользовались боевыми кораблями — припасы и оборудование для первых лет колонии были укомплектованы так, чтобы все это можно было перевезти на судах, каждое из которых было оборудовано ансиблем. Но корабли могли сделать лишь один рейс — они не были предназначены для старта с поверхности и не могли уже поки-

нуть планету.

Команде адмирала Моргана предстояло провести техническое обслуживание и переоборудование транспортника. «Леденец» нес с собой новые метеорологические спутники и спутники, которые планировалось разместить на геосинхронной орбите планеты. Затем старый транспортник получит капитана и команду и отправится в путь — не к Эросу, к другой колонии.

Несмотря на все эти хлопоты, Эндер не тешил себя иллюзиями, будто адмирал Морган хоть на миг отвлечется от наблюдения за ним. Адмирал планировал все на несколько шагов вперед, плел интриги, и хотя «человека мира» вроде него можно было посчитать тяжелым на подъем, не особо деятельным, он был готов нанести удар в любой момент.

Так что по мере приближения к Шекспиру Эндер не дал Моргану ни малейшего повода заподозрить, будто что-то замышляет. Морган ожидал, что Эндер проявит себя умным и нетерпеливым пятнадцатилетним юнцом, и эти ожидания следовало удовлетворить; но, помимо этого, Морган болезненно относился к бесспорному праву Эндера на пост губернатора. Ему нужно удостовериться, что Эндера устроит закулисная

власть в лице адмирала.

Потому-то Эндер и обратился к Моргану за разрешением воспользоваться ансиблем для связи с ксенобиологами Шекспира.

— Вы же знаете, я изучал биологические системы жукеров, и теперь я могу общаться с ксенобами в реальном времени. У меня множество вопросов.

— Я не хочу, чтобы вы отнимали у них время, — ответил Морган. — У них и так полно работы в связи с нашим приземлением.

Эндер знал, что колонисты ничего не могут сделать для приземления, кроме как не стоять на пути. Корабль сядет, и Морган решит, какие припасы взять на обратный путь. «Леденец» должен был вернуться на Землю — с Морганом или без.

— Сэр, ксенобам нужно знать, какие пастбищные животные у нас есть, чтобы они могли адаптировать их к местным белка́м. Это важный проект, и, пока мы не получим новое поколение модифицированных животных, мяса у нас не будет. Вы себе не представляете, как им не терпится! А я полностью в теме, потому что работал над декларацией, когда мы покидали Эрос.

— Я уже выслал им декларацию о грузах.

На самом деле Эндер отправил эту деклара-

цию еще до отлета. Но зачем об этом сообщать кому-либо?

— В списке значатся просто «коровы» и «свиньи». А ксенобам нужны подробности. У меня они есть; я могу отправить им эту информацию. И, сэр, в данный момент ансиблем никто не пользуется. Это правда очень важно.

Эндер едва удержался от того, чтобы сказать «правда-правда-правда», но решил, что это будет совсем уж ребячество и Морган что-нибудь заподозрит.

Адмирал вздохнул:

— Вот потому-то детям нельзя поручать взрослые задачи. В отличие от нас, вы понятия не имеете о правильной расстановке приоритетов. Но… если вы по первому же слову оставите ансибль — действуйте. А сейчас, если не возражаете, у меня много *серьезных* дел.

Эндер знал, что «серьезные» дела Моргана касаются больше свадебных хлопот на борту корабля, нежели подготовки к посадке. Дорабелла Тоскано довела Моргана до того, что он чуть из штанов не выпрыгивал… впрочем, нет: то была любовь, священные узы сердечного союза. Так что адмирал согласился с тем, чтобы Дорабелла ступила на Шекспир в качестве жены адмирала, а не как

обычная колонистка.

И Эндер не имел ничего против. И уж точно не собирался этому мешать.

Он направился в рубку связи, чтобы отправить сообщения напрямую. Если бы он отправил их со своего компьютера, их бы наверняка перехватили и сохранили, чтобы поразмыслить над ними в свободное время. Эндер обдумал идею отключить систему наблюдения, чтобы ничего из того, что он скажет Сэлу Менаху, не коснулось других ушей, но решил этого не делать. Система безопасности была стандартной для МФ, что означало: очень многие ребята из Боевой школы могли с нею поиграться — или хакнуть ее. Или же, подобно Эндеру, получить неограниченный доступ. Но Эндер не мог исключить вероятность, что Морган запросит видео из рубки ансибля, и если получит ответ, что на данный отрезок времени видеоматериалы отсутствуют…

Поэтому сначала он направил одно коротенькое письмо Граффу с просьбой оказать помощь в сложившейся ситуации — а потом получил несколько мгновений благословенного уединения, прежде чем взяться за работу, послужившую предлогом для проникновения в рубку связи.

Он сделал то же, что делал всегда, когда ему

выпадал шанс побыть в полном одиночестве: опустил голову на руки и закрыл глаза, надеясь на то, что несколько мгновений сна освежат его ум.

Он проснулся оттого, что кто-то нежно гладил его плечи.

— Бедненький, — сказала Алессандра. — Уснул за работой.

Эндер сел, а она продолжила массировать мышцы его плеч, спины и шеи. Те и правда были напряжены, и то, что она делала, доставляло удовольствие. Если бы Алессандра спросила его разрешения, он бы отказал: он был против физического контакта с ней; а если бы она подошла к нему бодрствующему и просто стала его массировать, он бы отпрянул, потому что ненавидел, когда к нему прикасались без его согласия.

Но пробуждение от такого массажа было слишком приятным, чтобы его останавливать.

— Я ничего такого не делал, — сказал он. — Так, по мелочам. Серьезными делами пусть занимаются взрослые. Я просто убивал время.

К этому времени он научился лгать Алессандре практически рефлекторно.

— Ты меня не обманешь. Я не такая тупая, как тебе кажется.

— Я и не считаю тебя тупой, — сказал Эндер.

И он действительно так не считал. Да, курсант Боевой школы из нее бы не вышел, но и дурой она тоже не была.

— Я знаю, тебе не нравится, что мама выходит за адмирала Моргана.

«А с чего это должно меня волновать?»

— Нет, по мне, так все отлично, — ответил Эндер. — Думаю, любовь нужно ловить где только возможно, а твоя мама еще молода. И прекрасна.

— Прекрасна, правда? — сказала Алессандра. — Надеюсь, я телом пошла в нее. Женщины в семье моего отца все были костлявыми. Без округлостей.

Эндер понял, для чего она здесь. Упоминание об «округлостях» во время массажа было слишком явным заигрыванием, чтобы этого не заметить. Но он хотел понять, к чему все идет и по какой причине. И почему *сейчас*.

— Костлявые, округлые… В правильных обстоятельствах любой становится привлекательным.

— А для тебя, Эндер, — какие они для тебя, эти обстоятельства? Когда для тебя кто-нибудь окажется привлекательным?

Он знал, какого ответа от него ждут.

— Ты привлекательна, Алессандра. Но ты слишком юная.

— Мы ровесники.

— Я тоже слишком молод, — сказал Эндер.

Они и прежде затрагивали эту тему, но только умозрительно. И поздравляли друг друга с тем, что они такие хорошие друзья, без какой-либо сексуальной подоплеки. Очевидно, в программе произошли изменения.

— Я не знаю, — сказала Алессандра. — На Земле люди женятся все позже и позже. А сексом занимаются все раньше и раньше. Знаю, это, наверное, неправильно, но кто может сказать, как должно быть правильно? Может, наша физиология мудрее всех тех резонов, которые заставляют нас откладывать вступление в брак? Может, наши тела хотят детей, пока мы еще достаточно молоды и в силах за ними угнаться?

Эндер задался вопросом, что из сказанного было вписано в сценарий ее матушкой. Возможно, не так уж и много. Алессандра и прежде не раз поднимала этот вопрос — они достаточно часто вели беседы на социально-политические темы, так что сказанное ею сейчас вполне могло быть произнесено без задней мысли.

Проблема заключалась в том, что Эндер совершенно четко понимал, что происходит, но он не хотел, чтобы массаж прекратился. Он получал

удовольствие.

И этому нужно было положить конец. Остановиться или заняться чем-то другим. Нельзя массажировать вечно.

И он не мог остановить все разом, у него была своя роль. Морган должен поверить, что Эндер влюблен в Алессандру и что женитьба адмирала на Дорабелле сделает его тестем Виггина. Еще один рычаг контроля. Эндер же планировал обойтись платоническими отношениями — надеялся, что количества времени, которое он проводил с девушкой, и внимания, которое он ей уделял, будет достаточно, чтобы усыпить подозрения.

Планировал. Но теперь на него давят через Алессандру — он не верил, что она устроила это рандеву самостоятельно.

— Что думаешь о матери и адмирале Моргане? — спросил Эндер. — Не ревнуешь?

Это заставило ее убрать от него руки.

— Нет, — ответила она. — Нисколько. А какая связь между массажем твоих плеч и этой женитьбой?

Теперь, когда она к нему больше не прикасалась, Эндер смог развернуть кресло и посмотреть ей в лицо. Алессандра была одета… иначе. Ничего такого, что он видел бы на показах якобы

сексуальных модных коллекций на Земле. На Алессандре были вещи, которые он видел и раньше. Но пуговиц было расстегнуто больше. Это единственная разница? Может, это потому, что девушка мгновением раньше к нему прикасалась и он увидел ее по-новому?

— Алессандра, — сказал он. — Давай не будем притворяться, будто не понимаем, что происходит.

— А что происходит, по-твоему? — спросила она.

— Я спал, а ты сделала то, чего раньше не делала.

— Я никогда раньше не чувствовала того, что чувствую теперь, — сказала Алессандра. — Я вижу, какой груз ты на себя взвалил. Не просто губернаторство и все такое… я хочу сказать: все, что было до того… Быть Эндером Виггином. Знаю, тебе не нравится, когда тебя трогают, но это не значит, что другие не могут хотеть к тебе прикоснуться.

Эндер протянул руку и взял ее ладонь, крепко стиснул пальцами. Уже делая это, он знал, что ему не следует так поступать. И все же потребность взять ее за руку была почти неодолимой — и какая-то часть его сказала: «А что здесь тако-

го? Просто подержаться за руку. Люди все время держат друг друга за руки».

«Да они вообще много чего делают. Все время», — сказала другая его часть.

«Заткнись», — сказала первая часть, которой нравились прикосновения Алессандры.

Ну ладно, что, если события действительно развиваются по сценарию Алессандры — или ее матери? Разве это худший вариант? Они вот-вот окажутся в колонии. Главная цель колоний — воспроизводство населения. Ему нравится эта девушка. Вряд ли ему светит большой выбор: в стазисе летели лишь несколько пассажирок его возраста, так что ему придется искать пару среди рожденных на Шекспире, а они не будут уроженками Земли.

Пока он вел с собой этот спор, Алессандра крепче обхватила его руку и придвинулась ближе. Оказалась совсем близко. Сейчас Эндер чувствовал тепло ее тела — или представлял, будто чувствует. Она соприкоснулось с его плечом; вторая ее рука, до сих пор свободная, погладила его по волосам. Вот она подняла его руку повыше, прижала… Нет, не к грудям, это было бы слишком, но между — там, где билось сердце. Или это его пульс отдавался в его же руке?

— В этом рейсе я лучше узнала тебя, — прошептала она. — Не знаменитого мальчика, который спас мир, а подростка, юношу примерно моего возраста — такого внимательного, такого чуткого к другим людям, такого терпеливого с ними. Со мною, с моей матерью. Думаешь, я этого не замечала? Ты всегда стараешься никого не ранить, не задеть, но и никогда не позволяешь кому-либо подойти слишком близко — за исключением сестры. Это и есть твое будущее, Эндер? Ты со своей сестрой, в закрытом кругу, куда другим заказан вход?

«Да, — подумал Эндер. — Именно так я и решил. Когда Валентина оказалась рядом, мне стало понятно: да, ее я могу впустить. Одному этому человеку я могу доверять.

Алессандра, — думал Эндер, — я не могу тебе доверять. Ты здесь для того, чтобы воплотить чьи-то планы. Может, ты действительно думаешь так, как говоришь, может, ты честна. Но тебя используют. Ты — оружие против меня. Кто-то тебя сегодня так одел. Кто-то сказал, что и как делать. А если ты правда все это знала сама, ты для меня слишком трудный орешек. Я слишком завяз во всем этом. Слишком сильно хочу сделать следующий шаг, в котором ты, кажется, уверена.

Я не позволю этому случиться».

Но, даже приняв такое решение, он не мог просто вскочить на ноги и воскликнуть: «Изыди, искусительница!» — как сказал Иосиф жене Потифара[15]. Нет, надо было сделать так, чтобы она *захотела* остановиться и чтобы адмирал Морган не подумал, что Эндер ей отказал. Определенно, Морган просмотрит этот эпизод. В вечер собственной свадьбы Морган не должен увидеть, как Эндер отказывает Алессандре.

— Алессандра, — сказал Эндер как можно мягче. — Ты правда хочешь жить жизнью своей матери?

В первый раз Алессандра растерялась, не зная, что ответить.

Эндер высвободил руку, оперся о подлокотники кресла и поднялся. А затем потянулся к ней, заключил в объятия и решил: чтобы сработало, нужно ее поцеловать.

И поцеловал. Он не был хорош в таких делах. К его облегчению, она тоже. Поцелуй вышел неловким, они немного промахнулись. А еще никто из них не знал, что, собственно, делать дальше. На удивление поцелуй вызвал перемену

---

[15] Сноски: 15
Быт. 39: 1–20.

настроения, и, когда с ним было покончено, они рассмеялись.

— Ну вот, — сказал Эндер. — Мы это сделали. Наш первый поцелуй. *Мой* первый поцелуй. Впервые в жизни.

— И мой тоже, — ответила Алессандра. — Первый поцелуй, которого мне хотелось.

— Мы *могли бы* сделать следующий шаг. У нас обоих все для этого есть — полный набор, я уверен.

Она снова рассмеялась. «Это хорошо, — подумал Эндер. — Смех — это правильно, в отличие от…

— Когда я заговорил о твоей матери, я сказал то, что хотел сказать. Она этот шаг совершила в твоем возрасте. Забеременела тобой в четырнадцать и родила в пятнадцать. Ей было столько же, сколько тебе сейчас. И она вышла замуж за того юношу, да?

— И это было чудесно, — сказала Алессандра. — Мама много рассказывала о том, как счастлива с ним была. Как это было здорово. Как они оба меня любили.

«Кто бы сомневался, — подумал Эндер. — Доарабелла — хороший человек, она бы не стала рассказывать, каким кошмаром обернулась такая ответственность в пятнадцать лет».

«Но может, это правда *было* здорово», — сказала другая его часть. Та, которая остро ощущала, что их тела по-прежнему прижаты друг к другу, что его пальцы мягко ласкают ее спину.

— Твоя мать находилась под влиянием человека сильного, — сказал Эндер. — Твоей бабушки. Она хотела освободиться.

Это сработало. Алессандра от него отстранилась:

— О чем ты говоришь? Что ты знаешь о моей бабушке?

— Только то, что твоя мать сама же рассказала, — ответил Эндер. — В твоем присутствии.

По ее лицу он понял, что она вспомнила этот момент, и вспышка гнева утихла. Но в его объятия Алессандра вернуться не попыталась, и он не приглашал. Эндер начал мыслить яснее, когда она оказалась на расстоянии полуметра. Метр был бы еще лучше.

— Моя мать совсем не такая, как бабушка, — сказала Алессандра.

— Конечно не такая, — согласился Эндер. — Но вы живете вместе всю жизнь. Вы очень близки.

— Я не пытаюсь от нее отдалиться. Для этого я не стала бы использовать тебя, — сказала она.

Но ее лицо выдало нечто другое. Возможно,

понимание того, что она *все-таки* использовала его. Он еще больше уверился, что идею прийти к нему подсказала ей мать.

— Я просто думаю, что даже в счастливой стране фей, в которой она якобы живет…

— Когда ты успел… — сказала было Алессандра, но осеклась. Разумеется, Дорабелла не раз сыграла свою королеву фей, к вящему восторгу других колонистов.

— Мне приходило в голову, что за столько лет можно и растерять желание до конца своих дней жить в ее стране фей. А если твой собственный мир окажется для тебя лучше, чем ее воображаемый. Вот, собственно, что я хотел сказать. Она сплела для тебя очаровательный кокон, но, может быть, ты все же хочешь сломать его и вылететь наружу?

Алессандра замерла на месте, закрыв рукой рот. На глаза ее навернулись слезы.

— Per tutte sante[16], — взмолилась она. — Я просто… просто сделала то, что она сказала. Думала, это моя идея, но идея была ее. Я не… Я хотела тебе понравиться, правда — я не притворялась! Но прийти сюда… я не уходила от нее, я ей *под-*

---

[16] Сноски: 16
Ради всего святого *(ит.).*

чинялась.

— Правда? — спросил Эндер, пытаясь сделать вид, будто он об этом и не подозревал.

— Она сказала мне, что делать, как далеко… — Алессандра принялась расстегивать блузку, слезы уже просто катились по щекам. Под блузкой не было ничего. — Сколько тебе показать, сколько дать потрогать — но не больше…

Эндер шагнул к ней и снова обнял, закрывая собой… от себя… Потому что даже в такой трогательный момент определенная его часть была взволнована зрелищем расстегнутой блузки, а не переживаниями девушки.

— Ты правда обо мне заботишься, — сказала она.

— Ну конечно.

— Больше, чем она, — добавила Алессандра.

От ее слез промокла рубашка Эндера.

— Вряд ли, не больше.

— Я иногда спрашиваю себя: а заботится ли она обо мне вообще? — произнесла Алессандра. — Или я для нее такая же марионетка, какой она сама была для бабушки. Может, если бы мама осталась с нею, не вышла замуж и не родила меня, бабушка порхала бы, словно фея, красивая и беззаботная, получив желаемое?

«Идеально, — подумал Эндер. — Несмотря на мои биологические порывы, все прошло как по маслу. Адмирал Морган увидит, что, хотя секс в сценарии не прошел цензуру, Эндер и Алессандра по-прежнему близки и их связь только крепнет. Он увидит все, что хочет увидеть. Игра продолжается, только романтику определенно поставили на паузу».

— Эта дверь не запирается, — сказал Эндер.

— Знаю.

— Кто-нибудь в любой момент может сюда войти.

Он подумал, что лучше не упоминать о камерах наблюдения в каждом помещении, в том числе — и особенно! — здесь, равно как и о том, что за ними могут подсматривать прямо сейчас.

Она поняла намек, отстранилась и застегнула блузку, на сей раз на обычное число пуговиц.

— Ты видишь меня насквозь, — сказала она.

— Нет, — ответил Эндер. — Я всего лишь вижу *тебя*. Может, именно этого не видит твоя мать.

— Я знаю, что не видит. Просто знаю. Я просто… просто… Адмирал Морган, вот в чем дело. Она сказала, что возьмет меня с собой, чтобы я нашла юношу с перспективами, но сама нашла старика с еще *лучшими* перспективами, вот что. И я просто

вписалась в ее планы, и все. Я…

— Не надо, — сказал Эндер. — Твоя мать любит тебя, так что это не цинизм. Она считала, что помогает тебе получить то, что ты хочешь.

— Может, и так, — согласилась Алессандра и горько рассмеялась. — А может, это твоя версия страны фей? Все хотят, чтобы я была счастлива, и потому возводят вокруг меня фальшивую реальность. Да, мне хочется счастья — но не на лжи!

— Я не лгу тебе, — сказал Эндер.

Она устремила на него яростный взор:

— Ты меня хочешь?

Эндер закрыл глаза и кивнул.

— Посмотри мне в глаза и скажи.

— Я тебя хотел, — произнес Эндер.

— А теперь?

— Мне много чего хочется, чем было бы неправильно обладать.

— Твоя мать научила тебя так отвечать?

— Если бы меня растила мать, может, она и правда научила бы меня так отвечать, — произнес Эндер. — Но так вышло, что я усвоил это в Боевой школе, когда решил жить по ее правилам. Для всего есть свои правила, даже если их никто не составлял. Даже если никто не называет это игрой. И если хочешь, чтобы все шло хорошо, лучше

знать правила и нарушать их лишь тогда, когда решишь повести игру и следовать *ее* правилам.

— Ты считаешь, в этом был хоть какой-то смысл?

— Для меня — был, — сказал Эндер. — Я хотел тебя. Ты хотела меня. Это приятно знать. У меня случился первый поцелуй.

— А вышло нормально, нет? У меня хоть что-то получилось?

— Пожалуй, скажу так: хотелось бы повторить. Когда-нибудь потом.

Алессандра хихикнула. Она больше не плакала.

— У меня правда есть дела, — сказал Эндер. — И поверь, ты меня основательно взбодрила. Вообще спать не хочется. Спасибо.

Она рассмеялась:

— Поняла. Мне пора сваливать.

— Думаю, да. Но увидимся позже — как всегда.

— Ага, — кивнула Алессандра. — Постараюсь вести себя нормально и не слишком явно хихикать.

— Веди себя как обычно, — сказал Эндер. — Ты не сумеешь стать счастливой, если все время будешь притворяться.

— А мама умеет.

— Что умеет? Притворяться? Или быть счастливой?

— Притворяться счастливой.

— Может, твое счастье не будет нуждаться в притворстве?

— Может, — ответила она.

И ушла.

Эндер закрыл дверь и сел. Ему хотелось кричать от разочарования, от несбывшегося, от злости на ее мать, которая отправила дочь на такое задание, на адмирала Моргана, который сделал этот фарс необходимостью, и на самого себя за то, что сам такой лгунишка. «Ты не сумеешь стать счастливой, если будешь все время притворяться». Да уж, его жизнь определенно подтверждает этот тезис: он все время притворяется и как никогда далек от счастья.

15

Кому:
GovDes%ShakespeareCol@colmin.gov/voy
От:
vwiggin%ShakespeareCol@colmin.gov/voy

Тема: Расслабься, малыш

Э.,
тебе нечего стыдиться, и удивляться своему поведению с А. тоже не стоит. Если бы желание не затмевало разум, никто бы никогда не женился, не напивался и не толстел.

B.

За две недели похода Сэл и По оставили позади почти двести километров, как минимум по два раза подняли все доступные темы для разговоров и наконец зашагали в молчании, нарушая его, лишь когда к этому вынуждала дорога.

Предупреждение:

— Не хватайся за этот побег, он ненадежен.

Научный интерес:

— Интересно, а вон та разноцветная штука,

похожая на жабу, ядовита?

— Вряд ли, учитывая, что это камень.

— Надо же. Такой яркий, и я подумал…

— Хорошая мысль. Ты же не геолог, с чего тебе узнать камень?

Но главным образом все, что они узнавали, — собственное дыхание, шорох своих шагов, а звуки, запахи и виды нового мира, открывающегося первым людям, были в новинку.

Однако на отметке в две сотни решено было остановиться. Путешественники бережно тратили припасы, но половина еды уже была израсходована. Они разбили постоянный лагерь у чистого источника, выбрали безопасное место и вырыли яму для туалета. Установили палатку, хорошенько разровняв поверхность и забив колышки поглубже. Здесь им предстояло провести неделю — именно столько они рассчитывали продержаться на мясе двух собак, убитых сегодня днем.

Сэл пожалел, что только две из оставшихся псин оказались достаточно смышлеными, чтобы сообразить: на людей, их хозяев, полагаться больше нельзя. Эти двое убежали сами; вторую пару пришлось отгонять камнями.

Сэл и По, как и все колонисты, знали способы

сохранения мяса. Лишь малую часть они приготовили из свежатины, но использовали дым костра, чтобы хорошенько прокоптить оставшиеся куски, подвешенные на папоротниковидном дереве… или древовидном папоротнике.

На спутниковой карте путешественники нарисовали неровную окружность с лагерем в центре и каждое утро выступали в новом направлении — посмотреть, что удастся найти. Теперь они собирали образцы гораздо прилежнее, делали множество снимков, которые отправлялись на орбитальный транспортник для сохранения в главном компьютере. Фотографии, результаты тестов — все это было в полной безопасности, и, что бы ни случилось с Сэлом и По, данные исследований не пропадут.

Однако наиболее ценными были физические образцы. Когда их доставят в поселение, их можно будет детально изучить с помощью всяких мудреных приборов, которые везут с собой ксенобиологи нового колонистского корабля.

По ночам Сэл часами ворочался без сна, размышляя об увиденном накануне, классифицируя в уме биологические объекты этого мира, силясь разобраться в их связях.

Но по пробуждении он не мог вспомнить своих

ночных озарений, а по утрам у него было как-то совсем плохо с озарениями. Увы, никаких ярких открытий, лишь продолжение рутинной работы.

Надо было идти на север, в джунгли.

«Но исследовать джунгли намного опаснее. Я старик, джунгли могли бы меня убить. А это плато с умеренным климатом — здесь прохладнее, чем в колонии, потому что оно находится ближе к полюсу и выше над уровнем моря. Здесь также безопаснее, по крайней мере летом, тем более для старика, которому нужно открытое пространство для пешего перехода, и чтобы при этом его никто не съел».

На пятый день они обнаружили тропу.

Ошибки не было. Это была не дорога, конечно, что неудивительно: жукеры редко строили мощеные дороги. Но тропы они прокладывали такие, что и спустя десятилетия их можно было безошибочно узнать по характеру растительности, пробивавшейся сквозь слой гальки.

Исследования флоры и фауны временно отошли на второй план. У жукеров было здесь нечто ценное, поэтому археология стала важнее ксенобиологии.

Тропа убегала на холмы, но не слишком далеко: довольно скоро она привела путников к входу в

подземелье.

— Это не пещера, — заметил По.

— Да?

— Нора. Видишь эту насыпь у входа? И вон там еще отверстия. Посмотри, эти холмики почти одинаковой высоты.

— Слишком, черт возьми, неудобные входы — трудненько будет забираться внутрь.

— Но это ж не наша цель, — сказал По. — Мы нашли это место. Пусть другие обследуют эти туннели. Мы здесь ищем живые организмы, а не мертвые.

— Хотелось бы знать, чем они тут занимались. Определенно не сельским хозяйством: поблизости никаких следов одичавших культур. Ни тебе фруктовых садов, ни помойных куч. Это не поселение. И все же здесь было оживленно — этой тропой пользовались многие, сразу видно.

— Шахты? — спросил По.

— Разве напрашивается иной вариант? В этих туннелях было нечто такое, что жукеры считали достаточно ценным, сто́ящим того, чтобы добывать это в больших количествах и долгое время.

— Не в таких уж больших количествах, — заметил По.

— Разве?

— Похоже на что-то вроде производства стали на Земле. Люди плавили железо для получения стали, и уголь был необходим только для работы плавильных печей и литеек, но все же не уголь подвозили к железу, а железо к углю: для производства стали угля требовалось гораздо больше.

— По экономической географии у тебя, должно быть, отличные оценки.

— Я и мои родители появились на свет здесь, но я все-таки человек. Земля по-прежнему мой дом.

— Значит, что бы ни добывали здесь жукеры, количественно этого было не так много, чтобы строить здесь город.

— Жукеры строили города там, где была еда или топливо. Что бы они здесь ни копали, более экономичным было доставлять это в города, а не строить город поблизости от места переработки.

— По, когда ты вырастешь, ты сможешь стать кем-то весьма значительным.

— Я уже вырос, сэр. И уже кое-что значу. Правда, недостаточно, чтобы какая-нибудь девушка согласилась выйти за меня.

— А знание промышленной истории Земли поможет найти пару?

— Наверняка. Это не хуже тех отростков у жабозайцев.

— Рогов, — поправил Сэл.

— Так мы идем внутрь?

Сэл поместил одну из масляных ламп в навершие своего посоха.

— А я-то думал, что это дупло чисто декоративное, — сказал По.

— Оно было декоративным. Правда, дерево так и росло.

В лагере Сэл взял одеяла, а половину оставшейся еды вместе с оборудованием поместил в рюкзак.

— Ты собираешься там заночевать?

— А вдруг мы обнаружим что-то удивительное, не выбираться же наружу, чтобы перекусить. Интереснее ведь исследовать в глубине.

По послушно упаковал свои вещи.

— Думаю, палатка там не понадобится.

— Сомневаюсь, что там льет дождь, — согласился Сэл.

— С другой стороны, в пещерах, бывает, капает с потолка.

— Мы подыщем местечко посуше.

— Там могут быть какие-нибудь обитатели? Это же не природная пещера. Не думаю, что мы наловим рыбы в подземном ручье.

— Есть птицы и другие существа, предпочи-

тающие темноту. Или существа, решившие, что жить под землей теплее и безопасней. А может, там найдутся какие-нибудь хордовые, насекомые, черви или грибы, которых нам видеть не доводилось.

Возле лаза По посетовал:

— Эх, если бы только ходы были пошире!

— Я не виноват, что ты вымахал таким здоровенным, — ответил Сэл.

Он зажег лампу. Топливом для нее служило масло одного растения, которое Сэл же и обнаружил. Он назвал его «оливой», хотя никакого внешнего сходства с земной оливой это растение не имело. И определенно не являлось ни ароматным, ни питательным.

В настоящее время колонисты выращивали эту культуру в садах — отжимали и фильтровали масло, снимая по три урожая в год. Жмых годился на удобрение. Фитили, пропитанные этим маслом, горели ровно, не чадили, что помогло значительно смягчить проблему освещения, особенно в удаленных группах домов, куда трудно было тянуть электричество. Этим открытием Сэл особенно гордился — отчасти и потому, что жукеры не нашли пользы в этом растении. Конечно, жукерам не мешала темнота их нор. Сэл пред-

ставил, как они кучковались в своих туннелях, ориентируясь лишь на слух и обоняние.

Люди произошли от существ, живущих на деревьях, а не под землей, подумал Сэл. И хотя долгое время именно пещеры служили людям убежищем, подозрительность по отношению к ним и вообще всем глубоким темным местам никуда не делась, одновременно притягивая и пугая. Не было ни малейших сомнений, что жукеры истребили почти всех крупных хищников на планете, тем более в туннелях — ведь они сами их строили и по природе своей являлись подземными жителями.

«Если бы только родная планета жукеров не была уничтожена в войне! Сколько всего мы могли бы узнать, проследив эволюцию инопланетян, приведшую к появлению разума! Однако, если бы Эндер Виггин не подорвал их планету, мы бы в войне проиграли. И тогда не получили бы возможности изучить даже этот мир. Здесь эволюция не привела к возникновению разума — а если и привела, жукеры уничтожили его носителей, действительных или потенциальных».

Сэл согнулся и на четвереньках полез в туннель. Но двигаться вперед таким способом было трудно: его спина была для такого старовата. Сэл

даже не мог опираться на посох, в такой тесноте тот был бесполезен в этом качестве, и хорошо уже было то, что масло не выплескивалось из емкости в навершии.

Через некоторое время Сэл почувствовал, что больше не может передвигаться таким образом. Он уселся на землю, и По последовал его примеру.

— Не получается, — сказал Сэл.

— У меня болит спина, — пожаловался По.

— Нам бы не помешало немного динамита.

— Можно подумать, ты бы им воспользовался.

— Я не говорю, что это было бы оправданно. Просто удобно, — сказал Сэл, передавая По свой посох-светильник. — Ты молод, ты справишься. Мне же придется попробовать другой способ передвижения.

Сэл попробовал ползти, но моментально отказался от этой идеи: каменистая крошка больно впивалась в колени. В конце концов он решил передвигаться сидя — переносить руки вперед, опираться на них и затем проталкивать вперед туловище, упираясь ногами и бедрами. Продвижение было медленным.

По также попытался ползти и вскоре сдался. И поскольку он теперь держал посох с лампой, ему

пришлось передвигаться на карачках, согнувшись в три погибели.

— Я так стану калекой, — сказал По.

— Ну, мне хотя бы не придется выслушивать претензии твоих родителей: не думаю, что выберусь отсюда живым.

Свет вдруг неожиданно потускнел. На секунду Сэл подумал, что лампа погасла. Но нет — По вдруг смог встать и поставить посох вертикально, так что туннель, по которому продвигался Сэл, оказался в тени.

Это уже не важно. Сэл видел впереди полость. Это была природная пещера, в которой сталактиты и сталагмиты сформировали колонны, поддерживающие потолок.

Но то были не вертикальные колонны, которые обычно образуются, когда известковая вода капает вертикально вниз, оставляя отложения. Эти колонны извивались совершенно безумным образом. Даже переплетались между собой.

— Это точно не природные отложения, — сказал По.

— Нет. Это создано. Но не похоже, что специально.

— Случайные фракталы? — спросил По.

— Не думаю, — ответил Сэл. — Случайные — да,

но никакие это не фракталы. Не математические.

— Дерьмо собачье.

Сэл стоял, уставившись на колонны. Они действительно имели изгиб, характерный для длинных собачьих экскрементов, которые вываливаются вертикально. Плотные, но гибкие. Выдавлены сверху, но все еще соединяются с потолком.

Сэл взглянул вверх, а потом забрал у Пола посох и поднял его повыше.

Полость, казалось, уходила в бесконечность, поддерживаемая изгибающимися каменными колоннами. Арки как в древнем храме, но наполовину расплавившиеся.

— Это композитный камень, — сказал По.

Сэл взглянул на юношу. Тот рассматривал материал колонны в лупу со встроенной лампочкой.

— Похоже, того же минерального состава, что и поверхность, — продолжал По. — Но зернистый. Словно его раскрошили, а затем склеили снова.

— Не склеили, — сказал Сэл. — Зацементировали?

— А я думаю, склеили. Кажется, это органика.

По снова забрал посох и поднес язычок пламени под изгиб одной из колонн. Вещество не загоре-

лось, но начало плавиться и стекать каплями.

— Прекрати, — сказал Сэл. — Хочешь, чтобы все это рухнуло нам на головы?

Теперь, когда можно было ходить не нагибаясь, путники двинулись вглубь пещеры. Именно По пришла в голову мысль отмечать дорогу, отрезая от одеяла маленькие кусочки и бросая их на пол. Время от времени он оборачивался, убеждаясь, что они идут по прямой. Сэл тоже обернулся и понял, что еще чуть-чуть — и совершенно невозможно было бы найти лаз, по которому они пришли.

— Так что ты скажешь? Как это сделано? — спросил Сэл. — Следов обработки инструментом не видно. А эти колонны, склеенные из каменной крошки? Чем-то вроде пасты, но достаточно вязкой, чтобы удержать свод пещеры таких размеров. Тем не менее никакого оборудования, никаких емкостей для клея.

— Гигантские черви, грызущие камни, — сказал По.

— Именно об этом и я подумал.

По рассмеялся:

— Я же пошутил.

— А я нет, — сказал Сэл.

— Черви грызут камни?

— Очень острыми зубами, которые быстро отрастают. Они прогрызают себе путь. Тонкая каменная пыль смешивается с клейкой слизью, и черви выдавливают из себя эти колонны, соединяя ими поверхности пещеры.

— Но как такие существа могли развиться? — спросил По. — Для такой деятельности нужна огромная энергия, а в камнях нет питательных веществ. И не станем забывать о такой малости — из чего у них зубы?

— Может, они и не развились, — ответил Сэл. — Взгляни — что это?

Свет лампы отразился от чего-то блестящего.

По мере продвижения они видели отблески от стен или колонн. Но эти отражения были ничто по сравнению с яркой штуковиной, лежащей на полу.

— Емкость для клея? — спросил По.

— Нет. Это огромный жук. Таракан. Муравей. Что-то вроде — посмотри на него, По.

Теперь они были достаточно близко, чтобы разглядеть шесть ножек. Средняя часть выглядела неприспособленной для ходьбы или захвата чего-нибудь. Передние конечности предназначались для того, чтобы хватать и рвать на части. Задние — для бега и рытья грунта.

— Что думаешь? Двуногий? — спросил Сэл.

— По настроению. Шести-, четырех– или двуногий, — сказал По и легонько пнул труп ногой. Никакой реакции; существо определенно было мертво. По склонился над ним и покрутил задние конечности существа. Затем передние. — Лазает, ползает, ходит, бегает — и, думаю, все это делает одинаково хорошо.

— Маловероятно, чтобы оно было результатом эволюции. Анатомия имеет тенденцию формироваться под определенную функцию.

— Как ты и сказал — они не развились, они выращены.

— Для чего?

— Для добычи полезных ископаемых, — сказал По.

Он попробовал перевернуть труп. Тот оказался довольно тяжелым, потребовалось несколько попыток. Но теперь стало видно, от чего отражается свет. Спина существа представляла собою сплошной лист золота. Гладкий, как жесткие крылья таракана, и такой толстый, что существо, должно быть, весило не меньше десяти кило.

В длину двадцать пять, а то и тридцать сантиметров, толстое и пузатое. И весь экзоскелет покрыт тонкой позолотой, а спина плотно забро-

нирована золотом.

— Думаешь, они добывали здесь золото? — спросил По.

— Не этими челюстями, — сказал Сэл. — И не этими конечностями.

— Но каким-то образом золото попало внутрь существа, чтобы отложиться на панцире.

— Думаю, ты прав. Но это взрослая особь. Созревший урожай. Думаю, жукеры забирали этих существ из шахты и отправляли на аффинаж. Выжигали органику, оставляя чистый металл.

— То есть они поглощали золото еще личинками…

— Затем заворачивались в кокон…

— А когда выходили наружу, их тела были покрыты золотом.

— И мы видим перед собой результат, — заключил Сэл, поднимая лампу повыше.

Только сейчас, стоя вплотную к колонне, он увидел, что отблески дают тела полусформировавшихся существ, утопленных в толще колонн и сияющих тонким слоем золота.

— Колонны — это коконы, — сказал По.

— Органическая добыча руды, — кивнул Сэл. — Жукеры вывели этих существ специально, чтобы извлекать золото.

— Но для чего? Вряд ли жукеры использовали деньги. Для них золото было всего лишь мягким металлом.

— Но полезным. А почему бы им не разводить таких же жуков, но только добывающих железо, платину, алюминий, медь — все, что хочешь?

— Значит, им не нужны были инструменты, чтобы добывать металл.

— Нет, По, они и есть инструменты. И обогатительные фабрики, — сказал Сэл, опускаясь на колени. — Посмотрим, смогу ли я взять у него образец ДНК.

— После того как он пролежал здесь столько лет?

— Эти организмы совершенно точно не местные, их доставили жукеры. Так что их родина — планета жукеров. Или их вывели из существ, которым она была родиной.

— Не обязательно, — сказал По. — Ведь в других колониях их нашли бы задолго до нас.

— У *нас* ушло на это сорок лет, помнишь?

— А что, если это гибрид? — спросил По. — И он может жить только здесь?

Сэл попробовал взять образец ДНК и обнаружил, что это легче, чем он думал.

— По, это существо никак не могло умереть

сорок лет назад.

И тут тварь дернулась под его рукой.

— И даже двадцать минут назад, — сказал Сэл. — У него еще срабатывают рефлексы. Оно не мертво.

— Но оно умирает, — заметил По. — Совсем обессилело.

— Умирает от голода, могу поспорить. Может, оно только что закончило превращение и пыталось добраться до выхода из туннеля.

По забрал у Сэла образцы и запихал в рюкзак.

— Значит, эти золотые жуки живы спустя сорок лет после того, как жукеры перестали носить им еду? Сколько же времени требуется для их метаморфозы?

— Уж всяко не сорок лет, — сказал Сэл. Он встал, а затем снова склонился над золотым жуком. — Думаю, те, что в коконах, внутри колонн, они совсем молодые. Свеженькие.

Он поднялся и широкими шагами двинулся вглубь пещеры.

Они обнаружили еще несколько золотых жуков, лежащих на полу, — но, в отличие от первого, многие из них зияли пустотами. От них не осталось ничего, кроме толстой золотой скорлупы, а конечности разбросаны повсюду, словно их…

— Выплюнули, — сказал Сэл. — Их съели.

— Кто?

— Личинки. Они пожирают взрослых, потому что, кроме них, здесь нечего есть. Из поколения в поколение они становились все мельче — видишь, какой крупный вон тот? Они мельчали, потому что питались только телами взрослых.

— И двигались к выходу, — заметил По. — Чтоб выбраться наружу, туда, где есть пища.

— Когда жукеры перестали приходить…

— Их панцири слишком тяжелы, чтобы они могли передвигаться достаточно быстро. Так что они ползут сколько могут, а затем личинка начинает поедать тело взрослого, окукливается, и появляется новое поколение — более мелкое, чем предыдущее.

Теперь путники шли среди довольно крупных панцирей.

— Некоторые вырастали больше метра в длину, — сказал Сэл. — Чем ближе к выходу, тем они мельче.

По кивнул на лампу:

— Они ползут на свет?

— Может, нам удастся увидеть хоть одну.

— Увидеть личинки, способные разгрызать и перемалывать камни, чтобы высрать каменные

колонны?

— Я не сказал, что хочу посмотреть на них вблизи.

— Хочешь.

— Да. Хочу.

— А если они обнаружили кое-что получше света? — спросил По.

— Мягкая еда? Не думай, что мне не приходило это в голову. Жукеры приносили им еду. А теперь, вполне возможно, еду принесли мы…

Сэл поднял посох повыше. Прямо над ним с потолка свисал огромный червяк, похожий на личинку пилильщика. Он крепко сомкнул челюсти на рюкзаке По.

— Сбрасывай и падай на пол! — крикнул Сэл.

— Но образцы!

— Соберем новые! Я не хочу по кусочкам извлекать из этих колонн *тебя*!

По отстегнул лямки и упал на пол.

Рюкзак исчез в пасти личинки. Они услышали лязги и скрип металла: зубы личинки пытались перемолоть металлические инструменты. Путники не стали ждать, пока она все прожует, — бросились к выходу. Миновав тело первого золотого жука, они стали высматривать кусочки одеяла, которыми отмечали свой путь.

— Возьми мой рюкзак, — бросил Сэл, сбрасывая его на ходу. — Там рация и образцы ДНК — доберись до выхода и радируй о помощи.

— Я тебя не оставлю, — сказал По.

Но ему пришлось подчиниться.

— Ты один можешь идти быстрее, чем эта штука может ползать.

— Мы не видели, как быстро она может передвигаться.

— О нет, видели, — возразил Сэл.

Он немного отступил назад и поднял лампу.

Личинка отстала от них метров на тридцать и приближалась очень быстро.

— Она идет на свет или на тепло наших тел? — спросил По, разворачиваясь и переходя на бег.

— Или на углекислый газ нашего дыхания? Или на вибрацию поверхности под нашими ногами? На биение пульса? — Сэл протянул ему посох. — Возьми и беги.

— Что ты собираешься делать? — спросил По, не делая попыток взять посох.

— Если тварь идет на свет, ты сможешь ее опередить, если побежишь быстрее. При свете это проще.

— И что?

— Выберешься и позовешь на помощь.

— Ага. Я буду звать на помощь, а она будет тобою закусывать.

— Я жесткий и жилистый.

— Это создание грызет камни.

— Держи лампу и выметайся! — крикнул Сэл.

По еще мгновение помедлил, а затем взял посох. Сэл с облегчением убедился, что юноша держит обещание слушаться его во всем.

Похоже, личинка действительно движется на свет.

Это подтвердилось, когда Сэл замедлил шаг и стал наблюдать за приближением личинки, он вдруг увидел, как она устремилась не к нему, а забирает вбок в направлении По. И когда юноша побежал, червяк тоже ускорился.

Он прополз мимо Сэла. Личинка в обхвате была более полуметра. Она передвигалась как змея, извиваясь туда-сюда.

Тварь могла догнать По, пока он будет продираться на карачках сквозь узкий лаз.

— Брось лампу! — крикнул Сэл. — Брось ее!

Через несколько секунд Сэл увидел пятно света на стене пещеры, сбоку от входа в туннель. По уже скрылся в нем.

Червяк проигнорировал лампу и пополз в туннель следом за юношей. Личинке не нужно было

вставать на карачки или сгибаться в три погибели — она легко его догонит.

— Нет. Нет, стой! — в отчаянии крикнул ей Сэл и осекся, боясь, что По его услышит и последует приказу. — По, быстрее! Беги!

А затем Сэл мысленно заорал в туннель: «Остановись, вернись сюда! Вернись в пещеру! Вернись к своим детям!»

Он знал, что это безумие, но ничего больше ему в голову не приходило. Жукеры общались телепатически, а это — тоже крупная насекомообразная форма жизни с родной планеты жукеров. Может, с ними можно говорить так же, как королевы ульев разговаривали с отдельными жукерами — рабочими и солдатами?

Говорить? Глупость какая. У них не было языка. Они не могли *говорить*.

Сэл замер и отчетливо представил себе золотого жука, лежащего на полу пещеры. Ноги его шевелились. Рисуя в своем воображении эту картину, Сэл попытался почувствовать голод — или, по крайней мере, вспомнить ощущение голода. Еще лучше — ощутить настоящий голод. В конце концов, он не ел уже несколько часов.

Затем он нарисовал в воображении, как личинка приближается к золотому жуку. Описывает

вокруг него круги.

Личинка высунулась из туннеля. Сэл не слышал крика По — значит, она его не догнала. Может, он уже вышел на солнечный свет, ослепивший червя, который не смог продолжать погоню. Или же тварь откликнулась на воображаемые картинки и мысленный зов Сэла. Как бы то ни было, По был снаружи и в безопасности.

Однако оставалась вероятность, что личинка просто решила не заморачиваться шустрой жертвой, а вернуться к той, которая замерла в неподвижности, прижавшись к колонне.

16

Кому:
GovDes%ShakespeareCol@ColMin.gov/voy
От: MinCol@ColMin.gov

Тема: Как ты просил
Ключ: 3390ac8d9afff9121001

Дорогой Эндер,

как ты и просил, с помощью ловушки, установленной в ПО ансибля, я передал в систему корабля голографическое послание от меня и Полемарха Бакосси Вури. Если твоя программа сработает, как задумано, она перехватит всю систему связи корабля. Кроме того, направляю тебе официальное уведомление для адмирала Моргана, чтобы ты его распечатал и вручил лично.

Надеюсь, ты заслужил его доверие в достаточной степени, чтобы он позволил тебе воспользоваться этими инструментами.

Как только ты удалишь сообщение, оно

исчезнет бесследно.

С уважением,

Хайрам

Адмирал Морган был на связи с исполняющим обязанности губернатора, Иксом Толо (что за нелепое имя!), потому что формальный действующий губернатор повел себя совершенно по-хамски, отправившись в экспедицию именно в тот момент, когда от него требовалась официальная передача власти. По-видимому, не мог вынести мысли о предстоящем смещении с поста. Некоторые люди так тщеславны!

Старший помощник Моргана, коммодор дас Лагримас, подтвердил: насколько можно судить с орбиты, полоса для приземления челноков отвечает требованиям. Хвала небу, эти полосы больше не приходилось асфальтировать. Надо думать, когда летательные аппараты приземлялись на шасси, это было весьма муторным занятием.

Единственное, что беспокоило Моргана, — высадка этого мальчишки, Эндера, с собою вместе, в первой партии. Объявить колонистам-старожилам, что Морган спустился раньше Вигина специально, чтобы подготовить для него прием, было бы несложно. Это дало бы массу возмож-

ностей убедиться, что люди понимают: Виггин всего лишь подросток и вряд ли может быть настоящим губернатором.

Дорабелла с ним согласилась. Но затем заметила: «Конечно, старики в колонии — пилоты и солдаты, которые сражались под его руководством. Они могут быть разочарованы, не увидев его. Хотя нет, для них будет большей радостью, когда он спустится к ним позже».

Морган поразмыслил над этим и решил, что, если Виггин прилетит с ним, это принесет больше пользы, чем вреда. Пусть они *увидят* мальчика-легенду. И он вызвал Виггина в свою каюту.

— Я не знаю, должен ли ты говорить что-нибудь колонистам при первой встрече, — сказал Морган.

Это была проверка — разозлится ли Виггин, если приказать ему молчать.

— Никаких проблем, — моментально согласился Эндер. — Я не силен в риторике.

— Отлично. С нами будут пехотинцы — на тот случай, если вдруг нам будет оказано сопротивление. Никогда нельзя быть уверенным, ведь все их видимое сотрудничество может оказаться притворством. Четыре десятка лет автономной жизни на этой планете — и им вполне может не

понравиться власть, навязанная с расстояния в сорок световых лет.

Виггин выглядел серьезным.

— Я об этом даже не думал. Вы действительно считаете, что они могут взбунтоваться?

— Нет, не считаю, — ответил Морган. — Но хороший командир готовится ко всему. Со временем, я уверен, ты приобретешь полезные привычки вроде этой.

— Мне многому еще нужно научиться, — вздохнул Виггин.

— Когда мы окажемся на планете, сразу выпустим трап, и пехотинцы обеспечат охрану периметра. Когда люди соберутся у трапа, выйдем мы. Я представлю тебя, произнесу несколько слов, а потом ты вернешься в челнок и останешься там, пока я не подготовлю для тебя подходящие помещения в поселке.

— Toguro[17], — сказал Виггин.

— Что?

— Прошу прощения. Сленг Боевой школы.

— Ну еще бы. Сам-то я в Боевой школе не был.

Разумеется, маленькому засранцу обязательно нужно было напомнить, что он учился в Боевой

---

[17] Сноски: 17
Спираль *(яп.)*.

школе, а Морган — нет. Но использование этого сленга подбодрило: чем ребячливее будет выглядеть Виггин, тем проще будет его изолировать.

— А когда Валентина сможет спуститься?

— Колонистов начнем переправлять через несколько дней. Нужно гарантировать, что высадка пройдет организованно: не стоит выпускать к старым поселенцам такую большую толпу разом, сначала нужно подготовить стол и дом. То же касается и снаряжения корабля в обратный путь.

— Мы полетим к ним с пустыми руками? — удивленно спросил Виггин.

— Ну, вообще-то, нет, — ответил Морган. Он об этом как-то не подумал. Если захватить с собой кое-какой груз, это будет отличным жестом с его стороны. — Что ты предлагаешь? Шоколад?

— Они питаются лучше нас, — сказал Эндер. — Свежие фрукты и овощи — все это они подарят нам. Но держу пари, они с ума сойдут от экранопланов.

— Экранопланы! Это серьезная техника.

— Ну, вряд ли мы можем как-то использовать ее на борту корабля! — рассмеялся Эндер. — Или, может, оборудование для ксенобиологов. Что-нибудь такое, что продемонстрирует полезность

нашего прибытия. Я хочу сказать — поскольку вы опасаетесь возмущений, — что подарить им что-нибудь по-настоящему полезное из техники — это сделает вас героем в их глазах.

— Разумеется, это я и планировал. Но я не думал, что экранопланы следует спускать в первую очередь.

— Что же, я буду рад помочь перенести груз на их склад — где бы он там у них ни был. Уверен, они оценят, если им не придется таскать поклажу вручную или возить на тележках… или что у них там используется в качестве транспорта.

— Превосходно, — сказал Морган. — Ты уже делаешь успехи в качестве лидера.

А малыш и правда умный. И именно Морган пожнет плоды благодарности от колонистов за экранопланы и прочую сложную технику. Будь у него возможность взять передышку и подумать, он бы и сам сообразил. Это пацан может бездельничать и думать о всякой ерунде, а капитан не мог впустую растрачивать свое время. Он постоянно везде был нужен, и хотя дас Лагримас приемлемо справлялся с большинством вопросов, Моргану ведь еще приходилось заниматься Дорабеллой.

Не то чтобы она много от него требовала. По правде говоря, она оказывала ему всемерную

поддержку. Никогда ни во что не вмешивалась, не совала нос в дела, которые ее не касались. Никогда ни на что не жаловалась, всегда подстраивалась под его планы, не переставала улыбаться, поддерживать и выражать сочувствие, но никогда не пыталась давать советы.

Однако она его отвлекала — в хорошем смысле. Всякий раз, когда он не был занят разговором или встречей, он ловил себя на том, что думает о ней. Эта женщина была просто поразительной. Настолько жаждущей доставить удовольствие, что Моргану стоило лишь о чем-то помыслить, как она уже это исполняла. Он ловил себя на том, что ищет предлог для возвращения в каюту, и, когда он там оказывается, Дорабелла уже там, готовая радостно встретить его и выслушать, а ее руки… они касались его, и игнорировать ее или оставить так скоро, как того требовала должностью… Нет, это было решительно невозможно.

От других он слышал, что брак — сущий ад. Медовый месяц короток, говорили они, а потом женщина начинает требовать, настаивать, жаловаться. Ложь, все ложь.

Может быть, такое счастье возможно только с Дорабеллой. И если так, что же, он был рад, что смог жениться на одной из миллиона, которой

по силам сделать мужчину по-настоящему счастливым.

Итак, Морган влюбился до безумия. Он знал, что мужчины шутят по этому поводу за его спиной, — он ловил их взгляды и усмешки всякий раз, возвращаясь со свидания (один-два часа посреди рабочего дня). Да пусть себе смеются! Они просто завидуют.

— Сэр? — спросил Виггин.

— А, да, — очнулся Морган. Так, это случилось снова — посреди разговора его мысли умчались к Дорабелле. — У меня сейчас хватает забот, и я думаю, мы закончили. Просто будь в челноке к восьми ноль-ноль — точно в это время мы погрузимся и задраим люки. Пилот челнока сказал мне, что спуск займет несколько часов, но поспать никому не удастся, так что тебе лучше лечь пораньше и хорошенько выспаться. И в атмосферу лучше входить на пустой желудок, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Слушаюсь, сэр.

— Тогда можешь идти, — сказал Морган.

Виггин отдал честь и вышел. Морган едва не расхохотался. Мальчишка даже не в курсе, что его звание — даже на корабле Моргана — давало ему определенные привилегии. Уж по крайней мере,

право уходить, когда ему вздумается, не дожидаясь команды «вольно». Но Моргану нравилось указывать парню на его место. Лишь то, что на Эндера звание адмирала *свалилось* прежде, чем сам Морган *заслужил* свое, вовсе не обязывает капитана делать вид, будто он уважает выскочку-подростка.

Виггин оказался на борту челнока раньше Моргана. Эндер был одет в гражданское — и это хорошо, потому что вряд ли полезно показываться на люди в одинаковых мундирах, с одинаковыми нашивками (хотя у Эндера намного больше боевых наград). Взойдя на борт, Морган просто кивнул Виггину и прошел на свое место в передней части челнока, за консолью связи.

Поначалу спуск был обычным космическим полетом — плавным, идеально контролируемым. Но когда они облетели вокруг планеты и подошли к точке входа в атмосферу, челнок изменил направление движения, чтобы тепловой щит встретил и рассеял нагревающиеся элементы атмосферы. Именно здесь начались подпрыгивания, повороты и перекатывания с бока на бок. Как сказал пилот перед посадкой: «Тряска ничего не значит. Но вот если мы начнем заваливаться носом или кормой вниз, вот тогда у нас будут

серьезные проблемы».

К тому времени, как кораблик выровнялся на высоте в десять тысяч метров, Морган чувствовал себя довольно-таки паршиво. Но бедняга Виггин… Парень просто влетел в санузел, где его, без сомнения, выворачивало наизнанку. Особенно если он забыл о предупреждении ничего не есть и ему было что из себя вытряхнуть.

Посадка прошла гладко, но на свое место Виггин не вернулся — при приземлении он остался в санузле. И когда пехотинцы доложили, что встречающие уже собрались, Виггин все еще пребывал внутри.

Морган лично подошел к двери в санузел и постучал.

— Виггин, — сказал он. — Пора.

— Сэр, еще пару минут, — донеслось из-за двери. Голос был слабым и прерывистым. — Правда. Пусть они пару минут полюбуются на экранопланы, а потом встретят нас приветствиями.

Спустить экранопланы до выхода Моргану даже не приходило в голову, но Виггин был прав. Увидев что-нибудь чудесное из земной техники, колонисты встретят самого Моргана с куда большим энтузиазмом.

— Виггин, они не будут рассматривать экрано-

планы бесконечно, — сказал Морган. — Надеюсь, что, когда наступит время выйти, ты будешь готов.

— Буду, — выдавил Эндер.

Но очередной приступ рвоты сказал, что он лжет.

Разумеется, такие звуки можно и сымитировать. Морган почувствовал укол подозрения и среагировал моментально: открыл дверь в санузел без всякого предупреждения.

Внутри Морган увидел Виггина, стоящего на коленях перед унитазом. Живот юноши содрогался в спазмах, тело изогнулось в очередном приступе. Пиджак и рубашку Эндер повесил на ручку двери — что ж, по крайней мере, парень способен планировать наперед и постарался не заляпать костюм.

— Я могу чем-то помочь? — осведомился Морган.

Эндер посмотрел на него помутневшим взором.

— Меня не будет выворачивать вечно, — сказал он, выдавливая слабую улыбку. — Через минуту буду в полном порядке.

И снова обратился к унитазу. Морган закрыл дверь и усилием воли стер с лица ухмылку.

Он напрасно беспокоился, что парень не будет сотрудничать! Виггин вот-вот проблюет свой триумфальный выход, причем Моргану для этого даже пальцем пошевелить не придется.

И разумеется, чуть позже отправленный за Виггином мичман вернулся с сообщением, но не с самим мальчиком: «Он говорит, что выйдет, как только сможет».

Морган подумал было оповестить мальчишку о том, что не позволит опоздавшему прервать свою речь. Ладно, сегодня можно позволить себе быть великодушным. Кроме того, непохоже, что Виггин в ближайшее время явится публике.

Воздух Шекспира был приятным, но необычным; дул легкий ветер, который нес в себе какую-то пыльцу. Морган вполне сознавал, что каждый вдох может заразить его кровососущими червями, которые в самом начале едва не уничтожили колонию, — но лекарство было найдено, и на получение первой дозы времени предостаточно. Поэтому он смаковал аромат планеты в первый раз за долгое-долгое время: в последний раз он был на Земле за шесть лет до начала полета.

Окружающая местность походила на саванну: тут и там растут отдельные деревья, много кустарников. Но по обе стороны от выровненной

посадочной полосы росли злаковые, и Морган понял, что колонисты были вынуждены проложить ее посреди полей. Им это вряд ли сильно понравилось — так что экранопланы оказались весьма кстати: быть может, этот подарок оправдал для местных нанесенный сельскому хозяйству урон.

Людей собралось на удивление много. Адмирал Морган смутно припоминал, что сотни солдат из армии вторжения сейчас превратились более чем в две тысячи, поскольку люди тут плодились как кролики — несмотря на то что изначально у них было мало женщин.

Но что самое важное, когда он вышел, колонисты аплодировали. Аплодисменты в большей степени могли относиться к экранопланам, чем к самому Моргану, но его и это устраивало, лишь бы не было сопротивления.

Его помощники установили систему громкоговорителей, хотя Морган считал это лишним. Толпа была многочисленной, но в ней присутствовало множество детей, и сгрудили всех довольно-таки плотно — так что встречающие вполне попадали в зону слышимости голоса, несущегося с вершины трапа. Тем не менее, раз уж аудиосистема установлена, со стороны Моргана было бы глупо ею не воспользоваться. Так

что он подошел к микрофону и взял его обеими руками:

— Мужчины и женщины колонии Шекспир, я привез вам приветствие от Межзвездного флота и министерства по делам колоний.

Он ожидал аплодисментов, но… тишина.

— Я — контр-адмирал Квинси Морган, капитан того корабля, который привез для вашего поселения новых колонистов, новое оборудование и припасы.

И снова ничего. Нет, слушали его внимательно, никакой враждебности не проявляли, но единственной реакцией были отдельные кивки. Словно они чего-то ждали. Чего же?

Они ждали Виггина. Эта мысль подкатила, как изжога к горлу. Колонисты знали, что губернатором назначен Виггин, и они его ждали.

Что же, они довольно скоро поймут, что́ этот Виггин собой представляет.

А потом Морган услышал топот бегущих ног — кто-то выбежал из челнока на трап. Виггин не мог выбрать более подходящее время! Все *действительно* пройдет более гладко: у толпы будет возможность увидеть….

Внимание собравшихся сместилось на мальчишку, и Морган улыбнулся:

— Я привез вам…

Но колонисты не слышали его слов. Они знали, кто перед ними. Аплодисменты и приветственные крики заглушили голос Моргана, даже усиленный, — и ему не пришлось произносить имя Виггина вслух, потому что толпа выкрикивала его сама.

Морган повернулся, чтобы приветственным жестом встретить мальчика, и был поражен, увидев Виггина в парадной военной форме. Наград было до неприличия много — куда больше, чем на груди Моргана. Это так нелепо! Ведь Виггин вроде как всего-навсего играл в видеоигры, а здесь нацепил награды за каждую битву — и все прочие медали, которые получил после победы.

И маленький гаденыш намеренно ввел его в заблуждение: сначала напялил гражданскую одежду, а потом переоделся в санузле. Он хотел перенести внимание людей с Моргана на себя. А его рвота — она тоже была фальшивая, ее он тоже разыграл, чтобы выйти к колонистам во всем великолепии? Что же, сейчас Морган улыбнется притворной улыбочкой, а чуть позже заставит засранца заплатить за все. Может, даже номинальным губернатором не оставит.

Но Виггин не прошествовал на место сбоку

от Моргана, за кафедрой, на которое указал ему капитан. Вместо этого Виггин вручил Моргану сложенный листок бумаги и вприпрыжку побежал вниз по трапу — туда, где его моментально окружила толпа, в которой выкрики «Эндер Виггин!» уступили место разговорам и смеху.

Морган посмотрел на бумагу. На обращенной к нему стороне Виггин ручкой написал: «Ваше старшинство закончилось, когда челнок коснулся поверхности планеты. Ваша власть заканчивается там же, где кончается трап». И подпись: «Адмирал Виггин», напоминающая, что в порту мальчишка старше по званию.

Нахал. Неужели он думает, что эти заявления имеют силу здесь, в сорока годах от вышестоящей власти? Притом что именно Морган командует натренированными пехотинцами?

Морган развернул письмо. Это было послание от Полемарха Бакосси Вури и министра по делам колоний Хайрама Граффа.

Из описаний Виталия Эндер сразу узнал Икса Толо и побежал прямо к нему.

— Икс Толо! — воскликнул он на бегу. — Я так рад с вами встретиться!

Но еще до того, как он оказался рядом с Толо и пожал ему руку, Эндер уже принялся высматри-

вать стариков — мужчин и женщин. Молодежь обступала пожилых людей, но Эндер высматривал и пытался узнать в них юные лица, которые он изучал и запоминал еще до начала полета.

По счастью, он верно угадал первого, затем второго — назвав их по имени. Он обратился к ним формально, по званию, ведь это была первая встреча с пилотами, которые сражались непосредственно на полях той войны.

— Горжусь тем, что в конце концов с вами встретился, — сказал он. — Я так этого ждал!

Толпа моментально поняла, что ему нужно, — и отступила, пропуская вперед стариков, чтобы Эндер увидел их всех. Многие плакали, пожимая ему руку; некоторые старушки настаивали на том, чтобы его обнять. Они пытались с ним поговорить, что-то ему рассказать, он улыбался и извинялся: подождите минутку, я еще не со всеми поздоровался.

Он пожал руку каждому солдату, и, когда, случалось, ошибался в имени, они со смехом поправляли его.

За его спиной из динамиков по-прежнему не доносилось ни звука. Эндер понятия не имел о том, что Морган сделает с письмом, но ему нужно было действовать здесь, на поверхности планеты,

не оставляя Моргану ни единой паузы, в которую можно было бы вклиниться.

Поприветствовав всех до единого старика, Эндер поднял руку и развернулся, подавая людям знак собраться вокруг него. Они послушались, — собственно, они и без того сгрудились так, что теперь он со всех сторон был окружен толпой.

— Есть имена, которые я не назвал, — сказал он. — Мужчины и женщины, с которыми мне повстречаться не довелось. — И он перечислил имена всех погибших в боях. — Мы потеряли слишком многих. Если бы я только знал, в какую цену обходятся мои ошибки, может быть, я допускал бы их меньше.

Глаза многих при этих словах заблестели от слез, хотя некоторые и воскликнули в ответ: «Какие еще ошибки?!»

А потом Эндер назвал еще ряд имен — тех колонистов, которые погибли в первые дни основания колонии.

— Этот мир куплен ценой их жизни, их героическими усилиями. Губернатор Колмогоров поведал мне о том, как вы жили, что вы совершили. Вы сражались с болезнями этих мест, еще когда я был двенадцатилетним мальчишкой на Эросе, и вы одержали победу без какой-либо

помощи с моей стороны.

Эндер зааплодировал — громко и торжественно.

— За тех, кто погиб в космосе, и за тех, кто умер здесь!

Раздались одобрительные восклицания.

— Я чествую Виталия Колмогорова, который вел вас за собой целых тридцать шесть лет — и на войне, и в мире!

И этот призыв был подхвачен колонистами.

— Чествую Сэла Менаха, человека настолько скромного, что ему претила мысль о том внимании, которое он бы сегодня получил!

Одобрительный гул голосов и смешки.

— Сэла Менаха, который обучит меня всему, что мне нужно знать для того, чтобы служить вам. И так как я здесь, у него будет время для того, чтобы вернуться к *настоящей* работе!

Взрыв смеха.

И сейчас из динамиков за спинами толпы раздался голос Моргана:

— Мужчины и женщины колонии Шекспир, прошу прощения за паузу. Наша встреча пошла не совсем по плану.

Люди вокруг Эндера недоуменно подняли взгляды к верхней части трапа. Морган говорил

приятным и, может, даже шутливым тоном — но он не имел отношения к происходящему. Он был третьим лишним в этой церемонии. Неужели ему не по нраву, что победоносный командир Эндер Виггин встречается со своими ветеранами? При чем здесь, собственно, Квинси Морган?

Он что, не прочел письмо?

Морган был настолько разъярен тем, что Виггин направился прямо в гущу толпы, что уделил письму лишь часть внимания. Что этот парень вытворяет? Он что, действительно знает всех этих людей *по именам*?

Но затем до него начала доходить важность письма, и он перечитал его очень внимательно.

> Уважаемый контр-адмирал Морган,
>
> перед своей отставкой экс-полемарх Чамраджнагар предупредил нас о рисках того, что вы можете неправильно истолковать ограниченную природу своей ответственности по прибытии в колонию Шекспир. За это неправильное толкование он несет полую ответственность, и, если он ошибся, мы приносим извинения за предпринятые нами меры. Но вы обязаны понять, что мы были вынуждены

предпринять превентивные меры на тот случай, если вам придет в голову хоть на миг воспользоваться своей властью на поверхности планеты. Мы со своей стороны сделали все, чтобы гарантировать: если вы будете действовать предельно корректно, никто, кроме вице-адмирала Эндрю Виггина, даже не узнает, насколько радикально мы были готовы пресечь ваши неуместные действия.

Правильный образ действий таков: вы признаете, что по высадке на Шекспир адмирал Виггин становится губернатором Виггином, обладающим абсолютной властью во всех вопросах, касающихся колонии и передачи людей и грузов в колонию и из нее. Он сохраняет за собой звание адмирала, так что вне вашего корабля он для вас – вышестоящий офицер, которому вы обязаны подчиняться.

Вы вернетесь на свой корабль, не ступив на поверхность планеты. Вы не станете встречаться ни с кем из колонистов. Вы обеспечите полную и организованную передачу всех грузов и людей с корабля в колонию, в точном соответствии с требо-

ваниями губернатора Виггина. Все ваши действия должны быть совершенно прозрачными для командования Межзвездного флота и руководства министерства по делам колоний. Вы должны ежечасно отчитываться по ансиблю обо всех действиях, предпринимаемых согласно распоряжениям губернатора Виггина.

Мы полагаем, что именно это вы и намеревались исполнить. Однако предупреждения со стороны полемарха Чамраджнагара дало понять, что у вас могут быть несколько иные планы и вы можете счесть резонным действовать по собственному усмотрению. Дальность перелета в сорок лет вынудила нас принять меры, которые мы сможем отменить и отменим в случае успешного выполнения данной операции, немедленно по возвращении вашего корабля на субсветовые скорости.

Каждые двенадцать часов губернатор Виггин будет направлять нам отчет по голографическому ансиблю, в котором будет заверять нас в вашей лояльности и готовности к сотрудничеству. В слу-

чае если отчет не поступит или если мы придем к выводу, что губернатор Виггин находится под каким-либо давлением, мы активируем программу, которая уже загружена в компьютерную систему корабля. Данная программа также активируется попыткой ее переписать или вернуться к прежней версии ПО.

Данная программа включает голосовую и голографическую передачу на ансибль вашего корабля и всех его челноков, на каждый динамик и компьютерный дисплей, равно как на каждый ансибль в колонии Шекспир. При включении этой передачи до сведения всех и каждого будет доведено, что вам предъявлено обвинение в мятеже, что никто не должен слушаться ваших приказов и что вы будете арестованы и помещены в стазис на протяжении всего обратного пути до Эроса, где предстанете перед трибуналом.

В случае если вы планировали действовать правильно и только правильно, данное письмо наверняка вас оскорбит, и мы об этом сожалеем. Но в таком случае правильность ваших действий гаранти-

рует, что его больше никто не увидит, и, когда после успешного выполнения задачи ваш корабль ляжет на обратный курс, программа будет стерта из системы вашего корабля, и об этом не узнает никто. Вы вернетесь с честью, и вашу дальнейшую службу ничто не усложнит.

Копия данного сообщения также направлена вашему старшему помощнику коммодору Владу дас Лагримасу. Но он не сможет его прочесть, пока губернатор Виггин шлет подтверждения о корректных действиях с вашей стороны.

Поскольку ваш корабль с колонистами – первый, которому суждено добраться до пункта назначения, ваши действия станут примером для всего Межзвездного флота. С нетерпением ждем возможности сообщить всему флоту об отличном выполнении вашего задания.

Искренне ваши,

Полемарх Бакосси Вури,
министр по делам колоний Хайрам Графф

Морган читал письмо, сначала кипя от ярости

и ужаса, но постепенно его отношение менялось. Да как они могли подумать, будто он планирует что-то большее, чем организованная передача власти Виггину? Как посмел Чамраджнагар предположить нечто такое, с чего командование заподозрило Моргана черт знает в чем?

Он направит им очень жесткое письмо, в котором сообщит, как он разочарован столь высокомерным отношением к себе и совершенно ненужными мерами давления.

Нет, если он отправит письмо, оно будет приобщено к делу. А его дело должно остаться безупречным. Кроме того, они собираются устроить что-то помпезное по случаю успешного выполнения миссии, а это огромный плюс для его карьеры.

Морган должен действовать так, словно этого письма и не было.

Толпа ликовала. Колонисты радостно кричали и хлопали — снова и снова. Морган наконец оторвал взгляд от бумаги, чтобы увидеть: Виггин со всех сторон окружен толпой и никто даже не смотрит на челнок, на трап, на адмирала Моргана. Но он видел: взгляды всех присутствующих устремлены на Эндера Виггина с жадным вниманием или благоговением. На каждое слово, что он произносил, толпа отвечала радостными

возгласами, смехом или слезами.

Это невероятно, но они его любят.

Даже без письма, без вмешательства со стороны командования флота и руководства министерства, Морган уже проиграл в битве за власть — проиграл в тот миг, когда Эндер Виггин показался в парадной военной форме, обратился к ветеранам поименно и поименно почтил павших. Виггин знал, как завоевать их сердца, и он завоевал их без обмана или принуждения. Все, что ему для этого было нужно, — проявить достаточно усидчивости, чтобы запомнить имена и лица. Все, что он сделал, — привел их к победе сорок один год назад. Когда Морган был начальником транспортной компании в поясе астероидов.

«Но ведь это письмо может оказаться полным блефом. Виггин сам его написал, только для того чтобы отвлечь внимание капитана, пока сам он цацкается со своими колонистами. Если бы я решил ему воспрепятствовать, действовать за его спиной, чтобы подорвать их веру в него, решил уничтожить его как губернатора, чтобы мне *пришлось* выйти вместо него, и…»

Толпа возликовала снова: Виггин воззвал к действующему губернатору.

Нет, Моргану никогда не удалось бы подорвать их веру в Виггина. Они хотели, чтобы он был их губернатором. Морган для них никто. Незнакомец. Третий лишний. Они больше не служат в Межзвездном флоте, им плевать на должности и звания. Теперь они граждане этой колонии, которые помнят о том, как она возникла. Великий Эндер Виггин истребил всех жукеров на поверхности этой планеты, открыв ее для людей и дав возможность здесь поселиться. А теперь и сам Виггин с ними. Это было для них сродни второму пришествию Христа. Шансы Моргана были нулевыми изначально.

Помощники капитана внимательно смотрели на него. Они понятия не имели, о чем говорилось в письме, но он опасался, что, читая письмо, не смог удержать на лице бесстрастное выражение. Собственно, бесстрастность сама по себе значила бы очень многое. Так что сейчас Морган им улыбнулся.

— Что же, вот и весь сценарий! Похоже, у губернатора Виггина были свои планы на этот день. С его стороны было бы учтиво нас о них проинформировать, но… что же, ребенок не отчитывается за свои проказы.

Подчиненные хихикнули, поскольку знали, что

он от них именно этого и ждет. Морган отлично сознавал: до них тоже дошел смысл происходящего. Не угрозы в письме, конечно же, но полный триумф Виггина. Тем не менее Морган будет действовать так, словно все идет, как задумано им, подчиненные ему подыграют, и дисциплина на корабле не пошатнется.

Морган повернулся к микрофону. В атмосфере ликования и восторженных криков толпы он заговорил дружеским, шутливым тоном:

— Дамы и господа колонии Шекспир, прошу прощения за то, что прерываю вас. Предполагалось, что программа нашей встречи будет несколько иной.

Колонисты посмотрели на него несколько раздраженно. И немедленно повернулись к Виггину, который взирал на Моргана не с самодовольной улыбкой победителя, а с тем же скорбным, извиняющимся выражением, которое на корабле не сходило с его физиономии. Мелкий засранец! Он изначально все спланировал и ничем себя ни разу не выдал. Даже на записях из его каюты, даже на видео, где Виггин целовался с дочерью Дорабеллы, — пацан ни разу не сбросил маску притворства, ни на секунду.

Хвала небесам, что он останется здесь, а не вер-

нется, чтобы стать моим соперником на флоте!

— Я не отниму у вас много времени, — сказал Морган. — Мои люди немедленно выгрузят все оборудование, которое мы привезли с собой. Пехотинцы останутся для того, чтобы помочь губернатору Виггину. Я вернусь на корабль и буду следовать инструкциям губернатора Виггина, касающимся порядка транспортировки грузов и людей с корабля на поверхность. Моя миссия здесь завершена. Отдаю должное вашим достижениям здесь и благодарю за внимание!

Раздались аплодисменты, но было понятно, что колонистам нет до него ровным счетом никакого дела и они просто ждут, когда он закончит, чтобы вернуться к Эндрю Виггину и дальше с ним носиться.

Ну что же. Когда он вернется на корабль, там будет Дорабелла. Лучшее, что он сделал в своей жизни, — женился на этой женщине.

Разумеется, Морган не знал, как она воспримет новость о том, что она и ее дочь все же не станут колонистами, а будут сопровождать его обратно на Землю. Но разве на это можно жаловаться? Жизнь в колонии примитивна и тяжела. А жизнь жены адмирала — того самого, кто первым доставил в колонию новых поселенцев и

припасы, — станет чередой сплошных удовольствий. Дорабелла расцветет в таком окружении; эта женщина просто блистательна. Что же до дочери — она сможет учиться в университете и жить обычной жизнью. Нет, не обычной — исключительной! Потому как положение Моргана сможет гарантировать ей самые блестящие перспективы.

Морган уже развернулся, чтобы зайти в челнок, когда услышал обращенный к нему голос Виггина:

— Адмирал Морган! Не думаю, что люди поняли, что вы для всех нас сделали, и им следует услышать это!

Поскольку слова Граффа и Вури были еще свежи в его памяти, Морган не мог не услышать в словах Виггина иронию и злорадство. Сначала он решил не реагировать на подколку и все-таки вернуться в недра челнока, словно не слыша слов юноши.

Но ведь Эндер — губернатор, а Моргану нужно думать и о своей команде. Если он проигнорирует мальчишку сейчас, его люди вообразят, что он признал поражение — и довольно-таки малодушно. Поэтому, ради чести мундира, он повернулся к Эндеру, готовясь выслушать.

— Сэр, спасибо за то, что доставили нас сюда в целости и сохранности! Вы укрепили связь между родиной человечества и его детьми, улетевшими так далеко.

После этих слов Виггин, повернувшись, обратился к колонистам:

— Адмирал Морган, его команда и эти бравые пехотинцы… они не сражались в войне за спасение человечества, этому поколению не пришлось погибать в битвах. Но они пошли на те же жертвы, на которые пошли и первые поселенцы этой колонии: отрезали себя от всех, кого знали и любили, выпали из времени и пространства для того, чтобы найти среди звезд новую жизнь. И каждый новый колонист на этом корабле отказался от всего, что имел, сделав ставку на новую жизнь с вами.

Раздались хлопки — сначала одиночные, но затем вся толпа разразилась бурными аплодисментами и радостными криками — в честь адмирала Моргана, в честь пехотинцев, в честь тех колонистов на корабле, которых еще только предстояло увидеть.

И этот мальчишка, Эндер, отдал честь. Моргану не оставалось ничего другого, кроме как ответить тем же — и принять благодарность и уважение

колонистов как дорогой подарок.

Затем Виггин прошагал к челноку, но не для того, чтобы сказать Моргану что-то еще. Вместо этого он подошел к командиру отряда пехотинцев, обратившись к нему по имени.

— Я хочу, чтобы вы встретились со своим коллегой, — громко произнес Виггин. — С тем, кто командовал войсками в первой экспедиции.

Он подвел командира группы к одному из стариков, и они отдали друг другу честь. Через несколько мгновений воцарился хаос: пехотинцы с корабля перемешались с ветеранами — мужчинами и женщинами — и с молодыми колонистами.

Теперь Морган осознал, какими мелочными были поступки Виггина в отношении него. Да, ему потребовалось указать Моргану на его место. Это он устроил в последнюю минуту, заставив отвлечься на письмо, пока сам рассыпался в приветствиях и — с полным на то правом — вел себя как командир ветеранов, встретивший своих бойцов спустя сорок один год после великой победы.

Но главной целью Виггина было сформировать отношение колонистов к Моргану, к пехотинцам, к экипажу корабля и, что важнее всего, к новым колонистам. И он сплотил их, напомнив об общей

жертве, которую они принесли.

И этот пацан заявлял, что не любит толкать речи? Каков *лжец*! Он произнес именно то, что было нужно. По сравнению с ним Морган — неоперившийся птенец. Нет, хуже — воплощение некомпетентности!

Морган прошел вглубь челнока, лишь на миг задержавшись, чтобы приказать офицерам выполнять все распоряжения губернатора Виггина относительно разгрузки.

А затем направился в санузел, порвал письмо на крошечные кусочки, прожевал их в мягкую кашицу и выплюнул в унитаз. От вкуса чернил и бумаги стало противно, и его пару раз стошнило, прежде чем он обрел над собой контроль.

Затем он прошествовал в отсек связи и пообедал. Не успел он закончить, как под присмотром капитан-лейтенанта парочка местных жителей принесла прекрасные местные фрукты и овощи — в точности как предсказывал Виггин. На вкус они оказались восхитительны. После такого десерта Морган хорошенько вздремнул, пока один из подчиненных не разбудил его сообщением, что разгрузка завершена, на борт взято приличное количество продуктов и свежей воды и челнок готов возвращаться на корабль.

— Как думаешь, из Виггина получится отличный губернатор? — спросил Морган.

— Да, сэр. Думаю, так, сэр, — ответил помощник.

— С чего я вообще взял, что вначале ему понадобится моя помощь? — со смехом сказал Морган. — Что же, мне и без того есть чем заняться, — корабль не ждет. Возвращаемся!

Сэл с опаской смотрел, как личинка возвращается в пещеру. Ползет ли она к нему или же просто движется обратно? Можно было попробовать это выяснить, сойдя со своего места, — но ведь само это движение могло привлечь ее внимание.

— Милая козявочка, — прошептал Сэл. — Как насчет шикарной копченой собачатины?

Но когда потянулся было к рюкзаку за едой, рюкзака не оказалось. Чуть раньше он отдал его По.

Впрочем, к поясу Сэла был приторочен маленький мешок, в котором он нес свою порцию еды на день. Сэл развязал его, вытащил вяленое собачье мясо и фрукты — и бросил в сторону личинки.

Она остановилась, ткнулась в лежащие на земле продукты. На тот случай, если посыл воображаемых картинок все-таки работал, Сэл представил, что эта еда — умирающий золотой

жук. «Верить в то, что мое воображение способно повлиять на поведение этого животного, сродни вере в магию», — сказал он себе. Но, по крайней мере, ему было чем заняться в ожидании ответа, — нравится ли личинке еда в маленьких порциях, или же она предпочитает куски покрупнее, стоящие на ногах.

Личинка подняла переднюю часть, а затем опустила на еду раззявленную пасть, подобно рыбе-прилипале, присасывающейся к акуле.

Сэл мог вообразить, что более мелкая версия такой личинки как раз и являлась прилипалой, садившейся на более крупные создания, чтобы сосать из них кровь. Или чтобы зарыться в них поглубже?

Он вспомнил тех крошечных паразитов, которые убивали людей, когда колония только-только была основана. Тех самых, для противодействия которым Сэл изобрел свои добавки к крови.

Это создание — гибрид. Наполовину принадлежащий этому миру, наполовину скроенный из организмов мира жукеров.

Скорее даже, выведенный из самих жукеров. Структура тела была, в сущности, жукероподобной. Потребовалось бы очень творческое компилирование генов, чтобы создать жиз-

неспособное существо, объединяющее в себе характеристики двух видов, имеющих столь различное генетическое наследство. Результатом станет вид, наполовину жукерский, — так, чтобы королевы ульев могли связываться с ними ментально, контролировать их так же, как и других жукеров. Вот только отличие этого гибрида от жукеров было достаточно велико, чтобы их связь с королевой оказалась не столь прочной… и когда королевы погибли, золотые жуки выжили.

Или, может, у них уже были зрелые виды, используемые для примитивных работ, слабо связанные с королевами, и именно такие виды жукеры скрестили с червями-паразитами. Эти невероятные зубы, способные пронзить ткани и кости… Эти твари разумные или почти разумные. Такое создание все еще могло управляться королевой ментально.

«Или мной. Не вернулась ли личинка сюда, повинуясь моему зову? Или просто выбрала более легкую добычу?»

К этому моменту личинка сожрала обе порции — в обоих случаях прихватив с едой слой камня с пола. Это создание было *голодным*.

Сэл нарисовал в голове картинку — на этот раз достаточно сложную. Он нарисовал себя и По,

заносящих в туннель еду. Кормящих личинку. Представил, как они с По выходят из пещеры, а потом возвращаются — и приносят еду. Много еды. Листья, зерна, фрукты. Мелких животных.

Личинка подобралась к нему и стала нарезать вокруг него круги. Крутилась у ног, словно жгут. Именно так ведь поступают змеи?

Нет. Скорее, это было похоже на то, как кошка трется о ноги.

А затем личинка подтолкнула его сзади, к выходу из туннеля.

Сэл подчинился. Личинка поняла! Между ними налажена примитивная связь.

Он торопливо пошел к туннелю, затем опустился на колени, сел и попытался пролезть по нему так же, как раньше.

За его спиной личинка заползла в туннель и остановилась, выжидая.

В его мозгу возникла картинка, словно вспышка: Сэл держится за личинку, ползущую к выходу на поверхность.

Сэл взялся за сочленение панциря существа, и тварь пришла в движение. Личинка двигалась осмотрительно, стараясь не допустить, чтобы Сэл лишний раз ударился о стену, хотя время от времени его все же цепляло — больно и, воз-

можно, до крови. Но ничего не сломал, и ни одна из царапин не оказалась серьезной. Возможно, этих… животных вывели для того, чтобы возить по туннелям самих жукеров, когда они здесь хозяйничали. Те и не заметили бы, что их малость приложило о стенку.

Личинка остановилась. И Сэл увидел дневной свет. Личинка тоже его увидела. Она не стала вылезать наружу, отступила обратно в туннель.

Когда он вышел на свет и выпрямился, По подбежал к нему и обнял.

— Она тебя не слопала! — воскликнул он.

— Нет, она подбросила меня до выхода, — ответил Сэл.

По не знал, как на это реагировать.

— Давай сюда всю нашу еду, — сказал Сэл. — Я пообещал ей, что мы ее накормим.

По не стал спорить. Он подбежал к рюкзаку и стал передавать еду Сэлу, который складывал провизию в импровизированную сумку из собственной рубашки, держа ее перед собой.

— Пока хватит, — решил Сэл.

Он вернулся в туннель. Личинка моментально оказалась рядом, извиваясь вокруг него. Сэл вывалил еду. Личинка жадно набросилась на угощение. Сэл был достаточно близко к выходу,

чтобы суметь на корточках выбраться наружу.

— Нам нужно больше еды, — сказал Сэл.

— А что она ест? — спросил По. — Траву? Кустарники?

— Она съела овощи из моего обеденного пайка.

— Никаких съедобных растений мы здесь не найдем.

— Не найдем съедобных для *нас*, — уточнил Сэл. — Но если я прав, это существо наполовину местное и вполне может усваивать местную растительность.

Если в чем они и были специалистами, так это в опознании местной флоры. Вскоре они носили в туннель полные рубашки клубневых растений. И кормили личинку.

Морган скрылся внутри челнока; Эндер отдал распоряжения, и команда принялась разгружать корабль, а местные на экранопланах перевозили грузы на места. Колонисты лучше Эндера знали, как организовать эти работы, так что он предоставил им этим заниматься, а сам вместе с Иксом прошел на станцию ксенобиологов, где находился ансибль Сэла и прочее оборудование для связи.

— Мне нужно передать на Эрос небольшое со-

общение, — сказал Эндер.

Пока он его составлял, по рации донесся голос юного По Толо.

— Нет, я не твой отец, — ответил Эндер. — Я его позову.

Звать не пришлось: Икс услышал голос и моментально оказался рядом. Эндер быстро закончил свое сообщение, ухватив суть разговора Икса со своим сыном. Передавая послание для Граффа и Вури, он услышал слова Икса:

— Мы будем у вас раньше, чем вы думаете.

Икс повернулся к Эндеру:

— Нам нужен экраноплан, чтобы добраться до Сэла и По. У них кончились припасы.

Эндер не мог поверить, что Сэл спланировал свой поход так плохо, что с ним произошло что-то настолько несуразное. Но прежде чем он успел ответить, Икс продолжил:

— Они нашли какое-то существо. Похоже, гибрид. Живет в пещере. Во взрослом состоянии у него шесть ног. Личинка огромная, смахивает на червя. Может жевать камни, но не усваивает их. Она умирала с голоду, поэтому они отдали ей всю свою еду.

— Сэл такой щедрый, — заметил Эндер.

— Экраноплан может до них добраться? Две

сотни километров по пересеченной местности?

— Легко, — ответил Эндер. — Он питается от солнечных батарей, но обычный его предел без остановки для подзарядки — пятьсот километров.

— Как вовремя вы здесь оказались!

— Это не совпадение. Сэл ушел, потому что я был на подлете, помните?

— Но ему не нужно уходить, — сказал Икс.

— Знаю. Но, как я уже сказал, он очень щедрый.

Через двадцать минут Эндер и Икс на двух экранопланах, загруженных едой, с опытными пилотами-пехотинцами отправились спасать научную экспедицию.

Жаль, что вновь прибывшие ксенобиологи еще не вышли из стазиса — они бы душу продали за такое путешествие. Впрочем, всему свое время.

В пути Икс рассказал Эндеру все, что узнал из разговора с сыном.

— По — осторожный мальчик, он не стал торопиться с выводами. Но, по его словам, Сэл считает это существо чем-то средним между жукерообразным существом и местным червем — быть может, даже тем самым кровяным червем, который едва не погубил первое поколение колонистов.

— Тем самым, с которыми вам удалось справиться инъекциями?

— Теперь у нас есть методы получше, — сказал Икс. — Превентивные, а не реактивные. Черви не могут закрепиться в организме. Сначала проблема была в том, что люди подвергались глубокой инвазии раньше, чем узнавали о проблеме, и червей надо было уничтожать. Но мое поколение уже не заражалось. Ты тоже не заразишься, вот увидишь.

— Уточните, что значит «жукерообразное», — попросил Эндер.

— Знаешь, я и сам не вполне разобрался, мы с По не так уж долго разговаривали. Но… полагаю, он употребил слово «жукерообразное» аналогично тому, как мы употребляем «млекопитающее» или даже «хордовое», а не «гуманоид».

Эндер выглядел несколько разочарованным.

— Вы должны понять, у меня своего рода мания насчет жукеров. Старый противник, понимаете? А все, что помогло бы мне лучше их понять…

Икс ничего не ответил. Понял или нет — в любом случае его больше волновали сын и его наставник, которые сейчас где-то там, без еды и с научным открытием огромной важности, которое аукнется на Земле и во всех колониях.

По-прежнему имея в небе лишь один спутник — свой первый транспортный корабль, — люди Шекспира не могли развернуть систему глобального позиционирования с триангуляцией. Это случится позже, когда команда «Леденца» развернет на орбите систему геостационарных спутников. А сейчас экспедиция полагалась исключительно на карты, начертанные еще до первой высадки, и описание пути со слов По. Эндера приятно поразило то, что инструкции оказались идеальными. Ни единого пропущенного ориентира, никаких тебе ошибочных поворотов. Экранопланы двигались вообще без задержек.

Таким образом, продвигаясь осмотрительно, но быстро, они довольно скоро добрались до места. С вызова по рации прошло пять часов, и день еще не закончился, хотя до заката оставалось не так уж много времени. Когда они оказались в долине, изрытой норами, Эндер с некоторым изумлением обнаружил, что машущий им руками юноша старше его самого всего на год или два. Почему же его удивило, что По способен выполнить работу хорошо и на совесть? Разве сам Эндер не выполнял мужскую работу уже многие годы?

Икс спрыгнул с экранoплана раньше, чем тот остановился. Он подбежал к сыну и заключил

его в объятия. Эндер, может, и был губернатором, но здесь распоряжался Икс — он раздавал пехотинцам инструкции, где поставить транспорт и разгрузиться. Эндер взглядом дал пехотинцам добро на это и лично принялся помогать с разгрузкой. Он был достаточно высок, чтобы его помощь пришлась кстати, но двое взрослых мужчин с отличной физической подготовкой, конечно, сделали больше. Пока занимались разгрузкой, выдалась возможность поболтать, и Эндер затронул тему, над которой размышлял бóльшую часть полета к Шекспиру.

— Планету вроде жаль покидать, не так ли? — спросил Эндер.

— Нет, это не про меня, — ответил один из бойцов. — Везде грязь. Как по мне, лучше уж жить на борту корабля с дерьмовой едой из камбуза!

Но второй не стал отвечать, а просто посмотрел на Эндера и отвел взгляд. Значит, он об этом размышлял. О том, чтобы остаться. Это был один из вопросов, который Эндеру придется обсудить с Морганом. Будет жаль, если то, как Эндер обошелся с планами Моргана, сделает невозможным для части команды остаться здесь. Впрочем, еще есть время на то, чтобы это выяснить. В конце концов, можно и поторговаться — ведь наверня-

ка кое-кто из представителей нового поколения здесь, на Шекспире, жаждет покинуть это место, этот крохотный поселок, чтобы повидать огромный мир. Старая морская традиция, да и цирковая тоже, — оставлять в порту или городке некоторых из членов команды, принимая взамен нескольких новеньких, которым не сидится на месте, которых грызет мечта повидать мир.

Из норы выбрался старик и не сразу сумел разогнуться. Он перекинулся парой слов с По и Иксом. Затем эти двое направились внутрь, волоча за собой санки с корнями и фруктами — эти санки Икс специально погрузил на экранопланы, — Сэл Менах наконец повернулся, чтобы взглянуть на Эндера.

— Эндер Виггин, — произнес он.

— Сэл Менах, — ответил Эндер. — По сказал, у вас тут сложная ситуация с гигантским червяком.

Сэл посмотрел на пехотинцев, которые держали руки на кобуре.

— Оружие не понадобится. Не то чтобы мы могли разговаривать с этими созданиями, но они понимают рисуемые нами в голове примитивные картинки.

— Созданиями? — переспросил Эндер.

— Пока мы кормили одно, появились еще два. Не знаю, хватит ли их для поддержания растущей популяции, но это куда лучше, чем открыть вид, у которого в живых остался лишь один представитель. Или вообще ни одного.

— По рации прозвучало слово «жукерообразное», — сказал Эндер.

— Не могу быть уверен, пока не собран и не проанализирован генетический материал, — пояснил Сэл. — Будь они настоящими жукерами, они бы погибли. У взрослых особей имеется панцирь, шерсти у них нет, скелет внутренний. Может быть, от жукеров они отстоят дальше, чем лемуры от нас, — но все же они могут оказаться довольно близки, вроде как шимпанзе для нас. Но, Эндер, — блеснул глазами Сэл, — я с ним разговаривал. Даже не так — я ему думал. Посылал картинки, и оно откликалось. И послало в ответ свою картинку. Показало, как ухватиться за него, чтобы оно подбросило меня по туннелю.

Эндер посмотрел на дырявую и порванную одежду Сэла:

— Поездка-то была не очень.

– *Дорога* была не очень, — ответил Сэл. — Поездка была отличной.

— Вы знаете, что я прибыл сюда из-за жуке-

ров, — сказал Эндер.

— Я тоже, — с ухмылкой сказал Сэл. — Чтобы убить их.

— Но сейчас я хочу понять их.

— Думаю, здесь мы нашли ключ. Может, и не ко всем дверям, но что-то точно нам откроется.

Сэл положил руку на плечо Эндера и отвел его в сторону от остальных. Эндеру обычно не нравилось, когда кладут руку на плечо, — ведь именно так один человек заявляет о своем превосходстве над другим. Но в случае с Сэлом на такую интерпретацию и намека не было, здесь это было похоже на декларацию товарищества. Или даже на тайный сговор.

— Я знаю, мы не можем говорить открыто, — сказал Сэл, — но все же скажи мне прямо. Ты губернатор или нет?

— И де-факто, и де-юре, — ответил Эндер. — Угрозы больше нет, Морган вернулся на корабль и сотрудничает по всем пунктам, словно именно так и собирался вести себя изначально.

— Может, у него и не было других планов, — заметил Сэл.

— А может, ваша личинка до заката дня научится, — со смехом ответил Эндер.

— Узнай я, что она умеет считать до пяти, я был

бы счастлив.

Потом спустилась ночь. Мужчины сидели у костра и ели то, что собрала им на ужин мама По. Сэл ударился в пространные рассуждения, полные допущений и надежд:

— Эти создания перерабатывают золото, выделяют его в панцири. Может быть, они делают это с любым металлом в руде, или, может, для каждого металла, нужного жукерам, они вывели отдельный подвид. Возможно, это не единственная популяция, в которой есть выжившие особи. В этом случае нам удастся отыскать добытчиков железа, меди, олова, серебра, алюминия — всего, что нам нужно. Но если эта группа является средней, тогда мы отыщем и те группы, в которых нет ни одной выжившей особи, и те, в которых популяция больше. Если б эта оказалась последней из выживших групп на планете, это было бы воистину невероятно.

— Надо приступать к поискам как можно скорее, — сказал Эндер. — Пока у нас есть пехотинцы с корабля, которые в силах помочь. С ними мы можем отправить… местных, которые научатся профессионально управлять экранопланами, прежде чем корабль улетит.

Икс рассмеялся:

— Ты почти сказал «туземцев» вместо «местных».

— Да, — признался Эндер. — Чуть так и не сказал.

— Все в порядке, — успокоил Икс. — Жукеры тоже развивались не здесь. Так что слово «местный» просто-напросто означает «родившийся здесь», а это относится ко мне и к По — ко всем, за исключением ископаемых из поколения Сэла. Местные и новенькие — в следующем поколении мы все станем местными.

— Тогда какой термин вы считаете правильным?

— Урожденные шекспирцы, — сказал Икс. — Вот мы кто.

— Надеюсь, нам не придется проходить какой-нибудь кровавый ритуал или инициацию, чтобы быть принятыми в ваше племя.

— Нет, — ответил Икс. — Мы всегда рады белым людям с экранопланами.

— Тот факт, что я белый, не означает… — сказал было Эндер, но увидел смешинку в глазах Икса и улыбнулся. — Я слишком усердно стараюсь никого не обидеть. Так усердно, чуть было сам не обиделся.

— В конце концов ты привыкнешь к чувству

юмора майя, — предположил Икс.

— Не привыкнет, — возразил Сэл. — К нему никто не привык.

— Привыкли все, кроме тебя, старикан, — сказал Икс.

Сэл рассмеялся вместе со всеми, и затем разговор перекинулся на другие темы. Пехотинцы рассказали о своей подготовке, говорили о том, какова жизнь на Земле, и о высокотехнологическом обществе, которое осваивало Солнечную систему.

Эндер заметил отстраненность в глазах Сэла и неверно истолковал это выражение. Когда они готовились ко сну, Эндер улучил момент и спросил его:

— Вы когда-нибудь думали о том, чтобы вернуться? Домой, на Землю?

Сэл заметно содрогнулся.

— Нет! Что мне там делать? Здесь все и всё, что у меня есть, что меня волнует, все, кого я люблю, — ответил он, и в глазах вновь возникло задумчивое выражение. — Нет, просто я подумал: какой позор, что я не нашел это место тридцать, двадцать или даже десять лет назад. Я был так занят, у меня было так много работы в поселке… Я так давно собирался совершить этот поход.

Если бы сделал это тогда, мы бы нашли больше живых особей и у меня было бы больше времени для работы с ними. Упущенная возможность, мой юный друг! Нельзя прожить без сожалений.

— Но вы рады, что нашли их сейчас.

— О да, конечно, — сказал Сэл. — Каждый из нас что-то упускает и что-то находит. Это — нечто такое, что я помог найти. Причем в самый последний момент. — Он улыбнулся. — Я кое-что для себя отметил. Не знаю, важно ли это, но… личинки не тронули того золотого жука, который был еще жив. А ведь эти личинки — они прожорливы.

— Они что, едят только падаль? — спросил Эндер.

— Нет-нет, они и с черепахами преспокойно расправились. Не с земными черепахами, но с местными — мы их так называем. Личинки любят живое мясо. Но есть живых золотых жуков — это для них как каннибализм, понимаешь? Ведь это поколение их родителей. Личинки питались ими, потому что больше у них ничего не было. Но они ждали, пока жуки умрут. Ты понимаешь?

Эндер кивнул. Он прекрасно понял: рудиментарное почтение к живущим. Дань уважения. Чем бы ни были золотые жуки, они не были

просто животными. Пусть они и не жукеры, но, может быть, дадут Эндеру шанс заглянуть в разум жукеров, хоть и отдаленный.

17

Кому: MinCol@ColMin.gov
От: Gov%ShakespeareCol@ColMin.gov

Тема: Как насчет тихой революции?

Дорогой Хайрам,

как губернатора меня приняли очень тепло, и в этом заметную роль сыграла ваша помощь, а также энтузиазм местных жителей.

Мы продолжаем спускать с корабля колонистов – с той скоростью, какую позволяют нам местные темпы строительства жилья. Мы решили распределиться по четырем поселениям: самое первое – Миранда, затем Фальстаф, Полоний и Меркуцио. С энтузиазмом предлагалось дать одному из поселков название Калибан, но сторонников этой идеи быстро поубавилось, когда люди задумались о будущей школе этого поселения и ее возможном символе.

Не сомневаюсь, вы наверняка понима-

ете: введение местного самостоятельного управления в колониях неизбежно, и чем скорее, тем лучше. Сколь бы благожелательными вы ни были и сколь бы критически важными ни были для колоний те астрономические суммы (каламбур намеренный), которые Земля вбухивает в межзвездные перелеты, едва ли надеясь на то, что они когда-нибудь окупятся, Межзвездный флот никоим образом не сможет навязать губернатора населению, которое его не хочет, – во всяком случае, навязать надолго.

Будет намного лучше, если корабли МФ будут прилетать с дипломатическим статусом, чтобы продвигать торговлю и добрые отношения, а также доставлять колонистов и припасы в качестве компенсации за то, какую ношу они взваливают на местную экономику.

В знак добрых намерений я собираюсь пробыть губернатором два года, в течение которых буду продвигать создание Конституции. Ее мы представим министерству по делам колоний, но не для одобрения (если она нас устроит, она и

так будет нашей Конституцией), а для того, чтобы министерство вынесло решение – может ли оно рекомендовать Шекспир для новых колонистов. Именно в этом отношении у вас есть власть – решать, могут ли колонисты присоединяться к имеющейся колонии или нет.

И возможно, какая-нибудь регулирующая комиссия могла бы собираться на совет по ансиблю, с представителем и единичным голосом от каждой колонии, чтобы признавать друг друга достойными торговыми партнерами. Таким образом любую колонию, в которой установится недопустимое правление, можно будет бойкотировать и отрезать от торговых отношений и притока новых колонистов – но никто не предпримет таких абсурдных мер, как попытка развязать войну (синоним: вести политику принуждения) против поселения, до которого нужно лететь полжизни.

Следует ли расценивать данное письмо в качестве декларации независимости? Ну если только не очень принципиальной. Скорее, в нем просто констатируется

факт, что мы независимы, не важно, признано это официально или нет. Люди здесь прожили сорок один год совершенно автономно. Они рады получить оборудование и новые ресурсы для развития, но могли обойтись и без них.

В каком-то смысле каждая из этих колоний – гибрид: генетически и по изначальной культуре – человечество, по инфраструктуре – жукеры. Жукеры строили хорошо; нам не приходится расчищать земли, искать воду или перерабатывать ее, а их системы канализации, похоже, рассчитаны на столетия. Символично! Они по-прежнему служат нам, смывая наши фекалии. Поэтому из-за того, что подготовили нам жукеры и чего добились в колониях первоклассные ученые вроде Сэла Менаха, МФ и МдК не имеют того влияния, которое могло бы у них быть.

Все это я пишу в искренней надежде на то, что когда-нибудь мы сможем добиться, чтобы каждую колонию посещали раз в год. Пусть не в вашей жизни или даже моей, но именно это должно стать целью.

Впрочем, если верить урокам истории, эта амбициозная задача через какие-то пятьдесят лет покажется абсурдно скромной, ведь корабли смогут прилетать и улетать каждые шесть месяцев, или каждый месяц, или каждую неделю года. Желаю нам обоим дожить до того времени.

Эндрю

Это просто удивительно, что способны учудить дети. Когда Алессандра была совсем маленькой, Дорабеллу только смешили ее странные поступки. Когда дочь немного подросла и научилась говорить, ее вопросы, казалось, возникали в результате настолько хаотичного процесса мышления, что Дорабелла наполовину уверовала: девочку действительно ниспослали ей феи.

Но к школе дети становятся более рациональными. И в этом заслуга не столько преподавателей и родителей, сколько других детей, которые высмеивают или сторонятся тех ребят, чьи действия и слова не отвечают детским стандартам нормального.

И все же Алессандра не переставала удивлять. На сей раз, выбрав наименее подходящий момент

— когда бедняга Квинси был совершенно сражен тем, как Эндер обставил его в бюрократической схватке, — она выступила с ну совершенно безрассудным предложением.

— Мам, — сказала она, — большинство колонистов уже проснулись и спустились на Шекспир, и мои вещи давным-давно упакованы. Когда мы спустимся вниз?

— Упакованы? — спросила Дорабелла. — А мне казалось, у тебя развилась мания чистоты. Я даже собиралась попросить врачей проверить тебя.

— Мам, я не шучу. Мы записались в колонисты. Мы в колонии, от нее нас отделяет лишь один перелет на челноке. У нас есть контракт.

Дорабелла рассмеялась. Но поддразниванием девочку было не смутить.

— Милая, дорогая моя доченька, — начала Дорабелла. — Я замужем. За адмиралом, который командует этим кораблем. Куда летит корабль, туда летит и капитан. Куда летит муж, туда же лечу и я. А куда я — туда и ты.

Алессандра замерла на месте. Казалось, она готовится спорить.

Но возражений не последовало.

— Хорошо, мам. Значит, сугубо комнатная жизнь еще несколько лет.

— Мой дорогой Квинси говорит, что наша следующая цель — еще одна колония, но ее не сравнить с Землей по удаленности. Лишь несколько месяцев полета.

— Но мне будет очень скучно, — сказала Алессандра. — Все интересные люди останутся тут.

— Конечно, ты имеешь в виду Эндера Виггина. Я, правда, так надеялась, что ты сумеешь увлечь этого милого юношу с перспективами. Но он, похоже, предпочел с нами порвать.

Алессандра выглядела изумленной.

— С нами? — переспросила она.

— Он очень умный мальчик. Он знал, что, вынудив моего милого Квинси покинуть Шекспир, он отправил восвояси и тебя, и меня.

— Я об этом не подумала, — сказала Алессандра. — Тогда я очень зла на него.

Дорабелла почувствовала внезапный укол подозрения. Алессандра воспринимала ее слова слишком уж спокойно. На нее это было совсем не похоже. А этот намек на детскую обиду на Эндера Виггина показался ей чуть ли не пародией на ее ребяческую болтовню о феях.

— Что ты замышляешь? — спросила Дорабелла.

— Замышляю? Как я могу что-то замышлять,

когда вся команда занята, а пехотинцы внизу, на планете?

— Ты собираешься проникнуть на челнок без разрешения и спуститься на поверхность так, чтобы я об этом не узнала.

Алессандра посмотрела на Дорабеллу так, словно та сошла с ума. Но поскольку это выражение было для дочери нормой, Дорабелла готовилась к тому, что ей сейчас соврут. И дочь не подвела.

— Разумеется, не собираюсь, — сказала Алессандра. — Я ожидаю получить твое разрешение.

— Ну что ж, ты его не получишь.

— Мама, мы сюда столько времени добирались! — воскликнула она. Теперь ее голос зазвучал с обычной раздражительностью, так что доводы могли быть искренними. — Мне хочется хотя бы спуститься. Я хочу попрощаться с нашими друзьями, попутчиками. Хочу увидеть небо. Я два года не видела неба!

— Ты была в небе, — заметила Дорабелла.

— О, это так остроумно! — восхитилась Алессандра. — Этого достаточно, чтобы моя тоска о прогулке на свежем воздухе прошла. Бах — и все, и нету.

Теперь, когда Алессандра об этом заговорила, Дорабелла вдруг поняла, что и сама тоже хо-

чет немного прогуляться по улице. Спортзал на корабле был постоянно забит пехотинцами и членами экипажа, и, хотя требование проводить на беговой дорожке сколько-то минут в день было обязательным для всех, тренажер не вызывал ощущения, что ты действительно куда-то идешь.

— Вообще-то, не лишено смысла, — сказала Дорабелла.

— Ты шутишь, — резюмировала Алессандра.

— Что, ты думаешь, это лишено смысла?

— Трудно поверить, что ты когда-нибудь согласишься с тем, что в этом есть смысл.

— Ты делаешь мне больно, — сказала Дорабелла. — Я ведь тоже человек. Я скучаю по облакам. У них же здесь есть облака, правда?

— Мам, ну мне-то откуда знать?

— Отправимся вместе, — решила Дорабелла. — Мать с дочерью. Попрощаемся со старыми друзьями. Когда мы покинули Монополи, мы с ними не попрощались.

— У нас не было друзей, — напомнила Алессандра.

— Ну, разумеется, были, и они, должно быть, сочли весьма невежливым то, что мы уехали, не попрощавшись.

— Держу пари, они до сих пор об этом забыть не

могут. «Что же стало с той грубой девочкой Алессандрой, которая уехала от нас, даже не сказав „пока“, сорок лет назад?»

Дорабелла рассмеялась. Алессандра действительно была язвительно остроумной!

— Вот это воистину моя фея. В сущности, Титания ничто по сравнению с тобою.

— Жаль, что ты не удовлетворилась «Укрощением строптивой».

— Я всю жизнь жила во «Сне в летнюю ночь» и даже не подозревала об этом, — сказала Дорабелла. — Здесь — вот где я чувствую себя дома, а не на какой-то там незнакомой планете.

— Ну а *я* живу в «Буре», — ответила Алессандра. — Застряла на острове и не могу его покинуть.

Дорабелла снова засмеялась:

— Я попрошу твоего отца спустить нас на одном челноке и забрать обратно на другом. Как тебе этот план?

— Отлично. Спасибо, мама!

— Минуточку, — сказала Дорабелла.

— Что?

— Ты слишком быстро согласилась. Что ты задумала? Надеешься сбежать в леса и прятаться, пока я не улечу без тебя? Дорогая, этому не

бывать. Я без тебя не улечу, а Квинси не улетит без меня. Если попытаешься сбежать, пехотинцы тебя выследят, найдут и приволокут ко мне. Ты поняла?

— Мам, я в последний раз сбегала, когда мне было шесть.

— Дорогуша, ты сбежала за несколько недель до того, как мы покинули Монополи. Когда пропустила школу и отправилась к бабушке.

— Это не считается, — возразила Алессандра. — Я вернулась.

— Только после того, как поняла, что твоя бабушка — вдова Сатаны.

— Не знала, что дьявол скончался.

— Наверняка самоубийство — вряд ли он видел другой выход, будучи на ней женатым.

Алессандра засмеялась. Вот так это и делается: ты приказываешь, а затем смешишь — и тебе счастливо подчиняются.

— Мы побываем на Шекспире, а потом вернемся обратно. Корабль сейчас — наш дом. И не забывай этого.

— Не беспокойся, — сказала Алессандра. — Но, мама!

— Что, моя милая фея?

— Он мне не отец.

Дорабелла не сразу поняла, о чем она говорит.

— Кто тебе не — кто?

— Адмирал Морган, — сказала Алессандра. — Не мой отец.

— Я твоя мать. Он мой муж. Как ты думаешь, кто он для тебя тогда — племянник?

— Он. Мне. Не. Отец.

— О, мне так жаль, — сказала Дорабелла. — А я-то думала, ты за меня порадуешься.

— Я очень за тебя рада, — произнесла Алессандра. — Но мой отец был человеком, он не был королем фей, и он не пропал в лесах, он умер. За кого бы ты сейчас ни выходила, другой мужчина не станет моим отцом.

— Я вышла не за «кого-то»! Я вышла за чудесного мужчину, с которым обязательно будут новые дети. И если ты откажешь ему в том, чтобы называть отцом, у него не будет недостатка в наследниках, которым он оставит свою недвижимость.

— В его имуществе я не нуждаюсь.

— Тогда тебе стоит очень осмотрительно выходить замуж, — сказала Дорабелла. — Потому что тебе не понравится растить детей в бедности, как мне когда-то.

— Просто не называй его моим отцом, — попро-

сила Алессандра.

— Ты должна его как-то называть. Дорогая, будь благоразумна!

— Тогда я буду звать его Просперо, — сказала Алессандра. — Потому что он и есть Просперо.

— Как? Почему?

— Влиятельный незнакомец, который полностью нас контролирует. А ты Ариэль, красавица, влюбленная в своего повелителя. А я — Калибан. Я просто хочу освободиться.

— Ты подросток и вырастешь из этого желания.

— Никогда.

— Свободы, как таковой, вообще не существует, — сказала Дорабелла, начиная терять терпение. — Хотя иногда выпадает шанс выбрать себе хозяина.

— Хорошо, мам. Ты выбрала хозяина. Но я его не выбирала.

— Ты по-прежнему думаешь, что этот мальчик, Виггин, тебя замечает?

— Я знаю, что замечает, но я не возлагаю на него больших надежд.

— Дорогая моя, ты предложила ему себя, и он тебе отказал, четко и недвусмысленно. Это было довольно-таки унизительно, пусть ты этого и не

понимаешь.

Алессандра слегка покраснела, сделав шаг к двери каюты. А потом повернулась к матери, на ее лице читались боль и ярость.

— Ты подсматривала, — сказала она. — Квинси записал, и ты просмотрела!

— Ну конечно просмотрела, — сказала Дорабелла. — Если бы просмотрела не я, просмотрел бы он или кто-то из его команды. Думаешь, я хотела, чтобы они пожирали взглядом твое тело?

— Ты отправила меня к Эндеру, ожидая, что с ним наедине я разденусь догола, и ты знала, что это будет записано? И ты просмотрела ее? Ты наблюдала за мной?

— Но ты же не разделась, верно? Ну так против чего ты возражаешь? Я видела тебя голой с таких углов, о каких ты даже не задумывалась в те годы, когда я вытирала тебе задницу.

— Мама, я тебя ненавижу.

— Ты меня любишь, а я всегда за тобой присматриваю.

— Эндер меня не унижал. И не отвергал. Он отверг тебя. Отверг то, что ты заставляешь меня сделать!

— А что сталось с этим: «О, спасибо, мама! Ну что же, я иду брать мужчину, которого люблю»?

— Я так не говорила.

— Ты поблагодарила меня, хихикнула и поблагодарила еще раз. Ты стояла вон там, позволила разодеть тебя как проститутку, чтобы его соблазнить. Так в какой момент я заставила тебя делать что-то вопреки твоей воле?

— Ты сказала мне, что делать, если я хочу, чтобы Эндер меня полюбил. Вот только на мужчину вроде него твои хитрости не действуют!

— На мужчину? На мальчишку, ты хотела сказать. Единственная причина, по которой на него этот трюк не подействовал, — в том, что он, скорее всего, даже не достиг половой зрелости. Если он вообще гетеросексуален.

— Мам, ты послушай, что ты говоришь, — сказала Алессандра. — Вот Эндер — начало и конец всего мира, великий человек, лучший кандидат из всех, кого я когда-либо встречу. А через минуту он — незрелый, неопределившийся мальчишка, который меня опозорил. Ты судишь его, исходя из того, насколько он тебе полезен.

— Нет, моя крошка. Исходя из его полезности для моей маленькой девочки.

— Что же, он бесполезен.

— Именно об этом я и твержу! — сказала Дорабелла. — И ты все равно на меня окрысилась.

Наведи же порядок в своей голове, милая моя Калибан!

При этих словах Дорабелла взорвалась смехом, и, вопреки своей воле, Алессандра засмеялась вместе с нею. Девушка настолько разозлилась на себя за этот смех — и на Дорабеллу за то, что заставила ее смеяться, — что выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Или, скорее, попытавшись хлопнуть: доводчик подхватил дверь и закрыл ее довольно мягко.

«Бедняжка! Вечно все идет не так, как ей хочется.

Добро пожаловать в реальный мир, милая. Когда-нибудь ты поймешь: то, что я влюбила в себя Квинси, — это лучшее, что я для тебя сделала. Потому что для тебя я делаю все. И все, что прошу в ответ, — поддержать меня и воспользоваться теми возможностями, которые я тебе открываю».

Валентина постаралась войти в комнату размеренным шагом, оставаясь совершенно спокойной. Но она испытывала к Эндеру такое отвращение, что едва могла сдержаться. Парень был настолько занят тем, чтобы быть «доступным» для всех новых колонистов и старых поселенцев, ответами на вопросы, болтовней о том, что он никак не мог запомнить из получасовых встреч два года

назад, когда он уставал настолько, что едва мог говорить. Но когда его пытался отыскать кто-то из тех, с кем у него были глубокие личные отношения, найти его было решительно невозможно.

Точно так же он отказался писать родителям. То есть не то чтобы отказывался. Он всегда обещал написать. А потом просто… не писал.

В течение последних двух лет он обещал — если не прямо, то подразумевая, — что, если бедняжка Тоскано-младшая в него влюбится, он не будет против. А теперь девушка с матерью спустились на поверхность планеты, «погулять и осмотреться». Очевидно, Алессандру интересовал только один вид — на Эндера Виггина. Но его нигде не было.

Валентина была сыта по горло. Мальчик и правда мог быть смелым и храбрым в тех случаях, когда не приходилось что-то предпринимать в эмоционально сложных ситуациях. Он мог избегать встреч с Алессандрой и, может быть, полагал, что это само по себе некое достаточно явное послание, но он должен был с ней поговорить! Должен хотя бы попрощаться. Не обязательно нежно и ласково, но это необходимо сделать.

В конце концов Валентина нашла Эндера в помещении ансибля на станции ксенобиологов.

Он что-то писал — возможно, письмо Граффу или кому-то столь же далекому от их жизни в новом мире.

— Тот факт, что ты сидишь здесь, не оставляет тебе возможности оправдаться, — сказала Валентина.

Эндер посмотрел на нее. Судя по его лицу, он был искренне озадачен. Собственно, он и правда мог не притворяться: по всей видимости, все мысли об Алессандре вылетели из его головы полностью, и он понятия не имел, о чем говорит Валентина.

— Ты просматриваешь почту. Это значит, ты получил список пассажиров челнока.

— Я уже встретился с новыми колонистами.

— Кроме одной.

Эндер поднял бровь:

— Алессандра больше не колонист.

— Она тебя ищет.

— Она может кого угодно спросить, где я, и ей скажут. Это не секрет.

— Она не может *спрашивать*.

— И как тогда она рассчитывает меня найти?

— Не устраивай здесь свой глупый спектакль! Я не такая идиотка, я не верю, что ты настолько глуп, даже если ты ведешь себя настолько глупо,

насколько вообще возможно.

— Ладно, про глупость я услышал. Можно конкретнее?

— Ты демонстрируешь невероятную глупость.

— Я не о степени, сестренка.

— Эмоциональную тупость.

— Валентина, — сказал Эндер, — а тебе не приходило в голову, что я знаю что делаю? Не могла бы ты хоть немножко верить в меня?

— Я считаю, что ты избегаешь эмоционально сложной конфронтации.

— Тогда почему я не прячусь от тебя?

Валентина не могла решить, что сильнее: дополнительная порция раздражения того, что по ней ударили ее же оружием, или небольшое облегчение оттого, что он счел конфронтацию с ней эмоциональной. Собственно, она не была так уж уверена в том, что приперла его до такой степени, что их конфронтация стала эмоциональной — уж точно не с его стороны.

Эндер бросил взгляд на часы на мониторе компьютера и вздохнул:

— Что же, как всегда, твое чувство времени безупречно, даже если ты сама об этом не подозреваешь.

— Если б ты хотя бы намекнул, — сказала Ва-

лентина.

Эндер поднялся и, к ее удивлению, оказался выше ее. Валентина замечала, что он вытягивается, но у нее нигде не щелкнуло, что он обогнал ее в росте. И дело тут отнюдь не в толстой подошве — сейчас он был босиком.

— Вэл, — мягко сказал он. — Если бы ты наблюдала за тем, что я говорю и делаю, тебе стало бы многое понятно до очевидности. Но ты не анализируешь. Ты видишь что-то такое, что не выглядит правильным, и, минуя этап размышлений, автоматом получаешь вывод: «Эндер делает что-то не то, и я обязана его остановить».

— Я думаю! Анализирую!

— Ты анализируешь тут всех и каждого. Поэтому твоя история Боевой школы настолько чудесна и правдива.

— Ты ее прочел?

— Ты дала ее мне три дня назад. Разумеется, я ее прочел.

— И ничего мне не сказал.

— Это наша первая встреча с тех пор, как я дочитал книгу. Вэл, прошу тебя, включи мозги!

— Не смотри на меня свысока!

— Ощущение, что на тебя смотрят свысока, — это не умозаключение, — сказал он, и в его голос

наконец прорвалось раздражение. Валентина почувствовала себя несколько лучше. — Не суди меня до тех пор, пока не поймешь. Ты не можешь меня понять, если уже вынесла суждение. Ты считаешь, что я плохо обошелся с Алессандрой, но ты не права. Я обошелся с предельной добротой. И собираюсь спасти ее жизнь. Но ты не можешь поверить, что я поступлю правильно. Ты даже не задумалась над тем, какой поступок правилен, прежде чем решила, что я его не совершаю.

— И что такого ты делаешь, что я считаю, будто ты не делаешь? Девушка томится по тебе…

— Ее чувства — не то, что ей нужно. Не то, что для нее действительно хорошо. Ты считаешь, будто самая большая опасность для нее — если ранят ее чувства.

Валентина осознала, что ее праведный гнев слабеет. О какой опасности он говорит? Что нужно Алессандре, помимо Эндера? Что она, Валентина, пропустила?

Эндер обнял сестру за плечи, а потом шагнул мимо — прочь из комнаты, а потом и из здания. У Валентины не было другого выхода, кроме как последовать за ним.

Эндер быстрым шагом пересек покрытую травой лужайку в сердце научного комплекса

— говоря объективно, представляющего собой четыре одноэтажных строения, где горстка ученых корпела над биологическими и технологическими вопросами, на которых строилась жизнь колонии. Однако сейчас, с прибытием корабля, здесь забурлила жизнь, и Эндер уже предложил строителям изменить приоритеты и построить дополнительные здания для научных целей. Грохот строительной техники нельзя было назвать оглушительным: тяжелых машин было мало. Но, в общем, шум — распоряжения, громкие выкрики-предупреждения, перестукивание топоров и молотков — создавал сильную и энергичную атмосферу. Это был звук запланированных, радостных перемен.

Неужели Эндер точно знал, где искать мать и дочь Тоскано? Определенно, Эндер шел прямиком к нужному месту. И сейчас, когда Валентина задумалась над этим — начала *анализировать*, — она поняла: должно быть, ее брат намеренно дожидался окончания визита, того момента, когда челнок будет загружен для обратного рейса. Не самого последнего, но последнего из тех, которые не будут забиты под завязку пехотинцами и командой. Последний челнок с местами для второстепенных пассажиров.

Эндер рассчитал точно: еще вот-вот, и он бы опоздал. Алессандра потерянно стояла у подножия трапа, а мать тянула ее за рукав, подгоняя занять место в челноке. Тут Алессандра увидела Эндера, вырвалась из рук матери и побежала к нему. Бедняжка, разве можно быть более откровенной?

Она обеими руками обняла Эндера, и он — к его чести — охотно обнял ее в ответ. Собственно, Валентину удивило то, как он ее держал, с неподдельным чувством уткнувшись ей в плечо. Что он хочет этим показать? А Алессандра — что она должна думать о его поведении? Эндер, ты в самом деле такой толстокожий?

Когда она практически нырнула в его объятия, Эндер даже отступил на шаг, чтобы погасить внезапный толчок. Но он постарался, чтобы его лицо оказалось как можно ближе к ее уху.

— Шестнадцать — возраст, когда можно стать колонистом без разрешения родителей, — мягко заметил он.

Алессандра отодвинулась, чтобы испытующе заглянуть ему в глаза.

— Нет, — ответил Эндер. — Между нами ничего не будет. Я не прошу тебя остаться со мной.

— Тогда почему ты вообще просишь меня

остаться?

— Я не прошу, — сказал Эндер. — Я говорю тебе как. Здесь и сейчас я могу освободить тебя от матери. Не занять ее место, не взять контроль над тобой, но позволить тебе самой управлять своей жизнью. Вопрос: хочешь ли ты этого?

Глаза Алессандры внезапно наполнились слезами.

— Ты не любишь меня?

— Ты мне нравишься, — ответил Эндер. — Ты хороший человек, у которого ни разу в жизни не было ни единого мгновения свободы. Твоя мать контролирует тебя от и до. Она кормит тебя байками, и в конце концов ты им веришь и делаешь то, что она хочет. Вряд ли ты знаешь, чего хочешь сама. Здесь, на Шекспире, ты сможешь это выяснить. Там, наверху, в обществе твоей матери и адмирала Моргана, — не уверен, что ты когда-нибудь познаешь свободу.

Она кивнула, все понимая:

— Я знаю, чего я хочу. Я хочу остаться.

— Тогда оставайся, — сказал Эндер.

— Скажи ей, — попросила Алессандра. — Пожалуйста!

— Нет.

— Если с ней заговорю я, она докажет, что я

веду себя глупо.

— Не верь ей.

— Она заставит меня испытать чувство вины. Словно по отношению к ней я делаю что-то ужасное.

— Ничего такого ты не делаешь. В каком-то смысле ты тоже даришь свободу — ей. Она сможет завести детей от Моргана и перестать беспокоиться о тебе.

— Ты об этом знаешь? Ты знаешь, что она собирается родить ему детей?

Эндер вздохнул:

— Сейчас у нас нет времени для такого разговора. Твоя мать идет к нам, потому что челнок должен улетать, и она ждет, что ты займешь место на борту. Если ты решишь остаться, я тебя поддержу. Если добровольно пойдешь с нею, я пальцем не шевельну, чтобы тебя остановить.

И Эндер отступил от нее, когда Дорабелла подошла вплотную.

— Я понимаю, что он делает, — сказала мать. — Обещает тебе все, что захочешь, если ты останешься и станешь его игрушкой.

— Мама, — ответила Алессандра. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Я знаю: все, что он тебе наобещал, — это

ложь. Он тебя не любит.

— Знаю, что не любит. Он сам мне об этом сказал.

Алессандра с некоторым удовольствием отметила удивление на лице матери.

— Тогда к чему все эти обжимашки? То, как он уткнулся в тебя носом?

— Он шепнул мне кое-что на ушко.

— И что же?

— Всего лишь напомнил кое о чем, что я и без него знала, — сказала Алессандра.

— Расскажешь мне на борту челнока, моя дорогая принцесса-фея, там уже начинают терять терпение. Не хотят сердить твоего отца поздним прибытием.

И суток не прошло с тех пор, как Алессандра попросила мать *никогда* не называть Квинси «отцом», а она вновь за свое. Как всегда, мать решает, как должно быть, и Алессандра, сколько бы ни старалась, не в силах это изменить. Измениться придется ей самой. О чем бы ни шла речь, в конечном счете именно Алессандра соглашалась со всем, потому что так всегда оказывалось легче. Мать устраивала все так, что подыгрывать ей было проще простого.

Если Алессандре и удавалось ей сопротивлять-

ся, то только за ее спиной. Когда мать не смотрит, когда можно притвориться, что она не узнает.

«Я всегда ее боюсь, хотя она не совсем чудовище вроде бабушки. Или… или она и есть чудовище, просто я никогда не оказывала ей достаточного сопротивления, чтобы это выяснить? Я не обязана с ней лететь. Я могу остаться здесь… Но Эндер меня не любит. Кто у меня здесь есть? Ни единого друга, никого. Те люди, которых я знаю по перелету, все они общались с матерью, не со мною. Они говорили обо мне, прямо передо мною, потому что так делала мать. Когда они ко мне обращались, то лишь затем, чтобы сказать что-то, что мать практически вынуждала их сказать. Друзей у меня нет. Эндер и Валентина — единственные, кто относился ко мне как к личности. И Эндер меня не любит.

Почему он меня не любит? Что со мной не так? Я симпатична, умна. Пусть не так умна, как он сам или как Валентина, но в этом отношении с ними никто не сравнится, даже на Земле. Он сказал, что он меня хочет, — тогда, на корабле. Он меня хочет, но не любит. Я для него лишь тело, одно большое пустое место, и, если я останусь, я буду постоянно об этом помнить».

— Моя маленькая фея, — сказала мать, снова

порываясь тащить ее за рукав. — Пойдем. Мы будем так счастливы вдвоем, на пути к звездам! Ты получишь первоклассное образование с курсантами — твой отец мне это пообещал. К тому времени, как ты достигнешь нужного возраста, мы уже будем рядом с Землей, так что ты поступишь в настоящий университет и сможешь встретить мужчину, а не этого отвратительного эгоистичного мальчишку.

Вот уже мать практически тащит ее к челноку. Этим все всегда заканчивалось. Мать делала неизбежным следование ее планам. И альтернативы всегда казались столь ужасными! Другие люди никогда не понимали Алессандру столь же хорошо, как мать.

«Но и мама меня не понимает, — подумала Алессандра. — Она не понимает *меня*. Она лелеет свое безумное представление обо мне как подброшенной феями дочурке».

Алессандра обернулась, пытаясь отыскать взглядом Эндера. Вон и он, а на его лице — никакого сочувствия. «Как он может так со мною поступать? Он вообще ничего не чувствует? Не станет по мне скучать? Не позовет обратно? Не вступится за меня?

Нет. Он сказал „нет“. Он сказал мне… собствен-

ный выбор… добровольно…»

Алессандра остановилась как вкопанная.

Ее рука выскользнула из руки матери — Дорабелла по-настоящему не держала ее или держала очень слабо.

— Алессандра, — сказала мать. — Я увидела, что ты на него оглянулась, но — посмотри сама. Видишь, он тебя не хочет. Не зовет. Для тебя здесь нет ничего. Но там, среди звезд, — там тебя ждет моя любовь. Там волшебство нашего чудесного мира!

Но этот чудесный мир — никакое не волшебство, а кошмар, который мать только называла волшебством. И теперь в этом «чудесном мире» появился кто-то еще — кто-то, с кем мать спит, с кем собирается завести детей.

«Мать не просто обманывает меня, она обманывает и саму себя. На самом деле она не хочет, чтобы я летела с нею. Она обрела для себя новую жизнь и просто делает вид, что от этого ничего не поменялось. Факт: матери отчаянно нужно от меня отделаться, чтобы она могла жить дальше своей счастливой новой жизнью. Шестнадцать лет я была грузом, который тяжким бременем лежал на ее плечах, приковывал ее к земле, не давал делать все то, о чем она мечтала. Теперь

она обрела мужчину своей мечты — ну, скажем, мужчину, который в состоянии дать ей *жизнь*, о которой она мечтала. И я стою у нее на пути».

— Мама, — сказала Алессандра. — Я никуда с тобой не полечу.

— Еще как полетишь!

— Мне шестнадцать, — сказала Алессандра. — Закон гласит: я могу самостоятельно принять решение, становиться мне колонистом или нет.

— Чушь.

— Это правда. Валентина Виггин стала колонистом, когда ей было всего пятнадцать. Ее родители были против, но она поступила по-своему.

— Вот, значит, о чем он тебе наплел? Это может казаться романтичным и смелым, но ты навсегда останешься одинокой.

— Я и так все время одинока, — сказала Алессандра.

При этих словах Дорабелла отшатнулась.

— Мерзавка, да как у тебя язык поворачивается говорить такое? — прошипела она. — У тебя есть я. Ты не одинока!

— Всегда одинока, — повторила Алессандра. — И тебя никогда со мною нет. У тебя есть милый ангелочек — подаренное феями дитя. Но это не я.

Алессандра отвернулась и зашагала вниз по

трапу.

За своей спиной она услышала шаги матери. Нет, скорее, почувствовала: трап дрожал под ее ногами не в такт шагам.

А затем Алессандра ощутила толчок — жестокий удар в спину, который заставил ее потерять равновесие.

— Ну и проваливай тогда, маленькая сучка! — завопила мать.

Алессандра попыталась восстановить равновесие, но ее ноги не поспевали за верхней частью тела. Она почувствовала, что валится вперед, а трап выглядел таким крутым… сейчас она обрушится вниз, и руки не смогут смягчить…

Все эти мысли пронеслись в ее голове за долю секунды, а затем чья-то рука подхватила ее сзади. Вместо того чтобы удариться о трап, она нырнула вниз, затем качнулась вверх — и оказалось, что ее подхватила не мать. Дорабелла по-прежнему была от нее в нескольких шагах, на том месте, где ударила ее. Алессандру подхватил энсин Акбар, и на его лице читались тревога и забота.

— С тобой все в порядке? — спросил он, когда Алессандра выпрямилась.

— Именно! — громогласно крикнула мать. — Веди наверх эту маленькую засранку.

— Ты хочешь лететь с нами на корабль? — спросил энсин Акбар.

— Разумеется, хочет, — ответила за нее мать. Сейчас она оказалась у локтя Акбара. Алессандра наблюдала за трансформацией лица матери — превращение ведьмы, бросившей в спину дочери хамские слова, ударившей ее, в милую королеву фей. — Моя маленькая фея счастлива только рядышком с матерью.

— Думаю, я остаюсь, — мягко сказала Алессандра. — Ты поможешь мне сойти?

Энсин Акбар склонился к ней и прошептал на ухо, в точности как Эндер:

— Жаль, что я не могу остаться с тобой. — А потом выпрямился и отчеканил по-военному: — Прощайте, синьора Алессандра Тоскано. Счастья вам в этом добром мире.

— О чем ты говоришь! Мой муж отдаст тебя за это под трибунал! — воскликнула Дорабелла.

Она обогнула его, направляясь к Алессандре, и потянулась к ней, словно желая схватить.

Энсин Акбар взял Дорабеллу за запястье.

— Да как ты смеешь? — зашипела она ему в лицо. — Ты только что подписал себе смертный приговор за попытку мятежа.

— Адмирал Морган одобрит, что я не позволил

его жене совершить правонарушение, — сказал энсин Акбар. — Он одобрит, что я позволил колонисту воспользоваться своим правом и остаться на этой планете.

Они с Дорабеллой оказались лицом к лицу, и Алессандра увидела, как капельки ее брызжущей слюны летят ему в глаза. И все же он не сдвинулся ни на миллиметр.

— Идиот, тебя засудят не за это, — сказала Дорабелла. — Засудят за попытку изнасиловать меня на корабле, в каюте без освещения.

На какой-то миг Алессандра задумалась, когда это могло случиться и почему мать об этом умолчала.

Но затем сообразила: ничего этого не было. Мать лишь намеревалась заявить о том, что преступление имело место. Она угрожала энсину Акбару ложным обвинением. А в чем Алессандра точно была уверена, так это в том, что ее мать — великолепная лгунья. Потому что сама верит в свои собственные измышления.

Но Акбар только улыбнулся.

— Леди Дорабелла Морган кое о чем забыла, — сказал он.

— О чем же?

— Все записывается.

При этих словах он отпустил ее запястье, развернул и мягко подтолкнул вверх по трапу.

Алессандра не смогла сдержаться. У нее вырвался короткий и резкий смешок.

Мать развернулась к ней с лицом, перекошенным от ярости. В этот момент она была, как никогда, похожа на Изабеллу.

— Бабушка, — громко произнесла Алессандра. — Я думала, мы оставили тебя на Земле — но посмотри-ка, ты все же полетела с нами.

Это наверняка было самое жестокое, что Алессандра могла сказать. Мать онемела от боли. И все же в том заключалась простая сермяжная истина. Алессандра произнесла это не для того, чтобы заставить маму страдать, это просто вырвалось у нее в тот самый миг, когда она поняла, что это правда.

— Прощай, мама, — сказала Алессандра. — Нарожай кучу детишек от адмирала Моргана. Будь счастлива! Я желаю тебе этого. И надеюсь, ты будешь счастлива.

И она позволила энсину Акбару проводить ее до подножия трапа.

Там стоял Эндер — он незаметно подошел, пока Алессандра отвлекалась на мать. Все-таки он пришел за ней.

Алессандра и Акбар спустились вниз. Она обратила внимание, что Эндер не наступил на трап.

— Энсин Акбар, — вполголоса произнес Эндер, — насчет адмирала Моргана вы заблуждаетесь. Он «поверит» ей, хотя бы ради того, чтобы не ссориться.

— Боюсь, вы правы, — ответил Акбар. — Но что я могу сделать?

— Вы можете уволиться со службы. Ваш срок истек, как ни считай — по реальному времени или по релятивистскому.

— Я не могу уволиться посреди полета.

— Но вы сейчас не летите, — сказал Эндер. — Вы в порту, находящемся в юрисдикции Гегемонии, а у меня тут есть кое-какая власть.

— Он этого не допустит, — ответил Акбар.

— Еще как допустит, — заверил Эндер. — Адмирал Морган подчинится закону, потому что это тот самый закон, который дает ему абсолютную власть на время полета. Если он нарушит его в отношении вас, закон может быть нарушен и в отношении него. Морган это прекрасно знает.

— Даже если и не знает, — заметил Акбар, — вы только что ему об этом сообщили.

Лишь теперь Алессандра сообразила, что все их слова по-прежнему записываются.

— Да, — сказал Эндер. — Так что вам совсем не обязательно сталкиваться с последствиями вызова, брошенного госпоже Морган. Вы действовали исключительно в пределах правового поля. Здесь, в городке Миранда, к вам будут относиться с тем уважением, которого заслуживает порядочный человек вроде вас. — Эндер повернулся и взмахом руки обвел все поселение. — Наш городок невелик, но взгляните — он намного больше корабля.

И то правда! Алессандра будто увидела это в первый раз. Увидела, сколько здесь места. Что здесь есть где спрятаться от тех, кто ей не нравится. Место для собственного, личного пространства, чтобы говорить слова, которые никто не подслушает, чтобы думать свои мысли.

«Я сделала правильный выбор».

Энсин Акбар сошел с трапа. Алессандра тоже. Мать что-то вопила ей вслед. Но Алессандра не разбирала ни единого слова. Она вообще их не слышала, хотя слова наверняка звучали сильные.

Ей просто больше не нужно было их слышать. Не нужно было их понимать. Она больше не принадлежала миру своей матери.

18

Кому: Gov%ShakespeareCol@ColMin.gov
От: MinCol@ColMin.gov

Тема: Нежданные колонисты

Дорогой Эндер,

рад слышать, что в колонии Шекспир все настолько хорошо. Успешная ассимиляция новых колонистов пока не имеет аналогов в других колониях, и мы – в конце концов – согласились с прошением губернатора колонии IX не направлять им колонистов или нового губернатора. В двух словах: они объявили себя еще более независимыми, чем вы. Утверждалось, что твое заявление по поводу навязанных другими планетами губернаторов, сподвигло их решать, хотят ли они новых колонистов. Так что это в некотором роде твоя вина, ты так не считаешь?

К сожалению, мы получили их заявление уже после того, как направленный к ним корабль с несколькими тысячами

новых колонистов, новым губернатором и огромным количеством припасов преодолел бóльшую часть пути. Корабль стартовал вскоре после вашего отлета. А теперь они в тридцати девяти световых годах от дома, а вечеринка, на которую их приглашали, внезапно отменена.

Однако Шекспир достаточно близко к их маршруту, и в настоящее время они находятся в той точке, где мы сможем затормозить их и развернуть. До вашей планеты они смогут добраться примерно через год.

Все эти колонисты будут для вас незнакомцами. У них есть свой губернатор – опять-таки вы его не знаете и даже никогда не слышали о нем. Почти наверняка лучше всего будет, если они смогут основать собственное поселение, примут от вас помощь (в том числе медицинскую) и припасы, но управляться будут самостоятельно.

Поскольку вы уже разделили вашу колонию на четыре деревни, их поселение будет крупнее любого из ваших. Ассимилировать их будет гораздо труднее, чем

вас, так что я предлагаю образовать федерацию двух колоний. Или, если захотите, федерацию пяти городов, хотя соотношение 4:1 в такой федерации способно создать некую напряженность.

Если ты откажешься принять этот корабль, я тебя послушаю; их можно перевести в режим ожидания, даже погрузить в стазис бóльшую часть команды, пока одна из новых терраформируемых планет не будет готова их принять.

Но если кто-то и может приспособиться к этой ситуации и убедить свою колонию принять новеньких, так это ты.

Прилагаю полную информацию, включая биографии и грузовую декларацию.

Хайрам

Кому: MinCol@ColMin.gov
От: Gov%ShakespeareCol@ColMin.gov

Тема: Re: Нежданные колонисты

Дорогой Хайрам,

мы найдем подходящее место и подготовим жилье к их прибытию. Поселим их рядом с городом жукеров, чтобы они могли изучать их технологии и обрабатывать поля, как делали мы. Так как вы предупредили нас заблаговременно, у нас есть время на то, чтобы засеять поля и заложить фруктовые сады с адаптированными для людей местными и генетически модифицированными земными культурами. Народ Шекспира за это проголосовал и с энтузиазмом готов взяться за проект. Я готовлюсь к экспедиции для поисков подходящего места.

Эндрю

За все одиннадцать лет в жизни Абры случилось только одно значимое событие — прибытие Эндера Виггина.

До этого была сплошная работа. От детей ожидалось, что они будут делать все, что в их силах, а Абра имел сомнительное счастье обладать руками, растущими откуда надо. Он умел завязывать и развязывать узлы, еще не научившись складывать слова в предложения. Абра просто видел, как работают машины, и, когда достаточно подрос,

чтобы взяться за инструменты взрослых, он смог их чинить или переделывать. Абра понимал, как течет энергия через металлические части. Так что работа его находила всегда, даже когда остальные дети играли.

Его отец, Икс, гордился сыном, так что Абра тоже собой гордился. Он радовался тому, что еще ребенком приносил пользу, выполнял взрослые поручения, был нужен. Он был младше и меньше своего брата По, который ушел с дядей Сэлом и нашел золотых жуков. Но сам Абра отправился туда, чтобы строить тележку, на которой люди въезжали в пещеру и выезжали из нее, доставляя в колонию жуков еду и вывозя золотые останки.

Тем не менее Абра частенько с тоской поглядывал на детей своего возраста, которых не мог назвать друзьями, поскольку проводил с ними слишком мало времени. Он смотрел, как они плавают в заводи, лазают по деревьям во фруктовых садах или стреляют из рогатки.

Только мама его понимала. Время от времени Ханна настаивала на том, чтобы он шел с другими детьми, отложив в сторону любую работу. Но было слишком поздно. Подобно птенчику, которого подержал в руке ребенок и перья которого стали пахнуть человеком, Абра был будто заклеймен.

Со стороны сверстников отторжения не было, они просто не считали его своим. Попытайся он влиться в их группу, для всех это показалось бы столь же неуместным, как если бы кто-нибудь из взрослых стал настаивать на том, чтобы принять участие в их играх. Это все порушило бы. И особенно потому, что Абра был втайне убежден: в детских играх он был бы очень-очень плох. Когда он был маленьким и пытался что-то строить из кубиков, то часто плакал. Ведь эти постройки могли продержаться совсем недолго — другие дети разрушали их. И эти дети, казалось, совершенно не понимали, что он возводит свои строения вовсе не для того, чтобы посмотреть, как рушится построенное.

Этой особенностью Абры объяснялось его отношение к прилету Эндера. Эндер Виггин был губернатором, и все же он был молод, ему было столько же, сколько По. Взрослые говорили с Эндером так, словно он был одним из них. И даже так, словно он был старше их. Они шли к нему с проблемами, чтобы он их разрешал. Они выкладывали ему суть своих споров и ждали его решения, слушали объяснения, задавали вопросы, приходили к тому, чтобы принять *его* точку зрения.

«Я похож на него, — думал Абра. — Взрослые консультируются со мной насчет механизмов точно так же, как консультируются с Эндером насчет других проблем. Они стоят и слушают мои объяснения. Делают то, что я им говорю, чтобы исправить проблему. У нас с ним одинаковая жизнь — мы, в сущности, не дети. У нас нет друзей.

Ну конечно, у Эндера есть сестра, но она странная затворница, которая день-деньской может сидеть взаперти, выходя только на утреннюю прогулку летом да полуденную прогулку зимой. Говорят, она пишет книги. Все взрослые ученые пишут статьи и отсылают их на другие планеты, а потом читают журналы и книги, которые приходят оттуда. Но то, что пишет она, — это вообще никакая не наука. Это история. Прошлое. Что в нем такого важного, когда в настоящем надо так много всего сделать, столько всего открыть? Не может быть, чтобы Эндера интересовали такие вещи».

Абра даже не мог представить, о чем они между собой разговаривают. «Сегодня я дал Ло и Амато разрешение на развод». — «Это случилось сто лет назад?» — «Нет». — «Тогда меня это не интересует».

У Абры тоже были братья и сестры. По хорошо

с ним обращался. Все они хорошо с ним обращались. Но они с ним не играли. Они играли друг с другом.

И это нормально. Абра *не хотел* «играть». Он хотел делать что-то настоящее, значимое. От починки машин и создания вещей он получал не меньше удовольствия, чем они от своих игр, шутливых драк и игры в вышибалу. И сейчас, когда мама сказала, что ему не нужно больше ходить в школу и его перестали высмеивать за то, что он не умеет читать и писать, Абра свободное время тратил на то, чтобы всюду следовать за Эндером Виггином.

Губернатор Виггин его замечал: иногда говорил с Аброй — время от времени что-то объяснял; столь же часто задавал вопросы. Но по большей части он позволял Абре болтаться рядом, а если другие взрослые, говорящие о серьезных делах, временами бросали взгляд на Абру, словно спрашивая Эндера, почему с ним этот *ребенок*, Эндер просто игнорировал их молчаливый вопрос, и уже скоро они общались так, словно Абры и не было.

Так что, когда Эндер отправился в экспедицию в поисках подходящего места для приземления нового корабля и основания еще одной колонии,

никому и в голову не пришло, что Абра с ним не пойдет. Однако отец отвел Абру в сторонку и поговорил с ним.

— Это серьезная ответственность, — сказал он. — Ты не должен предпринимать никаких опасных действий. Если с губернатором что-нибудь случится, твоей первой задачей будет сообщить мне по спутниковой связи. Ваше местонахождение будет отслежено, и мы немедленно отправим помощь. Не пытайся справиться самостоятельно, не оповестив сначала нас. Ты понял?

Разумеется, Абра понял. Для отца Абра был просто подстраховкой. В совете матери прозвучало чуть меньше пессимизма насчет роли Абры.

— Не спорь с ним, — сказала она. — Или хотя бы сначала выслушай и лишь потом спорь.

— Конечно, мам.

— Ты говоришь «конечно», но ты не очень-то хорошо умеешь слушать. Абра, ты всегда уверен, будто знаешь наперед, что скажут люди. Ты должен давать им договорить, потому что иногда ты бываешь не прав.

Абра кивнул:

— Я буду слушать Эндера, мам.

Она закатила глаза — хотя на других детей кричала, когда они так разговаривали с нею.

— Да, думаю, его ты слушать станешь. Один только Эндер достаточно мудр, чтобы знать больше, чем мой Абра!

— Мам, я не знаю все.

Как можно достучаться до нее, чтобы она поняла, — он становился нетерпеливым, лишь когда взрослые считали, что разбираются в машинах, а сами не разбирались. В остальных случаях он вообще не говорил. Но поскольку в большинстве случаев взрослые думали, будто знают, что не так с поломанной техникой, и в большинстве случаев ошибались, почти все его разговоры с ними заключались в том, что он их поправлял или им противоречил. Или игнорировал. О чем еще ему было говорить со взрослыми, кроме как о машинах? А в этом Абра разбирался лучше их. Однако с Эндером разговоры почти никогда не шли о машинах, речь шла обо *всем*, и Абра все впитывал.

— Я попытаюсь не позволить По жениться на Алессандре, пока ты не вернешься, — сказала мама.

— Мне все равно, — ответил Абра. — Им вовсе не обязательно дожидаться меня. Вряд ли я потребуюсь им в брачную ночь.

— Абра, иногда ты прямо напрашиваешься на

пощечину, — заметила мать. — Но Эндер тебя терпит. Этот мальчик просто святой. Санто Андре.

— Сан-Эндер, — сказал Абра.

— Имя, которое ему дали при крещении, — Эндрю.

— Но имя, которое сделало его святым, — Эндер.

— Мой сын — теолог. И ты еще говоришь, что не обо всем знаешь, — сказала мать и покачала головой в очевидном раздражении.

Абра никогда не понимал, откуда берутся такие аргументы или почему такие разговоры всегда заканчиваются тем, что взрослые качают головой и отворачиваются. Он принимал их мысли всерьез, почему же они не могли относиться к нему так же?

А вот Эндер относился. И Абре предстояло провести дни — а может, и недели — с Эндером Виггином. Они будут вдвоем, больше никого.

Экраноплан был загружен припасами на три недели, хотя Эндер выразил сомнение в том, что поездка окажется настолько долгой. Проводить их пришел По, к которому словно прилипла Алессандра.

— Постарайся не быть обузой, Абра, — сказал брат.

— Ты просто завидуешь, что с ним еду я, — ответил Абра.

Тут подала голос Алессандра:

— По не хочет никуда ехать.

Под этим подразумевалось: ему невыносима мысль покинуть ее хотя бы на секунду.

Однако лицо По ничего не выражало, так что Абра точно знал: может, он и потерял голову из-за этой девушки, но все равно предпочел бы поехать с Эндером, чем остаться с нею. Впрочем, вслух Абра ничего не сказал — вопреки мнению матери о нем. Он даже не подмигнул По, а просто сделал лицо ничего не выражающим — точь-в-точь как у брата. Так смеются индейцы прямо перед лицом тех, над кем смеются, — и при этом никакой грубости, никакой драки.

Поездка оказалась для Абры странным опытом. Поначалу они, разумеется, просто летели над своими полями. Знакомые земли. Затем двинулись по дороге в Фальстаф, расположенный к западу от Миранды. Этот путь был Абре также знаком, потому что в Фальстафе жила сестра Альма с мужем — большим и глупым Саймоном, который всегда щекотал детей до тех пор, пока они не обмочатся, а затем высмеивал их за то, что они писаются в трусики, как малышня. К облегчению Абры,

Эндер остановился здесь только поздороваться с мэром, после чего они сразу продолжили путь.

На первую ночь они остановились в поросшей травой горной долине, спрятавшись в ней от поднимающегося ветра. Ночью случилась гроза, но они укрылись в палатке. Эндер сам, не дожидаясь просьб Абры, стал рассказывать ему истории о Боевой школе, о том, как играли в боевой комнате, и о том, что это на самом деле была не игра, а подготовка и проверка лидерских качеств.

— Некоторые рождаются лидерами, — сказал Эндер. — Они просто думают по-лидерски, не важно, хотят ли они сами вести других за собой или нет. А кто-то рождается с жаждой власти, но не обладая лидерскими способностями. И это очень печально.

— А зачем людям хотеть чего-то, в чем они не хороши? — спросил Абра.

Он попытался представить, что хочет стать ученым, несмотря на проблемы с чтением. Это же абсурд!

— Власть — странная штука, — сказал Эндер. — Люди видят ее, но понятия не имеют, как это работает.

— Знаю, — ответил Абра. — Большинство людей так же ведут себя с машинами. Но все равно

пытаются их починить и делают только хуже.

— То есть ты это точно понимаешь. Люди не видят, что делает лидер, видят только, как все уважают хорошего лидера. И хотят получить такое внимание и уважение, не понимая, что́ они должны сделать для того, чтобы этого добиться.

— Все уважают тебя, — сказал Абра.

— А я почти ничего не делаю, — сказал Эндер. — Мне приходится разбираться в том, что делают остальные, чтобы помогать им в их работе, ведь у меня самого работы не так много. Управление нашей колонией — это слишком простая работа, чтобы посвящать ей целые дни.

— Простая для тебя, — заметил Абра.

— Наверное. Но когда я занимаюсь другими делами, я все равно остаюсь губернатором. Потому что я все время изучаю людей. Нельзя вести за собой тех, кого не знаешь или хотя бы не понимаешь. К примеру, если на войне ты не знаешь, на что способны твои солдаты, как ты можешь вести их в бой и надеяться на победу? То же и с врагом. Ты должен его знать.

Абра думал об этом, пока они лежали в темноте палатки. Думал так долго, что, может, даже чуток вздремнул, и ему приснилось, что Эндер сидит и толкует о жукерах — а потом обменивается с

ними рождественскими подарками. Возможно, он был в полудреме, но он точно не спал, когда прошептал Эндеру:

— И ты потому так много возишься с золотыми жуками?

Похоже, Эндер задавал себе тот же вопрос. Он не отмахнулся от Абры, как взрослые: «О чем ты вообще?» Эндер придерживался темы их разговора, и хотя голос Эндера звучал сонно — возможно, вопрос Абры разбудил его, — но Эндер *все еще* знал, о чем идет речь.

— Да. Я понял королев ульев в достаточной степени, чтобы их победить. Но недостаточно хорошо, чтобы понять, почему они позволили мне это сделать.

— Они позволили тебе?

— Нет, они жестоко сражались со мной, изо всех сил стараясь одержать победу. Но потом они собрались все вместе там, где я мог уничтожить их всех, — в одном-единственном сражении. И они знали, что у меня есть оружие, способное их уничтожить. Оружие, о котором они знали больше нашего, потому что мы получили его от них. Мы по-прежнему не разобрались до конца с принципами, положенными в основу этого оружия. Но они-то их знали! И все же они собрались

вместе и ждали меня. Я этого не понимаю. Поэтому… я пытаюсь общаться с личинками золотого жука. Чтоб хотя бы начать понимать, как думали королевы ульев.

— По говорит, в этом никто с тобой не может сравниться.

— Правда?

— Говорит, всем остальным нужно работать и работать, чтобы получить от золотых жуков или отправить им хоть проблеск картинки, но тебе удалось это с первой попытки.

— Я и не знал, что это так необычно, — заметил Эндер.

— Об этом говорят, когда тебя рядом нет. По говорит об этом с папой.

— Интересно, — сказал Эндер.

Судя по голосу, он не чувствовал себя польщенным. Непохоже было и что он скромничает. Вопрос прозвучал так, словно Эндер действительно думал, что его талант к общению с золотыми жуками — обычная вещь.

Когда Абра подумал на этот счет, все складывалось. Если ты родился с талантом в чем-либо, смешно гордиться тем, что тебе это удается. Было бы столь же глупо гордиться тем, что у тебя две ноги, что ты разговариваешь или ходишь

в туалет.

Будучи с Эндером, Абра чувствовал себя свободным говорить все, что думает, и он не преминул это сделать. Эндер рассмеялся в ответ.

— Именно, Абра. Одно дело, если ты работаешь для того, чтобы чего-то добиться. Почему бы этим не погордиться? Почему не чувствовать радость от этого? Но если ты с чем-то рожден, это… это просто есть. Не возражаешь, если я тебя процитирую?

Абра не вполне понял, что Эндер имеет в виду. Он что, собирается написать научную статью? Или письмо кому-нибудь?

— Пользуйся на здоровье, — сказал Абра.

— Итак… У меня талант говорить с золотыми жуками, — сказал Эндер. — Понятия об этом не имел. Однако это не разговор, — скорее, они показывают тебе, что помнят, и к этому добавляют чувство. Скажем, вот мое воспоминание о еде — и они прилагают к этому голод. Или ту же картинку о еде плюс чувство отвращения или страха. Значит, пища ядовита или не нравится вкус, или… в общем, ты понял.

— Без слов, — сказал Абра.

— В точку.

— Я так же вижу технику. Мне приходится

находить слова, чтобы объяснить ее людям, но когда я ее вижу, то просто знаю. Правда, не думаю, что машины со мной разговаривают. Чувств нет.

— Может, техника и не разговаривает, но это не значит, что ты не можешь ее слышать, — заметил Эндер.

— Именно! Да! Так и есть! — Абра почти выкрикнул эти слова, и его глаза наполнились слезами, а он даже не понял почему.

Или… о да, он понимал. До сих пор ни один взрослый даже не задумался, каково это — чувствовать что-то подобное.

— У меня в свое время был друг. Думаю, он точно так же видел сражения. Мне приходилось тщательно продумывать, как сгруппированы силы, но Боб просто *видел*. Он даже не понимал, что другим людям требуется больше времени на осознание — даже если им вообще по силам осознать. Для него все было просто очевидно.

— Боб? Это имя?

— Он был сиротой. Это было уличное прозвище. Боб узнал свое настоящее имя много позже, когда люди, которые за ним присматривали, собрали достаточно информации и выяснили, что его похитили еще эмбрионом и генетически изменили для того, чтобы сделать из него гения.

— О, — произнес Абра. — Значит, это был не настоящий он.

— Нет, Абра, — сказал Эндер. — Мы такие, какими делают нас наши гены. У нас действительно есть все те способности, которые они дают. С этим мы и стартуем. Сам факт, что гены были изменены преступником-ученым намеренно, совсем не означает, что они нечто меньшее, чем родные гены, доставшиеся от наших отцов и матерей. Я тоже был сделан намеренно. Не в подпольной лаборатории, конечно, но мои родители выбрали друг друга отчасти потому, что оба были очень умными, а потом Межзвездный флот попросил их родить третьего малыша, потому что мои старшие брат и сестра тоже были исключительно умными, но все же не вполне соответствовали хотелкам МФ. И что, это значит, что я — на самом деле не я? А кем бы я был, если бы мои папа и мама меня не родили?

Абре было довольно сложно следить за ходом такого разговора. От этого клонило в сон. Он зевнул.

И тут Эндер сделал сравнение, понятное Абре.

— Это вроде как спросить: «Чем был бы насос, если бы он был не насосом?»

— Но это же глупо. Это насос. Если б он не был

насосом, он бы совершенно ничем не был.

— Значит, ты понимаешь.

Абра прошептал еще один вопрос:

— Значит, ты как мой отец и не веришь в то, что у людей есть души?

— Нет, — сказал Эндер. — О душах я не знаю. Знаю только, что, пока мы живы, пока мы в этих телах, нам по силам только то, на что способны мой мозг и тело. Мои родители верят в души. Я знал людей, которые были абсолютно убеждены в их существовании. Умных людей, хороших. Так что, если я чего-то не понимаю, это отнюдь не значит, что я не считаю это правдой.

— Это похоже на то, что говорит папа.

— Видишь? Он не верит в души.

— Но мама говорит что-то вроде… говорит, что может посмотреть мне в глаза и заглянуть в душу.

— Не исключено, что может.

— Это как ты можешь заглянуть внутрь личинки золотого жука и понять, о чем она думает?

— Может быть, — сказал Эндер. — Правда, я не могу увидеть, о чем она думает. Я вижу только то, что она мысленно мне посылает. Я пытаюсь вложить свои мысли в *ее* разум, но не думаю, что я действительно внушаю их ей. Наверное,

способность мысленно общаться полностью принадлежит личинке. Она посылает картинки мне, а затем принимает из моего разума все, что я показываю. Но сам я ничего не делаю.

— Тогда как ты можешь быть в этом отношении лучше остальных, если ничего не делаешь?

— Если я действительно лучше — не забывай, ни твой отец, ни По не могут точно знать, лучше я или нет, — то это может быть потому, что золотому жуку легче проникнуть в мой разум.

— Почему? — спросил Абра. — С какой стати рожденный на Земле человек будет иметь мозг, в который легче проникнуть золотому жуку?

— Я не знаю, — ответил Эндер. — И это один из тех вопросов, за ответами на которые я прилетел на эту планету.

— Вообще-то, это неправда, — сказал Абра. — Ты не мог лететь сюда, чтобы выяснить, почему твой мозг жукерам понять проще. До прилета ты не знал, что может твой мозг!

Эндер рассмеялся:

— У тебя нулевая толерантность к «кусо», так?

— А что такое «кусо»?

— Дерьмо, — ответил Эндер. — Чушь.

— Ты мне врал?

— Нет, — ответил Эндер. — Вот как было дело.

Когда я на Эросе вел войну, у меня были сны. Я не знал, что воюю, но я воевал. У меня был сон, в котором группа жукеров подвергала меня вивисекции. С одним отличием: вместо того чтобы разрезать мое тело, они вскрывали мои воспоминания и показывали их наподобие голограмм, пытаясь в них разобраться. С чего у меня возник такой сон, Абра? Потом, когда я победил в войне и узнал, что на самом деле я сражался с королевами ульев, а не просто с компьютерной симуляцией или своими наставниками, я вспомнил о некоторых своих снах и задался вопросами. Не пытались ли и они понять меня так же упорно, как я пытался понять их? А тот сон — не потому ли он мне приснился, что на каком-то уровне я сознавал, что они залазят мне в голову, и это меня пугало?

— Ух ты, — сказал Абра. — Но если они могли залезть к тебе в голову, почему они не смогли тебя победить?

— Потому что мои победы даже не были у меня в голове, — сказал Эндер. — Странная штука. Я продумывал сражения, да, но я не видел их так, как видел Боб. Вместо этого я видел людей. Солдат в моем подчинении. Я знал, на что способны эти ребята. Поэтому я создал для них ситуацию, в которой их решения оказались бы критичными;

сказал им, чего хочу от них получить, а потом доверился им. Доверил принимать решения, которые позволят достичь моей цели. На самом деле я не знал, что они будут делать. Поэтому проникновение в мою голову никогда не показало бы королевам, что я планирую: у меня не было плана, не было ничего такого, что они могли бы обратить против меня.

— Именно поэтому ты так думал, намеренно? Чтобы они не могли узнать твоих планов?

— Я не знал, что игра идет по-настоящему. Обо всем этом я раздумывал потом. Пытался понять.

— Но если это правда, тогда ты все время был на связи с жукерами… королевами ульев.

— Не знаю. Может быть, они хотели, но не могли разобраться. Уверен, они не пытались ничего вложить мне в голову, по крайней мере явно, чтобы я это понял. А что они могли взять из моих мыслей? Понятия не имею. Может, этого вообще не происходило. Может быть, они мне снились потому, что я не переставал о них думать. Что я буду делать, если встречу настоящих королев ульев? Будь эта симуляция реальным сражением, что бы думала королева улья? Такие вопросы.

— А что думает папа? — спросил Абра. — Он умный, а о золотых жуках сейчас знает больше,

чем кто-либо.

— Об этом я с твоим отцом не говорил.

— О, — произнес Абра.

И стал молча обдумывать этот факт.

— Абра, — сказал Эндер. — Я вообще ни с кем это не обсуждал.

— О.

Абра больше не мог ничего сказать, поскольку его захлестнули чувства. Эндер ему доверился.

— Давай спать, — предложил Эндер. — Хочу, чтобы с рассветом мы были уже на ногах и двигались дальше. Эта новая колония должна располагаться в нескольких днях пути, даже на экранопланах. Когда мы найдем подходящую местность, я отмечу конкретные места для зданий и полей, для посадочной полосы челноков, и все такое.

— Может, мы найдем еще одну пещеру с золотыми жуками.

— Не исключено, — согласился Эндер. — Или жуками из другого металла. Как та бокситовая пещера, которую вы обнаружили.

— Лишь потому, что все алюминиевые жуки были мертвы, это не значит, что мы не найдем пещеру с живыми, верно? — спросил Абра.

— Мы могли найти единственных выжив-

ших, — сказал Эндер.

— Но папа говорит, что вероятность велика. Говорит, было бы слишком сильным совпадением, если бы золотые жуки, продержавшиеся в живых дольше всего, оказались единственными выжившими, которых посчастливилось открыть дяде Сэлу и По.

— Твой отец не математик, — сказал Эндер. — Он неправильно понимает вероятность.

— Что ты имеешь в виду?

— Сэл и По действительно нашли пещеру с живыми личинками золотых жуков. Следовательно, шанс, что они их найдут в нашей Вселенной, составляет сто процентов. Ибо это произошло.

— О.

— Но поскольку мы не знаем, сколько еще существует пещер с жуками, не знаем, где они находятся, любое предположение о том, каковы шансы найти еще одну, не относится к вероятности, — это просто предположение. Для выведения математической вероятности у нас недостаточно данных.

— Мы знаем, что была еще одна пещера, — заметил Абра. — Так что нельзя сказать, что мы совсем ничего не знаем.

— Но из тех данных, что у нас есть, одна пе-

щера с живыми золотыми жуками, а вторая — с мертвыми алюминиевыми… Какой вывод можно сделать?

— Что у нас равные шансы наткнуться как на живых, так и на мертвых. Именно об этом папа и говорит.

— Но на самом деле это не так, — заявил Эндер. — Потому что в пещере, которую открыли Сэл и По, жуки отнюдь не благоденствовали. Они почти вымерли. А во второй пещере они вымерли по-настоящему. Так каковы же шансы?

Абра крепко задумался.

— Не знаю, — сказал он. — Это зависит от того, насколько велика была каждая колония и пришлось ли им питаться телами собственных родителей. А может, это зависит от чего-нибудь такого, о чем я и понятия не имею.

— Вот теперь ты размышляешь как ученый, — сказал Эндер. — А сейчас, пожалуйста, подумай о том, чтобы поспать. Завтра у нас долгий день.

Весь следующий день они провели в пути, местность выглядела довольно однообразной, и в конце концов Абра не выдержал.

— Что здесь не так? — спросил он. — Жукеры здесь жили, возделывали поля, и все было пучком. А посадочную полосу можно проложить

вон там.

— Слишком близко, — сказал Эндер. — Слишком мало места для новеньких, чтобы они сумели развить собственную культуру. Слишком близко — в том смысле, что если они вдруг проникнутся завистью к деревушке Фальстаф, то могут попытаться ее захватить.

— С какой стати им это делать?

— Потому что они люди, — ответил Эндер. — И в частности, потому, что среди них есть те, кто знает все, что знаем мы, которые могут делать все, что делаем мы.

— Но они все равно будут нашими, — сказал Абра.

— Недолго. Теперь, когда деревни разнесены, фальстафцы начнут думать о том, что хорошо для Фальстафа. Может, начнут возмущаться тем, что Миранда считает себя центром, а может, они сами захотят объединиться с этими новыми поселенцами.

В течение следующих десяти километров Абра не переставал над этим размышлять.

— А что в этом плохого?

На этот раз Эндеру пришлось задуматься, прежде чем он смог ответить.

— А, ты о том, что Фальстаф может доброволь-

но объединиться с новенькими? Ну, я не знаю, будет ли в этом что-то плохое. Я просто знаю, что́ хотел бы для всех этих поселений, в том числе для нового. Я хотел бы, чтобы они были достаточно обособленными, чтобы развивать свои традиции и культуру, чтобы отстояли друг от друга достаточно далеко, чтобы им не пришлось сражаться за одни и те же ресурсы, — и в то же время достаточно близко, чтобы торговать, общаться, заключать браки. Надеюсь, найдется некое идеальное расстояние, которое не позволит им сражаться друг с другом долгое-долгое время.

— Пока ты наш губернатор, мы в любом случае одержим победу, — заметил Абра.

— Мне плевать на то, кто победит, — сказал Эндер. — Сама война — вот что ужасно.

— Но когда ты победил жукеров, ты так не чувствовал!

— Нет, — согласился Эндер. — Когда на кону выживание человечества, волей-неволей тебе есть дело до того, кто победит. Но в войне колонистов на этой планете… меня меньше всего волнует, чья сторона одержит верх. И в том и в другом случае будут смерти, потери, горе и ненависть, горькие воспоминания и семена грядущих войн. И с обеих сторон будут люди, а это значит, что

люди в любом случае проиграют. И проиграют снова, и дальше будут проигрывать. Абра, я иногда молюсь — ты об этом знаешь? Потому что мои родители молились. Иногда я разговариваю с Богом, хотя ничего о нем не знаю. И я прошу его: пусть войны закончатся!

— Они закончились, — сказал Абра. — На Земле. Гегемон объединил весь мир, и больше никто не воюет.

— Да. Согласись, было бы нелепо, если бы у них, на Земле, в конце концов воцарился мир, а мы тут же устроили драку здесь, на Шекспире.

— Гегемон — твой брат, да? — спросил Абра.

— Он брат Валентины.

— Но она твоя сестра, — сказал Абра.

— Он брат Валентины, — повторил Эндер.

На его лицо будто набежала тень, и Абра не стал спрашивать его, что он имеет в виду.

На третий день пути, когда солнце оказалось в двух ладонях над западным горизонтом (время на часах здесь не значило ничего, земные сутки с местными не совпадали), Эндер наконец остановил экраноплан на гребне холма, с которого открывался вид на широкую долину с запущенными садами и полями, заросшими сорокалетней порослью. В склонах окружающих холмов были

видны входы в туннели, на поверхность выходили трубы, — это говорило о том, что жукеры развивали здесь какую-то промышленность.

— Это место ничуть не хуже прочих, — сказал Эндер.

Так было выбрано место для новой колонии.

Они поставили палатку, Эндер организовал обед, и они с Аброй пешком спустились в долину, заглянув в пару пещер. Никаких жуков не нашли — это не было поселением. Но обнаружили механизмы такого типа, какого раньше им видеть не доводилось, и Абра тут же возжелал разобраться, что тут к чему. Но Эндер сказал:

— Обещаю — ты будешь первым, кто осмотрит эту технику, но не сейчас. Не сегодня вечером. Наше задание — спланировать колонию. Я должен определить, где будут поля, источники воды. Нам надо найти систему канализации жукеров, нужно посмотреть, сумеем ли мы запустить их генераторы. Нужно совершить все то, что делало поколение Сэла Менаха задолго до твоего рождения. Но уже скоро у нас появится время для жукерской техники. И тогда, поверь, ты сможешь заниматься этими машинами дни напролет.

Абра едва не принялся канючить и просить, словно маленький, но быстро понял: Эндер прав.

Поэтому он удовлетворился обещанием Эндера и остался с ним до конца вечерней прогулки.

Они не успели вернуться в лагерь до захода солнца — добрались только к ночи, чтобы лечь спать. На этот раз разговор начался с того, что Эндер попросил Абру рассказать какую-нибудь из историй его родителей. Индейские истории отца, китайские — матери или что-нибудь из общей истории христиан-католиков. Этим Абра и занялся, и говорил до тех пор, пока глаза не стали неудержимо слипаться. А потом они с Эндером уснули.

На следующий день Эндер и Абра наметили поля, улицы, записали все в голографические карты полевого компьютера Эндера, которые автоматически улетели на орбитальный терминал. Даже не было необходимости звонить отцу по спутниковому телефону: он и так автоматически получит информацию и увидит результаты их работы.

Позднее, в разгар дня, Эндер вздохнул и сказал:

— Знаешь, вообще-то, это скучно.

— Правда? — саркастично спросил Абра.

— Даже у рабов время от времени выдавалось время для отдыха.

— У кого? — спросил Абра.

Абра опасался, что это какой-то школьный термин, которого он не знал, потому что не мог читать и перестал ходить в школу.

— Ты не представляешь, как я рад, что ты не имеешь об этом понятия.

Что же, если Эндер рад, Абра тоже рад.

— Предлагаю в течение следующего часа делать все, что захочется, — сказал Эндер.

— Например?

— Что? Ты хочешь, чтобы я за тебя решил, что ты посчитаешь интересным?

— А что будешь делать ты?

— Собираюсь проверить, подходит ли река для купания.

— Это опасно — плавать одному, — сказал Абра.

— Если утону, позвони отцу, чтобы он за тобой приехал.

— Ты же знаешь, я и сам сумею довезти экраноплан до дома.

— Но не сможешь взвалить на него мертвеца, — заметил Эндер.

— Не говори так! — воскликнул Абра.

Он хотел, чтобы его голос прозвучал сердито, но голос дрогнул и прозвучал испуганно.

— Я хорошо плаваю, — сказал Эндер. — Соби-

раюсь опробовать воду — убедиться, что от нее мне не станет плохо. А плавать буду, только если нет течения, хорошо? Если хочешь, ты можешь искупаться со мной.

— Я не люблю плавать.

На самом деле он просто не умел плавать.

— Тогда… не забирайся только в пещеры и не суйся к машинам, хорошо? — попросил Эндер. — Потому что эта техника действительно пугает.

— Это потому, что ты ее не понимаешь.

— Хорошо, — сказал Эндер. — Но если что-то пойдет не так? Что, если мне придется возвращать твоим родителям твое изувеченное или обожженное тело?

Абра засмеялся:

— Значит, я могу позволить губернатору погибнуть, но он не может допустить гибели глупого малыша?

— Именно, — сказал Эндер. — Потому что я за тебя отвечаю, а ты отвечаешь только за то, чтобы сообщить о моей смерти, если это случится.

И Эндер вернулся к экраноплану за оборудованием для проверки воды. А поскольку Абра точно знал, что Эндер в любом случае проверил бы воду в реке, ему стало понятно: сам Эндер не берет тайм-аут, он дает передохнуть Абре. Что ж, в эту

игру могут играть двое. Абра воспользуется этим временем, чтобы разведать вершину дальней гряды, посмотрит, что с той стороны. Это работа, которую нужно сделать. Так что, пока Эндер будет купаться, Абра дополнит карту.

Прогулка вышла более долгой, чем рассчитывал мальчик. Дальние холмы казались обманчиво близкими. Однако чем выше он взбирался, тем виднее ему было то место, где Эндер действительно затеял купание. Абра подумал, может ли Эндер его видеть, а потому повернулся и махнул пару раз рукой. Но Эндер ему не ответил, — скорее всего, потому, что сам Абра казался Эндеру маленьким пятнышком. Или же Эндер вовсе не смотрел в этом направлении — тоже вариант. Это значило бы, что Эндер верит ему, верит, что Абра не накосячит, не поранится и не потеряется.

С вершины холма Абра видел, почему долина перед ним расширяется: между холмами протянулась ирригационная дамба, которая настолько расширила реку, что она за этой дамбой превратилась в пруд. Перепад высот, однако, был не очень большим, и некоторые протоки оставались открытыми — так что вода постоянно текла по трем каналам. Один из них был изначальным руслом реки, а два других располагались чуть

выше, окаймляя северную часть долины. Здесь, на южном берегу реки, воды в каналах совсем не было, и Абре были очевидны различия, которые вносила в ландшафт ирригационная система. По обеим сторонам нижней части долины растительность вольготно себя чувствовала, но на влажной стороне росли деревья, а на сухой — трава и низкие кустарники.

Рассматривая южную — травянистую — сторону, Абра сообразил, что с ландшафтом что-то не так. Вместо гладкой поймы вроде той, которая образовалась в верхней части долины — там, где сейчас находился Эндер, — на равнине ниже было насыпано несколько курганов. И в их расположении не было ничего естественного.

Должно быть, их возвели жукеры. Но для чего?

Теперь, когда Абра присмотрелся внимательнее, он увидел, что тут и там виднеются структуры, которые смотрятся еще более искусственными. Однако на обычные строения жукеров они тоже не походили. Это было чем-то новым и странным, но хорошо просматривалось в зарослях травы и ползучих растений.

Абра начал спускаться по склону. Он не спешил, потому что места были незнакомыми, и последнее, чего бы ему хотелось, — растянуть

лодыжку и стать Эндеру обузой. Абра добрался до самого крупного из искусственных холмов. Его склоны были крутыми, но их покрывала трава, а потому взобраться на вершину не составило особого труда. Абра взобрался наверх и понял, что холм полый и внутри собирается вода.

Мальчик прошел вдоль гребня и обнаружил, что с одной стороны гребень раздваивается — словно ноги, отходящие от туловища. А когда оглянулся, увидел гребни, которые могли быть руками. А там, где предполагалось быть голове, крупная белая скала блестела в свете солнца, словно череп.

Это было похоже на человека. Не на жукера — на человека.

Абра почувствовал трепет страха и возбуждения. Место вроде этого просто не могло существовать. Но оно существовало.

Он услышал голос, зовущий его по имени. Абра посмотрел вверх и увидел, что, разыскивая его, Эндер на экраноплане перевалил через гряду, разделяющую долины. Абра махнул ему и крикнул:

— Эй, Эндер!

Тот увидел его и спустился на машине к основанию крутого холма, на который взобрался Абра.

— Забирайся сюда! — крикнул Абра.

Эндер вскарабкался по склону, сместив несколько полос дерна, — он был крупнее Абры и больше весил. Абра жестом указал на структуру искусственных холмов, напоминающую тело:

— Ты можешь в это поверить?

Очевидно, Эндер не понял. Он просто смотрел и ничего не говорил.

— Словно здесь умер великан, — объяснил Абра, — и трава покрыла останки.

Абра услышал резкий вдох Эндера, по которому понял, что теперь тот увидел.

Эндер осмотрелся и, не говоря ни слова, указал на холмы поменьше, покрытые ползучими растениями. Он вытащил бинокль и долго их рассматривал.

— Этого не может быть, — пробормотал он.

— Что? Что это такое?

Эндер не ответил. Вместо этого он прошел по всей длине гряды к «голове». Абра спустился на «шею» и взобрался на «подбородок».

— Кто-то должен был все это построить, — сказал Абра. — Он поскреб белую поверхность. — Взгляни на этот череп. Это не камень, смотри. Это бетон.

— Я знаю, — сказал Эндер. — Они построили это для меня.

— Что?

— Абра, я знаю это место. Жукеры построили его для меня.

— Они все умерли еще до того, как дедушка с бабушкой сюда добрались, — заметил Абра.

— Ты прав, это невозможно. Но я знаю, что вижу, — сказал Эндер и положил руку ему на плечо. — Абра, я не должен брать тебя с собой.

— Куда?

— Туда, — указал Эндер. — Это может оказаться опасным. И если жукеры знали меня достаточно хорошо, чтобы построить это место, они могли спланировать…

— Месть, — сказал Абра.

— За то, что я их уничтожил.

— Эндер, не ходи туда. Если они хотели, чтобы ты это сделал, — не делай этого.

— Абра, если они хотят отомстить, я не против. Но может быть, дело обстоит совсем иначе. Может быть, это самая близкая возможность общения. Они оставили мне записку.

— У них не было письменности, — сказал Абра.

Жукеры не имели даже понятия о чтении и письме — так говорил отец. Так откуда им знать о записках, которые надо оставлять?

— Может быть, незадолго до смерти они научи-

лись, — предположил Эндер.

— Ну я уж точно не собираюсь здесь торчать, если ты куда-то уходишь. Я иду с тобой.

При слове «торчать» Эндер удивленно посмотрел на Абру, покачал головой и улыбнулся:

— Нет. Ты слишком молод, чтобы рисковать…

— Да ну тебя! — с отвращением воскликнул Абра. — Ты Эндер Виггин. Не говори мне о том, что могут одиннадцатилетние пацаны!

Так что они поехали на экраноплане вместе, пока не добрались до первого ряда строений. Эндер остановил машину, и они оба спустились на землю. Форму сооружениям придавали металлические каркасы под ползучими растениями, поддерживающие их. Теперь Абра сообразил, что это качели и горки — точно такие же, как в городском парке Миранды, хотя в Миранде они были меньше, потому что предназначались для малышей. Но не было никаких сомнений в том, что это такое.

У жукеров же не было детей, у них были личинки. Вряд ли червям требуются качели и горки.

— Они делали штуковины для людей, — сказал Абра.

Эндер лишь кивнул.

— Жукеры действительно черпали знания из

твоей головы.

— Это единственное объяснение, — сказал Эндер.

Затем они сели на экраноплан и поехали дальше. Казалось, Эндер знает дорогу.

Они подъехали к самому дальнему сооружению. Это была толстая башня, заросшая плющом. В верхней части башни имелось окно.

— Ты знал, что она здесь будет, — сказал Абра.

— Это был мой кошмар, — признался Эндер. — Мои воспоминания о «Свободной игре».

Абра понятия не имел о том, что такое «Свободная игра», но понял, что это место представляло одно из воспоминаний, которые жукеры вынули из Эндера, когда препарировали его в том кошмаре.

Эндер слез с экраноплана.

— За мной не ходи, — сказал он. — Если не вернусь через час, это будет означать, что там опасно, — и ты должен будешь сразу же вернуться домой и рассказать все остальным.

— Выкуси, Эндер! Я иду с тобой.

Эндер холодно посмотрел на него:

— Сам выкуси, Абра, — или я действительно набью твой рот грязью.

Слова его были шутливыми, и тон голоса тоже.

Но глаза не шутили, и Абра понял: Эндер говорит серьезно.

Так что Абра остался у экраноплана и смотрел, как Эндер вприпрыжку бежит к замку — ибо это и был замок. А потом Эндер взобрался по внешней стороне башни и проник в окно.

Абра долго оставался там, глядя на башню. Время от времени он сверялся с часами экраноплана. В конце концов внимание его стало ослабевать. Он смотрел на птиц и насекомых, на мелких животных в траве, несущиеся по небу облака.

Потому-то не сразу заметил, что Эндер выбрался из башни. Увидел его, только когда тот направлялся к экраноплану, с курткой под мышкой.

В куртку было что-то завернуто. Но Абра не стал спрашивать Эндера о находке: захочет — сам расскажет.

— Мы не будем закладывать здесь новую колонию, — сказал Эндер.

— Ладно, — кивнул Абра.

— Возвращаемся и сворачиваем лагерь.

Поиски заняли еще пять дней — искали к юго-востоку от первоначально намеченного места, пока не наткнулись на бывшее крупное поселение жукеров, с куда более обширными полями и, по всем признакам, с куда более щедрой нормой

осадков.

— Подходящее место, — сказал Эндер. — Климат получше. Теплее. Хорошая, плодородная почва.

Неделю они провели, размечая новое место.

Потом настала пора возвращаться. В последнюю ночь перед отъездом домой, когда они лежали под открытым небом, поскольку в палатке было слишком жарко, Абра наконец задал вопрос. Нет, не о том, что Эндер нашел в той башне, такой вопрос он никогда не стал бы задавать. Он спросил о другом:

— Эндер, а что они хотели этим сказать? Когда строили это для тебя?

Эндер помолчал, прежде чем ответить.

— Абра, я не скажу тебе всю правду. Потому что не хочу, чтобы кто-то об этом знал. Я даже не хочу, чтобы люди узнали, что мы там что-то нашли. Надеюсь, к тому времени, когда люди туда дойдут, там все сгниет и разрушится. Но даже если останется, кроме меня, никто не поймет этого послания. А в далеком будущем никто и не поверит, что это построили жукеры. Будут думать, это сделали колонисты.

— Ты не обязан рассказывать мне все, — сказал Абра. — А я никому не скажу, что мы нашли.

— Знаю, — сказал Эндер. И снова помолчал. — Я

не хочу тебе лгать. Поэтому я скажу тебе правду. Абра, я нашел ответ.

— На что?

— На свой вопрос.

— И что тебе ответили?

— От всей души надеюсь, ты никогда не узнаешь ответ.

— Но сообщение действительно предназначалось тебе?

— Да, Абра. Они оставили послание, в котором сказали мне, почему погибли.

— И почему?

— Нет, Абра. Это моя ноша, честно, и только моя, — сказал Эндер. Он протянул руку и крепко сжал запястье мальчика. — Не хочу, чтобы пошли слухи о том, что́ Эндер Виггин нашел в том месте.

— Слухов не будет, никогда, — сказал Абра.

— Хочешь сказать, что в одиннадцатилетнем возрасте ты готов хранить секрет до последнего дня жизни?

— Да, — без колебаний сказал Абра. — Но надеюсь, этот день настанет не очень скоро.

Эндер засмеялся:

— Я тоже на это надеюсь. Надеюсь, у тебя будет долгая-долгая жизнь.

— Буду хранить секрет всю жизнь. Даже не понимая толком, в чем он состоит.

Эндер вернулся домой, когда Валентина работала над своим предпоследним томом истории жукерских войн. Эндер положил свой компьютер на стол напротив нее. Она подняла глаза. Он улыбнулся — забавной, утрированной улыбкой — и принялся набирать текст.

Валентина не повелась. Улыбка была наигранной, но счастье, которое за ней пряталось, было неподдельным.

Эндер действительно был счастлив.

Что произошло в этой его поездке, во время поисков места для поселения?

Он не сказал. Она не спросила. Ей было достаточно того, что он счастлив.

19

Кому: jpwiggin%ret@gso.nc.pub, twiggin%em@uncg.edu

От: Gov%ShakespeareCol@MinCol.gov

Тема: Третий

Дорогие мама и папа,

есть вещи, которые не изменить. Для вас прошло сорок семь лет, и все это время ваш третий, младший ребенок молчал. Для меня минуло только шесть лет в Боевой школе, которые я провел, живя одной целью – уничтожить жукеров. Еще один год после победы, в течение которого я узнал, что совершил два убийства и подчистую истребил разумную расу существ, которых, полагаю, так никогда и не смог понять. Узнал, что каждая допущенная мной ошибка оборачивалась человеческими жертвами в световых годах от меня. Еще были два года в межзвездном перелете, в течение которого у меня не было ни мгновения на то, чтобы свободно

говорить или проявлять истинные чувства в отношении чего бы то ни было.

И в течение всего этого времени я пытался разобраться, чем для меня является тот факт, что вы дали мне жизнь. Родить ребенка по контракту, согласно которому вы должны были отдать свое дитя по первому требованию правительства, – чем это не история про Румпельштильцхена? В сказке кому-то посчастливилось подслушать тайное имя, которое освободило родителей от клятвы отдать ребенка карлику. В нашем случае Вселенная не подыграла, и, когда появился Румпельштильцхен, вы отдали своего мальчика. Меня.

Выбор я сделал самостоятельно, хотя сложно представить, что́ я, шестилетка, тогда понимал. Я считал себя сложившимся человеком; не осознавая каких-либо изъянов в такой оценке. Но теперь, оглядываясь назад, я задаюсь вопросом: почему сделал такой выбор? Отчасти это было желанием сбежать от угроз и гнета со стороны Питера: ведь Валентина не могла его по-настоящему остановить,

а вы двое не имели понятия о том, что между нами, детьми, происходит. Отчасти это было желанием спасти тех, кого я знал, главным образом мою защитницу, Валентину, от истребления жукерами.

Свою роль сыграла надежда на то, что я могу оказаться очень важным ребенком. Это было моим ответом на вызов, надеждой на то, что я одержу верх над другими детьми в соревновании за звание великого полководца. Отчасти это было желанием покинуть мир, в котором мне каждый день напоминали о том, что «третьи» незаконны, нежеланны, презираемы, что из-за них ресурсов планеты тратится больше, чем положено их семьям.

И отчасти свою роль сыграло то, что вы плакали или ругались. В моих силах было, покинув вас, изменить жизнь семьи к лучшему. Вам больше не пришлось бы быть родителями лишнего ребенка, которые не понесли за это наказания. Если бы тот монитор исчез, у вас не осталось бы видимых оправданий. Я представлял, как вы говорите людям: «Правительство

санкционировало его появление на свет, чтобы он мог пройти военное обучение. Но когда пришло время, он отказался».

Я существовал по одной-единственной причине. И когда настало время, у меня не было другого разумного выбора, кроме как заплатить этот долг.

И я справился, не так ли? В Боевой школе я одерживал верх над другими детьми, хотя не был лучшим стратегом (им был Боб). Я вел своих вояк и, не зная этого, многих пилотов к окончательной победе в войне. Хотя опять же в критические моменты именно Боб помогал мне видеть происходящее. Я не стыжусь того, что мне требовалась помощь. Наша задача была слишком велика для меня, слишком велика для Боба и слишком велика для любого из детей, но моя роль заключалась в том, чтобы вести их вперед, выжимая максимум из каждого.

Но когда победа была одержана, я не смог вернуться домой. Был военный суд над Граффом. Была сложная международная обстановка – и страны опасались, что случится, если у Америки окажется воен-

ный герой, который станет командовать наземными силами.

Признаюсь, было и еще кое-что. Я узнал, что мои брат и сестра развернули кампанию в Сети, стремясь удержать меня от возвращения на Землю. О резонах Питера я мог догадываться, исходя из опыта наших отношений. Питер не смог бы жить в одном мире со мной. В то время не смог бы.

Хотя для меня это оставалось загадкой. Там, на Эросе, я был двенадцатилетним подростком, которому был закрыт путь домой. Мои брат и сестра встали на сторону тех, кто хотел держать меня подальше от Земли. И ни разу в новостях я не услышал слов моих родителей, с которыми они обращались бы к властям, прося позволить их ребенку вернуться домой. Я также не слышал о каких-либо ваших попытках прилететь ко мне, раз уж я не мог отправиться к вам.

Вместо того, едва рядом оказалась Валентина, я стал получать намеки, разной степени толщины, что по какой-то причине именно я обязан написать вам. В

течение двух лет нашего перелета – сорок ваших лет – Валентина твердила мне об этом. Но за все это время я не получил от вас ни единого слова – хотя знал, что вы можете легко получить мой адрес и ваши письма дойдут до меня с той же легкостью, что письма Валентине.

Я ждал.

Сейчас вы постарели. Питеру почти шестьдесят, и он правит миром; все его мечты сбылись – пусть на этом пути и не обошлось без ночных кошмаров. Из новостей я заключаю, что вы во всем его поддерживаете, работаете на него и его дело. Вы делали заявления для прессы в его поддержку, в кризисные моменты довольно решительно за него вступались. Вы были родителями, которыми можно восхищаться. Вы знаете, как делать эту работу.

А я по-прежнему ждал.

Недавно, получив ответы на ряд не относящихся к вам вопросов, я решил: поскольку в молчании между нами я тоже виновен, то больше не буду ждать, пока вы мне напишете. Тем не менее я до

сих пор не понимаю, как так вышло, что именно я был обязан открыть эту дверь, едва представилась возможность. Как это я вдруг стал нести всю полноту ответственности за восстановление наших отношений, которых попросту не было начиная с шести лет?

Я думал: вам за меня стыдно. Моей «победе» сопутствовал скандал с убийствами; вы хотели вычеркнуть меня из памяти. И кто я такой, чтобы надеяться на ваше признание? Тем не менее я убил Стилсона, когда еще жил в вашем доме. Вы не можете возложить вину за это на Боевую школу. Почему вы не встали и не взяли на себя ответственность за то, что родили меня, за то, что растили в течение первых шести лет?

Я думал: вы с таким трепетом относитесь к моему великому свершению, что со своей стороны чувствуете себя не вправе настаивать на взаимоотношениях. И, как в случае с высокой особой, вы ждете, пока я сам вас приглашу. Однако тот факт, что вы не так уж благоговеете перед Питером, с которым живете рядом и достижения

которого могут быть выше моих (на этот счет можно спорить, но мир на Земле, в конце-то концов!), – этот факт говорит мне, что благоговение не является для вас столь уж мощным мотивом.

Потом я подумал: они разделили семью. Валентину приписали ко мне, а самих себя – к Питеру. Подготовкой меня к спасению мира занимались другие люди, но кто станет тренировать Питера, присматривать за ним, кто остановит его, если он взвалит на себя непосильную ношу или станет тираном? Ему вы были нужнее; в этом заключалась работа вашей жизни. Валентина была готова отдать свою жизнь мне, а вы свои – Питеру.

Но если вы именно так и думали, тогда, думаю, вы сделали неверный выбор. Валентина по-прежнему такая же добрая, какой я помню ее с детских лет, и такая же умная. Но она не может понять меня или то, что мне нужно, она не знает меня в такой степени, чтобы мне доверять, и это сводит ее с ума. Она не моя мать, она всего лишь моя сестра, и все же ее назначили на роль матери – или она сама себя

назначила. Она старается изо всех сил. Надеюсь, ее не слишком гнетет выбор, который она совершила, отправляясь в путь вместе со мной. Жертва, на которую она пошла, чтобы быть со мной рядом, чересчур велика. Мое общество трудно считать вознаграждением за это.

Я не знаю вас, мужчина и женщина восьмидесяти с лишним лет. Я знал мужчину и женщину тридцати с небольшим, строивших свои выдающиеся карьеры, растивших выдающихся детей, каждый из которых в свое время носил у основания черепа монитор МФ. За мной всегда кто-то присматривал. Я всегда кому-то принадлежал. Вы никогда не чувствовали, что я безраздельно ваш сын.

И все же я ваш сын. Способности, которыми я обладаю, выбор, который я делаю, мое глубокое чувство к религии, которой вы тайно следовали и которую я изучал, когда выпадала возможность, – на всем этом ваш след. Вы – объяснение многому, что казалось мне необъяснимым.

И моя способность полностью выбросить определенные вопросы из головы

– отложить в сторону, чтобы сосредоточиться на других делах, – она тоже исходит от вас: думаю, именно так вы поступили со мной. Отложили меня в сторону, и вновь вернуть ваше внимание я могу, только прямо об этом попросив.

Мне доводилось видеть мучительные отношения между родителями и детьми. Я видел родителей, которые контролируют и которые пренебрегают. Видел родителей, совершающих ужасные ошибки, причиняющие детям глубокие страдания. Видел родителей, которые прощают детей, совершивших ужасные поступки. Видел благородство и храбрость; видел ужасный эгоизм и полную слепоту. И все это я видел в одних и тех же родителях.

Если я что и понял, так это вот что: нет работы труднее, чем быть родителями. Нет других отношений между людьми, одинаково заряженных как потенциалом к великим свершениям, так и к тотальному разрушению. И что бы не писали по этому поводу разные эксперты, ни один из них не имеет ни малейшего понятия, какое решение окажется правильным,

лучшим или хотя бы не ужасным в отношении любого отдельно взятого ребенка. Это работа, которую просто невозможно выполнить правильно.

По причинам, совершенно вам неподвластным, я стал для вас незнакомцем. По причинам, которых я не понимаю, вы не предприняли никаких усилий, чтобы защитить меня и вернуть домой – или хотя объяснить, почему вы этого не сделали, почему не смогли или почему не должны были. Но вы позволили моей сестре оказаться рядом, отпустив ее от себя. Это великий подарок, ее и ваш. Возможно, сейчас она жалеет о своем решении, но это нисколько не преуменьшает благородство ее жертвы.

А сейчас я перехожу к причине, по которой вам пишу. Не важно, сколько бы я ни пытался оставаться самодостаточным – это не так. Я проштудировал достаточно работ по психологии и социологии, и я за последние два года повидал достаточно семей, чтобы понять: в жизни каждого человека нет замены родителям, обойтись без них нельзя. В возрасте пятнадцати

лет я достиг большего, чем кто-либо, – не считая горстки величайших людей в истории. Я смотрю на список того, что сделал, – и ясно сознаю: так оно и есть.

Но я этому не верю. Я заглядываю в себя, и все, что я вижу, – что я разрушитель жизней. Даже когда я не позволил тирану узурпировать власть в маленькой колонии, даже когда помог юной девушке освободиться от власти доминирующей матери, я слышал внутренний голосок: «Что это в сравнении с гибелью пилотов из-за твоего топорного командования? Что это в сравнении с гибелью от твоих рук двоих неприятных, но все же детей? Что это по сравнению с уничтожением целой расы разумных существ, которых ты истребил, даже не разобравшись, нужно ли было их убивать?»

Есть нечто такое, что могут дать только родители. Мне это нужно, и я не стыжусь попросить это у вас.

От матери – мне нужна уверенность, что я все еще ваш ребенок, что я ваша часть, что я не один.

От отца – что я, как самостоятельный

человек, заслужил свое место в этом мире.

Позвольте мне обратиться к Писанию, которое – я знаю – занимает важное место в вашей жизни. От матери мне нужно услышать, что она следила за моей судьбой и меня «положила в сердце своем». От отца мне нужно услышать такие слова: «Хорошо сработано!.. Войди в радость Господа своего».

Нет, я не считаю себя Иисусом и не думаю, что вы Бог. Я просто – так уж вышло – верю, что каждый ребенок нуждается в том, что дала своему сыну Мария; а Бог и Новый Завет показывают нам, что в жизни детей должен быть отец.

Но здесь возникает маленький нюанс: поскольку мне приходится напрашиваться, ваши ответы вызовут у меня подозрение. Поэтому я прошу вас не только осчастливить меня этими подарками, но также помочь поверить в вашу искренность.

В свою очередь, я скажу вам вот что: я понимаю, что вы не можете считать меня ребенком. Верю, что вы в любом случае

делали выбор, который считали лучшим для меня. Даже если я не соглашался с вашими решениями – а чем больше я думаю, тем меньше не соглашаюсь, – верю, что никто не мог бы сделать выбор правильнее.

Посмотрите на своих детей: Питер правит миром и, похоже, делает это с минимальным ущербом для окружающих. Я уничтожил врага, который всех нас держал в страхе, а сейчас я не такой уж скверный губернатор небольшой колонии. Валентина – образец самоотверженности и любви, она написала и еще напишет множество блистательных книг по истории, которые изменят отношение человечества к своему прошлому.

Мы у вас удались на славу. Подарив нам свои гены, вы получили сложнейшую проблему – как нас воспитать? Судя по Валентине и ее рассказам о Питере, могу заявить: вы справились, и справились очень хорошо – ни разу в жизни не наказав их физически.

Что же до меня, отрезанного ломтя, блудного сына, который так и не вернул-

ся домой, – я продолжаю чувствовать в своей жизни и душе ваше присутствие, и там, где я нахожу ваши следы, я им очень рад. Я рад, что был и остаюсь вашим сыном.

У меня за все это время было лишь три года, в течение которых я мог вам писать; прошу прощения, что все это время мне потребовалось для того, чтобы, основательно покопавшись в сердце и голове, суметь сказать что-нибудь внятное. Для вас это обернулось сорока годами, в течение которых, полагаю, вы принимали мое молчание за просьбу к вам молчать и дальше.

Сейчас я далеко, но, по крайней мере, время для вас и для меня теперь течет одинаково: день – это день, год – это год. Поскольку я губернатор колонии, у меня постоянный доступ к ансиблю; вы, как родители Гегемона, думаю, тоже имеете такую возможность. Когда мы летели на Шекспир, вы могли составлять письма неделями, а для меня это был бы один день. Но сейчас – сколько времени вам потребуется на то, чтобы ответить, ровно

столько я и буду ждать.

С любовью, сожалением и надеждой,

ваш сын Эндрю

Валентина пришла к Эндеру, держа в руках распечатку небольшой его книги.

— Как ты это называешь? — спросила она дрожащим голосом.

— Понятия не имею, — признался Эндер.

— Вообразить жизнь королев ульев, увидеть войну их глазами, посметь сочинить за них всю историю и выложить все это так, словно это говорит сама королева…

— Я ничего не сочинял.

Валентина присела на краешек стола.

— Когда ты ездил с Аброй, искал место для новой колонии… Что ты нашел?

— Ты держишь это в руках, — сказал Эндер. — Я нашел то, что искал с тех пор, как королевы ульев позволили мне их уничтожить.

— Ты говоришь мне, что нашел на этой планете живых жукеров?

— Нет, — ответил Эндер.

Формально он не солгал — он нашел лишь одного. Кроме того, можно ли спящую куколку назвать по-настоящему «живой»? Найдя одну

лишь куколку, можно ли сказать, что ты нашел «живых бабочек»?

«Наверное, можно. Но у меня нет иного выбора, кроме как лгать всем. Потому что, если станет известно, что на этой планете осталась живая королева улья, кокон, из которого она выйдет с несколькими миллионами оплодотворенных яиц и всей информацией, которую вложили в ее феноменальной емкости мозг все жившие прежде королевы… Знания, которые едва нас не уничтожили, технологии, способные создать еще более ужасное оружие, стоит только ей захотеть… Если это станет известно, долго ли жить этому кокону? А тому, кто попытается его защитить?»

— Но ты что-то нашел, — сказала Валентина. — Что-то, что дает тебе уверенность: написанное тобой не просто прекрасно, но и истинно.

— Если бы я мог сказать тебе больше, я бы сказал.

— Эндер, мы хоть раз рассказывали друг другу все?

— А хоть кто-нибудь — хоть кому-нибудь?

Валентина потянулась к нему, взяла за руку:

— Я хочу, чтобы это прочли все на Земле.

— Им есть до нее дело? — спросил Эндер.

Он надеялся и страшился. Ему хотелось, чтобы

его книга изменила все. Он знал: она не изменит ничего.

— Кому-то будет дело, — ответила Валентина. — Довольно многим.

Эндер хихикнул:

— Значит, я скину ее в издательство, они опубликуют — и? Я буду получать здесь авторские, которые смогу обменять на… Что, собственно, мы можем здесь купить?

— Все, что понадобится, — ответила Валентина, и они рассмеялись. А затем, уже серьезно, Валентина сказала: — Не подписывайся своим именем.

— Я как раз думал, стоит ли.

— Если станет известно, что это твое, исходит от Эндера Виггина, тогда обозреватели только тем и будут заниматься, что твоим психоанализом, — и почти ничего не скажут о самой книге. Общим мнением станет, что это не что иное, как твоя совесть, которая пытается разобраться со множеством твоих грехов.

— Ничего другого и не ожидал.

— Но если книгу опубликуют анонимно, тогда станут очевидны ее собственные достоинства.

— Люди решат, что это фантастика. Что я все это выдумал.

— Возможно, — согласилась Валентина. — Но твоя книга не похожа на выдумку. Она ощущается как правда. И некоторые так ее и воспримут.

— Значит, я не стану подписывать ее.

— О нет, — сказала Валентина, — потому что тебе надо дать людям имя, которым они смогут тебя называть. Я так до сих пор использую ник «Демосфен».

— Но никто же не думает, что это *тот самый* Демосфен, подстрекатель и демагог, в интеллектуальных битвах с которым Питер шлифовал свои планы по захвату мирового господства.

— Придумай имя.

— Как тебе «Локк»?

Валентина рассмеялась:

— Есть люди, которые до сих пор его так называют.

— Что, если я назову ее «Некролог», а подпишусь… ну, скажем, «Гробовщик»?

— Может, лучше «Панегирик», а подпишешь — «Говорящий на похоронах»?

В конце концов Эндер назвал книгу «Королева улья», а подписался как «Говорящий от имени мертвых». И в анонимной, никем не отслеженной переписке с издателем настоял, чтобы книга была напечатана без каких-либо указаний на

копирайт. Издатель отказывался, но Эндер настоял на своем: «На обложке напишите, что любой вправе делать любое число копий, но что ваше издание самое привлекательное».

Валентина развеселилась.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросила она.

— Что?

— Ты заставляешь относиться к ней как к Священному Писанию. В самом деле думаешь, что ее нужно распространять именно так?

— Не знаю, что будут делать люди, — сказал Эндер, — но — да, я считаю ее в каком-то роде священной. Не хочу делать на ней деньги. На что я могу их пустить? Я хочу, чтобы ее прочли все. Хочу, чтобы каждый узнал, кем были королевы ульев. И что мы потеряли, когда вычеркнули их из жизни.

— Мы спасали *наши жизни*, Эндер.

— Нет, — ответил он. — Мы так думали, и судить о нас нужно на этом основании, но по факту мы действительно совершили массовое убийство, допустили истребление вида, который отчаянно хотел с нами примириться, попытаться нас понять, но так и не понял даже, что такое речь и язык. И это — первый раз, когда у них появился

шанс обрести голос.

— Слишком поздно, — заметила Валентина.

— В трагедиях всегда так.

— А их трагическим изъяном была… немота?

— Их трагическим изъяном была заносчивость: они считали, что могут терраформировать любую планету, на которой нет разума того типа, который они могли распознать, — существ, общающихся телепатически.

— Так же как золотые жуки разговаривают с нами.

— Золотые жуки едва бормочут, — сказал Эндер.

— Ты нашел одного, — решила Валентина. — Я спросила тебя, нашел ли ты жукеров, и ты сказал — нет. Но ты нашел *одного*.

Эндер ничего не ответил.

— Больше не стану спрашивать, — сказала Валентина.

— Это хорошо, — откликнулся Эндер.

— А этот один — он одинок?

Эндер пожал плечами.

— Ты его не убил. Он не убил тебя. Он рассказал тебе — нет, показал — все те воспоминания, которые ты поместил в свою книгу.

— Для того, кто собирался никогда больше не

спрашивать, у вас, леди, слишком уж много вопросов, — заметил Эндер.

— Не смей говорить со мною свысока!

— Мне пятьдесят четыре года.

— Может, ты и родился пятьдесят четыре года назад, — сказала Валентина, — но тебе всего шестнадцать. И потом — сколько бы тебе ни было, я все равно на два года старше.

— Когда сюда зайдет следующий корабль с колонистами, я на нем улечу, — сказал Эндер.

— Несложно было это предположить.

— Не могу здесь оставаться. Я должен отправиться в дальнее путешествие. Оторваться от всех ныне живущих людей.

— Корабли летят лишь от планеты к планете, и на всех есть люди.

— Но у людей на это уходит время, — сказал Эндер. — Если я буду совершать полет за полетом, в конце концов я оставлю позади всех живущих.

— Долгое, одинокое странствие.

— Только если лететь одному.

— Это приглашение?

— Отправляйся со мной, если сочтешь это интересным, — предложил Эндер.

— Вполне честно, — ответила Валентина. — Полагаю, ты вышел из угнетенного состояния и

теперь станешь компанией повеселее.

— Не думаю, — сказал Эндер. — Я намерен оставаться в стазисе в течение каждого перелета.

— И пропускать спектакли по дороге?

— Ты сможешь закончить свою книгу до того, как настанет пора улетать? — спросил Эндер.

— Наверное, — сказала она. — Этот том определенно успею.

— Я думал, это последний.

— Предпоследний, — уточнила Валентина.

— Ты же обсудила все возможные аспекты жукерских войн и приступила к последнему сражению.

— Есть два интересных узла, которые нужно распутать.

Эндер закрыл глаза.

— Думаю, один из них распутала моя книга.

— Да. Я бы хотела включить ее в состав моего последнего тома.

— Копирайта нет. Можешь делать что хочешь, — сказал Эндер.

— Ты не желаешь узнать, какой второй узел? — спросила Валентина.

— Полагаю, это Питер, который объединил весь мир по окончании войны.

— Какое отношение это имеет к истории войн

с жукерами? — удивилась она. — Последний узел — это ты.

— Я гордиев узел. Распутать нельзя, можно только перерубить.

— Собираюсь написать о тебе.

— Читать не стану.

— Ну и чудесно. Я тебе и не покажу.

— А ты не могла бы подождать? — спросил Эндер.

Он хотел сказать: «До тех пор, пока меня не станет». Но не стал вдаваться в детали.

— Могла бы какое-то время, — ответила она. — Посмотрим.

Дни Эндера сейчас были заняты делами новой колонии: подготовительными работами к прибытию новых колонистов, сбором урожаев во всех четырех поселениях и на полях новой колонии, с тем чтобы вновь прибывшим гарантированно хватило еды и их не коснулся голод даже в случае двух, а то и трех неурожайных лет.

— И нам нужны деньги, — сказал Эндер. — Здесь мы все друг друга знаем — своего рода спонтанный коммунизм, который тут сложился, до сих пор неплохо работал. Но чтобы торговля шла хорошо, нам нужно средство обмена.

— Мы с По нашли тебе золотых жуков, — ска-

зал Сэл Менах. — Золото у тебя есть. Штампуй монеты.

Абра сумел превратить масляный пресс в матрицу для штамповки монет, а один из химиков разработал сплав, который не позволял золотым монетам истираться при хождении из рук в руки. Один талантливый художник из молодежи нарисовал портрет Сэла Менаха, а старая женщина по памяти воссоздала профиль Виталия Колмогорова. Сэл настоял на том, чтобы портрет Колмогорова поместили на монету меньшего достоинства.

— Потому что это лицо видят чаще. Великих всегда помещают на мелкие деньги.

Они начали практиковаться в использовании денег, чтобы цены устоялись до прибытия новых колонистов. Поначалу это воспринимали как игру. То и дело можно было услышать что-то вроде: «Пять куриц не стоят одной коровы». А «пятерки» и «единицы» превратились в «сэлы» и «виты». «Вит сэла бережет». «Вит — мелочь, сэл — богатство».

Эндер взялся было определить стоимость монет относительно международного доллара Гегемонии, но Валентина его остановила.

— Рынок сам определит стоимость денег: по-

смотрим, сколько люди в конце концов станут платить за те товары, которые мы рано или поздно начнем экспортировать на другие планеты.

Так что курсы валют в их маленьком частном мирке плавал сам по себе.

Первое издание «Королевы улья» поначалу расходилось плохо, но затем все лучше и лучше. Его перевели на многие языки, несмотря на то что каждый житель Земли приемлемо знал общий: это был официальный язык Свободных людей Земли — такое пропагандистское название Питер присвоил своему новому международному правительству.

А между тем бесплатные экземпляры свободно расходились по Сети, и в один прекрасный день файл оказался приложен к сообщению, пришедшему одному из ксенобиологов. Она начала говорить об этом всем и каждому в Миранде, копии распечатывались и ходили по рукам. Эндер и Валентина никак их не комментировали; когда Алессандра вручила экземпляр Эндеру, он его принял и немного погодя вернул.

— Великолепно, ты не находишь? — спросила Алессандра.

— Склонен согласиться, — ответил он.

— О да. — Аналитический тон, бесстрастный

вид.

— Что тут скажешь? Что выросло, то выросло.

— Я думаю, эта книга изменила мою жизнь, — сказала Алессандра.

— Надеюсь, к лучшему, — сказал Эндер. И затем, бросив взгляд на ее раздавшийся живот, спросил: — Изменила больше, чем это?

Алессандра улыбнулась:

— Пока не знаю. Скажу тебе через год.

Эндер не стал говорить, что через год он окажется на межзвездном корабле и будет далеко-далеко.

Когда Валентина завершила свой предпоследний том, то приложила в конце полный текст «Королевы улья» с авторским примечанием:

«Мы знаем о жукерах столь мало, что я — историк — не смогла бы описать историю этой войны с их точки зрения. Поэтому я включаю сюда творческое изложение этой истории. Потому что, даже если это нельзя доказать, я верю в то, что эта история правдива».

Вскоре после этого Валентина пришла к Эндеру.

— Питер прочел мою книгу, — сказала она.

— Я рад, что ее хоть кто-то прочитал.

— Он направил мне сообщение насчет послед-

ней главы: «Я знаю, кто это написал».

— И угадал?

— Да.

— Башковитый парень, правда?

— Он был тронут, Эндер.

— Похоже, людям она нравится.

— Более чем, и ты это знаешь. Дай прочту, что написал Питер: «Если он может говорить от имени жукеров, уж всяко он сможет сказать что-то и от моего имени».

— И как это понимать? — спросил Эндер.

— Он хочет, чтобы ты написал о нем. О его жизни.

— Когда я видел Питера в последний раз, мне было шесть лет, и за несколько часов до нашего расставания он угрожал меня убить.

— Значит, ты говоришь «нет»?

— Я с ним поговорю, и мы посмотрим, что из этого выйдет.

Они стали разговаривать по ансиблю, примерно по часу, хотя и не каждый день, — Питер, возраст которого близился к шестидесяти, со слабым сердцем, которое тревожило врачей, и Эндер — все еще подросток шестнадцати лет. Но Питер по-прежнему верен себе, и Эндер тоже — только теперь между ними не было злости. Может быть,

потому, что Питер добился всего, о чем мечтал, и Эндер больше не стоял у него на пути, и уж конечно, по мнению Питера, не превзошел его.

И по мнению Эндера — тоже.

— То, что ты совершил, — сказал Эндер. — Ты знал, что делал.

— Это хорошо или плохо?

— Никому не пришлось хитростью заставлять Александра завоевывать Персию, — сказал Эндер. — В противном случае разве его называли бы Великим?

После того как Питер рассказал ему о своей жизни, обо всем, что он делал, обо всем достаточно важном, Эндеру понадобилось всего пять дней, чтобы написать тоненькую книжку, которую он назвал «Гегемон».

Он отправил Питеру копию файла с припиской: «Поскольку автором будет „Говорящий от имени мертвых“, это не может быть опубликовано раньше твоей смерти».

В ответ Питер написал: «А я нисколько и не тороплюсь». Но в письме Валентине он излил всю душу насчет того, что для него значит быть понятым: «Он не скрывал моих плохих поступков. Но он не позволил им перевесить, сохранил некий баланс. Не вырвал из контекста».

Валентина показала его письмо Эндеру, и тот расхохотался:

— Баланс! Как может кто-либо знать относительный вес грехов и великих свершений? Пять куриц не стоят одной коровы.

20

Кому: MinCol@ColMin.gov
От: Gov%ShakespeareCol@MinCol.gov

Тема: Та должность еще вакантна?

Дорогой Хайрам,

у меня есть на то свои причины, в которые я не буду вдаваться, но знай: когда корабль, доставивший сюда колонистов, отправится дальше со мной на борту, Шекспир будет в надежных руках. Я пробуду здесь все то время, которое потребуется колонистам для спуска с орбиты и обустройства на новом месте. С нынешними поселенцами уже произошло коренное изменение: тех, которые прибыли со мной, в предвкушении прибытия корабля теперь также называют «старожилами». Стариков, которые сражались с жукерами, теперь называют «аборигенами», но нет термина, который позволил бы отличить их потомков от тех, кто прилетел со мной.

Останься я здесь, оба губернатора (глава нового поселения и я) оказались бы назначенцами министерства. Но если я оставлю Шекспир и меня сменит избираемый совет четырех поселений, с избранным президентом и избираемыми мэрами, это создаст почти непреодолимое давление на нового губернатора, с тем чтобы он ограничил свой срок у власти единственным двухлетним периодом и позволил заменить себя избранным мэром.

Между тем «старожилы» засеяли для них поля, но возвели лишь половину от нужного числа домов. Это сделано по моему предложению, чтобы новые колонисты могли присоединиться и помочь «старым» в постройке недостающего жилья. Им нужно лично испытать, как много сил на это уходит, чтобы они вполне оценили, сколько всего сделали для них старые поселенцы. И работа бок о бок поможет сломать барьер отчуждения – хоть я и выбрал для них место подальше, чтобы ваша цель о раздельном развитии тоже могла получить шанс на

исполнение. Однако их нельзя разделить абсолютно: в этом случае экзогамия окажется непрактичной, а ведь в данный момент с точки зрения здоровья будущих поколений человеческой популяции на этой планете гены важнее культуры.

Популяции… Но нам приходится решать те же проблемы с физическим здоровьем, какие встают перед разводчиками животных. Дядя Сэл первым засмеялся бы над этим рассуждением, и он подтвердил бы его на все сто. Мы в первую очередь млекопитающие и лишь потом люди – и если мы забудем об этом своем начале, оно перехлестнет все, что делает нас людьми.

Я изучил все доступные материалы о Вирломи и войнах, которые она вела. Потрясающая женщина! Ее результаты в Боевой школе показывали обычного курсанта (признаем честно, в выдающейся группе). Но Боевая школа имела отношение к войне, а не к революции или выживанию наций; и ваши тесты не измеряли склонность стремления к статусу полубога. Проводи вы в свое вре-

мя такие тесты – интересно, что бы они сказали по поводу Питера, когда он был еще ребенком, а не правителем мира.

Кстати, о Питере. Мы с ним общаемся, наверное, вы в курсе. Мы не переписываемся, а используем полосу ансибля для разговоров. Видеть его почти шестидесятилетним – это вызывает странное горько-сладкое чувство. Волосы поседели, сделались серо-стальными, он набрал вес, но все еще в форме, лицо покрыли морщины. Он уже не тот мальчик, которого я знал и ненавидел. Но существование этого мужчины не стирает из памяти того мальчика. Мне просто представляется, что это два разных человека, по чистой случайности имеющих одно имя.

Я осознал, что восхищаюсь им, даже люблю. Ему приходилось делать выбор ничуть не менее ужасный, чем выпадал мне, – и он принимал решения с открытыми глазами. И до того, как принять их, он знал – из-за них погибнут люди. И все же в нем больше сострадания, чем когда-либо мог ожидать от него он сам, или я, или даже Валентина, если на то пошло.

Питер сказал мне, что еще в детстве, после того как я отправился в Боевую школу, он решил: единственный способ обрести успех в своем деле – обмануть людей, заставить их считать, будто он такой же милый, как и я. (Я думал, он шутит – не верю, что в Боевой школе у меня была репутация «милого», но Питер имел дело с еще домашним ребенком.) Так что в момент выбора он спрашивал себя: «Что сделал бы хороший человек?» – и делал это. Но с тех пор он понял кое-что о человеческой природе. Если всю свою жизнь ты проводишь, притворяясь хорошим, ты становишься неотличим от хорошего. Непреклонное лицемерие в конце концов перестает быть притворством. Питер превратил себя в хорошего человека, пусть в свое время и ступил на этот путь по причинам, далеким от безупречных.

И это дает мне некоторую надежду насчет меня самого. Все, что мне сейчас нужно, – найти какое-нибудь дело, которое облегчит груз, который я несу. Управлять колонией – интересная и нужная работа, но она не может сделать для

меня то, на что я надеялся. Я до сих пор просыпаюсь от картин войны: погибшие жукеры, мертвые солдаты и мертвые дети. До сих пор просыпаюсь от воспоминаний, которые твердят мне, что я – это Питер, который был когда-то. Когда все это уйдет, я смогу вновь стать собой.

Знаю, вас тревожит такой настрой. Что ж, это ваша ноша, не так ли? Однако позвольте мне вас заверить: эта ноша – наполовину моих рук дело. Вы, Мэйзер и другие офицеры, которые тренировали и использовали детей – вы сделали то, что сделали, руководствуясь праведной целью, – и это сработало. По отношению ко мне у вас та же ответственность, которую вечно несут командиры в отношении выживших изувеченных солдат. Но солдаты отвечают за жизнь, которую проживают со своими шрамами, и горькая ирония заключается в том, что самый правдивый ответ им: «Не моя вина, что вы выжили. Если бы вас убили, вам не пришлось бы иметь дело со своими ранениями. Это та часть жизни, которая вам возвращена; враг забрал у вас целостность, и ее у вас

больше нет. Моей работой было сделать так, чтобы ваши смерти или ранения что-то значили, и мне это удалось».

Именно это я узнал здесь от ветеранов. Они до сих пор помнят погибших товарищей, все еще скучают по той жизни, которую оставили на Земле, по семьям, которых больше никогда не видели, по местам, посетить которые вновь можно лишь в мечтах и воспоминаниях. И все же – они меня не порицают. Они гордятся тем, что́ мы вместе совершили. Почти каждый из них говорил мне в свое время: «Оно того стоило».

Потому что мы победили.

И я говорю вам то же самое. Какой бы ни была моя ноша – она того стоит, потому что мы победили.

Так что я ценю ваше предупреждение насчет той маленькой книжки, которая так хорошо расходится, – о «Королеве улья». В отличие от вас, я не считаю ее чушью; думаю, что этот «Говорящий от имени мертвых» сказал что-то истинное, не важно, основано оно на фактах или нет. Допустим, королевы ульев действи-

тельно были настолько прекрасными и благожелательными, какими предстали в воображении этого «Говорящего». Это не отменяет того факта, что их намерения изменились во время войны с нами. Да, они не могли сказать нам, как сожалеют о том, что сделали. Это не обвинение нам, хотя невиновность не освобождает нас от ответственности.

У меня есть подозрение, которое я не могу подтвердить. Отдельные жукеры зависели от королев ульев настолько сильно, что, когда те погибли, с ними погибли солдаты и рабочие, однако я думаю, что это отнюдь не означает, что они были единым организмом или что королевам ульев не приходилось принимать в расчет глубинные нужды, волю отдельных жукеров. А поскольку жукеры по отдельности были крайне глупы, королевы ульев не могли объяснить им нюансы. Разве нельзя представить, что, если бы королевы отказались сражаться в тех первых битвах, проявили себя как отпетые пацифисты, инстинкт самосохранения отдельных жукеров не проявил

бы себя с такой силой, что пересилил бы власть хозяек? Нам все равно пришлось бы сражаться, только жукеры бились бы несогласованно и бездумно. И это, в свою очередь, могло вызвать повсеместное восстание против их королев. Даже диктатору приходится уважать волю своих пешек, потому что без их послушания у него нет власти. Вот что я думаю насчет «Королевы улья», раз уж вы меня спросили. И насчет всего остального, поскольку вам нужно слышать мои мысли так же, как мне необходимо их озвучивать. Во время войны вы были моей королевой улья, а я был вашим жукером. Дважды я хотел восстать против вашей власти; оба раза вмешивался Боб, который вновь надевал на меня хомут. Но все, что я делал, – я делал по своей воле, как подобает хорошему солдату, слуге или рабу. Задача тирана не в том, чтобы принуждать, но в том, чтобы убеждать даже тех, кто этого не хочет, что сотрудничество больше отвечает их интересам, чем сопротивление.

В общем, если вы хотите направить

прибывающий корабль в колонию Ганг, я полечу на нем и посмотрю, чем я смогу помочь Вирломи, разобраться с похищенным сыном Боба и его очень странной матерью. Хотя, по правде говоря, тот факт, что она в вас плюнула, нельзя считать признаком странности (думаю, желающие сделать это могли бы выстроиться в очередь из нескольких сот человек). У меня чувство, что Вирломи действительно предстоит обнаружить, что она прыгнула выше головы: в ее колонии подавляющее большинство – индийцы, а потому не-индийцам все ее решения будут казаться несправедливыми. И если этот Рэндалл Фирс хоть немного пошел в отца умом и если мать вырастила его в ненависти ко всем, кто когда-либо стоял на пути Ахиллеса Фландре (а Вирломи определенно попадает в эту категорию), – тогда Рэндалл не преминет использовать этот клин, чтобы уничтожить ее и получить власть.

И хотя в МФ и даже в МдК есть те, кто верит, что ничто из происходящего в колониях не может угрожать Земле, я

рад, что вы с этим не согласны. Военный переворот на планете-колонии может захватить воображение миллионов землян. А то и миллиардов. И «Королева улья» может оказаться частью этого. Умный демагог из колоний может вырядиться в мантию исчезнувших королев, сыграть на сильных эмоциях, на том, что с планетами-колониями Земля каким-то образом обошлась «несправедливо» и потому что-то им должна. Это иррационально, но история знает множество примеров, когда бредовые идеи захватывали умы многих людей и становились причиной массовых кровопролитий.

Даже если вы не можете или передумали отправлять меня в Ганг, я все же улечу с этим кораблем, – надеюсь, маршрут полета приведет меня в какое-нибудь интересное место. Валентина еще не решила, лететь ли со мной. Но поскольку она корпела над своими историческими трудами, то осталась совершенно оторванной от дел колонии – и эмоционально, и социально. И я думаю, она полетит со мной, у нее нет причин оста-

ваться здесь одной.

Ваша рабочая пчелка

Эндер

Ахиллес подошел к хижине, где в величественной нищете жила губернатор Вирломи. Строение должно было изображать самое простецкое из обиталищ, но было совершенно излишне строить глиняные стены и крыть крышу соломой, когда рядом сколько угодно прекрасной древесины. Каждый поступок Вирломи был рассчитан на то, чтобы упрочить положение среди колонистов-индийцев. Но вся эта показуха вызывала в Ахиллесе только презрение.

— Рэндалл Фирс, — сказал он «другу», стоящему снаружи.

Вирломи говорила: «Мои друзья стоят на вахте, охраняя мое время, чтобы я могла медитировать». Но ее «друзья» ели за общим столом, а при уборке урожая получали полноценную долю, так что их работа на нее, по сути, оплачивалась. Это были полицейские или охранники, и об этом знали все. Но нет, твердили индийцы, на самом деле это добровольцы, и они работают полный день.

Полный день работы для индийца… Становится чуть жарче, и они ложатся отдыхать, пока

нормальные полноразмерные люди отдуваются за них.

«Неудивительно, что мой отец, Ахиллес Великий, вел китайцев на завоевание Индии. Кто-то же должен был научить их работать. Правда, ничто не в силах научить их думать».

Внутри Вирломи вручную пряла пряжу. Зачем? Потому что так делал Ганди. У них было четыре прядильные машины и два мощных ткацких станка, с запчастями на сто лет вперед — а к тому времени они смогут выпускать новые. В том, чтобы ткать дома вручную, нужды нет совершенно. Даже Ганди делал это лишь из протеста, поскольку из-за английских ткацких станков жители Индии теряли работу. Чего пытается добиться Вирломи?

— Рэндалл, — сказала она.

— Вирломи, — ответил он.

— Спасибо, что пришел.

— Никто не может противиться приказу нашего любимого губернатора.

Вирломи подняла на него взгляд усталых глаз:

— Тем не менее тебе это всегда как-то удается.

— Лишь потому, что ваша власть нелегитимна, — сказал Ахиллес. — Еще до того, как мы основали здесь колонию, Шекспир объявил о сво-

ей независимости и стал избирать губернаторов на двухлетний срок.

— Мы тоже.

— Они всегда выбирают *вас*. Человека, назначенного министерством.

— Это демократия.

— Это демократично лишь потому, что колода крапленая. В буквальном смысле. Индийцы… И вы играете роль эдакой святой, чтобы держать их в рабстве.

— У тебя слишком много времени на чтение, — заметила Вирломи. — Раз ты знаешь слова типа «рабство».

Надо же, как легко открылась!

— Почему для вас так важно удерживать граждан от самообразования? — спросил он.

Приветливое выражение на лице Вирломи не изменилось.

— Почему для тебя все имеет отношение к политике?

— Было бы лучше, если бы остальные игнорировали политику, целиком и полностью оставив ее вам?

— Рэндалл, — сказала Вирломи. — Я попросила тебя прийти, но причина не касается твоей агитации среди неиндийских колонистов.

— И все же я пришел именно поэтому.

— У меня есть для тебя заманчивое предложение.

Ахиллес вынужден был признать: Вирломи не прекращала возиться с пряжей. Может, это один из непременных атрибутов индийской божественности?

— Собираетесь предложить мне еще какую-нибудь должность, чтобы укротить мое эго?

— Ты все время твердишь, что заперт на этой планете, что никогда и нигде больше не был, что вся твоя жизнь пройдет под властью индийцев и в окружении индийской культуры.

— Ваши шпионы верно передают мои слова.

Он ждал, что Вирломи возразит, и ее информаторы не шпионы, а обычные граждане, которые свободно посещают публичные собрания. Но, очевидно, она уже устала от этой темы не меньше, чем он сам. К тому же дело было явно срочное.

— Межзвездный корабль прилетает сюда примерно через месяц, — сказала Вирломи. — Он летит от колонии Шекспир, везет нам некоторые гибриды и генно-модифицированные организмы, которые пополнят наши агрономические ресурсы. Очень важный визит.

— Я не фермер, — заметил Ахиллес.

— Корабль прилетает не навсегда. Они выгрузятся, а потом улетят.

Теперь Ахиллес понял, что она ему предлагает. Если это действительно предложение, а не изгнание.

— Улетят куда? — спросил он.

— Меня заверили, что пилот возвращает корабль на Землю — точнее, близко к Земле, — чтобы образцы с Шекспира вместе с нашими скудными подношениями могли быть изучены, размножены, исследованы и переданы всем колониям. Кое-что даже может культивироваться на самой Земле, потому что у культур высокая урожайность и хорошая климатическая адаптивность.

— Они собираются назвать один из видов вашим именем? — спросил Ахиллес.

— Я даю тебе шанс отправиться в огромный мир, увидеть все своими глазами. В данный момент индийцы составляют лишь четверть населения земного шара, и есть множество мест, где ты вряд ли когда-нибудь увидишь хоть одного индийца.

— У меня нет претензий к индийцам, — вежливо сказал Ахиллес.

— О?

— Я не люблю авторитарный режим, самодовольно прикидывающийся демократией.

— Индийцы здесь в большинстве. По определению это демократично, даже если самодовольно, — сказала Вирломи.

— На Земле установилась жестокая диктатура.

— Землей управляет избранный Конгресс, председательствует над которым избранный Гегемон.

— Гегемония взросла на убийстве…

— …человека, которого ты ошибочно считаешь своим отцом, — сказала Вирломи.

Эта фраза сразила Ахиллеса, словно удар кувалдой. Всю свою жизнь они с матерью держали его происхождение в тайне, точно так же, как никто ни разу не слышал его истинного имени — Ахиллес. Рэндалл то да Рэндалл сё, и лишь в минуты нежной уединенности мать называла его Ахиллесом. Самого себя он называл этим именем лишь мысленно.

Но Вирломи знала. Откуда?

— Я видела, как твой якобы отец хладнокровно убивает детей, — промолвила Вирломи. — Он убил моего хорошего друга. Без всякого на то повода.

— Это ложь, — сказал Ахиллес.

— Вот как? У тебя есть свидетель, который может оспорить мои слова?

— Повод был. Он пытался объединить планету и установить мир.

— Он был психом, который убивал всех, кто когда-либо ему помог — или видел его слабость.

— Не всех, — возразил Ахиллес. — Вам он позволил жить.

— Я ему не помогала. Я ему не мешала. Оставалась невидимой, пока не смогла от него сбежать. Затем я стала сражаться за освобождение своей страны от жестокого угнетения, которому он нас подверг.

— Ахиллес Фландре пытался восстановить мир во всем мире, а ты вновь ввергла в войну страну, которую он усмирил.

— Но ты без проблем веришь сказке о том, что он твой отец.

— Думаю, моя мать знает об этом больше, чем кто-либо.

— Она знает лишь то, что ей сказали. Потому что она суррогатная мать — генетически она не твоя. Ей имплантировали эмбрион. Ей солгали. Она передала эту ложь тебе. Ты не кто иной, как еще одна похищенная Ахиллесом жертва. И ты до сих пор находишься у него в плену. Ты его

последняя и самая жалкая жертва.

Рука Ахиллеса взлетела в воздух прежде, чем он мог задуматься. Удар был несильным — не таким сильным, каким мог быть, принимая во внимание габариты Ахиллеса.

— На меня напали, — негромко произнесла Вирломи.

Двое ее «друзей» вошли в хижину и взяли Ахиллеса под руки.

— Я обвиняю Рэндалла Фирса в нападении на губернатора. Рэндалл, признаете ли вы, что ударили меня?

— Что за абсурдная ложь, — сказал Ахиллес.

— Так и думала, что вы это скажете. Три видеозаписи с разных углов окажутся достаточной уликой для обвинения в нападении. Рэндалл, когда вам будут выносить приговор, я буду рекомендовать изгнание в качестве меры наказания. На Землю — это место, которое для вас, наверное, предпочтительнее Ганга. Ваша мать сможет лететь с вами или нет, как сама решит.

«Подсекла меня, как рыбешку, — подумал Ахиллес. — Мой отец никогда бы этого не потерпел. Унижение, невыносимое оскорбление. Так жил мой отец, и именно так буду жить я».

— Полная запись, — сказал Ахиллес, — она

покажет всем, что вы меня подстрекали.

Вирломи плавно поднялась на ноги и подошла к нему, приблизила губы к его уху:

— Полная запись покажет, кого ты считаешь отцом, покажет твое одобрение его действий, которые по-прежнему считаются абсолютным злом для всего человечества. — Она на шаг отступила от него. — Тебе решать, будет ли показана вся запись целиком или только отредактированная часть.

Ахиллес знал: сейчас от него ожидают угроз, жалких ругательств. Но запись по-прежнему ведется.

— Вижу, вы знаете, как манипулировать детьми, — сказал Ахиллес. — Мне всего шестнадцать, и вы спровоцировали мою агрессию.

— Ах да, шестнадцать. Ты великоват для своего возраста, не так ли?

— Душой и сердцем, равно как и плотью, — откликнулся Ахиллес. — Но запомните, ваше превосходительство губернатор: подставить меня — это одно, а вывести из игры — совсем другое.

Он развернулся, а затем подождал, пока приклеившиеся к его рукам мужчины пытались протиснуться в двери, чтобы вновь оказаться за

его спиной. Все трое вышли из хижины. Затем Ахиллес резко остановился:

— Вы же знаете, что при желании я могу стряхнуть вас, как мух.

— О да, мистер Фирс. Мы же там были. Если бы не это, мы бы держали вас чисто символически.

— И надеялись, что я на виду у камер положу одного из вас?

— Мы надеялись, что все мужчины и женщины смогут жить, не прибегая к силе.

— Но вы не прочь оказаться жертвой, если сможете воспользоваться этим для того, чтобы дискредитировать или уничтожить врага.

— А вы нам враг, мистер Фирс?

— Надеюсь, нет, — сказал Ахиллес. — Но ваша богиня хочет, чтобы я им был.

— О, мистер Фирс, она не богиня!

И они засмеялись, словно сама эта мысль была абсурдной.

Уходя, Ахиллес уже размышлял о следующем своем шаге. Вирломи собирается обратить против него репутацию его отца, и он не верил, что она станет держать это в секрете, ведь Вирломи права, и любая связь между ним и Ахиллесом Великим очернит его безвозвратно.

«Если моего отца все считают худшим чело-

веком в истории, тогда я обязан найти кого-то похуже, с кем связать ее».

Что же до голословных заявлений по поводу суррогатной беременности матери — Рэндалл не позволит, чтобы ложь Вирломи вбила клин между ним и его мамой. Даже простой вопрос об этом разобьет ей сердце. «Нет, Вирломи, я не позволю тебе превратить меня в оружие, которое ранит мою мать!»

21

Кому: AWiggin%Ganges@ColLeague.adm
От: hgraff%retlist@IFCom.adm

Тема: Добро пожаловать в человеческую вселенную

Первым делом, конечно, выражаю соболезнования в связи со смертью твоих родителей. Но я узнал от них, что ты с ними переписывался, к огромному взаимному удовольствию. Кончина твоего брата, должно быть, оказалась более внезапной. Он был сравнительно молод, но его сердце не выдержало. Не обращай внимания на дурацкие слухи, которые всегда сопутствуют смерти великих. Я видел отчет патологоанатома: у Питера было слабое сердце, несмотря на здоровый образ жизни. Он умер быстро – тромб оборвал его жизнь во сне. Он умер на пике своей власти и возможностей. Не самый скверный способ окончить свои дни. Надеюсь, ты прочтешь отличное

эссе о его жизни, написанное предположительно автором «Королевы улья». Эссе называется «Гегемон», и я прилагаю его к этому письму.

Пока ты находился в стазисе на пути от Шекспира к Гангу, случилось кое-что интересное. Меня уволили.

Признаю, это было нечто такое, что я не предвидел (хотя в моей долгой жизни я мало что предвидел: я выживал и кое-чего достигал лишь потому, что быстро реагировал). Но это я должен был предвидеть. Когда проводишь в стазисе десять месяцев в году, возникает побочный эффект – подчиненные и начальники начинают воспринимать твои пробуждения как нежелательное вмешательство. Те, кто был к тебе предельно лоялен, – они уходят в отставку, делают карьеру в других местах, или же их вынуждают уйти. Вскоре тебя начинают окружать только те, кто лоялен к самим себе, к своей карьере или к тем, кто хочет заполучить твое место.

Но все мои пробуждения сопровождались таким роскошным шоу! Все отчиты-

вались о проделанной работе, о том, как выполнялись мои решения, отданные в предыдущий период бодрствования, – или объясняли, по каким причинам решения не исполнялись.

В последние три пробуждения я должен был заметить, сколь неубедительными стали эти объяснения и сколь неэффективно выполнялись мои распоряжения. Должен был уловить, что тот бюрократический суп, в котором я успешно варился столько лет, начал прокисать вокруг меня. Мне следовало понять, что периоды долгого отсутствия лишают меня сил.

Лишь потому, что месяцы в стазисе не приносили мне никакого удовольствия, я не понимал, что они, по сути, являлись отпусками. Это была попытка продлить пребывание в офисе, не занимаясь делами. Разве это когда-то считалось хорошей идеей?

Эндер, это было проявлением тщеславия с моей стороны. Это не могло сработать, так не могло продолжаться. Я проснулся, чтобы обнаружить: на двери моего кабинета больше нет таблички с

моим именем. Я оказался в списке вышедших в отставку офицеров командования МФ – на пенсии полковника, чтобы уж совсем меня добить. Что касается какой-либо пенсии от МдК – об этом и речи не шло: я не вышел в отставку, меня уволили за неисполнение должностных обязанностей. Мне зачли годы пропущенных собраний, пока я валялся в стазисе; зачли то, что я не пытался заявлять о каких-либо отгулах; мне даже припомнили тот поросший быльем трибунал, пытаясь доказать «халатное отношение». Так что я уволен по статье, отправлен доживать на половину зарплаты полковника.

Думаю, на самом деле они полагают, что я сумел обогатиться за время моего пребывания в должности. Но я никогда не был политиком такого плана.

Однако меня мало волнуют материальные вещи. Я возвращаюсь на Землю, где у меня по-прежнему имеется маленькое имение, – я позаботился о том, чтобы налоги исправно оплачивались. У меня будет возможность мирно жить на пенсии в живописном местечке в Ирландии,

в которое я влюбился и приобрел в те годы, когда ездил по свету в поисках детей, которых нужно будет эксплуатировать (и возможно, уничтожить) в Боевой школе. Соседи понятия не имеют, кто я такой и уж тем более кем был раньше. Я пережил свою дурную славу.

Один недостаток отставки: у меня больше не будет привилегий в пользовании ансиблем. Даже это письмо пойдет к тебе с таким низким приоритетом, что пройдут годы, прежде чем оно попадет к тебе. Но компьютеры ничего не забывают, и ничья месть не помешает мне попрощаться со старыми друзьями. Я следил за безопасностью системы, и главы МФ и СЛЗ понимают важность поддержания независимости Сети. Ты увидишь это сообщение, когда выйдешь из стазиса по прибытии на Ганг, четыре года спустя.

Я пишу тебе с двумя целями. Во-первых, хочу, чтобы ты знал: я понимаю и помню, чем я и весь мир тебе обязаны. Пятьдесят семь лет назад, прежде чем ты отправился на Шекспир, я собрал твою зарплату за время войны (пересчитанную задним

числом на звание адмирала), пожертвования тебе и твоим воякам в первую волну благодарности и твою зарплату губернатора Шекспира и разместил их в шести разных, но взаимосвязанных фондах с безупречной репутацией.

Все они будут постоянно проверяться лучшей программой, которую я мог найти и которая – тебя это позабавит – основана на ядре «Свободной игры» (или «Игры воображения», как ее называли в Боевой школе). Способность программы постоянно отслеживать себя, все источники данных и вводную информацию и самой себя перепрограммировать в ответ на новые данные – все это сделало ее оптимальным выбором для того, чтобы гарантировать наилучший присмотр за твоим финансовым благополучием. Менеджеры-финансисты из числа людей могут оказаться некомпетентными, они могут поддаться искушению, или же они могут умереть, после чего их сменят менеджеры похуже.

Ты можешь спокойно снимать набегающие проценты, не платя каких-либо

налогов до совершеннолетия, которое (спасибо детишкам, летающим на космических кораблях) сейчас считается исходя из суммы корабельного времени в межзвездных перелетах плюс дни, проведенные в реальном времени в промежутке между такими перелетами, а время в стазисе не учитывается. Я сделал все, что мог, чтобы обезопасить твое будущее от превратностей времени.

И это приводит меня ко второй цели письма. Я старик, который считал, что может манипулировать временем и жизнью и увидеть исполнение всех своих замыслов. В некотором роде, полагаю, мне это удалось. Я дергал за ниточки, и большинству моих марионеток удалось дотанцевать до финала пьесы. Я пережил многих из тех, кого знал, и всех моих друзей.

Кроме тебя, дружище. Я пришел к тому, чтобы думать об этом вот как: надеюсь, я не переступаю черту, потому что сейчас собираюсь дать тебе дружеский совет.

Перечитывая сообщение, в котором ты просил меня отправить тебя на Ганг, я

зацепился за выражение «собственные причины», в котором усмотрел вероятность, что ты собираешься использовать межзвездные перелеты так же, как я использовал стазис, – как способ пожить подольше. Однако в твоем случае речь идет не о том, чтобы увидеть исполнение твоих замыслов, – не уверен, что у тебя они вообще есть. Вместо этого я думаю, что ты попытаешься оставить между собой и своим прошлым десятилетия, а возможно, и столетия.

Думаю, этот план не лишен остроумия, если ты предполагаешь пережить свою славу, поселиться где-нибудь в тихой анонимности, жениться, завести детей и воссоединиться с человечеством, но уже среди людей, которые и помыслить не смогут, что их сосед Эндрю Вигин может иметь какое-то отношение к великому Эндеру Виггину, спасшему мир.

Но боюсь, ты пытаешься убежать от чего-то еще. Боюсь, ты считаешь возможным скрыться от того, что сделал, – от событий, которые разбирались в том трибунале. Боюсь, ты пытаешься убежать

от гибели Стилсона и Бонзо Мадрида, от тысяч людей и миллиардов жукеров, павших на войне, в которой ты одержал для нас столь блистательную и невозможную победу.

Эндер, у тебя не получится. Они останутся с тобой навсегда. Твои воспоминания о них не увянут даже тогда, когда весь остальной мир об этом позабудет. Ты защищался от детей, которые всерьез намеревались тебя уничтожить, и ты сделал это эффективно; не сделай ты это, смог бы ты одержать свои великие победы? Ты защищал человечество в войне с врагом, который беспечно уничтожал людей, забирая наш мир, наш дом, наши достижения, будущее планеты Земля. Ты себя коришь за то, за что я воздаю тебе честь. Пожалуйста, услышь и мой голос, а не только свое самобичевание. Попытайся их уравновесить.

Ты тот, кем всегда был, – тем, кто берет на себя ответственность, предвидит последствия и действует ради защиты остальных – и да, самого себя. Такому человеку нелегко сбросить свою ношу.

Но не надо использовать межзвездные перелеты как наркотик, чтобы все забыть. Я по опыту скажу тебе: жизнь в виде кратких визитов к человечеству – это не жизнь. Мы люди, лишь когда мы часть сообщества. Когда ты появился в Боевой школе, я пытался тебя изолировать, но не смог этого сделать. Я поместил тебя во враждебное окружение, а ты превратил врагов и соперников в друзей. Ты свободно делился со всеми знаниями и тренировал курсантов, с которыми мы, наставники, честно говоря, опускали руки. Некоторые из тех курсантов в конечном счете многого добились. Ты стал частью их; они несли тебя в своем сердце всю свою жизнь. С нашей работой ты справлялся лучше нас.

Твои армии любили тебя, Эндер. Любили с такой преданностью, которой я мог только позавидовать. У меня было много друзей, но никогда таких страстных, как те дети. Они были готовы умереть за тебя, все без исключения. Потому что знали – ты сам умер бы за них. А отчеты, которые я получал из колонии Шекспир?

От Сэла Менаха, Икса Толо, его сыновей По и Абры, от колонистов, которые даже не были с тобой знакомы. Уверяю: тебя все любили и уважали, и все они считали тебя одним из достойнейших членов их сообществ, благодетелем и другом.

Все это я говорю тебе, поскольку опасаюсь, что мой первый урок ты усвоил лучше всего: что ты всегда один, что тебе никто никогда не поможет и что работу, которую обязательно надо выполнить, можешь сделать только ты. Мне не под силу обратиться к глубинной части твоего сознания, только к поверхностной, – к тому сознанию, которое столь выразительно разговаривало со мной и писало мне все эти годы. Поэтому, я надеюсь, ты сможешь услышать мои слова и передать их той части себя, которая поначалу откажется в это верить.

Ты наименее одинокий из всех, кого я когда-либо знал. Твое сердце всегда вмещало в себя тех, кто позволял тебе любить их, и многих из тех, кто тебе этого не позволял. Местом сбора все тех сообществ, которые ты сформировал, было

твое сердце. Люди знали, что ты держишь их там, и это объединяло их друг с другом в одно целое. И все же тот дар, который ты приносил, никто не мог подарить тебе, и, боюсь, именно потому, что я слишком хорошо справился со своей дьявольской задачей – возвел внутри тебя стену, которая не позволит тебе понять, кто ты есть.

Мне больно видеть, как этот «Говорящий от имени мертвых» со своими маленькими книжками достиг влияния, которого заслужил ты. Собственно, люди уже превращают это в религию: появились самозванные «говорящие», которые осмеливаются выступать на похоронах и выкладывать «правду» об умерших, – отталкивающее надругательство, разве кто-то может знать о ком-либо правду? В моем завещании я оставил инструкции насчет того, чтобы никто из этих позеров и близко не приближался к моей могиле, если на похороны вообще кто-то явится. Ты спас мир, и тебе не позволили вернуться. Этот фигляр стряпает лживую историю жукеров, а потом пишет оправдание твоему брату Питеру – и лю-

ди делают это религией. Человечество никому не воздает по заслугам.

Валентина с тобой. Покажи ей это письмо – посмотри, подтвердит ли она, что все написанное мной о тебе – правда, до последнего слова? Может быть, когда ты получишь это письмо, меня уже не будет в живых, но многие из знавших тебя курсантов Боевой школы по-прежнему живы, в том числе многие из твоих вояк. Они состарились, но ни один из них тебя не забыл. Я до сих пор изредка переписываюсь с Петрой. Она дважды овдовела, но, несмотря на это, остается на удивление радостной и оптимистичной. Она поддерживает связь со всеми остальными. Они, я и Валентина – все мы можем подтвердить под присягой: ты принадлежишь человечеству глубже и полнее, чем большинство людей могут себе представить.

Отыщи способ поверить в это и не прячься от жизни в непостижимых, беспросветных глубинах релятивистского пространства.

В своей жизни я добился многого, но величайшим моим свершением было то,

что я нашел тебя, распознал в тебе тебя и каким-то образом умудрился не уничтожить тебя раньше, чем ты спас мир. Могу только сожалеть о том, что после этого не сумел тебя исцелить. Но это должно стать твоим собственным свершением – или, быть может, достижением Валентины. А может, исцеление придет от детей, которых ты обязан – просто обязан – когда-нибудь завести.

Увы, в личном плане я больше всего жалею об этом. Я никогда не был женат, и у меня нет своих детей. Вместо этого я крал детей у других и тренировал – не воспитывал. Легко сказать: я усыновил человечество. Но это другое, не то что жить дома с детьми, влиять на них своими поступками, позволить им стать счастливыми, цельными и добрыми. Не проживи жизнь, так никогда и не подержав свое дитя на руках, на коленях, в своем доме, не побывав в объятиях ребенка, не услышав его голос и не увидев его улыбку, которую он дарит тебе, потому что ты вложил ее в его сердце!

У меня в жизни не было таких момен-

тов, потому что я обращался с похищенными для Боевой школы детьми совсем иначе. Я не был отцом, и я никого не усыновлял. Женись, Эндер. Роди детей или усынови – чего бы это ни стоило. Но не живи той жизнью, какая выпала мне.

Я совершал великие дела, но сейчас, под конец своих дней, я не счастлив. Хотел бы я в свое время позволить будущему заботиться о себе самостоятельно и вместо прыжков сквозь время остановиться, обзавестись семьей и умереть в отведенный срок, в окружении потомков.

Видишь, я изливаю тебе свое сердце? Каким-то образом ты и меня зачислил в группу своих вояк.

Прости расчувствовавшегося старика – когда доживешь до моих лет, ты все поймешь.

Когда ты был в моей власти, я никогда не обращался с тобой как с сыном. Но я любил тебя, как сына; и в этом письме я обращаюсь к тебе так, как обращался бы к сыновьям, которых у меня никогда не было. И я говорю тебе: хорошо сработано, Эндер!

А теперь – будь счастлив.

Хайрам Графф,
полковник МФ в отставке

Пробудившись от стазиса в конце перелета, Эндер был шокирован тем, насколько изменилась Валентина.

— Я же сказала — не собираюсь спать, пока не закончу книгу, — объяснила она, увидев выражение его лица.

— Не говори, что бодрствовала весь полет.

— Я не ложилась, — ответила Валентина. — Это же не сорокалетний перелет за два года, как в первый раз. Перелет был восемнадцатилетним, занял чуть больше года.

Эндер быстро прикинул в уме и понял, что она права. Ускорение и торможение всегда занимали примерно одинаковое время, а расстояние перелета между ними определялось разницей субъективного времени.

— И все же ты женщина, — сказал он.

— Я польщена: ты заметил! Какое разочарование — ни один капитан в меня не влюбился.

— Быть может, это только потому, что капитан Хонг взял с собой жену и семью?

— Мало-помалу они начинают понимать, что

вовсе не обязательно жертвовать всем, чтобы быть межзвездным скитальцем, — сказала Валентина.

— Так, чисто арифметически: мне еще семнадцать, а тебе уже почти двадцать один.

— Мне *уже* двадцать один. Зови меня тетушкой Вэл.

— Не стану, — ответил Эндер. — Так ты закончила книгу?

— Я написала историю колонии Шекспир, вплоть до твоего прибытия. У меня бы ничего не получилось, если б ты не дрых.

— Почему? Я настаивал бы на точности?

— Потому что у меня не было бы полного доступа к твоей переписке с Колмогоровым.

— Моя переписка закрыта двойным паролем.

— О, Эндер, ты ж говоришь со мною! — сказала Валентина. — Думаешь, мне не по силам припомнить имена «Стилсон» и «Бонзо»?

— Я не использовал их имена вот так, просто.

— Для меня это было просто, Эндер. Ты думаешь, что тебя никто по-настоящему не понимает, но я могу догадаться, какие у тебя пароли. А значит, я твой соратник в деле шифрования.

— Это значит, что ты за мной шпионишь, — возразил Эндер. — Жду не дождусь, когда прочитаю

твою книгу.

— Не волнуйся, твоего имени я не упоминала. Его письма называла «письмами к другу» с датой.

— В самом деле? Ты такая тактичная.

— Не будь брюзгой. Я не видела тебя четырнадцать месяцев и очень соскучилась. Не заставляй меня пожалеть.

— Я видел тебя только вчера, а за ночь ты успела сунуть нос в мои файлы. Не жди, что я это проигнорирую. Куда ты еще залезла?

— Больше никуда, — сказала Валентина. — Твой багаж на замке. Я не взломщик.

— Когда я смогу прочесть твою книгу?

— Когда купишь ее и скачаешь. Ты можешь себе позволить.

— У меня нет денег.

— Ты еще не прочитал письмо от Хайрама Граффа, — сказала Валентина. — Он организовал тебе приличную пенсию, и ты можешь запускать в нее руку без каких-либо налогов до совершеннолетия.

— Стало быть, ты не ограничилась темой исследования?

— Пока не прочтешь — не узнаешь, есть ли в письме что-то полезное, так ведь?

— Похоже, для написания этой книги тебе потребовалось прочитать все письма в истории человечества.

— Только те, что были написаны с момента основания колонии номер один после третьей войны с жукерами, — ответила она и поцеловала его в щеку. — Доброе утро, Эндер. Добро пожаловать обратно в мир.

Эндер покачал головой.

— Не Эндер, — сказал он. — Не здесь. Я Эндрю.

— О. А почему тогда не Энди? Или Дрю?

— Эндрю, — упрямо повторил Эндер.

— Что же, тебе следовало бы сказать об этом губернатору: ее пригласительное письмо адресовано Эндеру Виггину.

Эндер нахмурился:

— В Боевой школе мы даже не были знакомы.

— Полагаю, она думает, что знает тебя, — раз уж столь тесно общалась с половиной твоих вояк.

— Которые нанесли ей сокрушительное поражение, — уточнил Эндер.

— Это подпадает под описание «тесного общения», не так ли? Что-то вроде Гранта и Ли?

— Полагаю, Граффу пришлось предупредить ее о том, что я прилетаю.

— Твое имя есть в списке пассажиров, и к нему

прилагается информация о том, что ты был губернатором Шекспира в течение двух лет. Все это сужает круг всех возможных Эндрю Виггинов до одного.

— Ты уже спускалась?

— Никто не спускался. Я попросила капитана позволить мне разбудить тебя, чтобы ты мог отправиться на первом челноке. Разумеется, он был счастлив сделать все, что в его силах, для великого Эндера Виггина. Он принадлежит твоему поколению — был на Эросе, когда ты победил в финальном сражении. Говорит, видел тебя там — и не раз.

Эндер прокрутил в памяти краткую встречу с капитаном перед погружением в стазис.

— Я его не узнал.

— Он и не ждал, что ты узнаешь. Он приятный человек. И куда лучше на своей должности, чем старый… как там его.

— Квинси Морган.

— Я помню его имя, Эндер. Просто не хотела его произносить или слышать.

Эндер очистился. После стазиса все тело покрывала своеобразная пена; его кожа, казалось, немного потрескивает с каждым движением. Вряд ли это полезно, подумал он, соскребая пену,

а кожа отвечала слабой покалывающей болью. Но Графф ложится в стазис через каждые десять месяцев и до сих пор не жаловался на здоровье.

«И он выбил мне пенсию. Ну не круто ли? Представить, что Ганг пользуется деньгами Гегемонии, было бы трудновато. Но когда межзвездная торговля станет набирать обороты, может, доллар СЛЗ и сохранит кое-какую покупательную способность».

Высохнув и одевшись, Эндер забрал свой багаж и в уединении запертой каюты Валентины, из которой она тактично удалилась, открыл ящик с коконом последней королевы улья во Вселенной.

На какой-то миг его захлестнул страх, что она погибла за время перелета. Но нет. После того как Эндер подержал ее несколько минут в руках, в сознании возникла картинка. Или, скорее, стремительный рой картинок — лица сотен королев ульев, тысяч королев, в такой быстрой последовательности, что он не мог ухватиться за какую-то одну. Словно после пробуждения — перезагрузки — все предки, о которых помнила эта королева улья, должны были возникнуть в ее мозгу перед тем, как снова улечься в памяти и позволить ей контролировать собственный разум.

Что ж, это не было разговором, не могло им быть. Но когда Эндер вспоминал об этом, ему казалось, что это самый настоящий диалог. Словно его мозг был неприспособлен к тому, чтобы запоминать происходящее между ними — прямую передачу сформированной памяти. Вместо этого он перевел этот обмен в нормальный человеческий режим обмена фразами.

— Это мой новый дом? Ты позволишь мне войти? — спросила она его — или, скорее, показала себя вылетающей из кокона в прохладный воздух пещеры.

Вместе с этой картиной пришло ощущение вопроса — или требования?

— Слишком рано, — ответил он. — Никто еще ничего не забыл. Они придут в ужас. Убьют тебя, как только обнаружат тебя или твоих детей.

— Еще ждать, — сказала она. — Всегда ждать.

— Да, — сказал Эндер. — Я буду летать так часто, как только смогу, и как можно дальше. Пятьсот лет. Тысячу лет. Не знаю, сколько времени пройдет, пока я смогу спокойно тебя отпустить где-нибудь.

Она напомнила ему, что на нее не действует релятивистский эффект путешествия во времени.

— Наш разум работает по принципу вашего

ансибля. Мы всегда привязаны к реальному времени Вселенной.

Для этого она воспользовалась изображением часов, которое достала из памяти Эндера. Ее же метафорой для изображения времени были пролеты солнца по небу — если речь шла о днях — и дрейф этих пролетов к северу и снова к югу — если имелись в виду годы. Королеве ульев никогда не требовалось делить время на часы, минуты и секунды, потому что для ее собственных детей — жукеров — все происходило *сейчас*.

— Мне жаль, что тебе приходится проживать все время перелета, — сказал Эндер. — Но необходимо ложиться в стазис и оставаться молодым достаточно долго, чтобы найти тебе дом.

Стазис — она сравнила гибернацию с собственным окукливанием.

— Но ты выходишь из него тем же самым. Никаких изменений.

— Мы, люди, в коконах не меняемся. В процессе взросления мы бодрствуем.

— Значит, для тебя этот сон — не рождение.

— Нет, — сказал Эндер. — Это временная смерть. Выключение, но при этом в пепле тлеет искра. Я даже не вижу снов.

— Все, что я вижу, — это сон, — ответила она. —

Я вижу в них полную историю моего народа. Они мои матери, но также мои сестры, потому что я помню, что делала все то, что делали они.

Для того чтобы сказать «сестры», она вызвала картинки Валентины и Питера. И когда возникло лицо Питера, в памяти всплыли страх и боль.

— Я его больше не боюсь, — сказал Эндер. — И не ненавижу. Он стал великим человеком.

Но королева улья ему не поверила. Она вызвала из его памяти изображение пожилого мужчины, с которым он вел разговоры по ансиблю, и сравнила его с Питером-ребенком из глубин памяти Эндера. Они были слишком разными, чтобы быть одним человеком.

И Эндер не мог с этим спорить. Питер-Гегемон не был Питером-монстром. Может, он никогда им и не был. Может быть, оба они были лишь иллюзией. Но Питер-монстр был похоронен глубоко в памяти Эндера, и вряд ли ему было по силам стереть это воспоминание.

Эндер опустил кокон обратно в ящик, запер его, а затем оставил на тележке с багажом, который предстояло спустить на поверхность планеты.

Вирломи лично пришла встречать челнок; через считаные минуты она ясно дала понять, что эта любезность исключительно ради Эндера.

Чтобы с ним поговорить, она поднялась на борт.

Эндер не воспринял это как добрый знак. Ожидая, пока Вирломи поднимется, он сказал Валентине:

— Она не рада меня здесь видеть. Хочет, чтобы я вернулся на корабль.

— Подожди, посмотрим, чего она хочет, — ответила сестра. — Может, всего лишь прояснить твои намерения.

Когда губернатор вошла, ее лицо едва напоминало лицо той девушки, которую Эндер видел на фото времен китайско-индийской войны. Год-два раздумий над поражением, а затем шестнадцать лет во главе колонии — это неминуемо должно было сказаться на внешности.

— Спасибо, что позволил мне навестить тебя так сразу, — поблагодарила она.

— Вы нам безмерно польстили тем, что лично пришли нас встретить, — ответил Эндер.

— Я должна была тебя увидеть до того, как ты появишься в колонии. Клянусь, я никому не сказала о твоем прибытии.

— Верю, — кивнул Эндер. — Но ваши слова, кажется, подразумевают, что люди знают — я здесь.

— Нет, — сказала она. — Слухов об этом, слава

богу, нет.

«Какому богу?» — задался вопросом Эндер. Или, считаясь богиней, она славит саму себя?

— Когда полковник Графф — или кто он там был, не важно, для меня он всегда будет полковником Граффом — сказал мне, что он попросил тебя прилететь, и причиной этого было предчувствие проблем с одной конкретной семьей.

— Нишель и Рэндалл Фирс, — произнес Эндер.

— Да, — подтвердила Вирломи. — Так уж вышло, что я тоже распознала в них потенциальную проблему во время сборов в бывшей Боевой школе. Поэтому я поняла его озабоченность. Но вот чего понять не могла: почему Графф считал, что ты сможешь справиться с этим лучше меня?

— Не уверен, что он так думал. Возможно, он хотел, чтобы у вас появился дополнительный ресурс, на который можно опереться — в случае, если у меня появятся идеи. А они стали проблемой?

— Мать — обычная затворница-параноик, — сказала Вирломи. — Но она прилежно работала, и если временами излишне навязчиво опекала сына, в их отношениях не было ничего странного, никаких тревожных признаков. Он был таким крохой. Почти как игрушка. Но начал ходить

и говорить в очень юном возрасте. Невероятно юном.

— И он потихоньку рос, — продолжил за нее Эндер, — и стал подростком. И продолжал расти с обычной скоростью, но рост не прекращался. Полагаю, сейчас он уже вымахал…

— …под два метра ростом и прекращать не собирается. Откуда ты знаешь?

— Потому что знаю, кто его родители.

Вирломи резко выдохнула:

— Графф знает, кто его настоящий отец. И он мне не сказал! Как же я могла действовать, если он не дал мне всей информации?

— Простите, что напоминаю, — сказал Эндер, — но в то время вам не слишком доверяли.

— Да, — согласилась она. — Но я думала, раз он сделал меня губернатором, он даст мне… но это в прошлом, все позади.

Эндер задался вопросом, жив ли еще Графф, или его действительно больше нет. Его не было в реестрах адресатов, к которым Эндер имел доступ. И у Эндера не было тех привилегий в использовании ансибля, какие он имел, будучи губернатором колонии. Правда, имелись алгоритмы поиска, просто пока ему не представилось достаточно времени.

— Граф не хотел лишать вас информации. Но он оставил на мое усмотрение, что вам сказать.

— Значит, ты тоже мне не доверяешь? — спросила она.

Тон ее голоса был шутливым, но в глубине пряталась боль.

— Я вас не знаю, — ответил Эндер. — Вы вели войну против моих друзей. Освободили свою страну от вторжения. Но затем сами превратились в мстительного агрессора. Я не знаю, что мне делать с этой информацией. Позвольте мне разобраться и узнать вас лучше.

Тут заговорила Валентина — в первый раз после приветствий:

— А что такого случилось, что вы поспешили уведомить нас, что никому не говорили о прибытии Эндера?

Вирломи повернулась к ней и уважительно произнесла:

— Это часть давней борьбы между мною и Рэндаллом Фирсом.

— Он же еще ребенок?

Вирломи горько рассмеялась:

— Выпускники Боевой школы не считают себя таковыми.

Эндер тоже усмехнулся:

— Справедливо. И как давно продолжается эта борьба?

— К тому времени, как ему стукнуло двенадцать, он уже был не по годам развитым… оратором. Так что старые поселенцы и колонисты неиндийского происхождения, прилетевшие со мною, слушали его затаив дыхание. Поначалу он был их талисманом. А теперь он, скорее, их духовный лидер, их…

— …Вирломи, — закончил Эндер.

— Он сделал себя в некотором роде эквивалентом того, кем индийские колонисты считают меня, да, — сказала она. — Я никогда не заявляла, что я богиня.

— Давайте не будем углубляться в эти старые споры.

— Я просто хочу, чтобы вы знали правду.

— Нет, Вирломи, — вторглась Валентина в их разговор. — Вы намеренно создавали образ богини. А когда люди спрашивали вас, вы не отрицали, разве что отшучивались: «С каких пор богини ходят по земле?», «Почему богиня так часто ошибается?». И самый омерзительный из уклончивых ответов: «А вы как думаете?»

Вирломи вздохнула.

— В вас нет ни капли жалости, — заметила

она.

— Отнюдь, — ответила Валентина. — Жалости во мне хоть отбавляй. А вот с манерами — полный швах.

— Да, — сказала Вирломи. — Он учился, наблюдая за мною, за тем, как я обращаюсь с индийцами, которые меня боготворили. В его группе нет объединяющей религии, нет общих традиций. Но он их создал, особенно когда всем стала известна эта дьявольская книга «Королева улья».

— Почему же она дьявольская? — спросил Эндер.

— Потому что она *лжива*. Кто может знать, о чем думали, что чувствовали и помнили королевы ульев, что они пытались делать? Но эта книга превратила жукеров в персонажей трагедии, сделала мучениками в глазах тех впечатлительных идиотов, которые наизусть учат эту проклятую книгу.

Эндер фыркнул:

— Смышленый парнишка.

— Что? — спросила Вирломи, подозрительно взглянув на него.

— Полагаю, все это вы рассказываете мне потому, что он каким-то образом заявляет, будто он наследник королев ульев.

— Что является полнейшим абсурдом, ведь наша колония — первая, которая возникла не на руинах цивилизации жукеров.

— Так как ему это удается? — спросил Эндер.

— Он заявляет, что индийское население — восемьдесят процентов от всей колонии — просто-напросто пытается воссоздать здесь в точности свою земную культуру. В то время как он и остальные пытаются создать что-то новое. У него достает нахальства называть свое маленькое движение «Исконными жителями Ганга». И он говорит, что мы, индийцы, подобны шакалам, которые заселяют другие миры — уничтожают коренных жителей, а затем присваивают себе все их достижения.

— И люди идут за ним?

— Пока немногие, — сказала Вирломи. — Большинство не-индийских колонистов пытаются в это не лезть.

— Но ему верят, — уточнил Эндер.

— Миллионы.

— Здесь же нет столько колонистов, — удивилась Валентина.

— Он пудрит мозги не только местным, — объяснила Вирломи. — Свои статьи он отправляет по ансиблю. В большинстве крупных городов Земли

имеются филиалы «Исконных жителей Ганга». Даже в Индии. Миллионы, как я уже сказала.

Валентина вздохнула:

— Я видела, в Сети их называют «исконниками», но я не заинтересовалась. Так, значит, движение зародилось здесь?

— Они считают «Королеву улья» своей библией, а жукеров — своими духовными предками. На Земле их доктрина почти полностью противоположна тому, что Рэндалл проповедует здесь. Они заявляют, что организация СЛЗ должна быть распущена, потому что она стирает все «настоящие», «исконные» земные культуры. Они отказываются говорить на общем. Устраивают большое шоу из своего следования старым религиям.

— А здесь Рэндалл обвиняет ваших людей именно в этом, — заметил Эндер. — В том, что они сохраняют культуру Земли.

— Да. Но он заявляет, что это несовместимо, что индийская культура возникла не здесь. Это новое место, поэтому он и его «Исконные жители Ганга» создают настоящую, подлинную культуру этого мира, вместо того чтобы копировать старую, земную.

Эндер хихикнул.

— Тебе смешно? — спросила Вирломи.

— Нисколько, — сказал Эндер. — Я просто подумал, что Графф действительно был гением. Не таким умным, как дети, которых он тренировал в Боевой школе, но… когда Рэндалл был младенцем на руках матери, Графф уже знал, что от него будут проблемы.

— И он отправил тебя, чтобы меня спасти, — сказала она.

— Сомневаюсь, что вас нужно спасать.

— Нет, не нужно. Я уже обо всем позаботилась. Я спровоцировала его на нападение прямо у меня дома. Это зафиксировано на видео, мы уже провели слушания и приговорили его к изгнанию. Он отправляется обратно на Землю — вместе со всеми мятежниками, которые захотят полететь вместе с ним.

Эндер покачал головой:

— А вам не приходило в голову, что именно этого он от вас и добивается?

— Разумеется, приходило. Но мне все равно, лишь бы мне не пришлось больше иметь с ним дела.

— Вирломи, конечно, вам не все равно, — вздохнул Эндер. — У него здесь уже имеются последователи, и если он вернется на Землю, изгнанный из «исконного мира», это будет значить,

что вы посеяли зубы дракона, который сможет свергнуть СЛЗ и ввергнуть Землю в хаос войны, бедствий и взаимной ненависти, чему Питер Виггин смог положить конец совсем недавно.

— Это не моя проблема.

— Вирломи, наше поколение уже не у власти, — сказал Эндер, — кроме как в нескольких удаленных колониях. Питер мертв. Его последователи — обычные бюрократы. Думаете, они окажутся достаточно компетентны, чтобы иметь дело с Рэндаллом Фирсом?

— Нет, — после паузы ответила Вирломи.

— То есть вы намеренно заражаете кого-то вирусом, вполне сознавая, что организм может с ним не справиться?

Вирломи закрыла лицо руками.

— Я знаю, — сказала она. — Пыталась выбросить из головы, но знаю.

— Но я так и не поняла, почему своими первыми словами вы поспешили уверить нас в том, что никто не знает о прибытии Эндера, — сказала Валентина. — Почему это так важно?

Вирломи подняла лицо:

— Потому что на суде и после вынесения решения он трепал твое имя. И связал себя с монстром. С тем, кого *считает* своим отцом.

— А конкретнее? — попросила Валентина.

— Он называет тебя «Эндером Ксеноцидом». Говорит, ты худший из военных преступников в истории, потому что именно ты уничтожил исконный народ всех этих планет, чтобы грабители могли прийти и присвоить их дома и земли.

— Это было предсказуемо, — заметил Эндер.

— А Питера он называет «Братом Ксеноцида», пытавшимся уничтожить все исконные культуры Земли.

— Ох ты ж, — удивился Эндер.

— А Ахиллес Фландре монстром не был, и его преступления приписаны ему пропагандой проксеноцидной клики. Он был единственным, кто противился дьявольским планам Питера и Эндера. Он пытался остановить тебя еще в Боевой школе, но твои друзья заперли его в психушке на Земле. Затем он сбежал оттуда и стал организатором сопротивления Гегемону, возжелавшему мирового господства. Тогда за дело взялась пропагандистская машина Питера, которая всячески очерняла Фландре, — сказала Вирломи и вздохнула. — И вот в чем самая-то ирония: он делает вид, что очень меня почитает. Как героиню, противостоящую организаторам геноцида — Хань-Цзы, Алаю, Петре — всем, кто с тобой служил.

— И все же он вас ударил.

— Рэндалл утверждает, что я его спровоцировала. Что это была подстава. Что мужчина его габаритов, если бы всерьез хотел меня ударить, убил бы. Что он просто пытался заставить меня очнуться, осознать чудовищность всей той лжи, которую я наговорила и в которую поверила. Его сторонники приняли его объяснение. Или им плевать, правда это или нет.

— Что же, приятно сознавать, что, даже когда я в стазисе, кто-то находит меня полезным, — усмехнулся Эндер.

— Это не шутка, — сказала Вирломи. — Повсюду его ревизионистские взгляды получают все большее признание. Вся та чушь, которую вменял Граффу тот трибунал, получает все большую известность. Фотографии мертвых тел тех… тех задир…

— О, могу себе представить.

— Ты должен был узнать это прежде, чем сойти с корабля. Он не мог знать, что ты прилетаешь, он просто выбрал время для того, чтобы потрясти твоим именем. Думаю, он делает это потому, что я использовала имя Ахиллеса как синоним чудовищного зла. Поэтому он решил, что на твоем фоне Ахиллес выглядит не таким монстром. Если

бы не этот чудовищный сборник лжи под названием «Королева улья», у него не было бы столь благодатной почвы для всей этой чепухи.

— Я действительно совершил все то, в чем он меня обвиняет, — сказал Эндер. — Те мальчики умерли. И жукеры тоже.

— Но ты не убийца. Знаешь, я тоже читала судебные протоколы. Я понимаю… Я училась в Боевой школе, я говорила с теми, кто тебя знал, мы все знали то, как взрослые формируют нашу жизнь, как контролируют нас. И мы все понимали: твоя сокрушительная самозащита — идеал военной доктрины.

Эндер сделал то, что делал всегда, когда кто-то пытался его оправдывать: отстранился, оставил ее слова без комментария.

— Что же, Вирломи, я не знаю, что мне со всем этим делать.

— Ты можешь вернуться на корабль и улететь.

— Вы именно этого хотите? — спросил Эндер.

— Он здесь не для того, чтобы занять вашу должность, — сказала Валентина. — Он вам не угроза.

Вирломи рассмеялась:

— Валентина, я не пытаюсь избавиться от твоего брата. Пусть остается на здоровье. И если он

останется, мне определенно потребуются его помощь и советы. Я была бы только рада его присутствию. У Рэндалла не будет иного выбора, кроме как обратить всю свою ненависть на него. Пожалуйста, Эндер, оставайся.

— Рад, что вы меня об этом попросили, — сказал Эндер. — Я принимаю ваше приглашение.

— Нет, — заявила Валентина. — Сложившаяся ситуация может привести к насилию.

— Валентина, я обещаю никого не убивать.

— Я говорю о насилии в отношении тебя.

— Я тоже.

— Если он приведет в исступление толпу…

— Нет, — сказала Вирломи. — С этой стороны вам нечего опасаться. Мы сможем вас защитить.

— Никто никого не может защитить полностью, — возразила Валентина.

— О, я уверен: люди Вирломи сделают все как надо, — сказал Эндер. — Повторю: я принимаю ваше любезное приглашение, губернатор. А теперь вы позволите нам покинуть эту лодку и сойти на берег?

— Как пожелаете, — ответила Вирломи. — Я буду рада оказать вам гостеприимство. Но я вас предупредила, и, пока этот корабль будет оставаться здесь, вы вольны в любой момент

двинуться дальше. Вам не понравится, когда Рэндалл обрушит на вас свою ярость. Он хорошо владеет словом.

— Только со словами? — спросил Эндер. — То есть он не сторонник грубой силы?

— До сих пор было так.

— Тогда мне ничто не угрожает, — сказал Эндер. — Спасибо за великую честь, которую вы мне оказали. Пожалуйста, можете сообщить всем о том, что я здесь. И что я *тот самый* Эндрю Виггин.

— Ты уверен? — спросила Вирломи.

— Психи всегда уверены, — не преминула заметить Валентина.

Эндер засмеялся, и Вирломи тоже, несколько нервозно.

— Буду рада видеть вас сегодня у себя на ужине, — сказала Вирломи, — вот только ем я мало и, поскольку я из Индии, признаю исключительно вегетарианскую кухню.

— Звучит заманчиво, — сказала Валентина.

— Скажите нам, когда и где намечается прием, — мы придем, — пообещал Эндер.

Обменявшись напоследок еще несколькими фразами, они расстались.

Валентина повернулась к Эндеру с выражени-

ем одновременно сердитым и печальным:

— Ты что, привез меня сюда, чтобы я увидела, как ты умрешь?

— Я никого никуда не привозил, — сказал Эндер. — Ты сама вызвалась.

— Это не ответ.

— Валентина, все когда-то умирают. Мама с папой умерли. Питер умер. Графф, скорее всего, тоже уже мертв.

— Ты забываешь, как хорошо я тебя знаю, — сказала Валентина. — Эндер, ты решил умереть. Решил спровоцировать этого парня, чтобы он тебя прикончил.

— С чего ты взяла?

— Да с того, что знаю имена в твоих паролях, Эндер! Ты живешь с оглушительным чувством вины…

— Это не вина, Вэл, — ответил Эндер. — Это ответственность.

— Не заставляй этого парня убивать тебя.

— Я никого никогда не заставляю. Это тебе должно быть известно.

— Мне надо было остаться дома и любоваться тем, как Питер покоряет мир.

— О нет, Валентина. У нас куда более интересный маршрут через пространство-время.

— Эндер, в отличие от тебя, я не собираюсь провести всю жизнь во сне. У меня есть дела. Я собираюсь писать мои исторические труды. Меня никуда не гонит жажда смерти.

— Если бы я жаждал смерти, — сказал Эндер, — то позволил бы Бонзо Мадриду и его дружкам вышибить мне мозги на пол душевой еще там, в Боевой школе.

— Я тебя знаю, — повторила Валентина.

— Ты так считаешь, — сказал Эндер. — И если погибну, ты сочтешь, что это я так решил. Но истина гораздо сложнее. Я не намерен умирать. Но я не боюсь рисковать жизнью. Время от времени солдату приходится рисковать, чтобы одержать победу.

— Это не твоя война, — промолвила Валентина.

Эндер рассмеялся:

— Это всегда моя война.

22

Кому: VWiggin%Ganges@ColLeague.Adm/voy

От: AWiggin%Ganges@ColLeague.Adm/voy

Тема: Если я умру

Дорогая Вэл,

я не жду, что погибну. Полагаю, что проживу подольше, и в этом случае ты это письмо не получишь, потому что оно отправится лишь тогда, когда я не смогу ввести код «отложить отправление». Оно не уйдет раньше, чем завершится предстоящее столкновение.

Все дело в ящике. Кодом замка служит имя твоей любимой зверушки (помнишь, тебе тогда было шесть?). Когда ты его откроешь, подержи то, что обнаружишь, в руках – довольно долго. Если тебе в голову придут какие-то разумные мысли, действуй, как сочтешь нужным; если нет – пожалуйста, запакуй обратно, как

было, и организуй отправку ящика Абре Толо на Шекспир, с припиской: «Вот что я тогда нашел. Пожалуйста, не дай это уничтожить».

Впрочем, тебе это не потребуется, потому что я намерен победить. В своем стиле.

С любовью,

твой настырный и загадочный младший брат
Эндер
(или сейчас уместнее было бы Эндед?[18])

Поскольку межзвездный корабль не вез новых колонистов, для большинства жителей Андхры его появление не возымело практически никаких последствий. Конечно, все вышли на улицу, чтобы увидеть приземление челнока, и возникла некоторая суматоха с выгрузкой товаров и погрузкой на борт большего количества припасов. Но процедуры эти были однообразными, люди быстро утратили к ним интерес и вернулись к работе. Те, кто знал о визите на челнок губернатора Вир-

---

[18] Сноски: 18
Ender — завершающий; *ended* — завершенный *(англ.)*.

ломи, восприняли это как проявление хороших манер, немногие знали о стандартном протоколе на такие случаи, а потому никто не понял, что протокол был нарушен. А если кто и обратил на это внимание, воспринял как должное.

Всеобщее любопытство разыгралось лишь тогда, когда люди отметили, что на вечерний ужин в доме Вирломи — который Ахиллес и его соратники из «Исконных жителей Ганга» любили называть «дворцом губернатора» — пришли незнакомцы: подросток и молодая женщина лет двадцати. Почему они были единственными пассажирами межзвездного корабля? Почему Вирломи устроила для них специальный прием? Это новые колонисты, официальные лица из правительства или… кто?

Поскольку именно этому кораблю предполагалось забрать изгнанника Ахиллеса за его «преступное нападение на губернатора», он, естественно, горел нетерпением выяснить все, что только можно, обо всем, что способно помешать его планам. Гости были необычными, неожиданными, необъявленными и необъяснимыми. Это подразумевало шанс по меньшей мере смутить Вирломи, а если подвернется удача — свергнуть ее или даже уничтожить.

Сторонником Ахиллеса потребовалось два дня на то, чтобы пообщаться с командой корабля, чтобы в конце концов заглянуть в декларацию и узнать имена пассажиров. Валентина Виггин, студентка. Эндрю Виггин, студент.

Студент?

Ахиллесу даже не потребовалось ничего выяснять. Последней остановкой на маршруте этого транспортника была колония Шекспир. Вплоть до прибытия борта на Шекспир губернатором там был Эндрю Виггин, адмирал МФ в отставке, знаменитый полководец МФ в третьей войне с жукерами. Два межзвездных перелета на релятивистских скоростях объясняли возраст мальчика. Мальчика? Он был на год старше Ахиллеса.

Виггин был высоким, но Ахиллес — выше; сильным, но Ахиллес сильнее. Виггина взяли в Боевую школу, потому что он был умен, но Ахиллес ни разу в жизни не встречал никого, кто был бы умнее его самого. Вирломи была умницей из Боевой школы, но она забыла то, что вспомнил он, она не замечала того, на что он обращал внимание, думала на два шага вперед, а не на десять. А ведь она ближе всего была к его уровню.

Ахиллес научился скрывать то, насколько он умен, научился обращаться с другими так, словно

считал их ровней себе. Но он знал правду и мог на нее положиться: он умнее, быстрее, проницательнее всех остальных. В конце концов, разве не он, всего лишь мальчик на далекой планете-колонии, сумел организовать заметное политическое движение на Земле, имея в распоряжении только доступ к ансиблю для передач с наименьшим приоритетом?

Но даже умным людям порой просто улыбается удача. Прибытие Виггина именно сейчас явно подпадало под эту категорию. Виггин не мог знать, что направляется в колонию, где живет сын Ахиллеса Великого, чье убийство на совести брата Эндера. А когда Ахиллес-называющий-себя-Рэндалл начал свою атаку на репутацию Эндера Виггина, назвав его Эндером Ксеноцидом, он и понятия не имел, что через какой-то месяц этот самый Эндрю Виггин будет ужинать в доме Вирломи.

Было достаточно просто сфотографировать Вирломи с Эндером. Столь же просто было отыскать в Сети фотографии Питера Гегемона примерно в том же возрасте, что и Эндер сейчас. Поместив их рядом, было легко увидеть, что они братья, — сходство было слишком сильным. Затем Ахиллес выложил фотографии Эндера и Вирломи, чтобы

каждый мог увидеть: брат Питера общается с губернатором Ганга, противником движения «исконников».

И не имело значения, что именно Питер отправил Вирломи в изгнание. Ахиллес отрицал это как очевидную уловку: Вирломи все время была частью планов Питера. То, что она водится с Эндером Виггином, служило неопровержимым доказательством даже для тех, у кого еще оставались сомнения.

Теперь Ахиллес мог представить ее изгнание как результат очевидного сговора между Вирломи и ее хозяевами Виггинами (без сестры Эндера здесь тоже не обошлось). Эндера отправили в изгнание, чтобы планы Виггина по уничтожению «исконников» могли воплотиться на Ганге, не встречая никакого сопротивления.

На то, чтобы эта история достигла Земли, ушла неделя, но компьютеры работали без вмешательства извне, и Вирломи не могла удержать Ахиллеса от отправки. Что же до местных новостей, сама история и фотографии были обнародованы почти моментально.

Ахиллес с восторгом наблюдал за тем, как люди начали отслеживать каждый шаг Виггинов. Все, что делал или говорил Эндер, рассматрива-

лось через призму измышлений Ахиллеса. Даже индийцы, относившиеся к Ахиллесу подозрительно или враждебно, с помощью фотографий начинали думать, что Ахиллес не лжет. Что происходит?

«Ты заплатишь, Вирломи. Ты напала на моего отца, а следовательно, и на меня. Ты пыталась изгнать меня, надеясь, что мать исчезнет вместе со мной. Что же, я атаковал Эндера Виггина, а следовательно, и тебя, — ты слишком любезно приняла его в качестве почетного гостя именно в тот момент, когда это было полезнее всего для меня».

Спустя три дня после того, как он приклеил на Эндера Виггина ярлык, Ахиллес сделал следующий ход. На этот раз он прибег к помощи подставного автора — одного из самых мозговитых своих сторонников, способного составлять внятные, согласованные фразы. Было сделано заявление — замаскированное под отрицание, — что план Вирломи состоит в том, чтобы сам Эндер Виггин убил Рэндалла Фирса на пути к Земле. Якобы Рэндалла отправят в изгнание, но никто никогда его больше не увидит. Дескать, Рэндалл Фирс оскорбил не только марионетку Виггина, Вирломи, но и всех основных заговорщиков. Он

должен быть уничтожен, — по крайней мере, так предполагалось. Но нам не удалось найти подтверждений на этот счет, а потому мы обязаны отметить, что это всего лишь подозрения. Но как еще можно объяснить частые секретные встречи Виггина с Вирломи?

Когда вопросы задавали самому Рэндаллу Фирсу, он уверял, что Вирломи слишком умна и не стала бы открыто сотрудничать с Виггином, планируй она какое-нибудь злодейство в отношении Фирса. А потому он ничего не боится.

Но «исконники» задавались вопросом: брала ли Вирломи в расчет то, что Фирс сделает такое предположение? Не окажется ли, что он остался без защиты? Настоит ли она на том, чтобы он погрузился в стазис, а Виггин на борту судна позаботится о том, чтобы Фирс никогда из него не вышел? И как просто будет назвать это несчастным случаем! Фирс слишком смелый человек, чтобы беспокоиться об этом. Его друзья волнуются о нем больше, чем он сам.

На этот раз атака Ахиллеса вызвала ответную реакцию Вирломи — именно ту, которая была ему нужна.

«Визит Эндрю Виггина — очевидное совпадение: он отправился в путь, когда Рэндалл Фирс

был еще малышом на космическом корабле, а колония Ганг даже не была основана».

«Это очевидное отрицание без отрицания, — написал в ответ автор Ахиллеса. — Вирломи утверждает: то, что Виггин здесь, — просто совпадение. Она не говорит о том, что Рэндалл Фирс окажется во власти Виггина на пути в „изгнание“ — или, как некоторые уверяют, к смерти».

Колонию раскалывали яростные споры, и Ахиллес с восторгом отметил, что даже индийцы приняли его сторону. Они говорили: «Нельзя отправлять Рэндалла на одном корабле с Виггином», «Разве Виггин уже не убил двоих детей?», «Преступление Рэндалла не настолько страшное, чтобы карать его смертью».

Начала шириться волна движения за смягчение приговора Рэндаллу Фирсу, за то, чтобы он остался на Ганге. Между тем пошли даже разговоры о том, чтобы арестовать Эндера Виггина за его преступления против человечества. Ахиллес публиковал эти предложения, не соглашаясь с ними. «Сроки давности гарантированно прошли, даже за ужасное преступление Ксеноцида, — писал он. — Прошел шестьдесят один год с тех пор, как Эндер Виггин стер с лица Вселенной королев ульев. Под юрисдикцию какого суда это подпа-

дает сейчас?»

К этому времени интерес Земли настолько возрос, что статьи Ахиллеса и его подставных авторов получали все более высокий приоритет. На Земле начались выступления с требованием к МФ арестовать Эндрю Виггина и доставить его на Землю для суда, а опросы общественного мнения показывали, что небольшая, но растущая часть общества требовала привлечь его к ответственности за убийство королев ульев.

Настало время для личной встречи Рэндалла Фирса с Эндером Виггином.

Организовать ее было несложно. Сторонники Ахиллеса по-прежнему следили за Виггином, и когда он, его сестра и губернатор однажды утром прогуливались по берегу реки, там был Ахиллес — один.

Увидев его, Вирломи напряглась и попыталась увести Эндера прочь, но Виггин шагнул навстречу Ахиллесу и протянул ему руку.

— Я хотел с вами встретиться, мистер Фирс, — произнес он. — Я Эндрю Виггин.

— Я знаю, кто ты, — сказал Ахиллес, позволив ноткам презрительной веселости прозвучать в своем голосе.

— О, я в этом сомневаюсь, — в голосе Эндера

было еще больше веселья. — Но я хотел с тобой встретиться и думаю, губернатор всячески пытается сделать так, чтобы мы не пересекались. Я знаю, что *ты* тоже не мог дождаться такого случая.

Ахиллес хотел было спросить: «Что *ты* знаешь обо *мне*?» Но Виггин хочет, чтобы он это спросил, хочет направлять ход разговора. Поэтому Ахиллес сам задал вопрос:

— И зачем такая знаменитость хотела меня видеть?

— О, мы оба достаточно хорошо известны, — сказал Эндер, открыто хихикнув. — Я — за мои поступки. Ты — за свои слова.

Эндер широко улыбнулся.

— Вы пытаетесь спровоцировать меня на какие-то необдуманные действия, мистер Виггин?

— Прошу, зовите меня Эндрю.

— Имя христианского святого, — сказал Ахиллес. — Предпочитаю называть тебя по имени чудовищного военного преступника… Эндер.

— Если бы был способ вернуть королев ульев во всей их былой славе и мощи, вы бы это сделали, мистер Фирс?

Ахиллес моментально распознал ловушку. Одно дело — читать «Королеву улья» и проли-

вать слезы над исчезнувшей расой. Совершенно другое — желать их возвращения: сами собой напрашиваются новостные заголовки вроде «Лидер „исконников“ хотел бы вернуть жукеров», проиллюстрированные мрачными фотографиями зачистки в Китае.

— Я не склонен размышлять о гипотетическом, — сказал Ахиллес.

— Кроме гипотетических обвинений в том, что я планирую зарезать вас во сне на обратном пути к Земле.

— Это не мое обвинение, — сказал Ахиллес. — В этом вопросе я выступал в вашу защиту.

— Ваша «защита» — единственная причина, по которой люди вообще узнали об этом обвинении, — заметил Эндер. — Пожалуйста, не надо думать, будто меня так легко одурачить.

— Да кто вообще может надеяться одурачить гения вроде вас?

— Что же, мы достаточно пикировались. Я просто хотел на вас взглянуть.

Ахиллес картинно повернулся, чтобы Эндер мог рассмотреть его со всех сторон.

— Так сойдет?

Неожиданно на глаза Эндера навернулись слезы. Какую игру он затеял сейчас?

— Спасибо, — произнес Эндер.

А затем повернулся, чтобы присоединиться к сестре и губернатору.

— Погоди, — сказал Ахиллес.

Он не понимал, что означают эти слезы, и это привело его в замешательство.

Но Виггин не стал оглядываться. Он просто вернулся к дожидавшимся его женщинам, а затем все трое пошли прочь от реки, обратно в город.

Ахиллес предполагал использовать эту стычку — записанную через объективы и микрофон — для пропаганды. Он ожидал, что сумеет заставить Эндера сделать какое-нибудь резкое заявление. Даже запись того, как Эндер сердится, оказалась бы полезной. Но он был невозмутимым, избежал всех ловушек, а последняя эмоция вполне могла поставить или захлопнуть его собственную ловушку, о действии которой Ахиллес понятия не имел.

Вышло неудовлетворительно, с какой стороны ни посмотри. И все же он не смог бы объяснить сторонникам, почему не хочет использовать это видео, которое так старался получить. Поэтому он позволил им его разместить, после чего принялся ожидать развития событий.

На Земле тоже никто не понял, что из этого

следует раздуть. Разумеется, комментаторы отметили слезы в глазах Эндера и обсудили их. Некоторые «исконники» заявляли, что это крокодиловы слезы — плач хищника над грядущей судьбой его жертвы. Но некоторые говорили совсем другое: «Эндер Виггин не похож на того, кем его пытаются выставить — убийцей, монстром. Наоборот, он кажется вежливым молодым человеком, смущенным очевидно спланированной конфронтацией. В конце его печально известные слезы, похоже, выражают некое сочувствие, что ли. Может, даже любовь к противнику. Так кто здесь пытается развязать драку?»

Сущий кошмар! Правда, это был одинокий голос среди многих. И сторонники Ахиллеса на Земле быстро определились с ответом: «Кто бы посмел завязать драку с Эндером Ксеноцидом? Для тех, кто так делал, это плохо заканчивалось».

Всю свою жизнь Ахиллес умел контролировать происходящее. Даже когда случалось что-нибудь неожиданное, он адаптировался, анализировал и учился. В этот раз он не имел понятия, какой урок должен вынести.

— Мам, я не знаю, что он делает, — сказал Ахиллес.

Она погладила его по голове.

— О, мой дорогой, — сказала она. — Конечно, ты не знаешь, ведь ты такой невинный. Прямо как твой отец. Он не видел их заговора. Он доверял этому монстру Суриявонгу.

На самом деле Ахиллесу не нравилось, когда она так говорила.

— Не нам жалеть его, мама.

— Но я жалею. Он был талантлив, но в конце концов доверчивость его погубила. Это был его трагический недостаток — он был слишком добрым и хорошим.

Ахиллес изучал жизнь своего отца, видел его силу и жесткость, умение делать то, что он считал необходимым. Милосердие и доверчивость, однако, не были очевидными чертами характера Ахиллеса Великого.

Ладно, пусть мама сентиментальничает, сколько ей вздумается. Разве она теперь не «помнит», что Ахиллес якобы пришел в ее постель, чтобы зачать сына? А ведь раньше, когда он был маленьким, она об этом не рассказывала, а говорила о посланнике, который организовал оплодотворение ее яйцеклетки драгоценной спермой Ахиллеса. Из этого факта — и многих других примеров изменчивой памяти — было ясно, что она больше не может считаться надежным

свидетелем.

Тем не менее она была единственной, кто знал его истинное имя. И она любила его совершенно беззаветно. Он мог говорить с ней, не опасаясь порицания.

— Этот Эндер Виггин, я не могу его прочесть, — сказал он.

— Я рада, что ты не можешь заглянуть в разум дьявола.

Но она не называла его дьяволом, пока ее не коснулась пропаганда, развернутая самим Ахиллесом. До этого ей не было дела до Эндера Виггина, потому что он никогда не сражался с ее драгоценным Ахиллесом Фландре, это делал его брат.

— Мама, я не знаю, что с ним сейчас делать.

— Ну, ты отомстишь за отца, разумеется.

— Эндер его не убивал.

— Он убийца. Он заслуживает смерти.

— Не от моих рук, мам.

— Сын великого Ахиллеса убивает монстра, — сказала мать. — От чьих же рук, если не твоих?

— Меня назовут убийцей.

— Твоего отца так тоже называли, — сказала она. — Ты лучше, чем он?

— Нет, мама.

Казалось, она решила, что это положило конец

спору. Ахиллес был обескуражен. Она что, действительно хочет, чтобы он убил человека?

— Пусть ближайший кровный родственник Гегемона заплатит за убийство моего Ахиллеса, — сказала она. — Пусть все Виггины исчезнут. Все их злобное племя.

О нет! Она опять в своем настроении «кровной мести». Что ж, это же он завел разговор, ведь так? Это он зря. Теперь придется выслушать до конца.

И вот полилась неудержимая речь про позор великих преступлений, который можно смыть только кровью.

— Питер Виггин перехитрил нас, скончавшись от сердечного приступа, пока мы сюда летели, — сказала она. — Но теперь у нас в руках его брат и сестра. Как ты можешь упустить шанс, который сама судьба вложила тебе в руки?

— Мама, я не убийца.

— Чтобы отомстить за отца, не обязательно самому совершать убийство. Надеюсь, ты не считаешь себя Гамлетом?

И так далее, и так далее.

Обычно, когда она принималась за свое, Ахиллес слушал вполуха. Но сегодня каждое слово словно вонзалось в мозг. Действительно, это поразительное совпадение, что судьба привела

к нему Виггина именно сейчас. Это совершенно иррационально, но ведь рациональна только математика, да и то не всегда. В реальном мире иррациональное происходило, в реальном мире случались самые невозможные совпадения, так как вероятность диктует, что совпадения не невозможны.

Так что, вместо того чтобы игнорировать мать, Ахиллес обнаружил, что задается вопросом: как можно организовать смерть Эндера Виггина без того, чтобы собственноручно его убивать?

Его мысли перескочили на более утонченный план: «Я уже наполовину уничтожил Эндера Виггина — как мне завершить этот процесс?»

Если Эндера просто убить, он станет мучеником. Но если Виггина спровоцировать на то, чтобы он убил снова — еще одного ребенка, — это уничтожит его раз и навсегда. Он всегда так поступал. Почувствовав соперника, он вынуждал его напасть, а затем убивал в процессе самозащиты. Он делал так дважды, и оба раза не понес наказания. Но его защитников здесь нет — все они почти наверняка уже мертвы. Остались только факты.

«Могу ли я направить его действия по старому руслу?»

Он поделился идеей с матерью.

— Если он убьет снова — на этот раз шестнадцатилетнего, но все же ребенка, пусть и крупного, — тогда его репутация будет загублена навсегда. Его будут судить, и на сей раз осудят — никто уже не поверит, что он убил «из самозащиты» три раза! — и это уничтожение будет куда более полным, чем просто прекращение телесной жизни. Я навеки уничтожу его имя.

— Ты говоришь о том, чтобы дать ему убить *тебя*?

— Мам, Эндера Виггина не надо специально провоцировать. Достаточно дать ему повод, со всем остальным он и сам прекрасно справится.

— Но ты?.. Умрешь?

— Мама, ты же сама сказала. Уничтожить врагов отца — это стоит любых жертв.

Она упала перед ним на колени:

— Я рожала тебя не для того, чтобы ты просто сгубил свою жизнь! Ты на полголовы выше его — по сравнению с тобой он карлик. Как он может тебя убить?

— Из него делали солдата, его тренировали. И не так давно. А кого растили из меня? Фермера. Механика. Обучали тем работам, которые требовались от подростка, не по годам крупного,

умного и сильного. Никакой войны. Никаких драк. Я ни с кем не дрался с тех пор, как был малышом и мне приходилось отбиваться от старших.

— Мы зачали тебя не для того, чтобы ты умер от рук Виггина, как твой отец!

— На самом деле отец погиб от рук Дельфики. Джулиана, если конкретно.

— Дельфики, Виггины — это сторона одной монеты. Не смей даже думать о самопожертвовании, не позволяй ему тебя убить.

— Мам, я тебе уже сказал. Он сам найдет способ. Он всегда так делает. Он воин.

— Нет!

На то, чтобы ее успокоить, ушло два часа, и пришлось выдержать плач и крики, — Ахиллес знал, что соседи, должно быть, слушают и пытаются понять, в чем дело. Но в конце концов мать уснула.

Ахиллес прошел в контору по мониторингу поголовья скота и с тамошнего компьютера отправил Виггину сообщение:

«Полагаю, я составил о тебе неверное мнение. Как мы можем это прекратить?»

Он не ожидал, что получит ответ до завтрашнего дня. Но ответ пришел еще до того, как Ахиллес отключил терминал.

«Когда и где ты хочешь встретиться?»

Неужели это и правда так просто?

Время и место особого значения не имели. Это должно быть там, где их разговору не смогут помешать Вирломи и ее шестерки и где должно быть достаточно светло, чтобы можно было вести съемку. Что толку будет, если он умрет ради своего отца и это не будет зафиксировано? И чего доброго, этот Виггин сможет обернуть все в свою пользу и снова ускользнет со свежей кровью на руках.

Они договорились о времени и месте. Ахиллес отключил терминал.

А затем остался сидеть на месте, дрожа. «Что я натворил? Это же действительно Эндер Виггин. Я организовал собственную смерть. Я больше и сильнее, но то же самое можно сказать о тех мальчишках, которых он уже убил. Королевы ульев тоже были сильнее — и где они? Эндер Виггин не проигрывает.

Для этого я и появился на свет. Именно это мама прививала мне с младенчества. Я живу, чтобы отомстить за своего отца. Чтобы уничтожить Гегемонию, разрушить все, что создал Питер Виггин. Возможно, это невыполнимо. Но уничтожить Эндера Виггина… Я могу сделать это, просто

позволив ему меня убить — и показав миру, как это случилось. Мать будет горевать, но она всю жизнь прожила в горе.

Если он настолько умен, он должен знать, что я замышляю. Он не поверит, что я внезапно изменил мнение. Я не могу одурачить Эндера Виггина таким очевидным планом. Он наверняка догадывается, что я буду записывать все.

Но вряд ли он думает, что ему *придется* меня убить. Скорее, он считает меня легким противником, которого сможет победить не убивая. Может, считает меня эдаким переростком, который в жизни никого не ударил.

А может статься, что я переоцениваю его? Как-никак он всю войну воевал против инопланетян и ни разу не заподозрил, что сражается не с компьютерами или наставниками. Это ли не тупость?

Я пойду. Посмотрим, что получится. Я готов умереть, но с одним условием: если это уничтожит его».

Они встретились через два дня, на рассвете, за контейнерами с компостом. Там им никто не мог помешать: запах заставлял людей избегать этого места и ни у кого не было особой необходимости оказаться тут в это время — растительные отходы

сбрасывали только в конце дня.

Друзья Ахиллеса расставили камеры, чтобы покрыть всю эту территорию. Каждому слову предстояло быть записанным. Эндер, по-видимому, понимал, что так будет, — разве Ахиллес не выкладывал свою пропаганду в Сети? — но даже если Эндер решит уйти, конфронтация наверняка будет яростной и сработает против него. А если нет, Ахиллес просто не станет ее использовать.

За день до этого Ахиллес не раз думал о вероятности смерти и каждый раз эту мысль воспринимал словно какой-то другой человек. Иногда это казалось почти забавным: Ахиллес так силен, он настолько выше Эндера, настолько массивнее, его руки настолько длиннее! В другой раз смерть казалась почти неизбежной, но бесполезной, и он думал: «Какой же я дурак, так бессмысленно отдаю собственную жизнь».

Но к концу дня он сообразил: «Я делаю это не ради отца. Я иду на этот шаг, потому что мать растила меня для мщения. Я делаю это ради всего человечества. Великие кровожадные монстры прошлого почти никогда не призывались к ответу. Они умирали от старости, доживали в роскошном изгнании или — перед лицом неизбежного поражения — кончали жизнь само-

убийством».

Оказаться последней жертвой Эндера Виггина — оно того стоило. И не ради семейных перебранок, а потому что мир должен, обязан увидеть, что великим преступникам вроде Эндера Виггина не уйти от наказания. Рано или поздно они совершат на одно преступление больше, чем можно, и их призовут к ответу.

«И я буду последней жертвой, чья смерть низвергнет Эндера Ксеноцида».

Другая его часть сказала: «Ты поверил своей же пропаганде».

Еще одна крикнула: «Живи!»

Но он ответил им: «Если что-то в отношении Эндера Виггина и правда, так это то, что он не может допустить поражения. Именно так я его и заманю — поставлю перед лицом поражения, и он сделает все, чтобы его избежать, — и когда убьет меня, тогда он по-настоящему будет повержен. Это его фатальный изъян — им можно манипулировать, поставив перед лицом поражения».

Глубоко внутри у Ахиллеса зародился вопрос, который попытался вырваться на поверхность, где с ним пришлось бы иметь дело. Не получается ли так, что это не вина Эндера? Если у него действительно не было иного выбора, кроме как

уничтожить противника?

Но Ахиллес немедленно задушил эту попытку увильнуть. Мы лишь продукт наших генов и воспитания, дополненных случайными событиями жизни. «Вина», «порицание» — все это детские понятия. Что действительно имеет значение, так это факт чудовищных преступлений Эндера, которые продолжатся, если его не остановить. Ведь иначе он может жить вечно, всплывая тут и там, чтобы создавать проблемы. «Но я положу этому конец. Не месть, но предотвращение. И поскольку он станет примером, быть может, других монстров тоже будут останавливать раньше, как они станут убивать часто и много».

Из тени выступил Эндер:

— Хо, Ахиллес.

Ахиллесу потребовалось полсекунды — полшага, — чтобы сообразить, каким именем назвал его Эндер.

— Имя, которым ты называешь себя, когда один, — сказал Эндер. — В своих снах.

Откуда он знает? Что он такое?

— У тебя нет доступа к моим снам, — сказал Ахиллес.

— Хочу, чтобы ты знал: я просил Вирломи смягчить твой приговор. Потому что я должен улететь

на этом корабле, а я не хочу возвращаться на Землю.

— Можно понять. Там жаждут твоей крови.

— Сейчас — да, — согласился Эндер. — Но ситуация колеблется то так, то эдак.

Судя по всему, он понятия не имеет, что именно Ахиллес заварил всю эту кашу.

— У меня есть дело, и если я верну тебя на Землю, то потеряю время. Думаю, я почти убедил Вирломи, что Свободные люди Земли никогда не дадут губернаторам права высылать с планет колонистов, которые им чем-то мешают.

— Я не боюсь возвращаться на Землю.

— Именно так я и думал. Все это ты делал в надежде, что тебя туда отправят. «Только не бросай меня в терновый куст!»

— «Сказки дядюшки Римуса» читали в Боевой школе на сон грядущий?

— Раньше, до того, как я туда попал. Твоя мама тоже тебе их читала?

Ахиллес понял, что его уводят в сторону, и решительно вернулся к теме.

— Я сказал, что не боюсь возвращаться на Землю. И я не думаю, что ты вступился за меня перед Вирломи.

— Верь, чему хочешь верить, — сказал Эн-

дер. — Тебя всю жизнь окружала сплошная ложь — разве можно ожидать, что ты распознаешь правду, когда она тебе встретится?

Вот оно — пошли насмешки, которые заставят Ахиллеса действовать. Но Эндер не понимает, что Ахиллес пришел сюда именно затем, чтобы его можно было вынудить к действию, чтобы затем Эндер мог убить его из «самозащиты».

— Ты назвал мою мать лгуньей?

— Ты не задавался вопросом, почему ты такой высокий? Твоя мать невысокая. Ахиллес Фландре тоже гигантом не был.

— Нам никогда не узнать, каким высоким он мог стать, — заметил Ахиллес.

— А я знаю, почему ты такой большой, — сказал Эндер. — Это генетическое заболевание. Ты всю жизнь растешь с одной и той же стабильной скоростью. Поначалу совсем крохотный, затем нормальных размеров. Когда у обычных детей замедляется, с началом полового созревания, а затем и вовсе останавливается рост, ты еще немного отстаешь от них. Но они перестают расти, а ты нет. Ты становишься все больше и больше. В конце концов ты от этого умрешь. Сейчас тебе шестнадцать, по всем прикидкам, примерно в двадцать один — двадцать два года

твое сердце не сможет качать кровь по телу, которое станет слишком большим, и откажет.

Ахиллес не знал, как это воспринимать. О чем он говорит? Что он умрет в двадцать с чем-то лет? Это что, какое-то программирование, чтобы вывести оппонента из себя?

Но Эндер не закончил:

— У некоторых из твоих братьев и сестер было это же заболевание; у других обошлось. Мы не знали о тебе, не знали точно. Только увидев тебя, я понял, что ты становишься гигантом, как твой отец.

— Не говори мне о моем отце, — сказал Ахиллес.

А сам подумал: «Почему мне страшно слышать то, что он говорит? Почему я так зол?»

— Но я все равно был рад тебя увидеть. Пусть твоя жизнь будет трагически коротка, когда я смотрел на тебя… ты еще повернулся вот так, насмехаясь надо мной… и видел твоего отца, видел в тебе твою мать.

— Мою мать? Я вообще не похож на свою мать.

— Я не имею в виду суррогатную мать, которая тебя вырастила.

— Значит, ты пытаешься спровоцировать меня, точь-в-точь как это сделала Вирломи, — сказал

Ахиллес. — Что же, это не сработает.

И все же, даже произнося эти слова, он чувствовал, что это работает; и он желал взрастить в себе гнев. Потому что должен заставить всех поверить, что Эндер вынудил его напасть, и, когда Эндер его убьет, каждый увидит: это никакая не самозащита. И все поймут, что это никогда не было самозащитой.

— Твоего отца я ценил больше всех в Боевой школе. И он был лучше меня. Все мы знали это: он был быстрее и умнее меня. Но он всегда был ко мне настроен дружески. В последний момент, когда все выглядело совершенно безнадежным, он знал, что делать. Он практически сказал мне, что делать. И все же позволил действовать самому. Он был щедр. Он был воистину велик. Мое сердце разбилось, когда я услышал о том, что его предало собственное тело. Так же, как твое предаст тебя.

— Его предал Суриявонг, — сказал Ахиллес. — А Джулиан Дельфики убил.

— А твоя мать? — будто не слыша, продолжил Эндер. — Она была моим защитником. Когда меня определили в армию, командир которой меня ненавидел, она была единственной, кто взял меня под крыло. Я на нее полагался, я ей доверял, и она никогда меня не подводила — в тех пределах,

в каких это под силу человеку. Когда я узнал, что она и твой отец поженились, я был счастлив. Но потом твой отец умер, и в конце концов она вышла за моего брата.

Осознание едва не ослепило Ахиллеса.

— Петра Арканян? Ты говоришь, что моя мать — Петра Арканян? Ты что, свихнулся? Она же расставила ловушки для моего отца, завлекла его…

— Да брось, Ахиллес, — сказал Эндер. — Уж к шестнадцати-то годам ты наверняка должен был понять, что твоя суррогатная мать — сумасшедшая.

— Она моя мать! — выкрикнул Ахиллес. И потом, запоздало и слабо, произнес: — И она не сумасшедшая.

Все пошло не так. Что он говорит? Что за игру он ведет?

— Ты очень похож на родителей, копия. Больше на отца, чем на мать. Когда я смотрю на тебя, я вижу моего дорогого друга Боба.

— Джулиан Дельфики — не мой отец!

Ахиллес практически ничего не видел от ярости. Сердце бешено колотилось. В точности как было задумано.

Кроме одного. Его ноги словно приросли к земле. Он не нападал на Эндера Виггина. Он просто

стоял на месте и внимал.

И в этот самый момент на площадку за компостными контейнерами выбежала Валентина Виггин:

— Вы что делаете? Вы с ума сошли?

— Сумасшествия здесь тоже хватает, — заметил Эндер.

— Уходи отсюда, — сказала она. — Это того не стоит.

— Валентина, ты не знаешь, что делаешь. Если ты каким-то образом вмешаешься, ты меня уничтожишь. Ты меня понимаешь? Я тебе хоть когда-нибудь врал?

— Постоянно.

— Умалчивание — это не ложь, — сказал Эндер.

— Я не позволю этому произойти. Я знаю, что ты задумал.

— При всем уважении, Вэл, ты не знаешь ни черта!

— Эндер, я знаю тебя лучше, чем ты сам себя.

— Но ты не знаешь этого парня, который взял себе имя монстра, потому что уверен, что тот псих был его отцом.

На несколько секунд гнев Ахиллеса рассеялся, но нахлынул снова.

— Мой отец был гением.

— Одно другому не мешает, — заметила Валентина. А Эндеру напомнила: — Это их не вернет.

— Прямо сейчас, — сказал Эндер, — если ты меня любишь, ты должна заткнуться!

Его слова прозвучали, как удар хлыста, — негромко, но резко и прицельно. Валентина отпрянула, словно брат ее ударил. И все же открыла рот, чтобы ответить.

— Если меня любишь, — повторил он.

— Думаю, твой братец пытается тебе сказать, что у него есть план, — сказал Ахиллес.

— Мой план в том, чтобы донести до тебя, кто ты есть. Джулиан Дельфики и Петра Арканян жили, скрываясь, потому что у Ахиллеса Фландре были агенты, которые искали их, чтобы убить… Еще и потому, что он некогда желал Петру — в своем особом, больном стиле.

Ярость бушевала в душе Ахиллеса. И он приветствовал ее. Появление Валентины едва все не порушило.

— У них было девять оплодотворенных яйцеклеток, которые они вручили доктору, пообещавшему нейтрализовать ген гигантизма. Но доктор оказался мошенником, как доказывает твое состояние. Он на самом деле работал на Ахиллеса и

похитил эти эмбрионы. Твоя мать родила лишь одного ребенка, семь остальных были имплантированы суррогатным матерям. Но Хайрам Графф всегда подозревал, что этих семерых удалось найти лишь потому, что Ахиллес хотел, чтобы их нашли, — чтобы сыщики думали, будто их методы работают. Зная Ахиллеса, Графф был уверен: девятого ребенка тем же способом не отыскать. А затем твоя суррогатная мать решила плюнуть на Хайрама Граффа. Это привлекло его внимание, и он изучил ее прошлое. И узнал, что ее настоящее имя не Нишель, а Рэнди. И когда посмотрел на анализы ДНК, обнаружил, что генетически у тебя нет ничего общего с твоей предполагаемой матерью. Ты никоим образом не являешься ее биологическим ребенком.

— Это ложь, — сказал Ахиллес. — Ты говоришь это только для того, чтобы меня спровоцировать.

— Я говорю это, потому что это правда, говорю в надежде, что правда даст тебе свободу. Другие дети были найдены и возвращены родителям. Пятеро не унаследовали гигантизма, и все они по-прежнему живут на Земле. Белла, Эндрю — названный в мою честь, должен сказать, — Джулиан Третий, Петра и Рамон. Трое из твоих братьев и сестер были гигантами, и они уже

скончались: Эндер, Цинциннат, Карлотта. Ты — последний потерянный сын, которого они уже перестали искать. Единственный, кому они не дали имени. Но твоя фамилия — Дельфики. Я знал твоих родителей и очень их любил. Ты не дитя монстра, ты ребенок двух лучших из людей, которые когда-либо жили на свете.

— Джулиан Дельфики — чудовище! — заорал Ахиллес и рванулся к Эндеру.

К его удивлению, Эндер не стал уворачиваться. Удар Ахиллеса пришелся точно в цель, и Эндер растянулся на земле.

— Нет! — выкрикнула Валентина.

Эндер спокойно собрался с силами и поднялся, чтобы вновь оказаться лицом к лицу с Ахиллесом.

— Ты знаешь, что я говорю правду, — сказал Эндер. — Именно поэтому ты так зол.

— Я злюсь, потому что ты называешь меня сыном убийцы моего отца!

— Ахиллес Фландре убивал каждого, кто был к нему добр. Монахиню, которая позаботилась о его изувеченной ноге. Хирурга, который ее выправил. Девушку, которая приняла его, когда он был последним уличным бандитом в Роттердаме, — он прикинулся, что любит ее, а потом

задушил и сбросил тело в Рейн. Он взорвал дом, в котором жил твой отец, пытаясь уничтожить его и всю его семью. Он похитил Петру и попытался ее соблазнить, но она его презирала. Она любила только Джулиана Дельфики. Ты их дитя, зачатый в любви и в надежде.

Ахиллес вновь ринулся к нему — но на сей раз намеренно неуклюже, чтобы у Эндера оказалось достаточно времени поставить блок или ударить в ответ.

Но Эндер снова не сделал попытки отступить. Он принял удар — на этот раз мощный хук в живот — и упал на землю. Он задыхался, и его вырвало.

А затем он снова поднялся.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь, — сказал Эндер.

— Ты лжешь, — сказал Ахиллес.

— Никогда больше не называй себя этим отвратительным именем. Ты не Ахиллес. А твой отец — герой, избавивший мир от этого монстра.

Ахиллес еще раз ударил его — на этот раз подошел медленно и мощно впечатал кулак в нос Эндера, ломая его. Хлынула кровь, почти моментально залив рубашку.

Валентина издала вопль, Эндер зашатался и

упал на колени.

— Ударь меня, — прошипел Ахиллес.

— Ты что, не понимаешь? Я никогда не подниму руку на сына моих друзей.

Ахиллес двинул ему в челюсть — с такой силой, что от удара Эндер отлетел назад, в траву. Это никак не было похоже на постановочный бой, как на тех идиотских видео, где герой и злодей наносят друг другу убийственные удары, но противник поднимается, чтобы продолжить драку. Ущерб, нанесенный Эндеру, был реален — все было всерьез. Он стал двигаться неуклюже, плохо держал равновесие. Стал легкой мишенью.

«Он не собирается меня убивать», — подумал Ахиллес.

Для него это оказалось таким облегчением, что он громко расхохотался.

А потом подумал: «Вот он, план матери. С чего я вообще взял, что должен позволить ему убить меня? Я сын Ахиллеса Фландре. Его настоящий сын. Я могу убить тех, кто должен быть убитым. Я могу положить конец его пагубной, разрушительной жизни — раз и навсегда. Могу отомстить за отца, за королев ульев и за тех двух мальчишек, которых убил Эндер».

Ахиллес пнул лежащего на спине Эндера в

ребра. Они сломались с таким треском, что даже Валентина услышала и заорала.

— Ш-ш-ш, — сказал Эндер. — Такие дела.

Он перекатился на живот — сморщился, а затем тихо заплакал от боли. И все же ему каким-то образом удалось подняться на ноги.

И, поднявшись, он опустил руки в карманы.

— Ты можешь уничтожить видеозаписи, — сказал Эндер. — Никто не узнает, что ты меня убил. Валентине никто не поверит. Поэтому можешь заявить о том, что защищался. Этому поверят все, ведь ты заставил их ненавидеть и бояться меня. Конечно, тебе пришлось убить меня, чтобы спасти свою жизнь.

Эндер хотел умереть? Сейчас? От руки Ахиллеса?

— Что за игру ты ведешь? — спросил Ахиллес.

— Твоя якобы мать растила тебя, чтобы ты отомстил за ее вымышленного любовника, твоего ложного отца. Так сделай это — сделай то, ради чего она тебя растила. Будь тем, кого она планировала из тебя сделать. Но я — я не подниму руки на сына моих друзей, и не важно, насколько толстым слоем запудрены твои мозги.

— Тогда ты кретин, — сказал Ахиллес. — Потому что я так и сделаю. Ради моего отца, ради

матери, ради бедняги Стилсона, ради Бонзо Мадрида, ради жукеров и всего человечества!

С этими словами Ахиллес принялся месить Эндера. Еще удар в живот. Удар в лицо. Два удара по уже неподвижно лежащему на земле.

— Так ты поступил со Стилсоном? — спросил он. — Бил его снова и снова — так сказано в протоколе.

— Сын… моих друзей… — выдавил Эндер.

— Пожалуйста! — взмолилась Валентина.

И все же она даже не попыталась его остановить. И не звала на помощь.

— А теперь тебе пора умереть, — сказал Ахиллес.

Удар в голову — и все. Если не сработает, то два. Мозг человека не выдержит такого сотрясения. Либо Эндер умрет, либо получит такое повреждение, что жизнь его не сильно будет отличаться от смерти. Это будет конец Эндера Ксеноцида.

Он подошел к лежащему навзничь телу. Глаза Виггина взирали на него сквозь кровь, по-прежнему льющуюся из расквашенного носа.

Но по какой-то причине, несмотря на горячую ярость, Ахиллес не нанес удар.

Застыл на месте как вкопанный.

— Сын Ахиллеса сделал бы это, — прошептал

Эндер.

«Почему я его не убиваю? Я что, все-таки трус? Я настолько хуже своего отца? Эндер прав: мой отец убил бы его, потому что это необходимо, — убил бы без колебаний, без приступов малодушия».

И в этот миг он понял, что́ на самом деле значат слова Эндера. Мать обманули. Ей сказали, что это ребенок Ахиллеса Фландре. Она лгала ему, пока он рос, кормила сказками о том, что он ее сын, тогда как на самом деле она была только суррогатной матерью. Сейчас он знал ее достаточно хорошо, чтобы понять: ее истории — лишь отражение ее желаний, истории, не имеющие отношения к действительности. Почему же он не пришел к очевидному выводу? Потому, что она никогда его не отпускала, ни на миг. Она слепила для него мир и не позволяла ни единому проблеску альтернативы проникнуть в него.

Точно так же, как наставники манипулировали детьми, которые вели за них войну.

Ахиллес понял это, потому что всегда это знал. Эндер Виггин победил в войне, не зная, что он ее ведет; он уничтожил жукеров, которых считал просто компьютерной симуляцией. «Точно так же я верил в то, что Ахиллес Фландре мой отец, что я ношу его имя и у меня есть долг перед ним

— исполнить его предназначение или отомстить за его смерть».

Окружи ребенка ложью, и он прильнет к ней, как к плюшевому мишке, как к щеке матери. И чем темнее, чем хуже ложь, тем глубже нужно засовывать ее в себя, чтобы суметь вынести.

Эндер сказал: он скорее умрет, чем поднимет руку на сына своих друзей. А он не псих, вроде матери Ахиллеса.

Ахиллес. Он не Ахиллес. Это тоже фантазия его матери. Все это — выдумки матери. Он знал, что она безумна, и все равно продолжал жить в ее кошмаре и лепить свою жизнь, чтобы кошмар стал реальностью.

— Как меня зовут? — прошептал он.

На земле у его ног Эндер прошептал в ответ:

— Не знаю. Дельфики. Арканян. Их лица. В тебе.

Теперь Валентина оказалась рядом.

— Пожалуйста! — взмолилась она. — Может, хватит уже?

— Я знал, — прошептал Эндер. — Сын Боба. Петры. Никогда не смог бы.

— Никогда не смог бы — что? Он сломал тебе нос, ребра. Он мог тебя убить!

— Я собирался, — сообщил Ахиллес. А затем

вдруг осознал истинный масштаб своих намерений. — Я собирался убить его ударом в голову.

— И этот придурок позволил бы тебе это, — сказала Валентина.

— Один шанс, — сказал Эндер. — Из пяти. Убить меня. Вероятность велика.

— Пожалуйста, — попросила Валентина. — Я не смогу его нести. Отнеси его к доктору, прошу. Ты сильный.

И только когда он наклонился к Эндеру, чтобы его поднять, он понял, какие раны ему нанес своими руками, как страшно его избил.

«Что, если он умрет? Если все равно умрет, даже если сейчас, после всего, я этого больше не хочу?»

Он торопливо нес Эндера от контейнерной площадки, и Валентине приходилось бежать, чтобы за ним поспеть. Они оказались у дома доктора задолго до начала работы клиники. Врач бросил взгляд на Эндера и позволил занести его внутрь для срочного осмотра.

— Проигравшего вижу, — объявил врач. — Но кто победил?

— Никто, — сказал Ахиллес.

— На тебе никаких следов, — заметил врач.

Тот вытянул руки с разбитыми костяшками.

— Вот следы, — сказал он. — Это сделал я.

— И он ни разу тебя не ударил.

— Даже не пытался.

— И ты продолжал его избивать? Вот так? Да что ты за…

Доктор отвернулся и принялся срезать с Эндера одежду, негромко чертыхаясь при виде жутких кровоподтеков, пальцами ощупывая переломы.

— Четыре ребра. Множественные переломы, — сказал он и снова посмотрел на Ахиллеса, на этот раз с отвращением. — Выметайся из моего дома!

Ахиллес направился к двери.

— Нет, — сказала Валентина. — Все это было по его плану.

Доктор фыркнул:

— О да, он сам спланировал свое избиение.

— Или свою смерть, — кивнула Валентина. — Чем бы ни обернулось дело, его это устраивало.

— Я это спланировал, — возразил Ахиллес.

— Ты только думал, что это так. Он с самого начала тобой манипулировал. Это у нас семейное.

— Моя мать манипулировала мной, — сказал Ахиллес. — Но я не должен был ей верить. Это совершил я.

— Нет, — не согласилась Валентина. — Виновата твоя мать. Виновато вранье, которым

накормил ее Ахиллес. А то, что сделал ты… ты остановился.

Ахиллес почувствовал, что все его тело содрогнулось в рыданиях, и он опустился на колени.

— Я больше не знаю, как себя называть, — сказал он. — Я ненавижу имя, которому она меня научила.

— Рэндалл? — спросил доктор.

— Нет… нет.

— Он называет себя Ахиллесом. Она так его называет.

— Как я могу… все исправить? — спросил он Валентину.

— Бедняжка, — сказала Валентина. — Над этим Эндер размышлял последние годы, пытался найти ответ для себя. Думаю, с твоей помощью он его получил — отчасти. Думаю, он заставил тебя совершить то избиение, которое намеревались устроить Стилсон и Бонзо Мадрид. Разница только в том, что ты сын Джулиана Дельфики и Петры Арканян, и глубоко внутри у тебя есть что-то такое, что не позволит убить — хладнокровно или нет. А может, это не имеет отношения к твоим родителям и связано с тем, что тебя растила душевнобольная мать и ты испытывал к ней сострадание — такое глубокое, что не мог

себе позволить бросить вызов ее воображаемому миру. Может, дело в этом. Или, может, в твоей душе. В том, что Бог обернул в тело и превратил в человека. Как бы то ни было, ты остановился.

— Арканян Дельфики, — сказал он.

— Хорошее имя, — кивнула Валентина. — Доктор, мой брат будет жить?

— Травмы серьезные. Сотрясение, внутреннее кровоизлияние. Нужно доставить его в клинику.

— Я могу его перенести, — сказал… не Ахиллес — Арканян.

Доктор скривился:

— Позволить избившему нести избитого? Но никого другого нет. Что за омерзительное время вы выбрали для своей… дуэли.

Пока они шли в клинику, некоторые из ранних пташек вопросительно смотрели на них, а одна женщина даже приблизилась, чтобы разузнать, в чем дело, но доктор от нее отмахнулся.

— Я хотел, чтобы он убил меня, — сказал Арканян.

— Знаю, — ответила Валентина.

— Сделал то же, что с другими. Я думал, он сделает это еще раз.

— Он заставил тебя думать, что будет сопротивляться.

— А потом то, что он сказал… Поперек всего…

— Но ты ему поверил. Сразу, тут же — ты понял, что это правда, — сказала она.

— Да.

— И это тебя взбесило.

Арканян издал звук — нечто среднее между поскуливанием и воем. Он его не планировал и не контролировал. Подобно волку, воющему на луну, он знал только, что этот звук таился внутри и должен был выйти наружу.

— Но ты не мог его убить, — сказала Валентина. — Ты не идиот, чтобы прятаться от новостей, убивая гонцов.

— Мы на месте, — сказал доктор. — И я поверить не могу, что ты утешаешь того, кто до полусмерти избил твоего брата.

— О, вы не знаете? Это же Эндер Ксеноцид. Он заслуживает всего самого худшего.

— Никто этого не заслуживает, — сказал доктор.

— Как я могу это исправить? — спросил Арканян.

И на сей раз он имел в виду не раны Эндера, а нечто другое.

— Никак. Все уже сделано, все в этой книжке — «Королеве улья». Если бы это сказал не ты,

сказал бы кто-то другой. Как только человечество осознало, какой трагедией было уничтожение жукеров, нам пришлось искать кого-то, кого можно в этом обвинить, чтобы остальные ушли от ответственности. Это случилось бы и без тебя.

— Но это произошло со мной. Я должен сказать правду — признать, кем я был…

— Вовсе нет, — сказала Валентина. — Ты должен жить своей жизнью. Своей. А Эндер будет жить своей.

— А что насчет тебя? — спросил доктор, и это прозвучало цинично.

— О, я тоже буду жить жизнью Эндера. Она куда интереснее моей.

23

Кому ADelphiki%Ganges@ColLeague.Adm, PWiggin%ret@FPE.adm
От: EWiggin%Ganges@ColLeague.Adm/voy

Тема: Арканян Дельфики, познакомься с матерью. Петра, познакомься с сыном

Дорогая Петра, дорогой Арканян,

во многих отношениях слишком поздно, но в самых важных – как нельзя вовремя. Это последний твой ребенок, Петра. Арканян – это твоя настоящая мать. Я позволю ему рассказать тебе его историю, а ты сможешь поделиться с ним своею. Графф давным-давно провел анализ ДНК, сомнений нет. Он никогда тебе не говорил, поскольку никогда не смог бы свести вас вместе, – и, думаю, полагал, что тебя это только огорчит. Наверное, он прав, но я думаю, и ты имеешь право на свою печаль. Вот что сделала жизнь с ва-

ми двумя. Посмотрим, что вы привнесете в жизнь друг друга.

Петра, позволь мне сказать, что он хороший парень. Несмотря на безумное воспитание, в момент кризиса он проявил себя сыном Боба – и твоим. Ему никогда не узнать отца, кроме как через твои воспоминания. Но, Петра, в нем я увидел, кем стал Боб. Гигант с нежным сердцем.

Что же касается меня, друзья мои, я лечу дальше. Именно это я планировал, Арканян. У меня есть еще одна миссия. Ты ничем не нарушил моих планов – разве что в мелочах: мне не позволяют погрузиться в стазис, пока не заживут раны. В стазисе ничего не заживает.

С любовью,

Эндрю Виггин

В своем маленьком доме, с которого открывался вид на дикое побережье Ирландии, недалеко от Дунальта, немощный старик стоял на коленях в саду и выдергивал сорняки. О'Коннор подъехал к участку на экраноплане, с продуктами и почтой, и старик с трудом поднялся, чтобы его встретить.

— Заходи, — предложил он. — Чаю хочешь?

— Не могу задерживаться, — сказал О'Коннор.

— Ты никогда не можешь задерживаться.

— А, мистер Графф, — сказал О'Коннор, — ведь это правда. Я никогда не могу останавливаться, но не потому, что не хочу. Слишком многие ждут, как и вы.

— И нам нечего сказать друг другу, — улыбаясь, сказал Графф.

Нет, не улыбаясь — тихонько смеясь: его слабая грудь подрагивала.

— Иногда тебе нечего сказать, а иногда нет времени на чай.

— Я раньше был толстым, — сказал Графф. — Можешь в это поверить?

— А я был молодым, — откликнулся О'Коннор. — В это не верит никто.

— Ну вот, в конце концов мы все же поговорили.

О'Коннор рассмеялся, но не остался, лишь помог занести продукты.

Так что, вскрывая письмо от Валентины Виггин, Графф был один.

Он прочел послание, словно слыша ее голос, подлинный талант писателя у нее открылся теперь, когда она перестала быть Демосфеном и

стала собой — хотя пользовалась старым псевдонимом для публикации книг по истории.

Но эту историю она никогда не опубликует. Графф знал, что он единственный, кто ее читает. Его тело продолжало терять вес — медленно, но неумолимо, — он чувствовал себя все слабее, и сейчас он подумал: «Как жаль. Девочка столько времени потратила на то, чтобы отдать эти воспоминания на сохранение голове, которой осталось совсем немного времени до того, как успокоится в могиле со всеми воспоминаниями».

Тем не менее Валентина сделала это для него, и Графф принял письмо с благодарностью. Он прочел о противостоянии Эндера с Квинси Морганом на корабле, историю о бедной девушке, которая считала, что любит Эндера. Историю о золотых жуках. Кое-что Эндер и сам ему рассказывал, но версия Валентины основывалась на беседах с другими людьми, содержала детали, о которых Эндер не знал или намеренно не упомянул.

И потом — рассказ о Ганге. Вирломи, судя по всему, исправилась. Это прекрасно. Она была одной из великих, ее гордость испепелила ее, да, но все же она научила свой народ сражаться за свободу.

И наконец Графф прочел об Эндере и парнишке

Рэндалле Фирсе, который раньше называл себя Ахиллесом, а теперь взял имя Арканян Дельфики.

Дочитав до конца, Графф кивнул и сжег письмо в камине. Валентина просила его об этом: Эндер не хотел, чтобы копия болталась где-то по Земле. «Хочу, чтобы обо мне позабыли», — процитировала его Валентина.

Напрасно надеется — память о нем растает не скоро. А уж добрая или дурная — это Графф предсказать не брался.

— Он думает, что наконец-то получил взбучку, которую хотели устроить ему Стилсон и Бонзо, — сообщил Графф чайной чашке. — Этот парнишка — дурак, несмотря на свои умнющие мозги. Стилсона и Бонзо нельзя было остановить. Они совсем не то, что малыш Боба и Петры. Вот что Эндеру следовало понять. В мире действительно есть зло, есть грехи, есть глупость любого сорта. Есть ограниченность и бессердечие, и… Я даже не знаю, что из этого — мое.

Он покачал чашку в руках.

— И ни единой души, которая бы меня услышала.

Графф потихоньку прихлебывал из чашки. Чай был слабым, но Графф не имел ничего против это-

го. На самом деле в эти дни он вообще мало чему противился — лишь бы можно было продолжать делать вдохи и выдохи, лишь бы не было боли.

— Я все равно скажу это вслух, — сказал Графф. — Бедный дурачок! Пацифизм работает только с тем врагом, который не приемлет гибели невинных. Думаешь, часто тебе улыбнется удача повстречать такого врага?

Петра Арканян Дельфики Виггин на время приехала к сыну Эндрю, его жене Лани и двум младшим их детям — последние еще жили в родительском доме, — когда пришло письмо от Эндера.

Она вбежала в комнату, где семья играла в карты, вся в слезах, размахивая распечаткой, и не в силах вымолвить ни слова.

— Кто-то умер?! — воскликнула Лани.

Но Эндрю подошел к матери и заключил ее в объятия:

— Это не горе, Лани. Это радость.

— Откуда ты знаешь?

— Когда у мамы горе, она все рвет, а это письмо только помятое и влажное.

Петра легонько его стукнула, но все же рассмеялась и смогла заговорить:

— Прочитай его вслух, Эндрю! Прочти вслух.

Наш последний малыш нашелся. Эндер нашел его для меня. О, если бы только Джулиан мог знать! Если бы я только могла поговорить с ним!

И она снова заплакала, пока сын не начал читать. Письмо было коротким. Но Эндрю и Лани, поскольку сами были родителями, точно знали, что́ оно для нее значит, и тоже заплакали от счастья, и тогда молодежь с отвращением вышла из комнаты, а один из детей бросил напоследок:

— Позовете нас, когда сможете себя контролировать.

— Никто ничего не может контролировать, — прошептала Петра. — Все мы только просители у трона судьбы. Но иногда она может над нами сжалиться!

Поскольку кораблю больше не требовалось везти Рэндалла Фирса в изгнание, путь к Эросу мог быть и не прямым. Это добавило к субъективному времени полета четыре месяца (шесть лет реального времени), но командование МФ было не против, и капитан не возражал. Он высадил бы пассажиров там, где им захочется. Капитан знал, кто такие Эндрю и Валентина Вигин. Оправдан был бы любой крюк. Из команды тоже никто не возражал.

В своей каюте Валентина писала историю ко-

лонии Ганг и в перерывах нянчилась с Эндером, который потихоньку выздоравливал.

— Я прочла то твое идиотское письмо, — сказала она однажды.

— Которое? Я их столько написал…

— То самое, которое должна была увидеть, если ты погибнешь.

— Я не виноват, что доктор применил общую анестезию, только чтобы поправить нос и вытащить лишние кусочки костей.

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я забыла о том, что прочла.

— Почему нет? Я же забыл.

— Не забыл, — сказала Валентина. — Ведь во всех этих перелетах ты не просто скрываешься от своей дурной славы, да?

— Еще я наслаждаюсь компанией сестры, профессиональной вынюхивательницы секретов.

— Тот ящик… Ты ищешь место, где можно его открыть.

— Вэл, — сказал Эндер. — Я не спрашиваю тебя о твоих планах.

— Тебе и не нужно. Мой план — следовать за тобой, пока мне это не наскучит настолько, что я больше не смогу это выносить.

— Что бы ты себе ни вообразила, ты ошибаешь-

ся, — сказал Эндер.

— Ну… пока ты все так понятно объясняешь.

Он добавил немного позже:

— Вэл, знаешь что? Я там в какой-то миг подумал, что он правда собирается меня убить.

— Ох ты ж мой бедненький! Тебя, должно быть, чуть не убило понимание, что ты ошибся в расчетах?

— Я думал, что, если до этого дойдет, если я правда пойму, что вот-вот умру, я почувствую облегчение. Ничто из этого больше не будет моей проблемой. Разбираться со всем этим придется кому-то другому.

— Да, мне. И я так тебе благодарна за это!

— Но когда он подошел, чтобы меня прикончить… Я знал, что он намерен ударить меня в голову пару раз, а там и так уже туман клубился… Ну и, когда он подошел, я вообще не чувствовал облегчения. Я хотел встать. И встал бы, если бы мог.

— И убежал бы прочь, если бы у тебя была хоть капля разума в голове.

— Нет, Вэл, — печально ответил Эндер. — Я хотел встать, чтобы убить его. Я не хотел умирать. И не важно, что я считал это заслуженным и думал, будто это принесет мне покой или хотя

бы забвение. Тогда я вообще об этом не думал. Только одно: жить! Жить, чего бы это ни стоило. Даже если ради этого придется убить.

— Ух ты, — сказала Валентина. — Ты только что открыл для себя инстинкт самосохранения. Нормальные люди узнают об этом намного раньше.

— Есть люди, у которых нет этого инстинкта, у них он другой. Мы награждаем их медалями за то, что они закрывают своим телом гранаты или вбегают в горящие дома, чтобы спасти ребенка. Награждаем посмертно, я имею в виду. И почитаем память о них всеми возможными способами.

— В них тоже есть этот инстинкт. Просто есть что-то такое, что оказывается важнее.

— Не у меня, — сказал Эндер. — Для меня нет ничего важнее.

— Ты позволил ему избивать себя до тех пор, пока больше не мог сопротивляться, — сказала Валентина. — Только когда понял, что не в силах ему навредить, ты позволил себе почувствовать свое желание жить. Так что не надо кормить меня этим дерьмом, втюхивая мне, какой ты злодей и убийца невинных мальчиков. Ты доказал, что можешь победить, намеренно допустив поражение. Все. Точка. Пожалуйста, больше не ввязывайся в драку, если не намерен победить.

Договорились? Обещаешь?

— Никаких обещаний, — сказал Эндер. — Но постараюсь, чтобы меня не убили. У меня еще есть дела.

Послесловие автора

Я не думал, что с этой книгой получится вот так. Предполагалось, что я в нескольких главах опишу, как Эндер попадет с Эроса на Шекспир, а затем на Ганг. Но понял, что реальная история, подоплека конфронтации на Ганге, случилась раньше, — и, к собственному ужасу, оказалось, что у меня вышел роман, события которого укладываются между четырнадцатой и пятнадцатой главами «Игры Эндера».

Но когда я его писал, я чувствовал, что это правдивая история, которой не хватало. Война закончена. Вы возвращаетесь домой. И затем вам приходится разбираться со всем тем, что произошло на войне. Вот только Эндеру домой не вернуться. И с этим ему тоже приходится разбираться.

И все же никакая часть этого материала не была опущена из оригинального романа — точно так же, как из повести не пропадает ничего, когда ее переписывают в полноценный роман. Если бы в то время в конце четырнадцатой главы у нас был «Эндер в изгнании», не сработала бы ни одна из

последующих книг. С одной стороны, «Изгнание» — отчасти сиквел «Тени гиганта»: именно там провисают сюжетные линии Вирломи, Рэнди и Ахиллеса/Рэндалла/Арканяна, именно там требуется закончить с ними. С другой стороны, «Игра Эндера» завершается так, как должна. История, которую вы только что прочитали, лучше работает в отдельной книге. Книге о солдате после войны.

Вот только есть одна маленькая проблемка. Когда я работал над «Игрой Эндера», еще в 1984-м, последнюю главу (пятнадцатую) я писал с прицелом исключительно на предстоящую книгу, «Говорящий от имени мертвых». Я не имел никакого представления о каком-либо сиквеле в промежутке между этими двумя томами. Поэтому я был достаточно небрежен и допустил халатность в отношении временны́х аспектов пребывания Эндера в первой колонии. Я был настолько беспечен, что совершенно позабыл одно: на всех, кроме последней, жукерских планетах должны были оставаться люди-пилоты и экипажи кораблей. Как быть с ними? Разумеется, им предстояло начать колонизацию этих планет. А те, кто руководил процессом, должны были по меньшей мере принять во внимание такую

возможность, отправляя людей, подготовленных к любой работе, которая — как предполагалось — окажется необходимой.

Таким образом, хотя, по сути, пятнадцатая глава «Игры Эндера» совершенно правильна, имеются ошибки в деталях и времени действия. Определенно, я не должен был их допустить тогда, и уж точно они не должны наличествовать сейчас. Со времени создания той главы я написал повесть «Советник по инвестициям», где Эндер встречает Джейн (главного персонажа в «Говорящем»), когда он становится юридически совершеннолетним на планете под названием Сорелледольче; но это противоречит временным вехам, установленным в «Игре Эндера». В общем и целом, понял я, неправильна именно пятнадцатая глава, а не последующие истории, которые вобрали в себя больше деталей и развили серию к лучшему.

Почему же я должен оказаться в тупике сейчас, из-за небрежности, допущенной двадцать четыре года назад? Все, что я писал с тех пор, было правильным; неправильны противоречивые, но малозначимые подробности в оригинальном романе.

По этой причине я переписал пятнадцатую

главу «Игры Эндера», и когда-нибудь в будущем появится редакция романа, которая включает в себя переписанную главу. Ну а тем временем полный текст доступен онлайн для всех, кто когда-либо покупал или покупает любые выпуски моего журнала «Orson Scott Card's InterGalactic Medicin Show» (oscIGMS.com). Каждый его выпуск содержит историю из вселенной «Игры Эндера». Я надеюсь, что, если вы купите один номер, чтобы прочесть пересмотренную главу, вы также просмотрите все рассказы в нем и увидите, какая отличная группа авторов там публикуется.

Впрочем, будьте уверены: в той главе ничто значительное не поменялось. Вы ничего не пропустите, если не станете ее читать.

В сущности, самая важная причина, по которой я переписал эту главу, — чтобы читатели перестали указывать мне на противоречия между первоначальной версией пятнадцатой главы и этим романом. Поэтому, если вас устроит мое слово, что все противоречия ныне устранены, вам не понадобится ее читать.

При написании «Эндера в изгнании» мне пришлось вернуться к истокам. И речь не о том, что я должен был согласовать его с «Игрой Эндера» (там, где это вообще было возможно). Роман

также должен был соответствовать всем произвольным решениям, которые я сделал в «Тени Эндера», «Тени Гегемона», «Марионетках Тени», «Тени гиганта», «Говорящем от имени мертвых», «Ксеноциде» и «Детях разума», не говоря уже о рассказах.

У меня в любом случае не было ни времени, ни склонности заново перечитывать все эти книги. Меня лишь погрузили бы в депрессию все те моменты, которые сейчас — когда я стал писателем получше или, по крайней мере, более опытным — я бы захотел изменить.

По счастью, в моем распоряжении была помощь тех, кто прочитал мои сочинения более внимательно.

В первую (и главную) очередь отмечу Джейка Блэка, который недавно написал «Кампанию „Игры Эндера“», в которой разбирает каждое событие, каждого героя, место и ситуацию во всех романах и рассказах про Эндера. Именно Джейк был моим консультантом при написании настоящей книги (он занимается адаптацией «Игры Эндера» к «Комиксам Марвела»), и он налагал вето на все.

И в подготовке *своей книги* он воспользовался помощью Эми Чопин, которая стала крестной

матерью и няней PiloticWeb.Net, и Энди Вара, кто также помогал мне, прямо отвечая на многие из вопросов, возникавших у меня при написании этого романа. Надеюсь, мне больше не придется писать романов об Эндере без помощи этих людей, ставших моими добрыми друзьями.

Также я воспользовался помощью сообщества на сайте http://www.hatrack.com, которых безжалостно эксплуатировал, составляя план этого романа. У меня было несколько вопросов, на которые требовались ответы. Если я никогда не затрагивал их в своих книгах, мне нужно было это знать; а если затрагивал, мне нужно было знать, что именно я писал по этому поводу, чтобы не войти в противоречие.

Вот, собственно, мой запрос о помощи, который я разместил на hatrack.com:

> Я не могу полагаться на свою память о подробностях «Игры Эндера» и книг серии «Тени» и опасаюсь, что при написании «Эндера в изгнании» есть риск создать противоречия во вселенной «Игры Эндера». Быть может, кто-нибудь может помочь мне ответить на следующие вопросы:

1. Кто принял решение о том, что Эндер не должен возвращаться на Землю, и почему? Питер был в это вовлечен, но, думается мне, его мотивы отличаются от тех, что дает Валентина и (или) ведущий повествование «Игры».

2. Думаю, уже имеется противоречие между «Игрой» и книгами серии «Тени» насчет обстоятельств губернаторства Эндера и того, кто командовал кораблем с колонистами. Но было ли оно полностью разрешено? То есть Мэйзера объявили капитаном корабля, но затем он не полетел? Я помню, что в разговоре с Хань-Цзы это было решено.

Речь идет о последней главе «Игры Эндера», но что я не могу сделать, так это рыскать по четырем книгам серии «Тени» или искать какие-то ссылки в «Игре» или в «Говорящем». Буду благодарен всем памятливым людям, кто расскажет мне об этом временно́м промежутке – с окончания последнего сражения Эндера до прибытия на планету новой колонии, и не только о том, что стало с Эндером, но также что произошло с Питером и Вален-

тиной, Мэйзером и Граффом, да и самим миром в целом.

Я получил ценные отклики на эту мольбу о помощи от К. Портера Бассетта, Джейми Бенлеви, Криса Вегфорда, Маре Ван Пельта, Роба Тэйбера, Стивена Р. Бирса, Шэннон Блад, Джейсона Брэдшоу, Ллойда Валдо, Симеона Анфинруда, Джонатана Барби, Адама Хобарта, Бо Пирса и Роберта Принца. Благодарю их всех за то, что они снова нырнули в книги, чтобы найти ответы на мои вопросы.

Ко всему прочему, Клинтон Паркс обнаружил пункт, о котором я даже не подумал, и отправил моим сотрудникам такое письмо:

> Ребята, я знаю, вы, наверное, и сами это помните, но на всякий случай я решил об этом написать. Помните, в «Тени гиганта» было обсуждение, в котором прозвучало название первой колонии – «Шекспир»? Это застряло у меня в памяти, потому что я задавался вопросом: с какой стати Эндер дал колонии такое название? Как бы то ни было, я просто хотел быть бдительным и отправить вам напоминание. Берегите себя!

Это фактически было настоящим противоречием — в других местах я определенно утверждал, что первая колония называлась «Ров». А все потому, что при написании тех ранних книг у меня не было такого ресурса, как сообщество великодушных читателей, или же мне и в голову не пришло просить их о помощи, когда следовало, — так что я думал о крутых новых идеях в тех вопросах, с которыми уже имел дело в ранних книгах, но в последующие годы позабыл.

И этот момент я тоже выправил.

В свое время я был профессиональным корректором. Я по опыту знаю, что даже самые умные, самые внимательные читатели, работая командой, чтобы ловить ошибки друг друга, все равно пропускают неточности. А мир настолько сложный, как мир «Игры», просто обязан содержать и другие противоречия, пока не выловленные. Пожалуйста, если найдете их (за исключением тех, что относятся к ранней версии главы пятнадцать «Игры Эндера»), — запостите на hatrack.com, и — может быть — я найду способ позднее их исправить.

Или же отнеситесь к этому философски, понимая, что, если бы это были настоящие истории или биографии, а не вымышленные тексты, меж-

ду ними все равно были бы противоречия — ибо ошибки и противоречия вкрадываются даже в описания фактов реального мира. В истории не так много событий, одинаково описываемых всеми свидетелями. Так что притворитесь, будто оставшиеся противоречия — результат ошибок в передаче исторических сведений. Даже если это «история» о событиях, случившихся в будущем через сотни лет после нас.

Помимо упомянутых мной любезных читателей, я показывал рождающиеся главы нового романа своей команде невероятно терпеливых друзей. Получать роман по частям — традиция старая: фанатам Чарльза Диккенса вечно приходилось читать его романы по мере того, как они публиковались в газете. Но получать главу каждые несколько дней и вынужденно отвечать быстро, потому что я должен был написать книгу в сжатые сроки, — это требовало куда больше усилий, чем я был вправе требовать от друзей.

Джейк Блэк впервые оказался одним из этих первых читателей, чтобы повлиять на роман своими энциклопедическими знаниями о вселенной Эндера. Кэтрин Х. Кидд, моя многотерпеливая сотрудница, читает мои произведения одной из первых вот уже многие годы. Эрин и Филлип

Эбшер также были моими давними первочитателями, и Филлипа следует выделить специально: именно он заставил меня изъять несколько глав, чтобы последовать замыслу, который я считал «пустышкой», и убедил меня, что эта история имеет свои сердце и душу. Он был прав, я ошибался, и в итоге книга стала лучше. По счастью, на этот раз он не заставил меня переписывать целые разделы книги. Но одобрение с его стороны, со стороны Эрина, Кэти и Джейка помогло мне почувствовать, что я излагаю историю, которая стоит потраченного на нее времени.

Но все же моим самым первым читателем остается моя жена Кристина, которая также принимает на себя основной груз семейной жизни, когда я перехожу в режим писательства. Ее предложения ей самой могут казаться мелочью, но для меня они значимы, и, если она в чем-то сомневается, я переписываю до тех пор, пока сомнения не уходят прочь.

Во время написания моих книг Кристине и нашей младшей дочери, Зине (последнему ребенку, который живет с нами), приходится иметь дело с отцом, который бродит по дому словно свихнувшееся, раздражительное привидение. Но и тогда выдаются вечера, когда мы смотрим телевизион-

ные шоу и на часок-другой оказываемся в одной вселенной.

Также благодарю за помощь Кэтлин Беллами, выпускающего редактора «The InterGalactic Medicine Show», которая *не* читает моих книг, пока они не сверстаны. В этот момент она их читает в первый раз — как последний рубеж вычитки перед тем, как книга пойдет в печать. Это делает ее последней линией обороны. А наш веб-мастер и IT-менеджер Скотт Аллен держит на плаву hatrack.com и oscIGMS.com, с тем чтобы у меня *было* сообщество, которое можно призвать на помощь.

В отношении настоящего романа Бет Мичем, мой редактор в издательстве «Тор», сыграла более важную роль, чем я обычно прошу от своих редакторов. Поскольку эта книга была столь необычной — «мидквел», пересекающийся с моим наиболее популярным романом, — я не хотел приступать без ее уверений в том, что эта книга — нечто такое, что «Тор» хочет опубликовать! Ее предложения и предостережения на всех стадиях написания и продвижения романа были мудры и полезны.

И я выражаю благодарность команде «Тора» за жертвы, на которые им пришлось пойти из-за

того, что я задержался с рукописью. Тот факт, что книга все же вышла вовремя, объясняется их дополнительными усилиями и невероятной заботой о качестве. Даже действуя в спешке, они сделали так, что в конечном счете у меня вышла книга, которой я могу гордиться. Где бы я был, если бы добрые души не компенсировали мои недостатки?

Характер Эндера, созданный в первом романе, в некоторых отношениях списан с моего сына Джеффри, которому было сперва пять, а потом шесть лет, пока я писал ту книгу. Теперь ему тридцать, и он отец двоих детей (рожденных при посредничестве его жены, в девичестве Хэзер Хивинер). К моему огромному облегчению, Джеффри не пришлось служить своей стране на войне.

Поэтому, описывая опыт Эндера, я полагался на прочитанное, а также на переписку и разговоры с мужчинами и женщинами, которые служили в Афганистане, Ираке и других горячих точках, где мы, как единственная нация, имеющая силу и желание помочь людям бороться с тиранией, взяли на себя эту ответственность. Вы несете эту ношу за всех нас, и я чествую вас!

Я скорблю по павшим и тем, кто выжил с тя-

желыми ранениями или разбитыми сердцами, кто оказался лишен полностью или частично будущего, о котором мечтал. Будучи гражданином Соединенных Штатов, я несу свою долю ответственности за то, что вас отправили туда, и определенно я пожинаю плоды ваших трудов. Подобно Эндеру, я могу не знать, чем жертвуют во имя меня, но я признаю связь между нами.

А для тех, кто после службы внешне цел и невредим, но незримо для остальных изменился внутри, кто хранит воспоминания, принадлежащие только им, я могу лишь выразить надежду, что в образе Эндера Виггина адекватно выразил то, что чувствуете, думаете и помните вы.